

Моммзен Т. ИСТОРИЯ РИМА

Книга первая. ДО УПРАЗДНЕНИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Глава I. ВВЕДЕНИЕ

На извилистых берегах Средиземного моря, которое и разделяет, и соединяет три части Старого Света, издревле жили народы разного происхождения, в историческом смысле представлявшие одно целое, так как они были в постоянных и близких отношениях между собою. История культуры этих народов и составляет то, что называется древнею историею. В самой глубокой древности началась цивилизация у коптского или египетского племени в Африке, затем у арамейской или сирийской нации в западной части Азии и, наконец, у эллинов и латинов в Европе. Народы каждого из этих четырех племен достигли путем самобытного развития высокой степени цивилизации, затем вступили между собою в самые близкие, оживленные сношения и всесторонне и блестяще разработали все стороны человеческого развития прежде, чем новые племена, германские и славя некие, влились огромною волною в государства древнего мира, разрушили прежнюю общность жизни его народов, разделили исторические судьбы северного и южного берегов Средиземного моря и самый центр исторической жизни перенесли на берега Атлантического океана. Этим изменением в составе народов, действующих в Европе, и перемещением исторической жизни в новые страны началась новая история, т. е. создание новой культуры. Глубокими и многообразными связями соединяется она с тою, на смену которой явилась: человечество неизбежно многое черпает из цивилизации древнего мира, как и он, в свою очередь, черпал многое из древнейших, ему предшествовавших, цивилизаций. В свою очередь и народы нового мира переживут эпоху развития, эпоху полной силы и время одряхления, переживут счастливые периоды творчества в области религии, государственной деятельности и искусства, эпоху спокойного пользования накопленными умственными благами, а затем и период падения. Падение это будет преходящим: самая грандиозная цивилизация рано или поздно должна себя изжить и прекратиться, но не прекратится духовная деятельность самого человечества, ибо едва человеческий дух как бы достигает разрешения высших задач - он снова ставит себе подобные же задачи, но еще шире и выше.

В предлагаемой книге рассказана будет история последнего деятеля древней истории - латинского племени: старейшие поселения италийского племени на полуострове, опасности, угрожавшие его политическому и национальному существованию, отпор, оказанный италийцами чужеземцам, борьба латинов с другими родственными племенами, их торжество и объединение ими Италии, затем быстрое расширение латинского государства и распространение его власти на весь цивилизованный мир древности и, наконец, эпоха Юлия Цезаря, когда намечены были все пути, по которым с тех пор и идет человечество.

Глава II. ОБРАЗОВАНИЕ ПЛЕМЕНИ ИТАЛИЙЦЕВ, ИХ РОДСТВО С ЭЛЛИНАМИ

Италийцы и эллины до разделения.- Духовный склад эллинов и италийцев

Италия, так же как Греция,- благодатная страна, с мягким, умеренным климатом, которая требует от человека постоянного труда для удобного существования, но щедро вознаграждает за труд. Береговая линия Италии развита значительно менее, чем в Греции, и рядом с материком нет усеянного островами моря, поэтому мореплавание не развилось здесь так, как в Греции. Зато Италия удобнее для земледелия и скотоводства и обширнее.

Долгое время историческая жизнь италийских племен совершалась не на всем протяжении полуострова, не до Альп и реки По, а в средней и южной его части, в том пространстве,

которое ограничено с севера Апенниннами. Настоящею сердцевиною Итальянской земли была средняя часть этого пространства, там, где лежат Этрурия, Кампания и Лациум. Эти области смотрят на запад, в то время как в Греции к востоку обращены Аттика и Македония - те области, которые явились главными деятелями в истории Греции. Так самую природою указано коренное различие исторической роли Греции и Италии: первая бросила семена своей цивилизации и наложила свою тень на восток, вторая - на запад.

О первом переселении людей в Италию, конечно, не сохранилось никаких сведений. В древности было всеобщим убеждением, что там, как и всюду, первые жители на месте и произошли. Устанавливать происхождение человеческих рас и племен дело не историка, а антрополога. Дело же историка - проследить постепенное наслоение народностей в стране и смену одной культуры другою.

В большей части Европы арийскому населению предшествовало, как доказывают археологические изыскания, какое-то вполне исчезнувшее племя, стоявшее на весьма низком уровне развития, в Италии следов существования такого народа не найдено. В те времена, о которых можно судить уже с достаточными основаниями, на Апеннинском полуострове находились племена япигское, этрусское и итальянское, последнее делилось на две ветви: к одной принадлежали латины, к другой - умбры, марсы, вольски, самниты.

Япиги - племя, родственное эллинам. Они были, по-видимому, древнейшими поселенцами на полуострове. Жили они на крайней южной его оконечности, оттесненные туда позже пришедшими. В течение исторического периода существования итальянских народностей япиги являются племенем слабым, вымирающим, и с течением времени они совершенно растворились в других племенах.

Итальянцы ближе, чем какой-либо другой народ, родственны эллинам. Лингвистические исследования, которые вообще дают самые надежные выводы о древнейшем, доисторическом периоде жизни народов, свидетельствуют неоспоримо, что когда-то, в глубочайшей древности, от общей массы арийцев отделилось какое-то племя, которое долгое время жило совместно, нераздельно, а затем распалось на две группы - одна из них дала впоследствии эллинов с их различными подразделениями, а другая - итальянцев, которые также разделились на латинов и умбров, а затем и на другие, более мелкие этнографические величины, как эллины на ионян, дорян и пр.

Если выделить корни, общие всем арийским языкам, то определятся приблизительно те слова, которыми располагали индоевропейцы уже в ту отдаленнейшую эпоху, когда они составляли еще один народ, когда в их среде еще не обособилось определенно ни одно племя. Эти слова укажут нам и те понятия, которыми люди тогда располагали, ту степень культуры, которой они достигли. Такое изучение показывает, что индоевропейцы еще до своего разделения прошли уже стадии быта звероловного и рыболовного, что они были народом пастушеским, приручили уже быка, овцу, собаку, свинью, некоторых домашних птиц и даже начинали обрабатывать землю, они уже знали соль, виноградный сок, имели жилища, употребляли одежду, умели даже устраивать примитивные повозки и весельные лодки. У них создавались уже ближайшие степени родственных отношений, они умели считать до ста, отличали светила небесные и имели не только первоначальные представления о божестве как о какой-то высшей силе, но и некоторые общие мнения о загробной жизни. Данные же языка доказывают, что то племя, которое впоследствии распалось на эллинов и итальянцев, долго жило общею жизнью после выделения из общей массы арийцев. Данные языка и некоторые древнейшие обычаи доказывают, что еще до разделения этого племени на две главные его ветви выработались уже важнейшие приемы земледелия, способы измерения земель, устройство дома, подробности вооружения, что племя это еще за время нераздельного существования стало почитать божество домашнего очага, единственное божество, общее грекам и итальянцам и вместе с тем не существующее в древнейшей мифологии всех индоевропейцев. Наконец, способ добывания огня трением одного куска

дерева о другой и самые названия того и другого куска у эллинов и италийцев были одинаковы, и, значит, способ был найден еще в эпоху их нераздельного существования.

В отношении внешнего быта вообще эллины и италийцы выступают на историческое поприще в условиях довольно близких. Не то было в области духовной жизни. Великая задача, предлежащая человеку,- жить в сознательной гармонии с самим собой, с себе подобными и с целым - допускает столько решений, сколько «обитателей в доме Отца», и в области духовной жизни всего резче различаются и отдельные люди, и отдельные народы. В этом отношении эллины и италийцы так различны между собою, так своеобразны у тех и у других семья и государство, религия и искусство, что почти невозможно ясно представить тот умственный строй, то мирозерцание, в котором такие противоположности могли объединяться.

Эллины всегда приносили общее в жертву частному, нацией жертвовали для общин, а общинами - для отдельных лиц. Их идеалом была созерцательная жизнь, без труда, часто переходившая в праздность. Политическое развитие у них выразилось в усилении первоначального партикуляризма отдельных племен, а затем в разрушении общественных связей и в отдельных общинах. В религиозном отношении эллины сначала низвергли богов до человека, а затем и вовсе их отвергли. Они любили зрелище борьбы обнаженных юношей и предоставляли полный простор человеческой мысли во всем его страшном великолепии, а римляне воспитывали детей в почтении к отцу, граждан - в почтении к государству, и всех - в почтении к богам. Они ничего не спрашивали и ничего не уважали, кроме полезной деятельности, и требовали, чтобы каждый миг своей короткой жизни человек отдавал труду, у них даже дети должны были скромно завертываться в свое платье, у них считался худым гражданином тот, кто хотел жить не так, как другие, и из отвлеченных идеалов только стремление к величию родины не считалось пустым. При таком коренном, глубоком различии мирозерцания эллинов и латинов у племени, когда-то объединявшего их, мы можем определить лишь самые общие черты семейного и общественного быта и религии и чаще должны будем указывать отличия, чем пункты сходства.

Супружеский союз, эта основа всякого общежития, у эллинов и италийцев был одинаково отмечен нравственным и благопристойным характером, одинаково требовалось единоженство и единомужие. Но у италийцев власть мужа, и особенно отца, получила несравненно более сильное развитие, чем у эллинов. Род, т. е. союз потомков одного и того же родоначальника, у эллинов получил сильное значение по отношению к государству и имел очень мало власти и влияния на каждого отдельного члена. У италийцев, особенно у римлян, наоборот: пред сильно развившеюся идеею государства роды совершенно не сохранили своего значения, но в полной степени сохранили его по отношению к отдельным лицам. Это выразилось, между прочим, и в том, что у римлян родовое имя осталось главным, наиболее употребительным, и рядом с ним личные имена имели мало значения, были очень малочисленны и просты, иногда и вовсе не употреблялись в общежитии. У эллинов же, наоборот, личные имена пышны, громки, разнообразны, а родовые рано вышли из употребления. В отношении к рабам римляне сурово проводили принцип их бесправия, а греки рано внесли в рабство смягчения. Формы суда и наказания были, по-видимому, одинаковы в общий греко-италийский период, равно как и основы государственного устройства. И тут и там видим царя, сенат и народное собрание, имевшее власть только принимать или не принимать внесенные царем предложения,- древнейшее устройство критских общин, описанное Аристотелем, до мелочей сходно с устройством Рима времен царей. Общими были эллинам и латинам и разнообразные соединения отдельных племен в союзы, у германцев и кельтов вовсе не встречавшиеся.

В области религии общие в своей основе верования у эллинов и у латинов развились совершенно самостоятельно. У эллинов - царство живых образов, олицетворенные боги, у римлян - одна отвлеченность, одна идея, зато эта идея признавалась почти во всем, почти

повсюду. Не только одни крупные явления или великие силы природы обожествлялись для римлян: римлянин чтит все, что духовно, и всякому бытию, и человеку, и лесу, и реке, и государству, даже таким действиям, как пахание, ограждение границ, заложение города и т. п., он придавал как бы душу и чтит ее. И такого рода религиозность надолго овладевала умами, как свидетельствует вся история Рима, с силою еще большею, чем почтение к человекоподобным богам у греков.

В развитии искусства особенно далеко разошлись эти два родственные племени. У латинов искусство долго оставалось на такой низкой ступени, как у народов, не имеющих никакой культуры,- у эллинов же поэзия и ваение быстро достигли такой высоты, какой никогда уже более не достигали: эллины научились рано ценить вдохновляющее могущество красоты и пользовались им, в Лациуме же не сознавали и не признавали другого могущества, кроме могущества силы.

Таким образом, две родственные нации развились в двух совершенно противоположных направлениях, и обе развились вполне, потому что развились односторонне. Идеальный мир прекрасного был для эллина дороже и выше всего, в наслаждении им он забывал и личные печали, и недостатки своего государственного и общественного быта. Преимущества эллинов более яркие и более бросаются в глаза. Но дарования италийцев глубже, драгоценные их свойства - понимание того всеобщего, что рассеяно в частных явлениях, их покорность и способность к самопожертвованию, серьезная вера в своих богов. Отдельные личности могли страдать в таком народе, могли быть заглушаемы в людях их лучшие природные задатки, но отечество этих людей и их чувства к этому отечеству были таковы, каких не знал грек, и при государственном устройстве, основанном на самоуправлении, латины так развили свою национальность и вместе с этим достигли такого могущества, что им подчинились и эллинская нация, и весь мир.

Глава III. ПОСЕЛЕНИЯ ЛАТИНОВ. ЗАЧАТКИ РИМА

Расселение латинов родами и общинами.- Союз этих общин.- Географическое преимущество Рима

Италийцы пришли на полуостров сухим путем, с севера: по-видимому, первоначально продвинулись латины и заняли равнину по берегу моря. За ними уже двигались умбры и сабелы и должны были удовольствоваться более суровою, гористою местностью. Область, занятая патинами, ограничивалась с запада морем, с юга и востока - горными цепями, а на севере переходила в обширную равнину. Почти вплоть до Тибра с севера продвигались разные умбро-сабельские племена. Местность эта не отличается здоровым климатом: летом здесь свирепствуют лихорадки. Но для земледелия почва благодатна, и первоначальные поселенцы мирились с климатическими неудобствами - отчасти, быть может, потому, что были менее чувствительны к ним, отчасти потому, что боролись с ними не без успеха: римские поселяне долгие века сохраняли древний обычай следить, чтобы в жилище никогда не угасал огонь, а пылающий огонь, как доказано опытом, отлично предохраняет от заболеваний лихорадкою.

Древнейшие названия земельных участков в Лациуме почти сплошь являются родовыми прозвищами, из чего можно с уверенностью заключать, что латины селились здесь родами, но о внутренних отношениях в родах мы ничего не знаем. Отдельные общины были объединены между собою в своего рода союз, он связан был единством происхождения, языка и нравов и действовал сообща в случае войны наступательной или оборонительной. Отдельные роды имели небольшие укрепленные пункты. Волости, или соединения родов, имели такие же центральные укрепленные пункты, но более значительные, и еще во время

империи так жили поселяне в наиболее глухих местах полуострова, а заброшенные остатки когда-то укрепленных пунктов встречались повсеместно.

Древнейшие волости возникли, по-видимому, между Албанским озером и Албанской горой: здесь была отличная земля, отличная вода. Здесь лежала и Альба, почитавшаяся с древнейших времен матерью Рима и других древнелатинских общин. Здесь лежали древнейшие латинские города Ланувий, Ариция, Тускулум. Здесь находились остатки древнейших сооружений. Тибур, Пренеста, Габин, Рим, Лаврент, Лавиний тоже принадлежали к числу древнейших общин, общее число их было, по-видимому, тридцать: этим числом чаще всего и в Италии, и в Греции определялось число составных частей общественных организаций. На Албанской горе ежегодно справлялся «латинский праздник», сохранявшийся долго и в исторические времена. Этот праздник, как у греков Панионии и Панбеотии, служил выражением единства латинского союза, существование которого несомненно, хотя подробности его устройства почти неизвестны.

Приблизительно в расстоянии 25 верст от моря по течению Тибра начинаются холмы, более высокие на правом, чем на левом, берегу. Здесь издревле обитали общины рамнов, луцеров и тициев. Имя Ramnes есть древнейшая форма имени Romani: слова эти родственны так же, как *past* и *portio*, *Mars* и *mors*. Изменение «а» на «о», рано прекратившееся в латинском языке, свидетельствует о глубокой древности названия. Рамны и луцеры были, несомненно, латинского происхождения. Тиции же, по-видимому, сабинского: с их именем предание всегда связывало сохранение в римском культе сабельских элементов. Возможно, что совместное жительство этих трех общин началось еще в то время, когда латины и сабелы не резко различались между собою. Из поселений этих общин возник Рим.

Конечно, нельзя говорить об основании Рима в том смысле, какой придает ему общеизвестная легенда. Рим построен не в один день. Поселки, существовавшие на месте его возникновения, развились в крупный центр, без сомнения, в силу важных причин - и их можно раскрыть, внимательно обсудив положение Рима. Вся область, где он лежит, с юга, востока и севера, на недалеком от города расстоянии, ограничена землями других общин, но к западу, к морю, пространство было совершенно свободно - и вот Рим получил первое значение потому, что представлял исключительные выгоды в качестве складочного места для торговли и в качестве пограничной крепости Лациума.

Древнейшая торговля Рима засвидетельствована несомненными данными. Со своей крепкой позиции он господствовал над обоими берегами реки до ее устья, его положение одинаково удобно и для тех, кто спускался на лодках сверху по течению Тибра, и для мореплавателей: небольшие суда, в каких совершались в то время и морские переезды, могли подниматься по реке до Рима. Вместе с тем некоторое отдаление от моря доставляло большую безопасность от морских разбойников. В Риме, наконец, издревле был мост через реку, опорой для которого служил лежащий посреди Тибра остров, мост же в те времена представлялся сооружением чрезвычайно важным. Была еще причина, которая способствовала росту города Рима: нездоровый воздух лежащей около него низменности побуждал население жить преимущественно на высоких холмах, сгруппированных на месте Рима. Благодаря всему этому Рим стал значительно населенным городом уже в то время, когда большинство латинов жило еще по селам. Городская организация Рима и обусловленный этим дух его учреждений и дали ему возможность быстро и значительно выдвинуться среди латинской сельской организации. Первоначально укрепленный пункт, который доставлял ближайшим жителям убежище в случае нужды, находился на Палатинском холме. Другое укрепление находилось на Квиринальском холме. До позднейшего времени жители ближайших к Палатину поселков именовались «жителями горы», а жители ближайших к Квириналу - «жителями холма», хотя Квиринал не только не ниже, а даже несколько выше Палатина. С течением времени поселение разрасталось, а с тем вместе приходилось увеличивать и стену. К эпохе Сервия Туллия явились и потребность, и

средства соорудить величественную стену, окружившую тот Рим, который знает история, но к этому времени положение Рима среди окрестных поселений изменилось уже коренным образом.

Глава IV. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РИМА И ДРЕВНЕЙШИЕ РЕФОРМЫ В НЕМ. ГЕГЕМОНИЯ РИМА В ЛАЦИУМЕ

Римская семья, власть отца.- Римское государство, власть царя.- Равноправие граждан.- Неграждане.- Народное собрание.- Сенат.- Военная реформа Сервия Туллия - Разрушение Альбы.- Союз Рима с другими латинами.- Развитие города Рима

Государственное устройство у римлян развивалось на тех самых основах, как семейный их быт.

Иметь собственный дом и детей признавалось у римлян за цель и главную суть жизни гражданина. Смерть не почиталась несчастьем, потому что она неизбежна, но вымирание семьи, тем более целого рода, считалось бедствием, и рано выработаны были способы усыновления чужих детей, чтобы существование рода поддержать.

Семейные отношения у римлян были строгим проведением начал, намеченных самой природою. Семья, по римским понятиям, должна была составлять нечто вполне единое, а потому и управляться она должна была одним полноправным - за смертью своего отца - представителем - мужем, отцом. Его жена, их сыновья и внуки со своими женами, их незамужние дочери - все это одинаково входило в состав неразрывной семьи и пред ее главою было так же бесправно, как вол или раб. Все безусловно подчинялось главе семейства: он судил членов своей семьи и определял им наказание вплоть до смертной казни. Не закон, а только религиозные обычаи и нравы полагали тут границы воле отца, только они, а не закон запрещали отцу кидать своих новорожденных детей. Освобождение взрослого сына от отцовской власти во всей ее полноте было выработано позднее и обставлено большими затруднениями, чем отпущение на волю раба. Сыновья были гражданами и имели свои права, только при жизни отца некоторые их права не применялись, но со смертью отца все его сыновья сразу делались полноправными гражданами и становились главами своих семейств.

Женщина всегда была в положении подчиненном у мужчины, потому что она принадлежала только семье и не существовала для общины. Зато в семье женщина занимала почетное положение, не несла тяжелых работ, лежавших на рабах, а только надзирала и занималась пряжею - почетным и почти обязательным для нее делом.

Семьи братьев не теряли связи окончательно. В некоторых случаях обычай требовал, чтобы глава семейства совещался со своими ближайшими взрослыми родственниками. Происходившие от одного родоначальника признавали себя членами одного рода и по имени своего родоначальника и именовались.

Около самостоятельных семей группировались люди полусвободные-полузависимые, так называемые клиенты. Это были чужеземцы, принятые под свое покровительство в общине кем-либо из граждан, и их потомки, а также отпущенные на свободу рабы и их потомки. Юридически клиенты почти не отличались от рабов, но по обычаю и фактически пользовались значительно большею независимостью.

Соединением родов составилось государство, из их земельных участков образовалась его территория. Каждый законный потомок одного из родоначальников был гражданином этого государства, они и именовались «отцовыми детьми». Пред общиною все ее члены были равноправны, хотя внутри семей взрослые сыновья и подчинялись вполне воле отца.

Клиенты же и другие домочадцы пользовались покровительством общины, но не имели всех прав, не несли зато и всех обязанностей.

Государственное устройство было повторением - в более широкой сфере - семейных отношений. По римским понятиям, государство так же нуждалось в полноправном главе, как и семья, а так как между свободными и равноправными гражданами не было прирожденного главы, то из среды полноправных и способных носить оружие граждан избирался пожизненно царь, правитель, который и имел все признаки власти отца в семье. Воля его законно ничем не была ограничена. Он беспелляционно судил и налагал наказания. Приговорив кого-либо даже к смерти, он мог, но не был обязан допустить обращение к народу с просьбой о помиловании. Он принимал за всю общину обязательства - заключал мир и объявлял войну, он назначал отрядных начальников во время войны и градоправителя на время своего отсутствия, и эти лица были просто его уполномоченными, а не должностными лицами в нашем смысле слова. Единственное легальное ограничение власти царя состояло в том, что он мог лишь применять законы, а не изменять их. Распоряжение его в последнем смысле было бы просто почтено за незаконное и не было бы исполнено, а если бы царь стал слишком часто рисковать такими распоряжениями, то потерял бы власть: ему повиновались не как высшему существу, а лишь потому, что для общины считалось наиболее удобным иметь полноправного главу. Царь имел право и, пожалуй, был даже обязан назначить себе преемника; если же он почему-либо этого не сделал, то коллегия отцов предлагала гражданству царя и, если община принимала его, он становился царем.

Граждане были между собою вполне равноправны, сословных различий не было. Это было особенностью латинской нации и объясняется, вероятно, тем, что на месте своего поселения латины не нашли никакого другого населения и не подчинили себе никакой другой расы. Неграждане были в римской общине вполне бесправны.

Государственное устройство опиралось только на граждан: все граждане поголовно должны были в случае нужды выступать воинами, несли обязанности по сооружению стен и общественных построек. Денежных податей граждане не платили. Неграждане уплачивали в распоряжение царя денежные сборы как бы за свою охрану. Другие доходы, которыми вообще распоряжался царь, составлялись из таможенных сборов и платы за пользование участками общественной земли. Расходы государства были очень невелики, потому что услуги общине не оплачивались.

Граждане участвовали в народных собраниях, которые созывались царем не реже двух раз в год. На этих собраниях народ только давал согласие на предложения, делаемые царем, или отвергал их, но не мог ни обсуждать их, ни делать своих предложений. Согласие народа требовалось для наступательной войны и на всякое изменение закона. Пока не возникало мысли об изменении закона, народное собрание не вступало в дело управления: тогда управляли законы под наблюдением царя. С глубокой древности каждая из трех первоначальных римских общин делилась на 10 курий, имевших каждая особых попечителей и особых жрецов. По куриям собирались рекруты, происходили сходки и обсуждение дел; с древности считалось в Риме 300 родов и было 300 сенаторов, 300 всадников и 3000 пехотинцев.

Рядом с царем и народным собранием стоял сенат - собрание старейшин. По идее сенат был составлен из родоначальников тех 300 родов, которые положили основание Римского государства, поэтому сенаторы назывались «отцами» и число их было 300. Так как государство должно было быть организовано и управляемо по образцу семей, то в случае смерти царя без преемника власть переходила в руки сената. Из числа сенаторов выбирался по жребию временный царь. Если в течение пяти дней он не успевал подыскать человека, которого можно было бы предложить в цари, то сам назначал нового временного царя, и этот поступал так же, пока не был избран царь. Сенат являлся вообще сотрудником царя, из его среды царь по преимуществу избирал своих помощников. Главное же значение сената

состояло в том, что он был охранителем законности и от царя, и от самой общины: сенат мог отказать в утверждении всякому постановлению общины, если находил, что оно нарушает обязанности к богам или к другим государствам или органические законы самой общины. Отсюда для царей возникла почти необходимость узнать предварительно мнение сената о всякой мере, которую они желали предложить общине. Но не закон, а соображения удобства предписывали это царю, и они же подсказывали сенату, когда было бы неблагоприятно пользоваться этим правом. И всего более политическая мудрость сената создала такое положение, что при обширнейшей власти общины над каждым своим членом, при обширнейших полномочиях царя и его доверенных лиц римский гражданин, который не нарушал законов, чувствовал себя совершенно обеспеченным во всех своих правах.

В глубокой древности совершилось соединение «горных» и «холмовых» римлян или, точнее, подчинение вторых первым. С этих пор войска стало собираться вдвое больше, но число сенаторов осталось прежним. Богослужebные учреждения «холмовых» римлян сохранились, и с этих пор в Риме число жрецов и жриц всегда бывало четным. Вновь присоединившиеся граждане были расписаны по существовавшим уже куриям - слияние двух общин было скорее количественным приращением, чем внутренним преобразованием.

Рядом с гражданами в Риме собралось мало-помалу и очень значительное число неграждан, к числу их принадлежали помимо вольноотпущенников и их потомков, уже огражденных законами от всяких покушений на их свободу, еще и бывшие граждане других, покоренных Римом, общин, а также и члены других общин, селившиеся в Риме для торговли. В таком оживленном торговом пункте, как Рим, число их быстро достигло значительных размеров. Из таких людей довольно рано создалась «толпа» - группа населения, значительная количественно, вовсе не стоявшая в приниженном положении и экономически, но не имевшая законом обеспеченных прав. По-прежнему эти люди могли действовать пред судом только через посредство какого-нибудь гражданина. Граждане, в свою очередь, начинали чувствовать тягость того, что они одни исполняли военную службу и несли потери на войнах. Само число их только что не уменьшалось, но никак не увеличивалось в уровень с увеличением числа неграждан. Возникавшие из таких отношений неудобства были в значительной степени отвращены реформой, которая произведена была в глубокой древности и которую предание связывает с именем царя Сервия Туллия.

По вновь введенному порядку воинскою повинностью были обязаны жители Рима уже не по происхождению, а по владению землею. Все, кто имел землю, должны были нести военную службу. Имевшие участок земли, достаточный для работы на нем с одною плуговою упряжкою и больше, должны были доставлять по воину с участка; имевшие доли полных участков доставляли воинов по расчету количества земли, принадлежавшего им. По произведенному тогда подсчету выходило, что на каждых 80 пехотинцев, выставленных владельцами полных участков, владельцы трех четвертей участка, половины и четверти участка должны были выставить по 20 чел., всего, следовательно, 60 чел., а владельцы одной восьмой - 28 чел. Конную службу несли самые состоятельные, всадников собиралось приблизительно в 9 раз меньше, чем пехотинцев. Не имевшие собственности, пролетарии (буквально: имевшие только потомство), доставляли для армии работников. Собирались воины по призывным округам (трибам), которых было установлено четыре, причем на прежнее деление по куриям не было обращено никакого внимания, - по-видимому, для того, чтобы помимо всяких прежних родовых различий теснее слить войско воедино. Военною службою были обязаны все от 18 до 60 лет. Боевою единицею был легион, делившийся на 84 центурии и состоявший из 8400 чел. - в том числе 4000 тяжеловооруженных, 2000 легковооруженных и 2400 неграждан, сопровождавших войско в качестве носильщиков и вступавших в ряды в случае значительных потерь воинами. Всего было 2 легиона и 1800 всадников, следовательно, в общем до 20 000, - по-видимому, таково было число способных носить оружие римлян в то время, когда реформа вводилась. Для целей военной службы тогда же установлен ценз - периодические переписи земельного имущества.

Эта реформа имела большие последствия: кто служит солдатом, тот должен иметь право и повышаться - и, действительно, с этого времени стали достигать высших должностей и плебеи. Старое гражданство, сохранявшее прежнее деление по куриям, сохранило и свои привилегии утверждать или принимать законы, но те решения, которые касались военной силы, например вопрос о наступательной войне, перешли уже к центуриям - т. е. к собраниям людей, несших военную службу. С течением времени эти собрания по центуриям стали все более и более претендовать на участие и в других общественных делах. Все, кто должен был нести военную службу и, следовательно, записан был в трибы, избавлены были от всяких денежных сборов - теперь их вносили почти только одни иноземцы, не числившиеся в трибах.

Сколько-нибудь точно определить время этой реформы невозможно. Бесспорно, что она могла быть проведена только тогда уже, когда римская община присоединила к себе многие соседние общины,- при двадцати приблизительно тысячах способных носить оружие общее число жителей должно было достигать почти 100 000 человек. Греческие государства, находившиеся в Италии, ввели у себя подобные реформы приблизительно за 550 лет до Р. Х.,- вероятно, около этого же времени введено было это устройство и в Риме.

Еще в очень отдаленное время, от которого не дошло до нас сколько-нибудь достоверных подробностей, римляне постепенно покорили целый ряд ближайших поселений и наконец взяли и разрушили самую Альбу, которая почиталась главою латинских общин. Территория покоренных общин присоединялась к римской, центральный укрепленный пункт разрушался, а жители, получая права клиентов римской общины, частью переселялись в Рим, частью были оставляемы на прежней территории, но должны были жить в неукрепленных городах. Самым выдающимся лицам или родам покоренной области иногда предоставлялись права римского гражданства - так, например, роды Юлиев, Сервилиев, Квинктилиев и др. происходили из Альбы. Латины вообще держались правила, что в области не должны существовать другие самостоятельные и укрепленные пункты, кроме столицы. Римляне же с особою строгостью проводили этот принцип и, в противоположность финикийцам и грекам, не выводили и не основывали колоний вне Италии: они стремились постоянно к упрочению твердого национального единства.

С разрушением Альбы возник вопрос об отношении Рима к союзу, главою которого была Альба: Рим заявил теперь претензии на первенство в союзе. Установившиеся затем отношения можно характеризовать так: между Римом с одной стороны и всеми латинскими общинами с другой был установлен равноправный союз. Все наступательные и оборонительные войны должны были быть ведены сообща, внутри же союза войн не допускалось. Во внутренних своих делах и распорядках каждая община сохраняла самостоятельность. Гражданское право тоже долгое время сохранялось у разных общин различное, и если сближалось постепенно, то лишь постольку, поскольку это оказывалось нужным при частых торговых и других сношениях.

На всем протяжении союзных земель гражданин не мог быть обращен в рабство; все граждане союза получили право заключать законные браки на всем его протяжении; граждане всякой общины получали право свободно избирать себе место жительства,- естественным путем, это право обратилось в пользу столицы. Военная сила составлялась из двух приблизительно равных частей, римской и латинской. Начальствование над всею армиею принадлежало вождю, выбираемому на год поочередно то римлянами, то латинскими союзниками. Союз предоставлял обеим сторонам равные права, но фактически преобладание в нем скоро окончательно перешло на сторону Рима,- всегда и всюду при постоянной политической связи союза государств с одним крепко сплоченным государством перевес оказывается на стороне последнего.

Подробности и точные даты этих событий восстановить невозможно, но несомненно, что с этого времени Рим стал расти и развиваться особенно быстро. Явились потребность и

средства создать новую обширнейшую стену, которая обняла все шесть холмов, находившихся на левом, южном берегу Тибра,- Палатин, Авентин, Целий, Эсквилин, Виминал и Квиринал; на Яникуле, за Тибром, устроено было твердое мостовое прикрытие. На Палатине был построен новый крепкий замок с каздохранилищем и древнейшим местом народных сходок. Несомненно, к древнейшему же времени относится, по крайней мере, начало тех грандиозных сооружений, которыми были осушены обширные площади в самом Риме, прежде страдавшие от наводнений, а теперь сделавшиеся удобными местами для жилищ. Были построены здания для сената, судебных заседаний, кафедра для ораторов, новый рынок, наконец, царский дворец, место для игр, несколько храмов. Предание связывает разные эти сооружения с именами разных царей,- это недостоверно, достоверно лишь то, что возникли эти здания в глубокой древности, и вскоре после того, как Рим занял первенствующее положение в латинском союзе.

Глава V. УМБРО-САБЕЛЬСКИЕ ПЛЕМЕНА. ЭЛЛИНЫ В ИТАЛИИ. МОРСКИЕ ДЕРЖАВЫ

Поселения умбров, самниты.- Этруски.- Земледельческие и торговые колонии греков в Италии.- Движение греков остановлено этрусками и карфагенянами

Умбро-сабельские племена двинулись на полуостров позднее латинов. Географические названия свидетельствуют, что некогда эти племена занимали всю Северную Италию до реки По. Затем они были частью вытеснены отсюда этрусками, частью покорены: чрезвычайно быстрая латинизация южных областей Этрурии после покорения римлянами объясняется, конечно, присутствием тут умброского, родственного латинам, населения. Сабины, часть умбров, теснимые этрусками, двинулись к югу, но при этом могли занимать только гористые местности, так как более удобные равнины были раньше заняты латинами. Неизбежные столкновения с этими соседями значительно ослабляли сабинов. Другая часть умброского племени двинулась к востоку и заняла гористую область абруццов. Как всегда бывает в горных местностях, и эти поселенцы разделились на несколько племен - самнитов, пицентов, гирпинов, марсов и др., но свое близкое племенное родство все они отлично сознавали и чувствовали. Удаленные от сильных соседей, эти племена вели спокойную жизнь и сохранили свои силы. Политическая жизнь у них развивалась слабо, и в исторических событиях на полуострове они принимали вообще сравнительно малое участие. Только самниты впоследствии выдержали серьезную борьбу с Римом, но и они лишь оборонялись,- отдельные их общины были сплочены слабо, оставались почти самостоятельными и не могли устоять против сил Лациума, твердо руководимых Римом.

Ближайшие соседи римлян с севера, этруски, или разенны, как они сами себя называли, были индоевропейцы,- и это все, что можно сказать о них положительно. По внешнему своему облику, по языку и по религии они стоят совершенно особняком среди других отраслей индоевропейского племени. На полуостров они явились сухим путем и долго жили в области Ретийских Альп и в долине По. Потесненные затем кельтами, они спустились южнее и заняли область между реками Арно и Тибром, частью вытеснив умбров.

Первоначально этруски жили общинами, как греки и латины. Затем появились у них города, управляемые царями и объединенные в слабо связанные союзы, состоявшие обыкновенно из двенадцати городов. Этруски имели мало склонности к военному делу и гораздо больше к торговле. С римлянами они долго имели сношения по преимуществу торговые и, вообще говоря, мирные: отдельные лица и целые семейства их рано стали переселяться в Рим, и последний римский царь Тарквиний был, несомненно, этрусского происхождения, что доказывается именами всех членов его семьи и открытым в Цере семейным склепом его рода, но вообще Этрурия не имела сколько-нибудь значительного

влияния на Рим.

Новые народы являлись в Италию сухим путем, и тем же путем долго шли торговые сношения - например, к устью По с севера доставлялся янтарь, и в греческих сагах По является его родиной,- но все элементы чужеземной культуры были ввезены в Италию морем. Раньше других народов завели мореходство по Средиземному морю финикийцы, а так как в те времена плавали почти исключительно вдоль берегов, то Италия была для финикийцев почти что самую отдаленную страну, и к тому времени, когда они ее достигли, там уже прочно утвердили свои торговые связи греки. Что римляне узнали финикийцев позже, чем греков, и через их посредство - видно и из того, что они называли их тем же именем пунийцев, которым звали их и греки. Из эллинов прежде других проникли в Италию, по-видимому, малоазиатские ионийцы. За ними последовали представители и всех прочих греческих племен.

В Италии греки чувствовали себя приблизительно так же, как европейцы в Америке: на новой родине, среди чужих, представители разных греческих племен яснее сознавали свое родство и легче смешивались между собою. Но можно все-таки видеть, что Кумы и Регион в Италии, Занкла (Мессана), Катана, Накс, Леонтина и Гимера в Сицилии были заселены по преимуществу ионянами, Сиракузы и другие колонии в Сицилии и Тарент в Италии - дорянами, Сибарис и другие города так называемой Великой Греции - ахейцами (ок. 800-850 гг.). Каждая из этих трех групп городов придерживалась, между прочим, и той монетной системы, какая существовала у нее на родине.

Время греческих поселений определяется тем, что в песнях Гомера о западной части Средиземного моря нет сколько-нибудь точных сведений, Гесиод же знает уже Сицилию, но Италию считает островом, а римляне знали эллинов под тем именем - греков,- которое еще употребляет Гесиод, но которое вскоре после него вышло в Элладе из употребления. Древнейшим поселением греков в Италии были, по-видимому, Кумы в Неаполитанском заливе - так можно думать потому, что греки долго звали всех италийцев опиками, по имени небольшого племени, жившего по соседству с Кумами. Италийские греки поддерживали тесные связи со своею родиною и постоянно чувствовали себя эллинами.

Из колоний ранее других достигли процветания ахейские, среди которых наиболее значительным был город Сибарис. Эти колонии возникли в чрезвычайно плодородной местности, и жители их, закабалив туземцев, пользовались полным благосостоянием. Они даже и торговлей почти не занимались, и в беззаботном существовании, почти не требовавшем труда, греки утратили здесь лучшие стороны своего духовного строя. Государственное устройство этих колоний вылилось в формы ужаснейшей олигархии, которая вызвала вспышки яркой реакции, после чего колонии эти утратили почти всякое значение, влияния на ближайшие области они вообще почти не имели.

Все другие греческие колонии в Италии были основаны с целями торговыми, земледелие стояло в них на втором плане. Наибольшего торгового и промышленного процветания достиг Тарент,- его монеты встречаются на самом широком пространстве и чаще, чем монеты какой-либо другой греческой колонии в Италии. Тарент был лучшею из числа немногих гаваней Италии на Адриатическом море. Несмотря на относительную близость восточного берега Италии, сношения греков с западным ее берегом были живее: Тирренское море известно было уже Гомеру,- сюда помещала сага приключения Одиссея; поселения греков здесь встречаются по всему побережью вплоть до острова Эльба. Но здесь, на почве латинов, греки не поработили туземцев, а сделались, быть может и против желания, их учителями в деле мореходства и торговли. В общем, у греков с латинами установились дружелюбные отношения - не так, как с этрусками, имя которых у греков долго служило синонимом жестокости и враждебности: этруски боролись с греками, потому что сами вели значительную морскую торговлю и занимались пиратством. Обширная торговля и смелое каперство * и доставили этрускам то богатство и ту роскошь, в которых скоро истощились

силы нации.

Мы уже сказали, что эллины ранее финикийцев установили прочные торговые связи с Италией, они захватили в свои руки всю торговлю в восточной части Средиземного моря вообще и вытеснили оттуда финикийцев. Но далее финикийцы их не пустили. Невозможность находить новые рынки заставила наконец и не любивших войны пунийцев взяться за оружие, а Карфаген достиг к этому времени такого могущества, что, заключив союз с этрусками, мог уже задержать греков: в 579 и 537 гг. финикийцы и этруски отразили попытки эллинов основать колонии в центре финикийских владений на Сицилии и Корсике, вблизи Этрурии, после этого греки уже не могли двигаться на запад, они основали только Липару на островах между Италией и Сицилией, и из западных их колоний процветала Массалия. Господство в западной части Средиземного моря твердо держали в своих руках союзники карфагеняне и этруски, но союз их был лишен внутренней прочности, так как союзники друг другу не доверяли и соперничали между собою.

Глава VI. ЗАКОНЫ. РЕЛИГИЯ. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И РЕМЕСЛА. НАЧАТКИ НАУК И ИСКУССТВ

Преступления против государства и против частных лиц, наказания.- Отношения римлян к божеству.- Коллегия авгуров и фециалов.- Религиозность римлян.- Привязанность римлян к земле.- Развитие частной земельной собственности.- Аренда земли.- Ремесла.- Торговля внутренняя и заморская.- Счисление.- Календарь.- Письмо.- Зачатки искусств

Римское право в древнейшей своей кодификации, составленной приблизительно через 300 лет после основания Рима, является законодательством значительно развитого земледельческого и торгового города. Следы многих древнейших институтов, например кровавой родовой мести, которые у других народов существовали еще на глазах истории, в римских законах сохранились лишь в самой слабой степени: латины вообще выступают на историческое поприще уже в более позднем периоде цивилизации, чем, например, греки или германцы.

Основанием права является государство. Свобода гражданина - это есть определение, только другими словами, обязанностей, которые несет гражданин перед государством. Общественное, государственное право и частное право определенно разграничены. Преступления против первого - измена, убийство, поджог, похищение хлеба с полей и некоторые оскорбления нравственности - судились по почину общинной власти и обыкновенно наказывались смертью. Преступления частного характера - в число их включалась и кража - судились только по жалобе пострадавшего, могли ограничиваться примирением, наказывались штрафами или розгами, и в крайнем случае обидчик, если он не был в состоянии своим имуществом возместить причиненный им вред, выдавался во власть обиженного.

В римском праве постановления просты, ясны, точны. В договорах принимается только ясно определенное выражение воли. Всякий символизм, играющий большую роль в древнейшем законодательстве многих народов, римскому праву совершенно чужд. Вообще римское право очень сурово, но нельзя не подчеркнуть, что в нем с древнейших уже времен не существовало пыток, тогда как в праве других народов они держались долго и были устранены только после продолжительной борьбы. Вся судебная власть принадлежала общине, суд производился царем, который, если хотел, для производства следствия и постановляя приговор пользовался советниками из числа сенаторов.

С римскою религиею в ее древнейшем виде мы знакомимся по списку праздников,

который составлен был еще в то время, когда ни одно греческое божество не получило места среди римских. Первое место занимают в нем праздники Юпитера и Марса, затем идут праздники земледельческие и винодельческие, за ними уже пастушеские: приносились жертвы кормилице-земле, богине плодородия Церере, богине размножения стад, божеству изобилия, Юпитеру как покровителю виноделия, покровителю стад, совершались праздники в честь морских богов, в честь Тибра, в честь бога огня Вулкана, наконец, справлялся ряд домашних праздников: богини дома Весты, Пенатов, умерших и т.д.

В то время как греки представляли себе всякое божество личностью, наделяли его ярко определенной индивидуальностью и около каждого бога создавали целый цикл глубоких и поэтических мифов, римляне старались выяснить себе все сколько-нибудь значительные явления, действия, свойства и затем, признав за каждым из них своего бога, стремились только узнать, как именно к этому богу обращаться, чтобы вернее и легче склонить его на свою сторону. Римская религия была отмечена характером задушевности и искренности, но не отличалась возвышенностью, идеальных элементов в ней немного, совершенно чуждо римлянам и обожествление героев. Идея, что земные преступления суть проступки пред божеством и что божество примиряется только с наказанием преступника, была распространена и у римлян, но человеческих жертвоприношений, общих другим народам, у них не было - только слабые следы таких жертвоприношений можно видеть в некоторых примерах казни уже обвиненных преступников и в тех случаях, когда в битве какой-нибудь великодушный человек бросался на верную смерть, которая должна была привлечь на сторону его войска милость богов.

Римская религия была основана главным образом на привязанности к земным благам и уже в гораздо меньшей степени на страхе пред грозными силами природы. Боги внушали римлянину и страх, но не тот, который охватывает душу при мысли о всемогущей природе или вседержавном божестве. Римлянин искал от своих богов помощи, но прежде всего помощи в своей действительной, трудовой жизни. Римлянин как бы вступал в договор с божеством и ждал, что боги будут к нему благосклонны в каждом случае, когда он со своей стороны точно и добросовестно исполнит пред ними свои обещания и обязательства. Римлянин и старался их исполнить, но и тут он оставался точным и деловитым: ни излишняя роскошь богослужения и жертвоприношений, ни излишняя фантазия в поклонении не были в духе римлян.

Для исполнения всего нужного по отношению к богам у римлян издревле существовали жрецы и особые их коллегии для служения Марсу и Юпитеру - «Марсов возжигатель», «скакуны», «куриальные возжигатели» и «возжигатели Юпитера», получившие впоследствии первое место. Наряду с жрецами у римлян существовали еще авгуры, понтифики, фециалы: это были совершенно самобытные латинские учреждения, представлявшие собою коллегии сведущих людей, специально занятых общими богослужебными порядками, изучением способов, как лучше всего сноситься с богами, понимать их волю и знамения. Эти люди не служили богам, не приносили жертв, но они учились истолковывать, что предвещают те или другие явления, наблюдавшиеся при жертвоприношении; когда угодно божеству начало того или другого предприятия. В частности, авгуры занимались гаданием по полету птиц, понтифики были хранителями точных знаний - мер, весов, счисления времени, почему впоследствии на их обязанность было возложено вообще наблюдение за богослужебными порядками, фециалы хранили международные договоры и законы. Ни один жрец, ни один понтифик не мог никогда претендовать на какое-либо значение в делах управления, они могли советовать лишь тогда, когда их спрашивали, и были обязаны наравне со всеми гражданами повиноваться должностным лицам.

Римская религия, в противоположность греческой, не только не содействовала развитию художественной и философской деятельности, но подавляла их. Неолицетворенные римские

боги не нуждались в художественных изображениях, и когда такие изображения появились, они были встречены первое время с осуждением. Отсутствие всякого творчества, всякой фантазии в сфере религиозной было причиною, что и впоследствии фантазия не развивалась и римская поэзия и римская философия никогда не поднялись над уровнем посредственности. Но римская религия именно потому, что была низведена к обыденным понятиям, была для всякого понятна и доступна. Она удовлетворяла глубоким духовным потребностям простых людей и благодаря своей простоте и наивности держалась твердо даже и тогда, когда греки утратили всякую веру, разрушенную тем самым развитием наук, искусств и философии, которое было призвано к жизни прежде всего творчеством в области религии. Насколько греки остаются недостижимым образцом всестороннего развития человеческого духа - настолько римляне велики строго самобытным развитием своего духовного уклада. Римская религия не была исключительна и не препятствовала усвоению и чужих богов: уже в самой глубокой древности у римлян распространилось поклонение разным латинским богам, а затем и греческим - Аполлону, Гермесу, Геркулесу, Асклепию, Диане. Религия же этрусков, несмотря на близкое соседство, не прививалась в Риме: со своими мрачными и злобными богами, подчиненными еще каким-то другим, высшим, со своими запутанными, натянутыми толкованиями числовых сочетаний, она стояла слишком далеко от латинских воззрений. Как ни недостаточны сведения наши о религии этрусков, несомненно отсутствие в римской религии каких-либо заимствований из нее.

В нескольких хотя бы словах мы должны сказать и о земледелии, ремеслах и торговле римской общины, а также о состоянии в ней первоначальных знаний - о письме, счислении времени, потому что земледелие и торговля тесно связаны с внутренним устройством государства и его историей, а состояние знаний и искусства яснее всего определяет уровень умственного развития общества.

Италийцы поселились на полуострове уже земледельцами. Сельское население считалось у них исконною опорой государства, и основное звено общины составляли хозяева земельных участков. Когда с течением времени прямые потомки первых жителей Рима утратили большую часть земли, первоначально им принадлежавшей, все жители Рима по Сервиевой реформе поделены были, без различия происхождения, на оседлых хозяев и пролетариев и только на первых были возложены все общинные повинности, взамен чего только им же даны были и полные права.

Всякий раз, когда римляне войною приобретали какую-нибудь область, они, можно сказать, вторично завоевывали ее плугом: или они прямо принуждали жителей слиться со своей общиной, или брали часть земли, приблизительно треть, и заселяли ее своими колонистами; других даней или контрибуций они не брали. Такие завоевания плугом оказывались особенно прочными, римляне никогда не заключали мира с территориальными уступками именно потому, что земледельцы были чрезвычайно привязаны к своей земле. История Рима доказывает как нельзя лучше, что сила и государства, и частных лиц всего более основывается на господстве над землею. Величие и сила Рима объясняются непосредственным владычеством его граждан над землею.

Первоначально земля находилась в общинном владении родов, частная собственность состояла в движимости и в скоте, но уже ко временам Сервия и земля находилась в частном владении, преимущественно участками средней величины. Собственник по закону не был ограничен в распоряжении своею землею, но обычай и мудрость народная полагали благоразумные пределы дроблению земельной собственности. В случае значительного увеличения мужского населения общины дальнейшего дробления участков избегали тем, что выводили колонии на вновь приобретенные участки. Земля обрабатывалась преимущественно для разведения полбы *. В глубокой древности занимались римляне и виноделием. Разведение маслины началось уже позже - и в религиозных обрядах масло и масличная ветвь играли гораздо меньшую роль, чем вино и виноградная лоза.

Так как возможно было дробление участков, то, естественно, являлось возможным и скопление их в одних руках: сравнительно большие земельные имущества встречались уже в древнейшее время. В таком случае собственники обыкновенно обрабатывали их не руками рабов, как бывало впоследствии, а раздавали мелкими участками в пользование бедным свободным земледельцам, а иногда и рабам. Закон в эти отношения не вмешивался, и они сложились на нравственной основе. Рабы-арендаторы находились далеко не в том положении, в каком были впоследствии рабы-дворовые, которые к тому же были обыкновенно другого племени. Рабы-арендаторы приближались по своему положению к свободным, и среди них вырабатывались люди с такими привычками и склонностями, что доставляли превосходный материал для основания колоний. Простейшие ремесла известны были в Риме с самой глубокой древности: еще ко временам Нумы относилось начало восьми цехов наиболее необходимых ремесленников. В древности положение ремесленников в Риме было несравненно почетнее, чем впоследствии, когда в число их вошла масса рабов. Оно стало ухудшаться уже с Сервиевой реформы, по которой полноправными признаны были только землевладельцы.

Торговля римлян первоначально ограничивалась пределами Италии и производилась на ярмарках, из которых главная собиралась у горы Соракта. Орудием обмена были быки и бараны, 10 баранов приравнивались одному быку, но уже издревле стала орудием обмена и медь. И заморская торговля началась очень рано, на почве Италии найдено множество предметов древнейшей промышленности Греции и Малой Азии. Сношения с заморскими странами отразились и в языке: названия некоторых предметов домашней утвари, некоторых лакомств, некоторых мер, весов, письма несомненно заимствованы из греческого языка. Всевозможные привозные предметы найдены в наибольшем количестве в Этрурии, значит, Этрурия вела наиболее оживленную торговлю и, по-видимому, с Атикой: в этрусском языке многие собственные имена встречаются именно в таких формах, какие они имели в аттическом наречии.

Подобного же рода факты свидетельствуют, что Лациум по преимуществу торговал с дорийцами и, несомненно, в сицилийских их колониях: в Сицилии среди населения, говорившего по-гречески, было распространено латинское название меди и торговой ссуды. Очевидно, что латинские купцы появлялись часто на острове, иначе такое заимствование не могло бы привиться. Торговою гаванью Лациума был Рим - он и занял исключительное положение потому, что был средоточием деятельной земледельческой общины и оживленным торговым пунктом.

Мы уже говорили, что итальянцы знали десятичную систему счисления еще до разделения с греками. Рядом существовал и счет дюжинами, по двенадцати, вероятно в зависимости от сравнения лунного года с солнечным. Меры емкости, употребление которых необходимо при торговле, рано подверглись в Италии греческому влиянию: римский вес был приведен в полное соответствие с аттическим, преобладавшим в Сицилии. У греков же заимствовали латинские знаки для 50, 100 и 1000 - прежде они довольствовались знаками для 1, 5 и 10 (I, V, X), комбинацией которых они выражали и все другие числа.

Способы счисления времени только впоследствии были согласованы с греческими, первоначально же они развивались совершенно самостоятельно: счет вели по дням лунных фазисов, и отсчитывали не число дней, прошедших от последнего фазиса, а число дней, остающихся до ближайшего нового. Долгое время день был наименьшею единицею времени. Соседственные племена латинов началом дня считали то полночь, то полдень, следовательно, деление дня на части явилось уже позже. Наибольшею единицею времени долго служил месяц. Названия месяцев у римлян совершенно самостоятельны сравнительно с греческими их наименованиями, но в более точную систему измерения времени приведено было уже под греческим влиянием, причем были согласованы периоды лунный и солнечный, хотя крайне несовершенны. Начиная римский год с весны, и первый месяц назывался по

имени бога Марса, имя второго месяца этимологически означает появление молодых растений, имя третьего - их возрастание, четвертого - цветение, следующие шесть месяцев назывались первоначально по порядку - пятый, шестой и т. д. до десятого, название одиннадцатого месяца - *ianuarius* - этимологически связано с корнем, значащим «начинать», и обозначало, вероятно, время приготовлений к возобновлению полевых работ, имя двенадцатого месяца - *febrarius* - имеет корень, значащий «очищать». Месяцы были: четыре по 31 день, семь по 29 и один в 28, всего в 12 месяцах 355 дней; через каждые три года прибавлялся еще один день в феврале, и через каждый год вставлялся еще один месяц в 27 дней. Путем таких сложных добавлений римский год - или, точнее, четырехлетний период - приближался к истинному, но все же очень несовершенно. Месяцы делились на 4 части, тоже неравной величины, обозначавшиеся по имени первого дня первой, второй и третьей недели. У других италийцев календарь был еще сложнее и еще менее точен - в Альбе, например, длина месяца колебалась от 16 до 36 дней.

Одно из величайших изобретений человека - умение записывать звуки речи - было плодом совокупных усилий семитов и индоевропейцев: семиты ранее стали употреблять азбуку, но они записывали только согласные звуки, а гласных не писали. Знаки для гласных были добавлены - независимо друг от друга - индусами и греками. От греков переняли азбуку и этруски, и латины - последние позже, но тоже непосредственно от эллинов. Это совершилось еще до эпохи царей, существование письменности при царях уже несомненно.

К изящным искусствам латины были способны несравненно менее, чем эллины. Конечно, уже в древнейшую эпоху была известна у латинов пляска и сопровождавшая ее музыка, рано стала применяться и размеренная речь - прежде всего в гаданиях, в передаче велений бога, которые слышались жрецам в шелесте листьев священного дерева. Рано слагались песни хвалебные - для пиршеств и погребений - и сатирические. В веселом «празднике сытых» создались зачатки народной комедии.

У латинов были, таким образом, зародыши всех тех искусств, которые расцвели у эллинов таким пышным цветом, но у латинов они заглохли в силу особенностей духовного их склада. Эллинское влияние, издавна замечаемое у латинов, оказалось бессильно тут что-нибудь изменить, и в то время, как в Элладе изящные искусства приобретали значение драгоценнейшего и общего достояния всех эллинов, в Риме они стали делом ремесленников и несвободных людей. Только в области зодчества латины могут быть названы лучшими учениками эллинов, через них это искусство затем перешло и к другим народам Европы. Во всяком случае, только у эллинов, и непосредственно у них, заимствовали латины начатки искусств, о финикийском же или этрусском влиянии не может быть и речи, у финикийцев и у этрусков латины кое-что покупали, но учились они только у эллинов.

Книга вторая. ОТ УПРАЗДНЕНИЯ В РИМЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ ДО ОБЪЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ

Глава I. ИЗМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Политическая борьба внутри римской общины.- Изгнание царей.- Консулы.- Курия и центурия.- Сенат.- Экономическая борьба, аграрный вопрос, бедные и богатые.- Народные трибуны.- Борьба за писаные законы.- Децемвиры и Законы XII таблиц.- Классовая борьба за уравнение сословий.- Государство после уравнения сословий

История Рима более известна нам в подробностях с того времени, когда внутри общины шла троякая борьба. В среде полноправного гражданства развивались стремления к

изменению формы государственного устройства, неполноправные члены общины стремились получить полноправие, люди, находившиеся в тяжелом экономическом положении, боролись против зажиточных. Эти движения многообразным образом сталкивались, переплетались, приводили иногда к результатам непредвиденным и создавали основания и поводы к дальнейшей борьбе.

Древнейшим проявлением такой борьбы была отмена звания пожизненного главы государства, т. е. уничтожение царской власти. Из самого организма латинских и греческих общин такая перемена вытекала естественным путем, цари существовали и были уничтожены и в других общинах. Из баснословных преданий об изгнании царя Тарквиния нельзя выделить фактических подробностей, но ясно видны причины раздражения народа: царь не советовался с сенатом, несправедливо постановлял приговоры о смертной казни и о конфискации. Могущественный род, долго господствовавший в Риме, уступил не без борьбы, но подробности ее в предании представлены, несомненно, неверно.

По изгнании царя народ клятвенно обязался никогда не допускать восстановления царской власти, само имя «царь» навсегда осталось в Риме ненавистным. Но, строго говоря, царская власть не была уничтожена, а с чисто римскою практичностью найден был способ сохранить сильную власть во главе общины и в то же время ограничить эту власть. Власть вручена была теперь не одному лицу и не пожизненно, а сроком на год и двум лицам - консулам, само имя «consul» значит «товарищ». И тот и другой консул обладали всею полнотою власти, но обязательны были только те распоряжения, которые исходили от обоих консулов, в случае же несогласия одного консула приказание другого не имели силы. Консулы не были обязаны разделять сферу своих действий, и каждый мог изменить распоряжение своего товарища, но в целях удобства они обыкновенно разделяли между собою главные отрасли управления или чередовались в главном распоряжении помесечно или ежедневно.

Коллегиальность и срочность консульской власти, вполне подобной власти царя, влекли за собою, однако, важные ограничивающие ее последствия. Консулы уже не были, как прежде цари, неответственны пред законом: консула по истечении срока его власти можно было за преступления привлекать к суду; консулы уже не могли возлагать на граждан обработку своих земель, что мог сделать царь; затем уже с самого учреждения консулы были обязаны предоставлять осужденным право апелляции, и не только в случае смертных приговоров, а и в случае наложения крупных штрафов - и постепенно это право апелляции все расширялось и расширялось. В скором времени фактическое отправление правосудия было поручено двум новым чиновникам, квесторам, затем в их заведование перешли и финансы. Квесторов назначали консулы, квесторы обязаны были безусловно повиноваться консулам, но консулы ничего не могли сделать без их ведома и содействия.

По истечении годового срока своих полномочий консулы должны были, как прежде цари, назначить себе преемников, но это было лишь формальностью: они обязаны были назначить консулом того, кого указывала община. Фактически консулы могли влиять на избрание, например отстранять иных кандидатов, но постепенно свобода общины в выборе консулов расширялась, однако консул по собственному произволу выбирал себе товарища на случай смерти другого консула. При особо важных обстоятельствах каждый из консулов мог назначить диктатора. Диктатор пользовался первоначально неограниченными полномочиями; он, однако, обязан был немедленно избрать себе помощника, который получал название «magister equitum». Полномочия диктатора оканчивались вместе со сроком пребывания во власти того консула, который его назначил, и во всяком случае не могли продолжаться более шести месяцев.

С устранением пожизненных царей, таким образом, римская община получила важные права: право указывать, кого желала она иметь во главе, право рассмотрения апелляций. И в самой общине произошли значительные перемены. Почти бесправная прежде толпа теперь

заклучала в своих рядах немало людей выдающихся и богатством, и личными достоинствами. Пока над общиной стояла неограниченная власть царя, который был настолько же выше патриция, как и плебея, пока сама община не принимала непосредственного участия в делах управления - исключительное положение патрициата не чувствовалось особенно резко, но теперь прежнее положение не могло сохраняться: общинная организация была реформирована в том смысле, что на всех было распространено то устройство, которым прежде пользовались патриции, и в то же время не всем предоставлено было право принимать участие в делах. Все жители Рима, кроме рабов и чужеземцев, были расписаны по куриям, на которые прежде делились лишь патриции, но за куриями оставлены были только формальные акты - утверждение завещаний и усыновлений, присяга консулу и диктатору и т. п., права же политические - выбор должностных лиц, рассмотрение апелляций - не были предоставлены куриям, так как это было бы равносильно учреждению полной демократии; решения по таким делам постановлялись теперь по центуриям - так назывались совещания людей, исполнявших военную службу, следовательно более зажиточных.

Сенат с упразднением царской власти сохранил все свои права и даже получил еще большее значение. Одобрение его считалось совершенно необходимым для всяких решений, срок действия которых должен был простираться далее срока власти консула, но и его коснулась реформа: в ближайшее же к изгнанию царей время в сенате являются рядом с «отцами» еще и «приписные» - так назывались введенные в сенат плебеи, они не могли обсуждать дел, но принимали участие в решении, переходя при голосовании на сторону тех, с мнением кого были согласны. Во всем остальном организация сената осталась старая. Число сенаторов, считая и с «приписными», было прежнее - 300. Новые сенаторы назначались консулами, как прежде царями, и можно думать, что сенат становился по составу «отцов» даже аристократичнее, потому что царь, стоявший одинаково выше всех, легче мог ввести в сенат плебея, чем консул, принадлежавший по происхождению к аристократии и тесно с нею связанный. В скором времени было постановлено, что освободившиеся места сенаторов замещаются не сразу, а через три года, в четвертый, при новом цензе, - и это еще более ограничивало произвол консулов в пополнении сената.

Совершившаяся в Риме революция была, если можно так сказать, консервативна: с устранением царской власти резкой перемены в государственном устройстве не произошло; будущему предстояло решить, как разовьются, какие дадут результаты совершившиеся перемены, как пойдет жизнь общины при вновь созданных условиях - в согласии ли, к одной ли общей цели, или возникнут новые столкновения. Во всяком случае, в эту эпоху было заложено основание римскому гражданству в позднейшем смысле этого слова. Плебеи еще далеко не достигли равноправия, патриции сохраняли еще и политические и экономические преимущества: из числа их избирались все должностные лица, только патриции имели право пользоваться общинными пастбищами. Но право апелляции ко всей общине уже значительно обеспечивало личность каждого плебея, а право подавать голоса в сенат было хотя первым, но самым трудным шагом к уравниению сословий. Старинная знать вместе с тем, не пополняя своих рядов, как прежде, наиболее выдающимися людьми, обращалась все более и более в тесный, строго замкнутый круг, который всегда обречен, рано или поздно, на вымирание и утрату прежних привилегий.

Дальнейшее развитие во внутреннем устройстве общины вообще должно было идти неизбежно по пути уравниения сословий, и в то же время ясно обозначилось стремление строго оградить римское гражданство от новых элементов со стороны: римлянин должен был резко отличаться от чужеземцев, в сердца народа глубоко проникло сознание зарождавшегося могущества и национального единства - и никогда уже оно не покидало римлян до самого конца их истории. Все происшедшие в Риме реформы и революции потому и были плодотворны, тем и были велики, что никогда не имелось в виду ограничивать права самого государства, защищать против него так называемые естественные

права отдельных лиц, а все усилия направлялись лишь на ограничение произвола высших представителей власти в государстве.

Таково было существенное, главное значение происшедшего переворота, но выяснилось все это только впоследствии, современники же, как это часто бывает, ощутили последствия совершившегося с другой стороны - именно они почувствовали усилившееся значение богатых людей.

Вскоре после изгнания царей аристократия приняла ряд мер, направленных к выгоде небогатых людей: были понижены портовые пошлины, удешевлены хлеб и соль, введено как общее правило, что денежные штрафы должны по возможности соразмеряться с имущественным положением наказуемого, так что богатые облагались штрафами значительно большими, чем бедные. Но в то же время с большею силою, чем при царях, стали развиваться и такие явления, которые обращались к отягощению беднейшего класса. Собираемые все сколько-нибудь значительных государственных доходов было отдаваемо на откуп, при тогдашнем состоянии административных органов такой порядок был во многих отношениях удобнее для государства и для населения, но этим путем скопились очень большие капиталы в руках тех зажиточных людей, которые одни только и могли вступать в такие предприятия.

Страдали беднейшие граждане и от порядков пользования общественною землей: по закону право на аренду ее имели лишь патрицианские роды, плебеи же были из него исключены; при царях допускались нередко отступления и в пользу плебеев, но при господстве аристократического сената все мелкие плебейские землевладельцы были решительно устранены от пользования общинными землями, только членам сената из плебеев предоставлялось это право - и они всегда поддерживали все решения об общинной земле, принимаемые патрицианскими членами сената. Вместе с тем сенат стал все реже и реже производить раздачу в собственность участков вновь приобретаемой земли и всегда раздача обращалась к выгоде богатых землевладельцев. Эти последние начинали все чаще и чаще обрабатывать свои земли не руками свободных фермеров, а руками рабов; если же и отдавали свои земли в пользование свободным людям, то лишь в тех случаях, когда люди эти благодаря различным долговым обязательствам находились в полной от них зависимости. Это грозило не только разорением, но и полною деморализацией менее достаточного класса.

И скоро среди него с ужасающею быстротою стала распространяться нужда.

Уже через какие-нибудь 15-20 лет после изгнания царей вспыхнуло в Риме народное волнение на почве борьбы бедных против богатых. Строгое применение долговых законов так раздражило тех, кому пришлось пострадать от них, что во время одной серьезной войны множество призывных отказались выступить в поход. Тогда консул Публий Сервий временно приостановил действие долговых законов - земледельцы явились в войско, и Рим одержал победу. По окончании войны прежние законы были восстановлены во всей строгости - на следующий год снова повторилось то же сопротивление плебеев, и только благодаря избранию в диктаторы популярного аристократа Манья Валерия удалось снова собрать воинов. Когда же и на этот раз по миновании опасного момента сенат обнаружил решительное нежелание сделать что-либо для облегчения финансового положения отягощенных долгами, плебейская армия ушла и расположилась лагерем на одном холме около Крустумерии, между Тибром и Анио, как бы намереваясь основать там свой город. Тогда сенат уступил и благодаря влиянию диктатора удалось достигнуть примирения, клятвенно подтвержденного затем всею общиною.

Кроме принятых немедленно частных распоряжений в облегчение наиболее отягченных долгами была введена серьезная реформа во внутреннее управление государства: решено было ежегодно выбирать кроме двух патрицианских консулов двух плебейских трибунов, выборы которых должны были производиться в собраниях по куриям, т. е. в тех собраниях,

где имел голос каждый гражданин. Власть народного трибуна была бессильна вне города, пред военной властью консула, но в гражданском отношении она была вполне равной консульской. Трибуны получили по отношению к каждому консулу такие же права, какие принадлежали каждому консулу по отношению к его товарищу: трибун мог своим «veto» остановить всякое действие власти - судебное разбирательство, наказание; трибун мог привлечь к ответу и постановить решение относительно всякого должностного лица, даже и относительно консула, не дожидаясь истечения срока его полномочий; апелляция на решение трибуна допускалась только к тому же собранию по куриям, которое выбирало трибунов и где плебеи играли преобладающую роль. Это было, конечно, насилие и несправедливость: на с каким законом несогласимо, что патриций призывался к ответу перед такими властями, которые избирались не всем гражданством, а одною образовавшеюся внутри гражданства группою людей, и к этой же самой группе должен был апеллировать на ее избранников. До какой степени обострились отношения бедных к богатым - всего лучше видно именно из того, что пришлось узаконить такую явную несправедливость. Власть и личность каждого трибуна были ограждены самыми суровыми наказаниями не только за нападение на него, но даже за противодействие ему. Вообще власть консула и власть трибуна были почти одинаковы: власть консула была полнее, потому что простиралась и на войско, власть трибуна - неограниченнее; по характеру своему власть консула была активной, власть трибуна - задерживающею, пассивною.

Учреждению трибунов иные приписывали очень благотворное значение, утверждая, что именно трибуны избавили Рим от опасности тирании. Но, во-первых, тирания не возникла ни в одном из латинских государств потому, конечно, что тирания всегда является следствием всеобщей подачи голосов, а италийцы долгие, чем где-либо, не допускали до участия в решении государственных дел тех, кто не имел собственности, и как только Рим отклонился от этого правила, он тотчас обратился в монархию - и не без участия в этом трибунской власти; во-вторых, если бы даже действительно трибуны сохранили в Риме республику, то и это не имеет большой важности: для народа важна была не форма правления, а улучшение его состояния. Между тем учреждением трибуната в этом отношении ничего не было сделано. Трибуна́т принес временное успокоение, потому что давал немедленную помощь и этим бросался в глаза, существенных же облегчений он не доставлял. Зло было не в том, что жестоко или несправедливо применялись законы, а в том, что сами по себе законы были дурны, что обложение налогами было несправедливо, пользование государственными землями бессовестно, долговые законы жестоки. И ни в чем этом с учреждением трибунов улучшений сделано не было. Предоставление вождям оппозиции законного права veto было смело, но безобидною попыткою. Трибуна́т явился могущественным средством борьбы - и только. Он надолго выбил из колеи правильную жизнь государства и способствовал тому, что долго паллиативами боролись против зла, которое требовало серьезного лечения. О мощном духе римской общины свидетельствует не то, что она ввела такое учреждение, а то, что она его вынесла.

В первые десятилетия существования трибунов положение в римском обществе нельзя назвать иначе как состоянием узаконенной анархии и междоусобия. Две организованные партии стояли друг против друга, и одна стремилась к ограничению консульской власти и расширению трибунской, другая - к уничтожению трибуната. Трибуны прекращали всякую законную юрисдикцию, их противники прибегали к подкупам, убийствам, на улицах не раз доходило до вооруженных столкновений. На почве этой борьбы разыгрались: сильно украшенная легендами история Кориолана (491), попытка Аппия Гердония с шайкою сообщников овладеть Капитолием (460), преобладание в администрации рода Фабиев (485-479) и истребление почти всех его представителей на берегах реки Кремеры (477), наконец, тайное убийство трибуна Гнея Генуция накануне назначенного им суда над обоими консулами (473).

В результате совершавшейся борьбы явились так называемые Публиевские законы (471),

в силу которых старое голосование по куриям, где аристократы могли оказывать влияние через своих вольноотпущенников, было заменено голосованием по вновь учрежденным округам - трибам, которых было установлено теперь 21. В трибах голосовали одинаково все граждане - и патриции, и плебеи, вольноотпущенники же были из триб исключены, а это значительно ослабило влияние аристократии; вместе с тем решения этих плебейских сходок были признаны наравне с голосованием по центуриям за решения всей общины.

В 486 г. консул Спурий Кассий внес серьезный аграрный закон, направленный к тому, чтобы пользование государственными землями предоставить всему гражданству, даже и союзникам из латинов. Его предложение встретило страстный отпор аристократии, а намерение консула наделить землю и латинских союзников дало возможность возбудить против него злобу и бедных римских граждан. Спурий Кассий погиб, и законы его остались неосуществленными - но призрак их постоянно витал и, пугая одних, поддерживал чаяния других.

С 462 г. началась борьба за издание писаных законов, в этом году трибун Гай Терентил Арса потребовал, чтобы законы были изложены письменно и чтобы впредь консулы судили по ним, а не по устному преданию, сохранявшемуся в патрицианских семьях. Сенат упорно сопротивлялся этому требованию, а плебеи 10 лет подряд выбирали трибунами тех же людей, которые подняли этот вопрос и теперь мышление тормозили все распоряжения консулов, чтобы принудить сенат к уступке. Наконец обе стороны пришли к убеждению, что бесполезно продолжать подобное состояние анархии, и пошли на сделку. Сенат согласился, чтобы были выбраны - из патрициев и из плебеев - десять человек с консульскою властью для составления законов, а плебеи согласились на уничтожение трибуната.

В 451 г. выбраны были первые децемвиры - в число их попали одни патриции. Они изготовили в течение года часть законов, которые были одобрены общиною и написаны на 10 медных досках. Для завершения дела были в 450 г. выбраны новые децемвиры, в число их попали и плебеи. Составление писаных законов было окончено, - это были известные Законы XII таблиц. Как компромисс борющихся партий, они не содержали существенных изменений старых законов: по ним был ограничен размер разрешенных процентов и усилено наказание за ростовщичество, которое теперь каралось строже, чем воровство. Долговое судопроизводство осталось очень суровым: подтверждено было различие в правах между землевладельцами и людьми, не имевшими собственности, подтверждено и запрещение браков между патрициями и плебеями; рассмотрение апелляций передано было из собрания по трибам в собрание по центуриям. Главное значение этих законов в том, что теперь консул обязан был судить по ним, всего более в том, что законы были опубликованы и, таким образом, были поставлены под общественный контроль.

Децемвиры были свергнуты до окончания второго года после каких-то волнений, но, конечно, не волнений плебейских, как рисует общеизвестная легенда. Несомненно, они погибли прямо или косвенно от аристократов: учреждение децемвиров было вырвано у аристократии - и после их уничтожения через два года опять вспыхнуло сильное и опасное движение плебеев, принудившее знать снова на уступки. Законы XII таблиц были сохранены, апелляция оставлена была к центуриям, а не к трибам, но народные трибуны были восстановлены и получили право налагать денежные штрафы по своему усмотрению, а право протеста трибунов было распространено и на постановления сената. От консулов было отнято заведование общинною казною и передано квесторам, избираемым общиною. Вообще, мало-помалу все должностные лица стали назначаться по выбору общины, а не консулами. С этого времени уже не делалось больше попыток упразднить трибунат.

Волнения были не столько политического, сколько экономического характера, это были проявления борьбы богатых с бедными. Богатые плебеи действовали заодно с патрицианским сенатом и не поднимали вопроса об полном уравнивании плебеев с патрициями. Когда же трибунат так утвердился, что стала ясна невозможность его

уничтожения, и богатые плебеи стали действовать заодно с плебеями недостаточными и произвели сильный натиск с целью добиться уравнивания политических прав.

В 445 г. прошел закон Канулея: браки между патрициями и плебеями были узаконены и дети следовали состоянию отца - этим разрушена была преграда между сословиями, так долго и упорно охранявшаяся. Затем с такою силою поднялись требования, чтобы плебеи допущены были и к консульской власти, что пришлось и в этом вопросе пойти на уступки: около 444 г. под тем предлогом, что постоянные войны требуют большого числа полноправных военных начальников, решено было вместо двух консулов выбирать ежегодно в центуриях, т. е. в собрании граждан, несущих военную повинность, шесть военных трибунов с консульскою властью, причем от права быть избранными в эти трибуны не были исключены и плебеи, так как в военной службе они всегда имели доступ ко всем должностям. Сенат соглашался, таким образом, допустить плебеев к консульской власти, но не допускал еще их к консульскому званию. Он действовал тут руководясь побуждениями мелочными, но понятными и во все времена действующими на людей одинаково: со званием консула было связано слишком много почетных отличий, которыми тогда очень дорожили. Вместе с тем сенат провел закон, по которому к военным трибунам не перешло право консулов составлять бюджет, пополнять сенат и исключать некоторых граждан от выборов за порочное поведение,- эти права переданы были в руки двух цензоров, учрежденных в 435 г., выбиравшихся из патрициев и впоследствии занявших положение выше консулов. В 421 г. допущено было избрание плебеев и в число квесторов, но влияние аристократии было так велико, что впервые выбран был плебей в квесторы только в 409 г., а в военные трибуны - только в 400 г.

Средние по достатку лица, имевшие значение при выборах» находили для себя более полезным поддерживать родовую аристократию, чем разбогатевших представителей своего сословия, стремившихся получить себе политические права и почти ничего не делавших, чтобы облегчить экономическое положение большинства плебеев: раздача земель производилась по-прежнему редко и всегда с явным предпочтением богатых плебеев, хотя была полная возможность улучшить положение большинства нуждающихся благодаря удачным для Рима войнам, тяжесть которых, естественно, падала всего более именно на беднейших жителей. Несколько раз представлялись проекты аграрных реформ, но все попытки в таком направлении подавлялись в зародыше, а виновники их - трибуны Спурий Метилий и Спурий Мецилий, патриции Марк Манлий, отстаивавший Капитолий от галлов,- всегда погибали. В 390 г., во время тяжелой войны с вейентами, наконец, плебеи опять не пошли в поход - тогда сенат принял на счет казны выдачу солдатам жалованья,- это на первое время улучшило положение беднейших жителей, но скоро оно стало вполне прежним, потому что потребовалось увеличение налогов, что чувствительно всего более для наименее достаточных.

Выяснилась необходимость существенной, коренной, реформы, и в 378 г. трибуны Гай Лициний Столон и Люций Секстий Латеран внесли закон, который должен был осуществить упразднение привилегий, гражданское равноправие и социально-экономическую реформу. Предложение заключалось в следующем: восстановить консульскую власть с тем, чтобы один из консулов был непременно из плебеев, и открыть плебеям доступ в одну из жреческих коллегий; ограничить количество земли, которое мог приобретать гражданин для пользования из числа государственных земель, пятьюстами югерами и количество скота, какое мог он пасти на общинных полях, пятьюстами баранами и сотнею быков; обязать землевладельцев употреблять для обработки своих земель свободных работников в известном соотношении с количеством их рабов и, наконец, облегчить положение должников вычетом из долговой суммы уплаченных процентов. Сенат упорно боролся против этих предложений, а плебеи столь же упорно отстаивали их - и после 11 лет борьбы, в 367 г. законы эти, наконец, целиком прошли.

Первым консулом из плебеев был избран Лициний Столон. Знать боролась опять прежним приемом отделения от консульской власти ее частей, именно судебных дел, которые были переданы в руки преторов и курульных эдилов, на первое время выбиравшихся только и; патрициев, но в течение 356-339 гг. плебеи получили доступ ко всем должностям, не исключая диктаторской и цензорской, и у сената было отнято право отвергать постановления общины, объявляя их противозаконными; в 300 г. был удвоен состав жреческих коллегий, и новые места предоставлены плебеям, а в 289-286 гг. установлено безусловное равенство плебисцитов, т. е. решений, принятых по трибам, постановлениями всей общины.

Долго еще иные из представителей знати не могли примириться с этим положением и, пользуясь всяким случаем, поднимали препирательства из-за рангов и сословных привилегий - препирательства, бесплодно расстраивавшие и отравлявшие общественную и частную жизнь римской общины, но наиболее прозорливые и благородные из патрициев примирились с утратою своих привилегий и стремились с этих пор и наряду с представителями плебейства так работать на пользу отечества, чтобы оно жило не хуже, чем тогда, когда руководство делами принадлежало исключительно патрициату.

Гражданское равенство было установлено и в известной степени действительно осуществлялось. Весь дух гражданства и политика правительства клонились к тому, чтобы по возможности нивелировать граждан, не к тому, чтобы давать особый ход гениальным личностям, а к тому, чтобы делать хорошими гражданами людей, стоящих на некотором среднем уровне, но, конечно, те различия, которые во всяком обществе создаются возрастом, умом, образованием, богатством, существовали и играли свою роль и в Риме. Бесспорно, было важно и благотельно, что каждый гражданин Рима, самый бедный и сын самых незначительных родителей, мог занимать высшие должности, но на практике это случалось только в очень редких случаях, и с личностями только особенно выдающимися. Рим оставался еще общиною простых пахарей, а ведь в деревне бедному мужику труднее занять место старшины, чем в городе место головы бедному горожанину.

Не изменилось существенно и экономическое положение недостаточных жителей. Не только максимум земли для пользования и максимум стад был определен очень высоко, но правящие круги проводили те пункты Лициниевых законов, которые касались земельного вопроса, далеко не с тою энергиею, прямою и последовательностью, какие были необходимы, чтобы постановления закона получили полную свою силу. Правительство не в силах было бороться со своими членами - достаточно сказать, что сам виновник закона, Столон, оказался одним из первых нарушителей его в свою пользу, за что и подвергся ответственности.

Положение среднего класса римского населения все-таки несколько улучшилось, но главным образом потому, что в IV и V вв. от основания города были сделаны римлянами обширные приобретения, давшие большое количество свободной земли, меры же, проведенные законом, оказались паллиативами, но это не уменьшает их важного значения: порицание всяких мер, не имеющих характера решительных и являющихся лишь паллиативами,- это один из самых распространенных приемов в рассуждениях людей, которые не вдумывались в ход исторического развития, но искренний и серьезный наблюдатель жизни народов никогда не разделит такого взгляда, так как знает, что очень часто решительные меры сразу и не могут быть приняты. И нас поэтому не удивит, что и при новых порядках чувствовалось с большою остротою неравенство в положении бедных и богатых и что создавалась новая оппозиция уже прямо для экономической борьбы.

Изложив факты внутренней борьбы в Риме, взглянем, прежде чем обратиться к другим фактам его жизни, как сложилось теперь управление в Римском государстве.

Гражданство в целом осталось высшею самодержавною властью в Римском государстве. Признание за решениями по трибам того же значения, какое имели решения по центуриям,

придало заметно более демократический характер римскому государственному устройству и представляло большую опасность при постоянном возрастании такого не обеспеченного и неустойчивого в нравственном смысле элемента, каким являлись вольноотпущенники, но проистекавшая отсюда опасность была устранена мирно благодаря Фабию, который пользовался таким большим авторитетом, что смог провести закон, в силу которого в собраниях по трибам правом голоса пользовались все свободнорожденные граждане, а из вольноотпущенников лишь те, которые обладали известным имущественным цензом. Этот закон обеспечил решающее значение за более благоразумными элементами, и Фабий заслужил прозвание Великого столько же этою законодательною мерою, сколько и своими победами. Кроме того, тот своеобразный надзор за нравственностью, который все более и более делался главною частью обязанности цензоров, оберегал решения от участия в них заведомо недостойных людей. Компетенция гражданства была более всего расширена относительно выбора должностных лиц, потому что теперь только некоторые должности в военном управлении замещались не по выборам. Гражданство же решало наступательную войну. По вопросам административным к общине обращались лишь тогда, когда власти приходили в противоречие между собою или когда правительство само не желало брать на себя решение какого-нибудь грудного дела. К концу периода на усмотрение гражданства стали представляться уже и вопросы о мирных и союзных договорах. В сущности, однако, власть и влияние гражданства постепенно уменьшались: Римское государство слишком расширилось, задачи его слишком осложнились, чтобы его дела могло вести и даже ясно понимать собрание всех жителей одной общины, которое отлично может принимать решения в вопросах сравнительно простых, близких и понятных всем ее членам, но совершенно непригодно для управления делами обширного государства. Мало-помалу народное собрание начало относиться к решениям все пассивнее и пассивнее, если не мешая, то и не помогая правительству.

Должностные лица, в общем, стали менее полновластны. В этот именно период выработалось понятие об ограничении административных лиц, прежде обладавших властью почти неограниченною. Как общее правило было постановлено, что одно и то же лицо не может занимать несколько должностей одновременно и несколько раз подряд некоторых высших должностей, но последнее правило фактически не соблюдалось.

Существенному изменению подвергся и трибунат. С тех пор как члены общины были уравниены в правах и управление перешло от родовой знати к соединенной аристократии патрицианских и плебейских родов, первоначальное назначение трибунов - охранять плебеев и содействовать достижению равноправия - совершенно утратилось. Теперь трибуны вошли в состав правительства, осуществляли свои судебские функции и почти никогда не пользовались правом протеста. Если же иногда и возникали в этом направлении попытки, то они были обыкновенно неблагоразумны, а иногда и неблагоприятны, и правительственные круги всегда находили законные способы парализовать или сдерживать таких трибунов - обыкновенно чрез их товарищей, таких же трибунов.

Власть сената теперь значительно усилилась. Около 354 г. было постановлено, что в состав сената обязательно входят по окончании срока службы все те, кто раньше исполнял обязанности консула, цензора, претора или курульного эдила, и что только такие сенаторы могут вносить и обсуждать предложения, остальные же сенаторы, назначение которых зависело от соглашения цензоров и консулов, участвовали только в голосовании. Таким образом, теперь и состав сената косвенно стал зависеть от общины. Компетенция сената, по существу, не расширилась, но в то время, как к общине перешла внешность верховной власти, сенат получил в свои руки саму ее сущность. На предварительное рассмотрение сената поступали все законопроекты, и он всегда имел множество легальных путей отклонить неприятный ему закон, а в качестве высшей административной инстанции всегда мог на практике не исполнять постановления общины. Мало-помалу сенат фактически присвоил себе право отменять постановления общины под условием, что община потом

одобрит его решение, но согласие общины обыкновенно затем не испрашивалось. Сенат получил право продолжать полномочия должностных лиц и после истечения срока их службы, только не в самом Риме, и он широко пользовался этим правом, оставляя тех, кого находил полезным, за консула, за претора. От сената зависели война и мир, заключение договоров, назначение главнокомандующего, вывод колоний, раздача земель, все дела по финансовому управлению, сенат не вмешивался только в дела судебные, военные и в текущую администрацию. И нельзя не согласиться, что римский сенат сумел правильно понять и хорошо выполнить свою великую задачу - управлять великим государством. В сенат вступали не по рождению, а по косвенному выбору нации или по назначению, сделанному избранными ею высшими должностными людьми. Звание сенатора было пожизненным, но каждые четыре года сенаторы утверждались в своем положении нравственным судом двух избранных достойнейших представителей гражданства - таким образом, римский сенат соединял в своих рядах всех наиболее выдающихся римских граждан, был самым благородным представителем своего народа, и никогда никакое правительство не исполняло лучше сената самое великое из человеческих дел - мудрое и успешное самоуправление, и никакое собрание не отстаивало во внутренних и внешних делах интересы и достоинство своего народа с такою твердостью и с таким умением, как римский сенат.

Глава II. ПАДЕНИЕ МОГУЩЕСТВА ЭТРУСКОВ. КЕЛЬТЫ

Борьба греческих поселений с этрусками, борьба римлян с этрусками.- Кельты.- Галлы за Альпами, столкновение римлян с галлами.- Сожжение Рима.- Отражение галльских нашествий

Рассмотрев внутреннюю историю Римского государства в течение двух первых столетий после изгнания царей, обратимся теперь к внешней истории Рима и Италии за это время.

К моменту изгнания из Рима Тарквиниев Этрурия находилась наверху своего могущества и была сильнейшею державою на полуострове. В союзе с Карфагеном она безусловно господствовала на западном море, ее корабли вели торговлю и в Адриатическом море, а пираты проникали к берегам Греции и чуть не достигали Малой Азии. Во время смут, последовавших за изгнанием царей и ослабивших Рим, этруски сделали на него энергичное нападение и отняли у римлян всю землю по правому берегу Тибра.

Разыгравшаяся в это время в Элладе великая борьба греков с персами отразилась и в Италии: карфагеняне были в союзе с персидским царем и в самый год нашествия Ксеркса напали вместе с этрусками на греческие поселения в Сицилии, но и здесь эллины так же доблестно отразили врагов, как в метрополии: морские победы сиракузян при Гимере в 480 г. и при Кумах в 474 г. передали господство на море в руки греческих городов Сиракуз и Тарента. то же время и римляне возобновили борьбу с этрусками и после продолжительной войны в 483-474 гг. с соседним этрусским городом Вейи вернули утраченные земли, а в Кампании этрусские поселения были отчасти завоеваны, отчасти истреблены самнитами. Все эти утраты сильно поколебали могущество этрусков, а затем знаменитый Дионисий Сиракузский (406-367) нанес этрускам такие удары, после которых они уже не могли оправиться: он опустошил берега Этрурии и отнял у этрусков всю торговлю и на Адриатическом море, где основал несколько колоний. Новые потрясения испытали этруски от появившегося на полуострове могущественного племени кельтов.

Кельты, или галлы, принадлежали к индоевропейскому племени, они отличались блестящею храбростью, выдающимися умственными дарованиями, но не обладали задатками, необходимыми для великой исторической роли: они любили войну, охотно

покидали одни места, чтобы пуститься в поиски новых, труд над пашней считали унижительным для свободного человека. Земли они, можно сказать, не ценили и, потрясши много государств/сами не образовали могущественного и прочного государственного тела. В незапамятные еще времена они заняли пространство теперешней Франции, отсюда проникли в Испанию, в Ирландию, за Альпы, за Дунай, даже за Босфор и наводили ужас на всех соседей. Около 500 г. большие полчища галлов направились на восток, через Рейн, и на юг, через Альпы: галльские племена инсубров, бойев, сенонов заняли долину реки По и затем постепенно продвигались на юг, все более и более усиливаясь численно и все заметнее тесня этрусков и некоторые умбрийские племена.

К 408 г. истек срок перемирия на 400 месяцев, заключенного после вейентской войны, и римляне очень энергично возобновили войну: они осадили Вейи и держали армию в походе подряд несколько лет - именно в это время римское правительство стало впервые выдавать солдатам жалованье. В 396 г. Вейи были взяты, это был первый крупный успех Рима в борьбе с другим племенем, и римляне долго помнили эту победу. Этруски вели войну сравнительно слабо, а в последние ее годы они искали мира и даже союза с римлянами, потому что как раз в это время их сильно теснили галльские племена. В союз римляне не вступили, но отправили к галлам послов с предложением оставить этрусков в покое, а когда галлы не обратили внимания на эту просьбу, римские послы приняли участие в битве, сражаясь в рядах этрусков. Теперь галлы потребовали у римлян удовлетворения и, когда их посольство возвратилось ни с чем, быстро двинулись на Рим.

Римляне самоуверенно выступили против варваров и совсем недалеко от города, у впадения в Тибр речки Аллии, 18 июля 390 г. потерпели страшное поражение. Жалкие остатки армии были отрезаны от города и укрылись в Вейях, защищать Рим было невозможно, потому что осталось слишком мало способных носить оружие. С государственными сокровищами заперлись они в кремле на Капитолии, не способных защищаться в замок не пустили, так как съестных припасов было там мало; жители должны были спасаться бегством, и очень многие погибли, погибло немало и почтенных старцев сенаторов, не пожелавших покинуть свой город. Галлы выжгли весь Рим и целых семь месяцев стояли под Капитолием, стараясь овладеть унесенными в замок сокровищами. Попытки нечаянных нападений, однако, не удавались, а по тогдашнему состоянию инженерного искусства открытую силою крепкого замка взять было невозможно. Осажденные, впрочем, едва уже держались, когда галлы получили весть, что их жилища подвергаются нападениям венетов; тогда они удалились, но все-таки взяли богатый выкуп.

Удар, нанесенный ими Риму, был страшен, сожжение Рима произвело сильнейшее впечатление: факт этот отмечен и в современных событиях греческих летописях, а римляне долгое время потом считали годы от сожжения своего города. В течение следующих 50 лет галлы еще не менее пяти раз вторгались в Лациум, доходили и до области Рима, но неизменно встречали мужественный и стойкий отпор со стороны союза, руководимого Римом.

Присутствие этой грозной и чуждой силы, пожалуй, еще скрепляло в латинских племенах чувство национального единства и возвышало значение Рима, который принял самое сильное участие в борьбе народов Италии против варваров. Этруски за это время пытались вернуть от римлян свои прежние земли, но начинали всегда действовать недружно, а римляне и их латинские союзники стояли твердо и единодушно, и к 351 г., когда заключено было вновь перемирие на 400 месяцев, римляне заняли значительную часть Южной Этрурии, с городами Капена, Фалерия, Тарквиния, Цере и др.

Со времени нападения галлов на Рим галльские племена являются почти постоянными участниками политических событий на полуострове. Северная его половина вплоть до Аbruцц осталась во власти галльских племен инсубров, кеноманов, бойев, сенонов вместе с племенем венетов и с некоторыми лигурийскими племенами, жившими тут издревле;

этруски удержались только в отдельных местах - в Мантуе с окрестностями и в Атрии, на устьях По. Государство этрусков явно пришло в упадок, силы нации иссякали частью от тяжелой борьбы с внешними врагами, а еще более вследствие недостатков внутреннего строя, который был отмечен, с одной стороны, роскошной жизнью небольшого кружка богатых людей и полным падением среди них нравственности, с другой - крайнею бедностью и не меньшею безнравственностью массы населения. Политическая и социальная борьба, подобная той, какую видели мы в Риме, шла и в этрусских городах, но в народе, лишенном тех прочных нравственных устоев, какие заложены были в душе Рима, социальные перевороты только усиливали бедственное положение, которому они должны были помогать, и государство лишь быстрее клонилось к гибели.

Глава III. ПОКОРЕНИЕ РИМЛЯНАМИ ЛАТИНОВ И КАМПАНЦЕВ. БОРЬБА С САМНИТАМИ

Безуспешное восстание против Рима его союзников.- Первые римские колонии в Италии.- Новое восстание и изменение условий союза.- Завоевания самнитов.- Третье восстание и коренные изменения в устройстве союза.- Самнитские войны

Отмена царской власти в Риме немедленно оказала влияние и на положение Рима в латинском союзе: другие общины союза попытались отнять у Рима его первенствующее положение, но римляне одержали над противниками большую победу при Регильском озере в 499 или 496 г. и сохранили свое значение в союзе. Даже мало того, и в первые годы республики продолжалось неизбежное в каждом союзе превращение гегемонии в полное господство сильнейшего члена союза: к римлянам перешло право постоянно, а не по очереди назначать главнокомандующего; римляне решали окончательно вопрос о мире; они преимущественно своими гражданами заселяли вновь приобретаемые места для колоний, получали всегда львиную долю добычи, состоявшей из движимости и т. д. Внутренние отношения союза, свобода переселений, браков и пр. сохранялись по-прежнему. Управление во всех союзных городах довольно скоро было организовано по образцу управления в Риме, т. е. перешло в руки аристократии, а развитие чувства национального единства латинов повело к тому, что нация не только удержала свою территорию, но сделала вскоре и значительные приобретения.

Около 494 г. увеличение числа граждан и средств побудило римлян основать колонии в юго-восточном направлении от города, так возникли Велитры, Суесса, Норба, Сигния. Заняв ту область, где лежат эти города, римляне вдвинулись между племенами эквов (к востоку) и вольсков (к югу от Рима). Владения римлян достигли земель герников, и это не особенно сильное племя тогда вступило с Римом в союз, в благодарность за что было включено в латинский союз на правах полного равенства. В 442 г. покорены были рутулы и их город Ардея обращен в латинскую колонию. Около 394 г. основана была в земле вольсков, к югу от Рима, колония Цирцея, с которою Рим мог первое время сообщаться только морем. Вольски долго отстаивали свою свободу, но ок. 380 г. земля их была покорена римлянами и среди поселений вольсков размещены были римские колонисты.

Усиление латинского союза имело последствием внутренние в нем раздоры: по мере того как, торжествуя над соседями, латинский союз начинал чувствовать себя все более и более вне опасности, уменьшалась у союзников покорность по отношению к Риму, а у Рима возрастала требовательность и самовластие в решении дел, касавшихся отдельных членов союза. Удар, нанесенный Риму галлами, дал недовольным смелость открыто подняться против главы союза. Но восстание не было общим и организованным; в течение 383-354 гг. Рим усмирил оказавшие неповиновение города, в том числе и некоторые из своих колоний: Ланувий, Пренесту, Тускул, Тибур, Велитры и Цирцею. Строже всех был наказан Тускул: он

потерял свою политическую самостоятельность и был включен в союз как подвластная Риму община,- это было первым примером в своем роде; в то же время римляне усмирили восстание герников. Теперь был признан нужным пересмотр условий латинского союза, который и был произведен в 384 г. Полноправных членов союза, имевших голос в общем его совещании, осталось по-прежнему 30; принимали участие в латинском празднестве, но не имели голоса в совещании еще 17.

Установить точно, какие именно это были города в ту эпоху, невозможно: у одних городов голоса иногда по тем или другим соображениям отнимались и передавались другим; города, в это время не входившие в латинский союз, впредь принимались Римом в союз уже не как полноправные члены, а только с ограничениями: они были изолируемы друг от друга и получали право заключать браки и коммерческие сделки не с любым городом союза, а только с Римом. Рим заботливо укреплял свои связи с отдельными общинами и свое влияние в них: повсюду вводились те самые институты, которые вводил у себя Рим,- преторы, эдилы. По договору, заключенному между Римом и Карфагеном в 348 г., карфагеняне обязались не нападать ни на какой город союза, но если бы какой-либо город отложился от союза, то карфагеняне имели право напасть на него, однако, взявши, не могли его разрушать, а обязались передавать Риму.

Верховенство над союзом Рим держал в своих руках твердо, но внутреннего мира в союзе не было, и нельзя было сомневаться, что союзники воспользуются случаем сбросить зависимость, которою они тяготились, как только Рим встретит какие-нибудь значительные внешние затруднения, а такие затруднения предстояли неизбежно, потому что владения Рима слишком уже распространились и его интересы сталкивались со многими и различными интересами...

Полное падение этрусского могущества доставило возможность распространить свои владения самнитским племенам, жившим в горной стране между Кампанией и Апулией. Самниты двинулись на запад и на юг и скоро достигли значительных успехов: они покорили всю Кампанию, а затем и большинство греческих колоний на юге, удержали свою самостоятельность только Неаполь и Тарент, усилились также луканцы и бреттии, занимавшие южные оконечности полуострова (424-390).

Вступившие в близкие отношения с греками самнитские племена подверглись сильному влиянию эллинской культуры, в их среде распространилась страсть к роскоши, распущенность нравов, представители их знати отличались рыцарскою храбростью и высоким умственным развитием, но у них эти качества не были соединены с твердым мужеством, каким обладали римские патриции. Обширные и блестящие завоевания самнитов вообще послужили скорее к ослаблению племени, чем к его усилению.

В противоположность римлянам, которые рядом политических и экономических мер прочно привязывали к своему городу присоединенные области, самниты, покоря чужие племена, только рассеивались по новым областям, при этом те самниты, которые оставались в своих первоначальных местах жительства, смотрели недружелюбно на своих соотечественников, значительно изменившихся под греческим влиянием, а эти последние, в свою очередь, опасались и не любили своих горных соплеменников, которые казались им слишком грубыми. Взаимное недоверие между ними предало в руки римлян самый богатый город Италии того времени, Капую. Капуанские самниты попросили римлян принять Капую в подданство, только бы они защищали ее от самнитов горных, и если уже по этому поводу не вспыхнула война римлян с самнитами, неизбежность которой чувствовалась, то лишь потому, что самниты были заняты борьбою с Тарентом - который привлек в качестве наемников, между прочим, спартанского царя Архидама, а после его смерти Александра Молосского, дядю Александра Великого,- а римляне опасались восстания союзников, которое, действительно, и вспыхнуло в следующем году, когда против Рима поднялись все латинские города союза, за исключением Лаврона, и из римских колоний Велитры, Анций и

Таррацина. Римлянам пришлось сделать величайшие усилия, но зато они одержали в 340 г. полную победу подле Тифана под начальством Тита Манлия Торквата, и в течение следующих двух лет восстание было окончательно усмирено.

Теперь латинский союз был уничтожен, договоры были возобновлены уже не между Римом, с одной стороны, и союзом - с другой, а между Римом и каждым городом отдельно. Теперь жители каждого города получили право заключать браки и коммерческие сделки только с гражданами Рима, а не с гражданами других городов; у всех городов были отняты части их земель соразмерно со степенью виновности их перед Римом и повсюду поселены римские граждане; Ланувий, Ариция, Номент, Педум были лишены политических прав и сделались римскими подвластными общинами, как Тускул; Велитры были наказаны еще строже: из города был изгнан сенат и произведены суровые конфискации. Такие же порядки установили римляне мало-помалу и в Кампании, где они владели кроме Капуи еще Кумами, Формиями и др. Здесь также введено было повсеместно и римское общинное управление.

Новая область привлекала все внимание римлян, они старались и привязать ее к себе целым рядом административных и экономических мероприятий, и укрепить за собою цепью крепостей: становилась очевидною неизбежность борьбы и с самнитами, которые протестовали против права римлян распоряжаться некоторыми из кампанских общин. Впрочем, Рим теперь настолько усилился, что для него была бы страшна разве что борьба с коалицией всех других племен и союзов полуострова, но вероятность такой коалиции была слишком мала: у противников Рима не было достаточно прозорливости, мужества и самоотвержения, чтобы своевременно составить прочный союз и поддержать его при отдельных неудачах.

Самниты, со своей стороны, тоже сознавали неизбежность борьбы с Римом и делали попытки найти себе союзников, но скоро они убедились, что им надо рассчитывать почти исключительно на себя и что в лучшем случае их успехи вызовут присоединение других племен. Особенно ценно для самнитов было бы содействие Тарента и луканцев, но эти желанные союзники уклонились от участия в предстоящей борьбе: Тарент - благодаря недалёковидности и вялости своего демократического правительства, а луканцы - потому что соблазнились предложениями союза со стороны римлян и предпочли употреблять свои силы на более близкое и легкое дело - на набеги в богатую область Тарента. Натянутые отношения между Римом и самнитами длились уже несколько лет, и открытая война вспыхнула по совершенно мелкому поводу: римляне готовились овладеть Неаполем, а самниты предупредили их и заняли его своим гарнизоном. Тогда римляне немедленно объявили Неаполю войну (327 г.), через год этот город и ближайшие к нему Вольтурна, Нуцерия, Геркуланум поддались римлянам. Война же с самнитами продолжалась.

Первая Самнитская война шла 22 года (326-304). Первые четыре года перевес был явно на стороне Рима, и самниты просили мира, но просьба их была отвергнута. В 321 г. военное счастье совершенно изменило римлянам. Оба их консула, находясь во главе сильной армии, по ложным слухам о тесном обложении самнитами одной крепости двинулись к ней на выручку через гористую местность и попали (321 г.) в Кавдинских ущельях в такую засаду, что не было решительно никакой возможности спасти армию. Самнитский военачальник Гавий Понтий согласился отпустить армию за ничтожное, в сущности, вознаграждение - консулы от имени Рима обязались уступить несколько незначительных округов, - но вместе с тем с великим поруганием: армия должна была выдать оружие, пройти под виселицей и оставить в обеспечение договора 600 заложников из числа всадников.

Когда опозоренная армия явилась в Рим, сенат отказался ратифицировать мир, он отослал самнитам консулов, его подписавших, предоставил им поступать как угодно с заложниками и продолжал войну. И сенат действовал именно так, как должно всегда действовать правительство, понимающее, что главная его обязанность - блюсти честь и интересы народа. Помимо того что консулы не имели и полного права заключать окончательный мир без

сената и народного собрания, великий народ не поступает своими владениями иначе как под давлением крайней необходимости, и соглашения об уступках вовсе не являются нравственными обязательствами - всякий народ, напротив, обязан считать долгом чести уничтожить такие договоры. Со своей стороны и самниты показали себя в этом деле великим и благородным племенем: они не подвергли заложников и консулов никаким наказаниям.

Война продолжалась - и первое время успех опять был на стороне самнитов, только в 319 г. Люций Папирий Курсор одержал значительную победу над врагами Рима. Но все-таки в 314 г. самнитская армия проникла в самую Кампанию и стояла под Капуей. В следующем году перевес перешел к римлянам, а в 309 г. Папирий Курсор нанес новое сильное поражение самнитам. Они опять предложили мир, но и теперь не удалось согласиться относительно его условий. Две римские армии вторглись в Самниум, разбили армию самнитов, взяли в плен их вождя Стация Геллия и овладели Бовианой, столицей Самниума, - тогда сопротивление самнитов прекратилось.

В течение этой борьбы против Рима поднимались и другие враги: в 311 г. Тарент вдруг потребовал прекращения войны, но римляне просто не обратили на это никакого внимания. Вскоре к самнитам присоединились этруски, и самниты, жертвуя обороною своей страны, привели в Этрурию значительные силы, но этруски не выдержали и одного сильного удара, а после победы консула Квинта Фабия Руллиана у Вадимонского озера в 310 г. города их один за другом заключили с Римом мирные договоры; поднимались в подмогу самнитам герники, умбрийские племена марсов и пелигнов, а также и некоторые города бывшего латинского союза, но с ними римляне справились без труда и сурово наказали изменявшие города, из числа граждан города Фрегелл, например, было казнено в Риме сразу более 200 человек.

Война с самнитами окончилась в 304 г. миром на очень умеренных условиях: самниты уступили лишь некоторые незначительные округа и приняты были в равноправный союз. Римляне думали этим обеспечить себе спокойствие на то время, в течение которого они надеялись выполнить задачу, совершенно необходимую для их дальнейших успехов: подчинив себе окончательно племена герников, эквов, вольсков, живших уже среди территории, вполне принадлежавшей Риму, но сохранивших еще самостоятельность, римляне немедленно начали устраивать укрепленный округ между Этрурией и Самниумом; когда завершилось бы устройство крепостей Альбы, Карсиоли, Нарнии, Сутрии и Соры, когда они были бы соединены хорошими дорогами, облегчавшими движение армии, тогда Южная Италия была бы отрезана от Северной, соединение армий самнитской с этрусской или галльской стало бы невозможным и Риму гораздо легче было справиться с разъединенными силами своих противников.

Самниты понимали намерения Рима и решились на новую попытку отвратить опасность, угрожавшую их свободе. В 298 г. они быстрым ударом на луканцев достигли того, что у этого племени власть перешла к той партии, которая и раньше не сочувствовала союзу с Римом, а теперь решила поддерживать самнитов. Затем они привлекли к союзу галлов и этрусков и, пока еще не было закончено устройство укрепленного округа, начатое Римом, провели свою армию в Умбрию на соединение с союзниками. Так началась вторая Самнитская война (298-290).

Римляне без особого труда и быстро заставили луканцев отказаться от союза с самнитами и выслать в Рим заложников. В Этрурии и Самниуме военные действия имели второстепенное значение, главные события должны были произойти в Умбрии, где сосредоточивалась под начальством Геллия Эгнация огромная армия этрусков, галлов и самнитов, прошедших сюда мимо римских крепостей. Римляне напрягли все свои силы и выставили 60-тысячную армию под начальством лучших своих вождей - Квинта Фабия Руллиана и Деция Муса. При Сентине, на склонах Апеннин, произошла в 295 г. решительная битва. Счастье долго колебалось - и вот враги стали уже одолевать римлян, тогда Деций Мус приказал жрецу обречь на гибель римского вождя и неприятельскую армию и бросился в

самую жаркую сечу, на верную смерть, в твердой вере, что если исполнится первая часть обета, то исполнят боги и вторую... Он погиб, но римские воины удвоили свои усилия и одержали полную победу. Она стоила жизни девяти тысячам римских граждан, но имела и огромные результаты.

Коалиция против Рима распалась: галлы бросили войну, Этрурия в следующем, 294 г. заключила мир, одни самниты продолжали еще три года свою геройскую, но теперь уже безнадежную борьбу. Тщетно пытались они вызвать вмешательство Тарента, близорукое правительство которого не оценивало значения успехов Рима и интересовалось больше замыслами Агафокла Сиракузского приобрести гавани на берегах Италии. После нескольких частных успехов самниты понесли тяжелые поражения от Люция Папирия Курсора-сына и Манья Курия Дентата, и в 290 г. заключен был мир на условиях опять весьма сносных для самнитов.

Римляне теперь особенное внимание обратили на то, чтобы протянуть свои владения и за Апеннины, поперек полуострова, до Адриатического моря. В 289 г. они основали на этом море первую свою колонию и сильную крепость Атри, затем - *Castrum Novum*, в то же время усилена была Венузия, самая многочисленная колония римлян, основанная там, где сходились границы Самниума, Апулии и Лукании. Римляне уже предчувствовали, что такой державе, в какую выросла теперь их община, придется неизбежно столкнуться с другими великими державами, и готовились к борьбе.

Глава IV. БОРЬБА С ЦАРЕМ ПИРРОМ

Столкновение римлян с луканцами и Тарентом.- Пирр в Италии.- Битва при Геракле.- Безуспешные попытки Пирра заключить мир.- Битва при Беневенте.- Попытка карфагенян завладеть Тарентом.- Италия объединена под владычеством Рима

После полного поражения самнитов римляне не нуждались уже в союзе с луканцами и в 285 г. потребовали, чтобы они прекратили свои нападения и грабежи соседних греческих городов, которые просили покровительства римлян. В ответ на это луканцы задержали послов, выставили сильное войско и подняли против Рима этрусков, умбров и галлов. В следующем году сеноны истребили в Этрурии целую армию римлян, перебив до 13 000 человек. Но, пока союзники договаривались, спорили о субсидиях и плане войны, римляне действовали: в 283 г. сильная армия вступила в область сенонов и произвела там страшное опустошение, все уцелевшие сеноны выселились поголовно в придунайские страны и Македонию, так как им предоставлено было избирать между смертью и удалением из своей области. Озлобленные такую расправу со своими соплеменниками, бойи огромною массою двинулись на Рим, но у Вадимонского озера галлы и этруски были совершенно разбиты в 282 г., и на севере Италии восстановлен был мир, по которому римляне удержали область сенонов, вскоре заключили мир и луканцы, а ближайшие к ним греческие города приняли к себе римские гарнизоны.

Теперь оказался в непосредственном соседстве с римскими владениями Тарент. Богатый город с чисто демократическим устройством давно уже недоверчиво и с опасением смотрел на успехи Рима, теперь впечатлительные греки быстро дошли до озлобления, и это чувство по совершенно ничтожному поводу прорвалось с такою неумеренностью, какая возможна только при безрассудстве и недобросовестности, свойственным владычеству черни: римляне отправили флот во вновь устроенные колонии на Адриатическом море и флот этот по пути зашел в Тарентскую гавань, как это постоянно делали римские корабли, но на этот раз вдруг уличные ораторы возбудили толпу, напомнили какой-то частный, давно забытый договор, по

которому римляне обязывались не посылать своих кораблей восточнее Лакинского мыса, толпа бросилась на римлян, убила адмирала, захватила пять судов и много матросов, которые немедленно были частью перебиты, частью проданы в рабство. Если даже была и верна ссылка на какой-то договор, текст которого до нас не дошел, то ясно, что никакое нарушение договоров не могло оправдать такой дикой расправы,- просвещенный греческий город словно хотел показать, что и высокая цивилизация не уничтожает в человеческой натуре всех элементов зверства.

Римляне имели полное право немедленно напасть и беспощадно наказать виновников неслыханного и ничем не вызванного оскорбления, но они, выставив армию, сначала потребовали только выдачи виновных и войну начали лишь тогда, когда получили отказ и в этом. Умеренность римлян объясняется их желанием лучше подготовиться к войне, так как им было известно, что тарентинцы давно уже приглашали к себе прославленного в то время греческого вождя, царя Пирра, теперь тарентинцы поспешили договориться с Пирром и решились на борьбу, зная, что римляне во всяком случае не оставят их без сурового возмездия - если не теперь, то как только представится возможность.

Пирр принял приглашение, имея в виду более широкие планы, чем предполагали противники Рима. Согласно условию Пирр делался главнокомандующим над всеми силами, которые выставит коалиция против Рима: на время войны он занимал Тарент гарнизоном, но обещал не оставаться в Италии более, чем будет нужно; денежные средства, конечно, доставлял Тарент. Весною 280 г. Пирр высадился в Таренте с войском в 23 000 человек и с 20 слонами - оказалось, что это почти все, на что он мог рассчитывать: коалиция еще не выставила никаких войск. Отношения с тарентинцами у Пирра сразу испортились, потому что он потребовал, чтобы и они несли службу, а граждане полагали, что, наняв войско, они ни к чему более не обязаны, как только платить деньги.

Римляне собрали армию в 50000 человек и, обезопасив себя в сомнительных городах гарнизонами, двинулись к Таренту. У Гераклеи, на берегу реки Сирус, в 280 г. консул Публий Левин атаковал Пирра. Произошло упорное сражение, долго остававшееся нерешительным. Наконец искусные распоряжения Пирра и атака слонами доставили грекам полную победу, римляне отступили, потеряв 15 000 убитыми и ранеными и 2000 пленными. После этого надежды врагов Рима ожили, к Пирру присоединились луканцы, бреттии и самниты.

Пирр понял, однако, что трудна будет борьба с Римом: не только ни один пленный не принял предложения Пирра вступить к нему на службу, что постоянно делалось в Греции, но ни один латинский город не поколебался в своей верности римскому союзу. Пирр отправил в Рим своего приближенного, даровитого оратора Кинеаса, чтобы вступить в мирные переговоры. Царь требовал только независимости греческих городов и возвращения округов, отнятых у самнитов, бреттиев и луканцев. Кинеас приложил все свое искусство, чтобы не задеть самолюбия сената, и, напротив, старательно выставлял уважение, которое действительно питал Пирр к Риму, и желание царя жить в дружбе с мужественным народом. Слова Кинеаса оказывали уже влияние, но престарелый слепой Анний Клавдий, герой еще первых лет первой Самнитской войны, страстно и гордо речью вдохнул в сенаторов мужество отвергнуть мир и биться, пока не достигнута будет победа. Кинеас оставил Рим, унося глубокое впечатление от этих людей, которые жили очень бедно, но так богаты были любовью к родине и к ее славе.

Зимой римляне предложили обмен пленными, Пирр отказался, но на честное слово отпустил всех пленников на праздник Сатурналий - и все они возвратились к сроку. Весною 279 г. произошло новое сражение, в Апулии при Авскуле. С обеих сторон бились по 70 000 человек. Сражение возобновлялось в течение двух дней: в первый день перевес остался на стороне римлян, но на другой день Пирр сумел занять очень удобную позицию и снова одержал победу - и опять с грустью видел, что никакого существенного политического

успеха он не достиг; ему стало ясно, что ресурсы римлян сравнительно с его ресурсами чрезвычайно велики, помимо того что Рим прилагал к борьбе неизмеримо больше энергии, чем коалиция.

Царь уже тяготился своим предприятием, в успех которого перестал верить, и с радостью встретил приглашение сиракузян принять власть в их городе: в Сицилии карфагеняне, пользуясь внутренними раздорами греческих городов, энергично и успешно распространяли свои владения и, наконец, Сиракузы, так недавно еще могущественная морская держава, едва отстаивали от них свою самостоятельность; в таких-то обстоятельствах сиракузяне и позвали к себе Пирра, а так как он был зятем последнего властителя Сиракуз Агафокла, то предложение являлось во всех отношениях подходящим.

В первой половине 278 г. Пирр отплыл в Сицилию, оставив на полуострове свои главные силы под начальством опытного полководца Милона. Вмешательство Пирра в дела Сицилии побудило римлян и карфагенян заменить свои прежние торговые договоры новым, союзным: в случае вступления Пирра на территорию карфагенян римляне обязывались доставить им армию, в случае вступления на территорию римлян карфагеняне обязывались доставить флот; обе стороны обещали не заключать с Пирром отдельного мира.

В течение двух лет Пирр овладел почти всю Сицилию, только Лилибей оставался в руках карфагенян. Пирр снарядил и большой флот, но вместо того, чтобы окончательно изгнать карфагенян из Сицилии, отнять у них и Лилибей, он отправился в 276 г. снова в Тарент - и немедленно утратил Сицилию: он управлял делами столь непоследовательно, столь мало применяясь к духу народа, что немедленно после его отплытия города один за другим завязали сношения с Карфагеном, и вскоре положение в Сицилии вернулось к тому, каким было оно до появления Пирра.

Полная неудача ожидала его и в Италии. Римляне отдохнули, усилили свою армию, тогда как Пирр не мог уже выставить таких же опытных солдат, каковы были приведенные им из Греции и большей частью уже погибшие в боях. В 275 г. в битве при Беневенте он потерпел полное поражение - и сразу из руководителя колоссального предприятия он стал тем, чем в сущности и был - вождем наемников, храбрым воителем, но совершенно неспособным заложить основы государства. Он оставил гарнизон в Таренте и отплыл на родину. Здесь его заняла борьба с мелкими местными врагами, и вскоре он был убит во время ничтожной уличной схватки в Аргосе (272 г.).

Появление Пирра в Италии было естественным завершением сношений Греции с Италией, которые уже давно получили политический характер: при дворе Александра Великого в Вавилоне бывали послы луканцев, бреттиев и карфагенян, и вполне возможно, что Александр предполагал защитить сицилийских греков от карфагенян и объединить в одно государство греческие поселения в Италии. В смутную эпоху его преемников эти планы были на время оставлены, но сношения продолжались: в 306 г. римляне заключили торговый договор с Родосом. Замысел основать западное Эллинское государство, ядром которого служили бы Эпир, Великая Греция и Сицилия, - замысел почти столь же грандиозный, как предприятие Александра Македонского, и возобновил родственник его Пирр.

Предприятие Пирра заслуживает большого внимания и как первое столкновение греков и римлян на военном поприще, и по личности царя, и по особым условиям, которые выяснились в этой борьбе. Лично Пирр отличался живым умом, редкою храбростью и еще более редким в то время между греками свойством - безукоризненною честностью и благородством характера. При дворе Птолемея и в войске Димитрия Полиоркета он в совершенстве изучил военное искусство своего времени и обнаружил таланты вождя, его подданные называли своего царя орлом и боготворили его. Македонцы избрали его на престол Александра Великого, но Пирр через несколько месяцев добровольно оставил Македонию, утомленный придворными интригами.

Деятельность Пирра в Сицилии, однако, раскрыла все различие между ним и Александром Македонским, с которым его нередко сравнивают. Александр в очень короткое время сумел так привить греческое влияние во всех областях, которые были под его властью и влиянием, что оно никогда уже там не изгладилось, а Пирр совершенно не сумел достичь чего-либо подобного. Но грандиозное предприятие Пирру не удалось не потому только, что он был лишь талантливым полководцем, а не гениальным государственным человеком, как Александр,- главным образом, оно не удалось потому, что на востоке сами народы не отстаивали своей свободы и самобытности, а довольно безучастно смотрели на перемену своего господина, на западе же отстаивал себя весь народ, и если можно было разбить его армии, то никакими силами нельзя было сделать латинов плательщиками в пользу греческих владык.

В год смерти Пирра оставленный им в Таренте гарнизон сдал крепость римскому консулу, когда в гавани появился сильный карфагенский флот и приходилось выбирать между сдачей римлянам и карфагенянам. Это было огромным счастьем для Рима и событием мирового значения: карфагеняне давно желали и, вероятно, смогли бы захватить в свои руки этот важный пункт, если бы противиться им попытался гарнизон Пирра, и при тогдашнем состоянии инженерного искусства отнять сильную крепость у карфагенян римлянам, быть может, и вовсе не удалось бы. А чем могло отозваться на ходе событий то обстоятельство, что карфагеняне имели бы в своих руках гавань в Италии, это станет ясно из истории войны Ганнибала. Теперь же карфагенянам пришлось примириться с совершившимся фактом. С другой стороны, когда посольству, которое было отправлено в Карфаген за объяснениями подозрительного появления сильного флота пред Тарентом, были даны клятвенные уверения, что имелось в виду поддержать римскую армию при осаде Тарента, римляне сочли нужным удовлетвориться таким ответом.

Вскоре покорились Риму луканцы, бреттии, а в 269 г. окончательно подчинен был и Самниум. В течение следующих пяти лет прекратилось всякое сопротивление на всем пространстве Южной Италии, римляне же по-прежнему укрепляли свои новые владения основанием колоний и проведением новых дорог. Теперь Италия была объединена под владычеством Рима. Для обозначения формы господства Рима не было общеупотребительного наименования, что характерно и свидетельствует о мудрой предусмотрительности. В точности установить все подробности устройства этого государства невозможно, но в главных чертах оно известно с достаточною полнотою.

Отношения италийцев к Риму были чрезвычайно разнообразны. Часть жителей пользовалась правами полного гражданства, остальные находились в подчиненности, в которой можно различать, по крайней мере, три степени. Права полного гражданства имели жители Рима и многих колоний, основанных им в разных городах. Настоящие граждане участвовали в выборах и могли занимать все должности в республике. Большинство латинских общин пользовались правами ограниченными, но наиболее широкими после полного гражданства: они пользовались самоуправлением, но их граждане не участвовали в выборах и не могли быть избираемы на должности, связанные с управлением всею республикою, если не приобретали прав и римского гражданства, доступ к которому все затруднялся. Так, было постановлено, что права эти могут приобретаться только теми из граждан других общин, кто на прежнем месте своего жительства мог оставить взрослого сына, способного там нести гражданские обязанности, затем требовалось, чтобы лицо, ищущее прав полного гражданства, занимало ранее в своей общине высшие должности по выбору. Другие латинские общины, а равно и большинство колоний, заселенных гражданами латинских городов, не имели и самоуправления, а управлялись от лица римского претора префектами, которые были им назначаемы.

Наконец, нелатинские общины были ограничены в разных правах и по своему положению приближались к подданным.

Географическое распределение общин разных категорий и численный их состав нельзя установить с точностью. Можно указать, что перед самым началом первой Пунической войны насчитывалось до 280-290 тысяч способных носить оружие, но в это число, несомненно, включены и пользовавшиеся неполными правами гражданства. Внутреннее управление отдельных общин было организовано в общем по образцу управления всей республики: по крайней мере, во время Ганнибаловской войны в Беневенте, в Венузии были консулы, трибуны и т. д. Сенат римский в отношении к италийцам обнаруживал истинную государственную мудрость и, сурово наказывая всякую попытку отдельных городов или общин действовать в чем-либо во вред государству, весьма сдержанно и благоразумно проявлял свое господство и силу, пока общины не обнаруживали стремлений, опасных для государства. Исстари сенат не применял и самого опасного и соблазнительного права - права облагать подданных податями. Тягость военной службы лежала преимущественно на гражданах, за что они с полным основанием пользовались и большими выгодами от всякого рода добычи.

Учрежденные в 267 г. четыре италийских квестора поддерживали необходимую связь италийских общин с римским сенатом. Под мудрым руководством сената утвердилось национальное единство, а теперь романизация делала быстрые успехи и среди менее родственных римлянам племен. Рим, связавший искусно сплетенными и прочными нитями все италийские общины в одно величественное политическое здание, стал в полном смысле великою державою. Теперь его не могли не касаться политические события, разыгравшиеся во всех концах Средиземного моря, теперь он должен был явиться участником великой политической борьбы, которая уже давно шла в восточной части Средиземного моря и которая обусловила возникновение Карфагена и стала уже вовлекать в свою сферу и Рим.

Рим теперь должен был стать и морскою державою, он ведь и первоначальным своим значением был обязан в сильной степени тому, что был морскою гаванью всего Лациума, и римские государственные деятели никогда не были столь безрассудны, чтобы думать, что государство может быть могущественно, оставаясь исключительно континентальною державой. В то время, когда Рим направлял все силы на упрочение своего могущества в Италии, мореплавание его временно пришло в упадок и даже чужеземные корсары опустошали иногда берега Лациума (349), но договоры, заключенные в 348 г. с карфагенянами и около того же времени с Тарентом, доказывают уже существование римского флота, хотя свидетельствуют и о жалком его состоянии. Опасность и унижительность такого положения в Риме скоро поняли, с начала IV в. римляне обратили особенное внимание на укрепление берегов Италии, создали целый ряд колоний на восточном и западном морях, организовали военную защиту этих колоний.

С завоеванием Неаполя римляне начали усиливать и свой флот, в 311г. учреждена должность двух начальников флота, а в 267 г. организация управления флотом была улучшена и расширена. Около этого времени римляне отправляли экспедицию колонизовать Корсику, а отдельные их корабли выходили даже в океан. Победив Тарент, римляне взяли у него все корабли и отвели их в Остию, так же поступлено было и ранее при завоевании Анций. Чувствовалось уже, что начинается соперничество, недружелюбные отношения у римлян к карфагенянам, которые господствовали в западной части Средиземного моря, и у карфагенян к римлянам, которые начинали создавать свое морское могущество.

В 273 г. римляне обменялись посольством с египетским царем, предметом посольства было урегулирование торговых сношений, но знаменателен уже сам по себе факт, что у Рима завязывались отношения с тем государством, которое давно уже вело политическую борьбу с Македонией и коммерческую с Карфагеном. После объединения Италии намечались новые задачи, предстоявшие Риму в ближайшем будущем.

Глава V. ЗАКОНЫ. РЕЛИГИЯ. ВОЕННОЕ ДЕЛО. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО. ПРАВЫ. ИСКУССТВА И НАУКА

*Цензорская власть. Смягчение наказаний. Религиозность.- Римское войско.- Сельское хозяйство. Ремесла.- Рост города Рима.- Знакомство с греческой культурой.-
Сценические представления.- Первые исторические записи.- Архитектура*

Наиболее оригинальной чертой внутреннего устройства римской общины был своеобразный нравственный контроль, которому подлежал постоянно каждый гражданин. Контроль этот выражался первоначально в наложении каким-либо должностным лицом штрафов за неисполнение того или другого законного распоряжения, затем в наказаниях за роскошь и, наконец, в деятельности цензоров, которые имели право ограничивать избирательные права гражданина за порочное поведение, со временем цензоры стали высшими по рангу должностными лицами общины. Бесспорно, такая система управления имела немало существенных неудобств, но она поддерживала сильное возбуждение общественного духа и сочувствие к общественным интересам.

В уголовном законодательстве постепенно развивалось смягчение наказаний. Не было утверждено законом, но обычаем признавалось правило, что всякий гражданин, обвиненный, но еще не осужденный, мог избавиться от какого бы то ни было личного - не имущественного - взыскания, если отказывался от своих гражданских прав, это значительно уменьшало число судебных приговоров. Порядки судопроизводства изменились, были назначены особые должностные лица специально для отправления правосудия. С расширением римской области в интересах местного населения назначались местные судьи с ограниченной юрисдикцией, преимущественно для дел гражданских. Прежде неограниченная власть отца над детьми подверглась ограничению, и сын, троекратно проданный отцом и троекратно отпущенный на волю, уже не поступал снова под власть отца.

Религиозное благочестие предков сохранялось в эту эпоху еще во всей полноте. С конца III в. начинает развиваться в римской общине поклонение греческим богам: в течение 485-291 гг. в Риме было сооружено немало новых храмов, в том числе храмы Кастора и Поллукса, Аполлона, Афродиты, Эскулапа и др.

Военное искусство среди множества войн получило значительное развитие, и римский легион, с установленными за это время в нем приемами вооружения и боя, явился организацией, наилучше приспособленной для боя единственным тогдашним оружием - холодным. Весьма существенным оказалось также введенное в этот период правило немедленно укреплять лагерь, какую бы кратковременную ни казалась остановка.

Хлебопашество по-прежнему оставалось основой всего римского быта. Римский поселянин оружием приобретал себе новые земли, а плугом закреплял их своему отечеству. Римские землевладельцы к концу этого периода в общем пользовались достатком благодаря множеству приобретений, сделанных вооруженною рукою. По-прежнему преобладала мелкая собственность, но начали появляться и крупные хозяйства, и в них чаще и чаще применялся труд рабов вместо того, что прежде участки земли сдавались свободным арендаторам. Место полбы в сельском хозяйстве с этого периода заняла пшеница. К началу этого периода относится появление римской монеты, первоначально медной. Чеканить свою монету имела право всякая община, но преобладали три типа монеты: северный - монета этрусских и умбрийских общин,- средний - монета Рима и Лациума - и южный. Эти три типа соответствовали трем важнейшим округам внутренней торговли. Развивалась и заграничная торговля: предметы греческого производства, относящиеся к первой половине V в., встречаются редко, предметов второй половины века значительно больше, а предметов IV в. множество.

Ремесленная деятельность в самом Риме развивалась медленно частью потому, что мелкими ремеслами занимались во всяком доме рабы, частью в зависимости от государственного устройства, от того значения, какое имела для гражданина земельная собственность. Среднее сословие, сословие собственно горожан, в Риме не развивалось. Рим, впрочем, стал обращаться в большой город, с оттенками, специально присущими большим городам: здесь скопилось огромное количество рабов и вольноотпущенников, число последних стало возрастать даже чрезмерно быстро, потому что вошло в обычай отпускать рабов на волю с тем условием, чтобы они платили своим бывшим господам определенную часть своих заработков, так что в 357 г. отпущение на волю обложено было значительною пошлиною, а в 304 г. были ограничены права вольноотпущенников.

К этому же периоду относятся довольно многочисленные распоряжения о поддержании в городе порядка, чистоты, безопасности, разные распоряжения о постройках, банях, трактирах и пр. Начиная с Аппия Клавдия (ок. 314 г.) сенат отступил от прежней своей системы крайней бережливости в расходах: с этого времени идет ряд дорогих, но полезных сооружений, каковы отличные дороги в разные концы Италии, крепости, превосходный водопровод в Риме, осушение обширных участков, доставивших новые места для заселения. Мало-помалу были украшены городские улицы и общественные здания статуями великих мужей, дорогим оружием, захваченным в счастливых войнах, и пр. К тому времени, когда Рим стал великим государством, он стал и великим городом. И в частный быт стали проникать первые проявления роскоши, а государство имело уже такие средства, что в 269 г. в Италии была введена единая монетная система, причем римское правительство выпускало отличную, полноценную серебряную монету взамен прежней, разнообразной медной.

Вместе с распространением на весь полуостров власти римлян распространялись и их нравы, и язык, все италийские племена постепенно романизировались. Сами же римляне стали все более и более поддаваться чарам и влиянию греческой культуры, со всеми высшими проявлениями которой они познакомились, когда в число подвластных Риму общин вошли эллинские поселения в Италии. В Риме начало быстро распространяться знание греческого языка, скоро ставшее обязательным для всякого молодого римлянина, интересовавшегося общественными делами, распространялись и греческие обычаи. Это было важное и любопытное явление. Две нации, равно великие, но совершенно различные, достигнув каждая вершины в своем, ей именно свойственном, развитии, пришли в близкое и живое общение. Римляне создали великое государство - и весь строй их жизни, все их склонности вели к тому, что все преклонялось пред государством, что личные дарования, личные таланты не развивались, не выдвигались, не культивировались. Великие деяния совершены были римлянами - но среди них не было великих людей. Не гений отдельных лиц руководил Римским государством, а наследственная мудрость, которую будущие сенаторы усваивали еще в детстве, когда согласно обычаю сопровождали своих отцов в сенат и слушали в нем рассуждения. Рим развивал не все стороны человеческого духа, в Элладе человеческий дух развивался, не зная никаких стеснений. Теперь представители Эллады вступили в ближайшие сношения со своими суровыми родичами - и то был очень важный вопрос: какой выработается характер в том обществе, которое будет результатом их взаимодействия.

Литература в рассматриваемый период получила некоторое развитие в связи с народными празднествами: «великие», или «римские», игры, справлявшиеся в течение четырех дней, сопровождались сценическими представлениями. Исполнявшие их люди в остальное время бродили из города в город, зарабатывая хлеб пением и пляской. Занятие это всегда считалось недостойным свободного человека, и актеры подлежали безапелляционной юрисдикции всех полицейских чиновников. Поэтической литературы еще вовсе не было. С учреждением республиканского управления возникла необходимость вести списки должностных лиц, чтобы можно было устанавливать хронологию отдельных распоряжений. К этим спискам скоро стали присоединять краткие записи об отдельных событиях - войнах, пожарах,

небесных знамениях, дороговизне хлеба и т. п., такие списки идут с 464 г. без значительных перерывов, хотя и не без неточностей, некоторые даты можно установить и для предшествовавших 47 лет, но за первые 244 года римской истории никаких хронологических дат нет. В домах патрициев записывались, обыкновенно на стене первой комнаты, родословия, и они служат некоторым подспорьем для восстановления иных фактов. В это же время записаны были и некоторые легендарные рассказы о древнейшей истории Рима, обработку эти рассказы получили, несомненно, не без влияния греческих мифов, но в основе их лежат, по-видимому, местные предания.

Правоведение нашло серьезную опору в Законах XII таблиц. Около 304 г. Аппий Клавдий, правнук децемвира, составил и издал сборник формул, употреблявшихся при судопроизводстве. Слог их отличается точностью и свидетельствует, что к этому времени латинский язык значительно развился и улучшился сравнительно с тем временем, от которого осталось несколько древнейших надгробных надписей и несколько строчек древнейших песен.

Образование долго шло сравнительно медленно, потому что закон не предъявлял в этом отношении никаких требований, но в рассматриваемый период, несомненно, существовало уже правильное школьное обучение.

В это же время те же Аппием Клавдием внесены были поправки в календарь, который был значительно улучшен, хотя все же оставался еще не вполне удовлетворительным. В этот же период установился счет годам солнечного круга вместо счета по лунным месяцам.

Значительные и самостоятельные успехи сделала архитектура. С V столетия начинается в Риме ряд обширных сооружений, в которых были применены чисто римские изобретения - арка и купол. Пластика развивалась преимущественно в Этрурии, где во множестве изготовлялись бронзовые статуи иногда очень большого размера, золотые чеканные украшения и глиняные расписные сосуды. Но художественные произведения этрусков лишены чувства меры и истинного изящества: простота у них обращается в сухость, выражение ужасного переходит в отвратительное, роскошного - в неприличное; кроме того, этрусское искусство не развивалось постепенно, оно как бы стояло на одном уровне. Искусство у латинов развивалось преимущественно не в Риме, а в Пренесте, Ланувии и Ардее. Оно вырабатывалось под греческим влиянием, которое приносили италийские эллины, и не было оригинальным, но дух даровитой нации выразился в том, что латинские художники избирали всегда для подражания достойные, изящные, благородные оригиналы. Они никогда не впадали в своих произведениях в варварские преувеличения, и многие латинские работы вполне равняются с созданиями греческих мастеров. К числу древнейших и высокозамечательных произведений латинского искусства принадлежит, между прочим, волчица, поставленная на римской площади в 296 г. и до сих пор составляющая одно из лучших украшений Капитолия.

Книга третья. ОТ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ ДО ПОКОРЕНИЯ КАРФАГЕНА И ГРЕЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Глава I. КАРФАГЕН

Семиты на Средиземном море. - Карфаген. - Его политическое и торговое могущество. - Его внутреннее устройство. - Силы Рима и Карфагена

В близкие отношения с племенами индоевропейскими издревле вступали племена семитические, хотя вполне они никогда не смешивались и глубокое чувство

разноплеменности всегда разделяло и разделяет индоевропейцев от людей сирийского, израильского и арабского племени. Самые древние и частые сношения были у европейцев с теми семитами, которые жили по восточному побережью Средиземного моря и называли себя ханаанитами, у греков же и римлян были известны под именем финикийян или пунийцев.

Занимая то место, где шел естественный путь от чрезвычайно богатого материка Азия к широко раскинувшемуся Средиземному морю, финикийяне в незапамятной древности развили торговлю в невиданных дотоле размерах: они были посредниками по обмену всех товаров от берегов Немецкого моря и от Испании до Малабарского берега в Индостане. В торговых сношениях финикийяне проявили величайшее мужество, настойчивость и предприимчивость, но торговля и поглощала все их умственные интересы: не создали они величественной религиозной системы, не разрабатывали ни искусств, ни наук, хотя и переносили из одной страны в другую полезные открытия и изобретения.

Еще менее способны были финикийяне к созданию великих государственных тел: они не хотели или не умели нести те тяжелые труды, которые должен исполнить народ, чтобы создать и обеспечить себе великие блага самостоятельного существования. Финикийяне охотно сносили подчинение чуждой власти и покупали себе право спокойно вести свои торговые дела там, где эллины с несравненно ничтожнейшими силами начинали борьбу за самостоятельность и отвоевывали себе свободу. Если нельзя было вести выгодный торг без борьбы, финикийяне уступали и отыскивали себе новые рынки, так они дали постепенно вытеснить себя из Египта, Греции, Италии. Действовали они повсюду как купцы, а не как колонизаторы. Способности ассимилировать себе финикийяне были совершенно лишены, но и сами не ассимилировались с другими племенами, и, не создав крупного государственного организма, они свою религиозную и духовную самостоятельность отстаивали с таким отчаянным упорством, сильнее которого не проявляли и арийцы.

Из финикийских колоний особенно процветали основанные в Испании и на северном берегу Африки, а всего более Карфада, или Карфаген, «Новгород», построенный на месте исключительно благоприятном для развития торгового пункта: в самой большой и удобной пристани на североафриканском побережье, в местности необыкновенно плодородной и у самого берега моря, богатой ключевой водою для питья.

Долгое время жители Карфагена подарками откупали себе у соседних племен возможность спокойно жить и торговать, даже царю персидскому они свидетельствовали свою покорность и иногда уплачивали дань, чтобы сохранить свои рынки в персидских владениях. Но приблизительно лет за 600 до Р. Х. карфагенянам пришлось более энергично отстаивать свое положение: греческие переселенцы все подвигались на запад, финикийянам же почти уже не было возможности отодвигаться перед ними далее, они взялись наконец за оружие и, выдержав продолжительную и упорную борьбу, не пустили-таки эллинов далее триполйских степей. Впрочем, и в этой борьбе финикийяне остались верны себе: значительную часть они вели ее наемными войсками, и этот способ впервые применен был именно тут в широких размерах.

Достигнув важных результатов вооруженною рукою, карфагеняне сделали еще несколько шагов, естественно вытекавших из их нового положения: приблизительно в 450 г. они прекратили уплату дани соседним племенам, а затем довольно быстро и покорили их. В этих странах уже и ранее процветало земледелие, карфагеняне в грандиозных размерах развили его, конечно применяя невольничий труд, а вместе с тем развивали и свою торговлю. В период времени приблизительно от 450 до 300 г. карфагеняне не только покорили все соседние туземные племена, но распространили свою власть и на все прочие финикийские поселения в Ливии: мало-помалу Гиппон (Бона), Гадрумет (Суза), Малый Лептис (к югу от Сузы) - второй по значению финикийский город в Африке, Фапс (там же) и Великий Лептис (Лебда, к югу от Триполи) признали себя подданными Карфагена, должны были срыть свои стены, стали платить определенную дань и доставлять вспомогательные войска, взамен чего

пользовались правами, одинаковыми с карфагенскими гражданами. Только Утика в благодарность за различные услуги сохранила номинально свою независимость и считалась в союзе с Карфагеном, но фактически все общие дела решались по воле более могущественного города.

Таким образом, возникло постепенно обширное, богатое и сильное Финикийское государство. В Карфаген переселились со своими капиталами и многие богатые жители Тира и Сидона, так как положение этих последних городов все ухудшалось в силу разных событий, разыгрывавшихся в восточной части Средиземного моря. Карфаген основал многочисленные и обширные колонии в Испании, на острове Сардиния и в западной половине Сицилии. Он совершенно закрыл всю западную половину Средиземного моря для торговли этрусков и греков и стал исключительно пользоваться всеми выгодами весьма оживленного торгового обмена. Когда около 400 г. Сиракузы достигли высшей степени процветания и могущества и владельцы этого города стали стремиться к господству над всею Сицилией и к развитию торговли к западу от острова, карфагеняне начали с ними упорную борьбу, которая длилась почти сто лет (394-306) и, с некоторыми колебаниями успеха, явно склонялась в пользу Карфагена, который не останавливался уже ни пред какими жертвами и ни пред какими суровыми мерами, чтобы обезопасить и упрочить свое полное торговое господство в западной половине Средиземного моря.

Государственное устройство Карфагена известно нам только в общих чертах. Главными делами государственного управления заведовал совет старейшин, состоявший из двух царей и 28 членов - все они избирались ежегодно, цари (шофеты) обыкновенно были только верховными судьями. Совет старейшин избирал на неопределенное время главнокомандующего, облеченного самыми широкими полномочиями. Приблизительно около 450 г. в виде противовеса стремлениям некоторых знатнейших и богатейших родов, особенно рода Магонов, захватить в свои руки всю власть остальные аристократические роды добились учреждения коллегии ста судей (точнее - ста четырех). Первоначально эта коллегия должна была судить шофетов, главнокомандующих и старейшин по окончании срока их службы, но затем мало-помалу она сосредоточила в своих руках все влияние, так как страх пред контролем этих, обыкновенно пристрастных и жестоких, судей заставлял всех административных лиц сообразовываться с их желаниями. Выборы в члены старейшин и судей производились путем открытой покупки голосов, и потому доступ к этим должностям имели лишь богатые; среднее гражданство не играло в управлении никакой роли, низший класс был совершенно бесправен. Издревле существовала в Карфагене демократическая оппозиция, но она стала усиливаться лишь со времени Пунических войн, когда ряд поражений ясно раскрыл всю непригодность существовавшей организации. В оппозиции были реформаторы и патриоты, но в самой основе своей и эта партия была испорчена и безнравственна. Уже одною своею необузданностью она обрекала себя на бессилие провести серьезные реформы: раз государственные перевороты совершались - как это бывало в Карфагене - уличными мальчишками, они, конечно, не могли дать серьезных средств для серьезных исправлений в государстве.

Карфаген был в свое время богатейшим городом мира. Сельское хозяйство, лежавшее в основе его благосостояния, почиталось занятием почетным, и знаменитый Магон оставил сельскохозяйственный трактат, который считался в древности образцовым и по повелению римского сената был переведен как руководство для итальянских землевладельцев. В Карфагене были выработаны те приемы извлекать всевозможные выгоды из почвы и от подданных, которые впоследствии усвоил Рим. Тщательно разрабатывались в Карфагене и те отрасли знания, которые имели отношение к торговле и мореплаванию. Государственное хозяйство достигло в Карфагене такой степени развития, что возникали планы государственных займов в современном нам смысле этого слова и в обращении были денежные знаки, соответствующие нынешним ассигнациям, вовсе не известные в других государствах древней Европы. Государственные доходы были громадны, и, при всей

продажности и недобросовестности администрации, их с избытком хватало на текущие расходы, а когда, после второй Пунической войны, римляне наложили на Карфаген огромную по тому времени контрибуцию - в 340 000 талантов * в год в течение 50 лет, надеясь этим окончательно обессилить побежденного врага, карфагеняне не только уплачивали эту сумму без специальных налогов, но через 14 лет предложили сразу погасить все оставшиеся 36 взносов. Можно сказать положительно, что если бы задачи государства сводились только к управлению финансами, то нигде и никогда они не были разрешены лучше, чем в Карфагене.

К моменту своего столкновения и Рим, и Карфаген были одинаково земледельческими и торговыми городами, но в Риме преобладало сельское хозяйство над денежным, а в Карфагене - наоборот; в Риме большинство населения было собственниками и потому было консервативно, а в Карфагене масса населения ничего не имела и потому легко поддавалась и золоту аристократов, и обещаниям демагогов. Государственное устройство обоих государств по существу было аристократическое, но римский сенат принимал в себя все лучшие силы и таланты народа, полагался на нацию и не опасался выдающихся людей, которые, в свою очередь, действовали всегда в полном согласии с сенатом, поэтому Рим никогда не делал боязливых уступок в несчастные моменты, - в Карфагене же наиболее способным государственным деятелям приходилось быть почти в открытой борьбе со столичным правительством и это правительство никогда не решалось на последние усилия, которые могли дать огромные выгоды, но в то же время неизбежно усиливали влияние отдельных лиц.

Различно господствовали Рим и Карфаген над подчиненными общинами. Рим постепенно открывал их членам доступ к правам гражданства, предоставлял и им выгоды от приобретенных успехов, не облагал их постоянными поборами. Карфаген же во всем этом держался прямо противоположной политики, и в то время, как каждая из союзных с Римом общин рисковала только потерять, если бы пало правительство, которое так заботилось о ее интересах, в карфагенском государственном союзе положение каждой общины могло только улучшиться с падением Карфагена.

В финансовом отношении Карфаген, конечно, далеко превосходил Рим, но его способ ведения войны стоил гораздо дороже, да и источники его доходов были такого рода, что во время войны скорее истощались. Что касается войска, то тут преимущество в числе было далеко на стороне Рима и - что особенно важно - римскими воинами были римские граждане латинского союза, а карфагеняне и другие либи-финикийцы питали, как вообще семиты, непреодолимое отвращение к военной службе, и карфагенская армия пополнялась вербовкою либийских и испанских рекрутов и наемниками. По боевым качествам карфагенская пехота могла равняться с римскою, но последняя была готова постоянно, подчиненные и начальники были в ней связаны всем, что дорого и свято для человека, а первая могла выступить лишь по прошествии некоторого времени и не имела прочных внутренних связей, не говоря уже о том, что армия наемников всегда могла сделаться - и не раз делалась - опаснее армии врага. До известной степени, впрочем, военные силы уравнивались тем, что карфагенское правительство всегда имело наготове огромное количество всевозможных запасов, необходимых для войны, имело различные орудия и машины и до 300 боевых слонов, а всего более - несравнимым превосходством карфагенского флота над римским. Вообще силы Рима и Карфагена были приблизительно равны.

Серьезный удар Риму можно было нанести только в Италии, а Карфагену - только в Ливии. Но с появлением врага в Италии настоящая война только начиналась, а с появлением врага в Ливии она уже должна была привести к осаде столицы, осада же, без вмешательства какой-либо исключительной случайности, должна была рано или поздно сломить и само геройское сопротивление.

Глава II. ВОЙНА РИМА И КАРФАГЕНА ИЗ-ЗА ОБЛАДАНИЯ СИЦИЛИЕЙ (264-241)

Мамертинцы в Мессане.- Рим принимает их в латинский союз.- Начало войны с Карфагеном.- Успехи римлян на суше и преобладание карфагенян на море.- Сооружение флота и высадка римлян в Африке.- Поражение Регула.- Борьба в Сицилии.- Сооружение нового флота.- Мир

Более ста лет шла уже в Сицилии борьба Карфагена и Сиракуз. В один из кратковременных мирных промежутков, в 284 г., отряд кампанских наемников захватил Мессану, второй после Сиракуз город на востоке острова, с крепостью и гаванью, весьма важною для италийской торговли, перебил мужское население города и утвердил тут свою военную общину. Эти наемники называли себя мамертинцами, мамерковыми, т. е. марсовыми людьми. Бесспорно, мамертинцы действовали в данном случае, как истые наемники, вероломством и насилием - склонность к этому всегда вырабатывается среди тех, кто легкомысленно и постыдно торгует своею личностью, но для Сицилии, быть может, оказалось бы спасительным, если бы там утвердились эти энергичные люди. Однако Сиракузы не могли допустить Такого захвата, и Гиерон, который своим мужеством, благоразумием и энергиею достиг в Сиракузах царского звания, начал против мамертинцев борьбу, и через несколько лет мамертинцам пришлось искать помощи. После некоторых колебаний между Римом и Карфагеном они послали в римский сенат просьбу принять их в союз.

Решение сената относительно просьбы мамертинцев должно было иметь всемирно-историческую важность. Вопросе нравственном праве Рима вмешаться в такое дело можно было оставить в стороне хотя бы уже потому, что за семь лет пред тем карфагеняне в совершенно аналогичных условиях сделали попытку завладеть Тарентом. Вопрос о том, насколько выгодно было обладание Мессаной, был ясен, неизбежной в случае присоединения Мессаны войны с Карфагеном не было оснований опасаться; вопрос был глубже и шире: предстояло решить, держаться ли Риму прежней, исключительно италийской и чисто континентальной политики, политики, которая была ясна и дала Риму прочное значение, или решиться далеко расширить свои цели и задачи и вступить на путь новой, несравненно более сложной политической системы, причем последствия такого шага выяснить себе было совершенно невозможно.

Долго и всесторонне обсуждал сенат этот вопрос и передал дело на решение народного собрания, а оно, более по какому-то чувству своей мощи, чем по ясному сознанию, постановило принять предложение. Мамертинцы были включены в италийский союз, к Гиерону отправлено требование прекратить враждебные действия, а в Карфаген - посольство потребовать объяснений по поводу происшествий под Тарентом (265). Случай с Мессаною был совершенно такого же . рода, как с Тарентом, и карфагеняне получали, таким образом, отличный повод объясниться и по этому делу. Они ограничились, однако, уклончивыми переговорами, но когда весною 264 г. авангард римской армии, отправлявшейся в Мессану, готовился сесть на суда в Регионе, из Мессаны было получено извещение, что мамертинцы очень благодарят римлян; что помощь уже не нужна, ибо посредничеством карфагенян вражда между Гиероном и Мессаной улажена, осада снята и в гавани Мессаны стоит карфагенский флот. Гай Клавдий, начальник авангарда, предпринял тем не менее порученную ему экспедицию - карфагенский флот, не совершая никаких враждебных действий, принудил римские суда возвратиться. Гай Клавдий повторил попытку переправиться в Мессану - и на этот раз успел в своем намерении. В Мессане он созвал для решения дела сходку, пригласив на нее и начальника карфагенского флота, а на сходке объявил его военнопленным. Тогда этот слабый и человек приказал карфагенскому гарнизону очистить город, и гарнизон исполнил это приказание своего начальника, находившегося в плену, римляне вступили в обладание Мессаной.

Карфагеняне казнили своего адмирала и объявили Риму войну. К Мессане явился сильный карфагенский флот под начальством Аннона, сына Ганнибала. Гиерон немедленно соединился с ним и осадил Мессану с суши, но римляне уже успели переправить в Сицилию сильное войско и принудили снять осаду. В следующем, 263 г. они нанесли сильное поражение войскам Гиерона и карфагенским, после чего Гиерон, видя, что римляне ведут дело весьма энергично, заключил с ними мир и оставался затем самым верным их союзником. Обладание Мессаной и союз с Сиракузами чрезвычайно облегчали действия римлян, и они непрерывно теснили карфагенян. В 262 г. в руки римлян перешел после упорной борьбы Акрагант, самый важный город карфагенян на острове, после этого военные действия ограничивались тем, что в Сицилии карфагеняне с трудом удерживались в приморских крепостях, изредка предпринимая вылазки, а карфагенский флот тревожил и опустошал берега Италии.

Только теперь в Риме поняли, что разбить карфагенское войско далеко еще не значило победить Карфаген и что одолеть этого врага было неизмеримо труднее. Римляне имели кое-какие военные суда, но их флот не выдерживал ни малейшего сравнения с карфагенским, и карфагеняне могли совершенно безнаказанно опустошать берега Италии и разорять все приморские торговые города латинского союза. Для успеха в борьбе с Карфагеном Риму необходим был флот, и римские государственные люди были настолько дальновидны, что решили соорудить свой флот, а не пожелали защиту Италии поручать флоту Сиракуз или Массалии, хотя было несравненно легче усилить эти флоты до необходимой степени. По образцу одной карфагенской пентеры *, севшей на мель, принялись с величайшею энергиею сооружать суда, что в силу тогдашних условий их построения и при имевшихся уже у римлян приспособлениях оказалось возможным вести сравнительно быстро, и - правда, при затрате величайших усилий - весною 260 г. на воду спущено было 120 судов, способных идти в сравнение с карфагенскими.

Приготовить в то же время экипаж, который мог бы так же маневрировать, как карфагенские гребцы и капитаны, было, конечно, совершенно невозможно, но римляне придумали нововведение, которое в значительной степени уравнило неопытность их корабельных команд: тактика тогдашнего морского боя сводилась к тому, что всякий корабль старался взять корабль противника носом в борт, затем сильным ударом, для чего нос корабля снабжен был специальными приспособлениями, проламывали вражеское судно и таким образом топили его. При подобном способе битвы ловкость и опытность экипажа значили очень много. Римляне приспособились наносить ущерб врагу иначе: они снабдили свои суда подъемными мостами, которые в момент сближения с судном неприятеля перекидывались на него, впивались в него особым железным шипом и не только лишали это судно полной свободы маневрирования, но еще давали возможность воинам броситься на неприятельское судно и овладеть им в рукопашном бою. По верности понимания необходимого, по целесообразной изобретательности, по энергической твердости в выполнении замысла создание римлянами флота было великим национальным подвигом, который и вывел отечество из тяжелого положения.

Первая встреча молодого римского флота с врагом была неудачна для римлян: 17 только что вышедших в море судов были заперты карфагенянами у Липары и взяты без боя. Но вскоре консул Гай Дуилий, встретившись с карфагенским флотом у мыса Милы (260), после правильного сражения выиграл битву именно благодаря подъемным мостам. Карфагеняне бежали, потеряв потопленными или взятыми в плен до 50 кораблей - почти половину эскадры, бывшей в бою. Моральное впечатление этого боя было громадно: Рим сразу стал морскою державою.

Четыре года после этого шла борьба без особых результатов, высадки карфагенян на берегах Италии, правда, прекратились, но морская торговля римлян страдала по-прежнему. Не подвигалось дело и в Сицилии, где карфагенский начальник Амилькар не только ничего

не потерял, но постоянно создавал римлянам новые затруднения: отдельные начальники войск и флота не умели согласовать свои действия, не говоря уже о том, что ежегодная смена начальствующих лиц не давала возможности выработать широкий, продуманный план борьбы и твердо его проводить.

Наконец римский сенат решил перенести борьбу в Африку. Весною 256 г. консулы Марк Атилий Регул и Люций Манлий Вольсо отплыли к берегам Африки с флотом в 330 судов, на которых было не менее 100 000 экипажа и десантный корпус в 40 000 человек. На высоте Экнома они встретили неприятельский флот в 350 кораблей, преграждавший путь в Карфагенскую бухту, он стоял лицом к востоку, опираясь левым крылом о берег Сицилии. Произошла битва, грандиознейшая из всех, когда-либо разыгрывавшихся на Средиземном море. После продолжительного сражения, в котором обе стороны проявили и храбрость и распорядительность, карфагеняне отступили в расстройстве: они потеряли 30 кораблей потопленными, 64 взятыми в плен. У римлян потоплено было 24 корабля. Карфагенский флот, однако, готовился защищать берега Африки и препятствовать высадке, но римляне направились не к западу от того полуострова, на котором расположен был Карфаген, а к востоку и быстро и благополучно высадились в одном очень удобном месте, в Клупейской бухте.

Устроив укрепленный лагерь, консулы начали действовать весьма энергично и счастливо. Страна подверглась ужасному опустошению, карфагенские войска испытали ряд неудач и не решались встречаться с римлянами в поле, подвластные Карфагену города и племена сдавались римлянам или, по крайней мере, отпадали от Карфагена. Римляне так уверены были в победе, что более половины армии отправили обратно в Италию, а с оставшимися 15 000 пехоты Регул стал в Тунете, вблизи Карфагена, намереваясь кампанию следующего года начать прямо осадой столицы.

Карфагеняне пришли в отчаяние и просили мира. Регул потребовал уступки всей Сицилии и Сардинии, отказа от права содержать свой военный флот и обязательства доставлять корабли в римский военный флот, т. е. предъявил такие условия, которые должны были поставить Карфаген наряду с второстепенными городами латинского союза. Карфагеняне отвергли эти требования и в горячей вспышке патриотизма лихорадочно принялись готовиться к борьбе. Амилькар прибыл из Сицилии с отборными солдатами и быстро создал армию, готовую выдержать бой с римскими легионами. Щедро рассыпая золото, карфагеняне привлекли массы превосходных нумидийских наездников и множество греческих наемников. Регул провел зиму в Тунете в странном бездействии.

Раннею весною карфагеняне выступили в поле: они спешили действовать, пока не прибыли подкрепления из Италии. Спартанец Ксантипп, искусный полководец, вождь греческих наемников, командовал карфагенскою армиею. Он сумел заставить Регула принять бой в весьма неудобных для него условиях. Чрезвычайно искусно использовав свою конницу и слонов - он имел 100 слонов и 4000 всадников против 500 всадников римских, при равном приблизительно количестве пехоты,- он нанес римлянам полное поражение: едва 2000 спаслись в Клупею, остальные были перебиты или взяты в плен, в числе пленных был и консул Регул (255) * .

Римляне немедленно отправили огромный флот в 350 судов, чтобы спасти остатки армии, укрывшиеся в Клупее. Нанеся по дороге, у Гермейского мыса, сильнейшее поражение карфагенскому флоту, стоившее карфагенянам свыше 110 кораблей, римляне достигли берегов Африки и благополучно забрали остатки своего войска, но на обратном пути ужаснейшая буря потопила до 270 кораблей со всем их экипажем. Карфагеняне между тем с крайнею жестокостью привели к покорности отложившиеся племена и города, за что через несколько лет им пришлось усмирять сильное восстание.

Карфагеняне возобновили теперь военные действия в Сицилии, но особенно важных

результатов не достигла ни та, ни другая сторона. Весною 254 г. римляне с невероятными усилиями в невероятно короткий срок - всего в три месяца - соорудили 220 военных судов и этим вполне возместили потери, понесенные в битвах и от бурь. Но в следующем году они потеряли от бури 150 кораблей во время экспедиции, предпринятой для разорения берегов Африки: и на этот раз, как при переправе из Клуpei, лоцманы предсказывали бурю и предостерегали от выхода в открытое море, но римские адмиралы не поверили их опытности, приказали плыть и погубили флот. Тогда сенат решил не строить новых кораблей и, отказавшись от далеких экспедиций, ограничиться охраною берегов Италии и сообщений с Сицилиею.

Дела в Сицилии вскоре пошли несколько лучше для римлян. В 251 г. консул Люций Цецилий Метелл одержал блестящую победу под Панормою, здесь впервые римляне справились со слонами и захватили 120 слонов в плен, к 249 г. на Сицилии во власти карфагенян оставались только Дрепана и Лилибей. Тогда римляне снова решились начать более энергичные действия на море и опять в короткое время спустили на воду 200 судов.

Борьба сосредоточилась на осаде и обороне Лилибея и велась с особенным упорством. Военные действия и на суше и на море шли под этою крепостью не прерываясь, обладание ею было так важно, что обе стороны не останавливались ни пред какими усилиями и жертвами, хотя и не достигли никаких результатов. В 249 г. консул Публий Клавдий попытался открытою силою взять Лилибей. Он успел начать нападение почти неожиданно для врага, но карфагенский адмирал Атарбас не растерялся и так искусно маневрировал, что прижал весь римский флот к берегу, совершенно лишил его свободы движений и взял в плен 93 корабля, почти четыре пятых всей осадной эскадры со множеством охотников из легионеров,- это была единственная за всю войну серьезная победа карфагенян на море. В том же году погибли и остатки римского флота: когда они конвоировали большой транспорт, карфагенский адмирал успел загнать их на весьма неудобные рейды и здесь сторожил их до первой бури, которая и разбила все суда; людей и груз римляне успели спасти.

Шестнадцатый год тянулась война, и конца ей не предвиделось. Финансы были совершенно истощены как прямыми расходами, так и застоєм в торговле, потери в людях были громадны: за пятилетие, 252-247 гг., число плательщиков уменьшилось на целую шестую часть. Сенат впал в уныние, в нем иссякло мужество, поколебалось доверие к силам своего народа. Он почти не вел активной войны и ограничивался тем, что поощрял каперство. Шесть лет прошло в таком положении. Только крайнее истощение и Карфагена спасло римлян от окончательного удара, который они не смогли бы отворотить.

В 247 г. в Сицилии получил главное начальство Гамилькар Молния (Барка). Это был чрезвычайно способный военачальник и истинно государственный человек. Он видел ясно всю слабость, себялюбие и бездарность карфагенского правительства. Он понимал, что правительство это никогда не решится завести такую армию, которая была необходима для борьбы с Римом, и постарался создать себе армию, которую содержал бы он сам, без участия казны. Энергичными и смелыми набегами он успевал добывать средства содержать свое войско на счет врагов. Своею личностью он неотразимо действовал на солдат, и они были ему безусловно преданы. В Сицилии он устроил два своеобразных военных лагеря на горе Эйркте и затем на Эриксе и получал с каждым днем перевес над римлянами, каперы его с небывалою смелостью стали делать высадки и грабить на берегах Италии.

Римский сенат долго пребывал в бездействии - в нем составилось большинство из слабых и малодушных людей, но наконец в римлянах проснулись мужество и патриотизм: на 23-м году войны несколько богатых римлян решили на частные средства снова соорудить флот. Многие приняли участие в этом благородном деле - и скоро выступили в море 200 военных судов с экипажем в 60 000 человек. Карфагеняне были захвачены совершенно врасплох, поспешно стали и они сооружать флот, но только весною следующего, 241 г. они выставили 120 кораблей, далеко уступавших, однако, римскому флоту.

В марте 241 г. враги снова встретились на море - и с первого же натиска римляне одержали полную победу: 50 кораблей было потоплено, 70 взято в плен. Теперь война должна была кончиться. Карфагеняне поручили Гамилькару заключить мир на каких бы то ни было условиях. Гамилькар геройски принял это тяжелое поручение. По мирному договору Сицилия уступалась Риму, самостоятельность Карфагена была признана вполне и Рим и Карфаген обязывались взаимно одинаковыми условиями по отношению к второстепенным членам латинского и либийского союзов. Карфаген уплачивал контрибуцию и безвозмездно возвращал римских пленников, за выходившие с оружием в руках из Сицилии карфагенские войска вносился незначительный выкуп, по 18 денариев с человека; требование выдать и римских перебежчиков было отвергнуто Гамилькаром.

Нельзя не признать, что карфагеняне получили мир очень хороший, если принять в расчет их неудачи и успехи римлян. По-видимому, консул Катулл, ведший переговоры с римской стороны, невольно подчинился обаянию личности Гамилькара. В Риме условиями мира были недовольны, и народное собрание первоначально даже не ратифицировало их, ратификация последовала, и то с некоторым увеличением контрибуции, только в 211 г., после доклада специальной комиссии, съездившей в Сицилию ознакомиться ближе с положением дела.

Войну эту римляне вели так плохо, как никакую другую, главным образом потому, что по своим условиям война эта коренным образом отличалась от прежних: прежде, в италийских войнах, все дело решалось схваткой, военные операции были крайне несложны, почти все зависело от качества солдат, роль же военачальника отходила далеко на второй план. Теперь пришлось вести борьбу непрерывно в течение многих лет и одновременно на различных театрах войны, надо было научиться выгодно комбинировать сложные операции, широкие планы, а это сразу не давалось, руководство такими операциями совершенно ускользало из рук совещательного собрания, необходима была последовательность в осуществлении планов, а этому полагала неодолимые препятствия ежегодная смена военачальников. Внести же здесь те изменения, какие были необходимы, можно было только с такими изменениями конституции, о которых никто тогда не решался и думать. Эти пробелы отчасти восполнялись энергией и твердостью римлян, но если Рим вышел победителем, то этим он всего более был обязан ошибкам своих врагов. Победа, во всяком случае, была неокончательной, и мир не мог быть прочным.

Глава III. РАСШИРЕНИЕ РИМСКИХ ВЛАДЕНИЙ ДО ЕСТЕСТВЕННЫХ ГРАНИЦ ИТАЛИИ

Присоединение островов Сардиния и Корсика.- Управление во вновь приобретенных землях.- Уничтожение морских разбойников в Адриатике.- Покорение римлянами земель по реке По

Незадолго до начала Пунической войны, в 283 г., римляне почти истребили кельтское племя сенонов к югу от реки По и придвинули близко к линии Альп область, все общины которой были объединены с ними в союз. Приобретение Сицилии распространило границы этого союза и на острова, которые были самою природою связаны с Италией. Римляне вполне подчинили своей власти большую часть Сицилии. Гиерону они оставили только Сиракузы с небольшою областью.

Вскоре римляне завладели и островами Сардинией и Корсикой, обладание которыми было чрезвычайно важно для того, чтобы исключительно Рим мог пользоваться всеми выгодами от торговли на Тирренском море. Присоединение это явилось следствием внутренних неурядиц в Карфагене. После окончания войны Гамилькар тщетно просил у карфагенского сената денег на уплату заслуженного его войском жалованья и, наконец, должен был

распустить свою армию. Из предосторожности он отправлял в Африку солдат небольшими отрядами и сам сложил с себя командование. Карфагенское правительство весьма неблагоприятно приступило к расчету только тогда уже, когда в Ливии собралась почти вся армия Гамилькара, да еще сделало недостойную попытку уменьшить заслуженную плату. Тогда вспыхнул страшный мятеж, превосходивший силою все предшествовавшие и, казалось, неизбежно грозивший падением Карфагена. Гарнизон Сардинии, тоже приставший к мятежу, будучи не в состоянии без поддержки извне бороться с племенами, жившими внутри острова, просил Рим принять остров в свое владение, и римляне согласились, - эта сделка была, конечно, бессовестнее, чем соглашение с мамертинцами.

Между тем Гамилькар, в минуту крайней опасности снова призванный к власти, сумел, почти против всякого ожидания, в течение трех лет совершенно подавить мятеж и упрочить положение правительства в Карфагене. Тогда карфагенский сенат потребовал от Рима отказа от Сардинии. Так как в Риме сильна была партия недовольных миром и желавших добить ненавистного врага, то это вполне законное требование было отвергнуто и, даже мало того, под предлогом разных обид, совершенно ничтожных, нанесенных в карфагенских портах нескольким римским судовладельцам, Рим объявил Карфагену войну в 237 г. Если бы до заключения мира римляне начали требовать себе Сардинию - война, вероятно, продолжалась бы, но теперь карфагеняне не решились вступить снова в борьбу, они пошли на всякие уступки - и римляне с неохотою отказались от начала военных действий, которые дали бы им возможность уничтожить врага. Карфаген уплатил 1200 талантов в возмещение расходов Рима на военные приготовления. Около этого же времени Рим окончательно присоединил и дикий остров Корсику, где римские гарнизоны стояли уже с самого начала войны с Карфагеном.

Приобретение владений за морем повлекло за собою некоторые изменения в способах, какими Рим пользовался в управлении своими владениями. Первые годы островами управляли особые квесторы под ближайшим надзором консулов - так же, как управлялись союзные с Римом области на континенте. Но в 227 г. было признано более удобным назначить для каждого из островов особого, добавочного консула - проконсула, который и управлял всеми делами своей округи, как консулы управляли в Италии, т. е. был главнокомандующим, высшим администратором и судьей под непосредственным надзором сената, только заведование финансами было отделено и поручено нескольким квесторам, которые по окончании срока своих полномочий представляли отчет сенату.

Что касается отдельных общин, то, конечно, они лишены были права сношений с другими городами и большею частью их жители не имели права приобретать недвижимую собственность и вступать в браки вне своих общин, собственность повсюду была обеспечена в полной мере, сохранена была и автономия общин для чисто внутренних дел, а в слабой степени сохранилась даже федерация нескольких общин в Сицилии. Но демократическое устройство было повсюду уничтожено, и во главе общинного управления поставлены городские советы, представлявшие местную аристократию. Эти советы обязаны были производить в соответствии с римским цензом таксацию имуществ через каждые пять лет, римская монета получила повсеместное хождение наряду с употреблявшеюся ранее. Заморские общины сплошь не были привлечены к несению воинской повинности, а взамен того обложены были денежными сборами в размере одной десятой части дохода от полевых продуктов и одной двадцатой с цены ввозимых товаров, некоторые общины - в виде привилегии - были избавлены и от этих сборов или от части их: римляне и тут остались верны своему приему разделять интересы соседей, даруя им различные права. Этим, по-видимому, несущественным отличием жителям заморских общин давалось, однако, чувствовать, что Рим смотрит на них уже не как на полноправных членов союза, а как на подданных.

Упорною борьбою утвердив свое господство на западном море, римляне в Адриатике

достигли господства совершенно легко благодаря слабости греческих государств, находившихся вечно в раздоре между собою. С Египтом, с Сирией Рим уже давно находился в сношениях, хотя не особенно оживленных. Могущество Македонии заботило римлян, и они ожидали случая его ослабить.

Отсутствие в Греции крупной политической силы способствовало чрезвычайному развитию морских разбоев в греческих водах. Не только торговля частных лиц страдала от пиратов, они разбивали не раз даже эскадры греческих государств. Жалобы жителей разных городов заставили наконец римлян отправить посольство к одному иллирийскому князьку с требованием, чтобы он не покровительствовал пиратам. Посольство получило уклончивый ответ, а римский представитель резко пригрозил. На возвратном пути он был убит - и это послужило поводом к военным действиям. Весною 229 г. в иллирийских водах появилось 200 римских кораблей с сильным десантом. Без труда были уничтожены и суда пиратов, и их укрепленные городки на берегах, несколько пунктов на западном побережье Балканского полуострова заняты были римскими гарнизонами. Безопасность на море была обеспечена - и этот быстрый успех произвел сильное впечатление на греков, а еще сильнее поражено было воображение греков тем, что появился флот в 200 военных кораблей, в то время как наиболее сильная греческая держава, Ахейский союз, имела всего 10 таких кораблей...

Важные успехи были достигнуты и на севере Апеннинского полуострова. Тут жили независимые, полуварварские еще племена бойев, лигуров, венетов, инсубров. Небольшие пограничные стычки с римлянами были у них постоянно, иногда появлялись вместе с ними и толпы заальпийских кельтов. Уже в 236 г. отношения были довольно натянуты, а в 232 г. огромное полчище кельтов совершенно неожиданно двинулось прямо на юг, к Риму. С лихорадочною поспешностью в Риме и по всей Италии начались военные приготовления. Несогласия в рядах кельтского ополчения замедлили его наступление и дали римлянам возможность сосредоточить силы. В упорной битве при Теламоне, близ устья Омброны, римляне одержали полную победу и перенесли оружие на северный берег По (223 г.), но здесь они встретили упорнейшее сопротивление, и не раз только благодаря удивительным качествам римских солдат удавалось римским военачальникам одерживать верх над врагом. Только после двухлетних усилий римляне утвердились окончательно по всей долине реки По. Они энергически стали сооружать тут безопасную и удобную дорогу, двинули сюда массу колонистов - как вдруг одно чрезвычайно важное событие надолго задержало их деятельность в этом направлении: в Италию вступило карфагенское войско.

Глава IV. ГАМИЛЬКАР И ГАННИБАЛ

***Положение Карфагена после мира.- Борьба партий.- Гамилькар во главе армии.-
Покорение Испании.- Планы Гамилькара и его преемников.- Ганнибал, его характер.-
Столкновения с союзниками римлян.- Взятие Сагунта.- Начало войны.- Положение дел
в Риме.- Ганнибал идет на Италию***

Карфагеняне купили в 241 г. мир дорогою ценою. Не только перешли к Риму большие доходы с Сицилии, по уничтожено было торговое господство Карфагена на Средиземном море, и торговля Италии стала совершенно независима от финикийской. Миротлюбивые потомки выходцев из Сидона примирились бы с этим и сумели бы восстановить свое благосостояние, сохраняя лишь то, что еще у них оставалось, но была ли уверенность, что и этого они не утратят? Нельзя было забыть требований Регула, а новую экспедицию римлянам предпринять было гораздо легче, так как они могли снарядить ее уже не в Италии, а в Сицилии. В Риме еще не думали о завоевании Африки, довольствуясь Италией, но ведь соображения и итальянской политики могли заставить римлян желать если не завоевания, то уничтожения Карфагена. Таким образом, Карфаген должен был готовиться к новой борьбе

не для того, чтобы отомстить или вернуть утраченное, а для того, чтобы обеспечить самое существование государства.

Когда государству грозит неизбежная, рано или поздно долженствующая вспыхнуть борьба с могущественным противником, люди благоразумные, энергичные и любящие родину усиленно готовят, чтобы начать войну в наиболее удобный момент,- и всегда им приходится бороться против партии людей ленивых, робких рабов богатства, которые стараются во что бы то ни стало отсрочить тяжелую борьбу, лишь бы жить и умереть спокойно. Такие партии существовали и в Карфагене. Партию мира представляли правительственные круги с Анноном во главе - совет старейшин и совет ста; партия войны, партия патриотов, имела своим представителем Гамилькара Барку.

Мы уже говорили, что тотчас вслед за заключением мира вспыхнуло против Карфагена сильнейшее восстание в Ливии. Неумелое управление вызвало мятеж, жестокость правительства усилила его, а бездарность Аннона, которого его сторонники величали Великим и который, в сущности, был истинным губителем своей страны, привела государство на край гибели. Тогда обратились к Гамилькару, единственному военачальнику, который выдвинулся в войне с Римом. Гамилькар принял команду и был так великодушен, что согласился на участие в управлении армией Аннона, который продолжал и тут действовать более как его соперник, чем как помощник. Гамилькар добился даже того, что войско терпело присутствие этого ненавистного всем человека. Благодаря своему гению и энергии Гамилькар быстро привел взбунтовавшихся африканцев к полной покорности (237г.).

В течение этой борьбы партия патриотов молчала, но теперь стала действовать. Поведение Рима во время усмирения бунта не оставляло уже никакого сомнения в его враждебности к Карфагену. Олигархия обнаружила свою полную неспособность и бессовестность: чтобы сохранить свое положение, она явно искала поддержки у Рима, и отношения ее к победоносному сопернику доходили почти до измены отечеству. Свергнуть это правительство было бы нетрудно, но, наверно, за него вступился бы Рим. В Карфагене многие уже мечтали покинуть страну и переселиться на какие-нибудь острова у западных берегов Африки. Но люди с истинно высокою душою не способны заботиться о личном только спасении и покинуть свой народ, их энергия лишь возрастает пред такими опасностями, которые людям средним кажутся неодолимыми.

Партия патриотов решила искать путей к спасению отечества так, чтобы - по крайней мере некоторое время - ее целей не разгадали ни римляне, ни карфагенское правительство, готовое скорее поддаться Риму, чем уступить власть своим противникам. Энергично выступив в народном собрании, партия патриотов провела решение, по которому государственное устройство сохранялось в прежнем виде, прежняя партия оставалась у власти и пользовалась по-прежнему своими привилегиями и богатствами, но в управлении армией произведена была существенная перемена: Аннон, глава правительства, был совершенно устранен от командования и главнокомандующим с самыми широкими полномочиями был назначен Гамилькар, он отвечал только пред народным собранием, преемник его должен был быть избран самою армией и лишь получить утверждение у народного собрания. Так как войны с соседними народцами у Карфагена не прекращались, то такие решения объяснялись военными соображениями,- во всяком случае, ни правительственные круги Карфагена, ни римляне не разгадали планов Гамилькара.

Гамилькар нуждался в армии для осуществления своих великих и благородных замыслов. Армию надо было создать, и создать среди борьбы с врагами внешними и с врагами внутренними. Правительство относилось к Гамилькару с затаенною, но непримиримою ненавистью и ожидало лишь удобного случая, чтобы его погубить. Необходимо было не вызвать тревоги и в Риме. Поддержку Гамилькар мог находить только у народного собрания, но народная масса в Карфагене была глубоко безнравственна и давно приучена продавать

свои голоса, нужно было располагать огромными средствами, чтобы друзья Гамилькара в Карфагене могли покупать у равнодушной и продажной толпы, которая своими голосами решала участь отечества, позволение его спасать. Тех изменников, которые являлись правителями Карфагена и которых Гамилькар не мог не презирать, он должен был усыплять и успокаивать смирением и покорностью,- на все шел этот великий человек, чтобы достигнуть своей великой цели. Он был еще

в цвете лет, ему было немногим больше 30 лет, но он как бы предчувствовал, что ему не суждено увидеть осуществление своих надежд, и своего десятилетнего сына Ганнибала заставил пред алтарем Всевышнего Бога поклясться в вечной непримиримой ненависти к Риму, и всех своих сыновей - Ганнибала, Гасдрубала и своего «львенка» Магона - воспитывал при себе, в лагере, в атмосфере своей ненависти, своего гения и своих великих планов.

Весною 236 г. Гамилькар выступил вдоль морского берега по направлению к западу, покоря остававшиеся свободными племена, и внезапно перешел в Испанию. Девять лет провел он тут в непрерывной борьбе с туземцами; когда он пал в одном сражении в 228 г., войско избрало начальником его зятя Гасдрубала, который продолжал действовать в духе Гамилькара, пока не пал от руки убийцы (220). Трудями этих великих людей - Гасдрубал административными и организаторскими талантами едва ли не превосходил Гамилькара - могущество Карфагена получило огромное приращение. Обширные, плодородные, богато населенные области южной части Пиренейского полуострова были не только покорены, но были привязаны к своей новой метрополии прочными узами. Были приобретены огромные новые рынки, торговля Карфагена оживилась, были открыты и разрабатывались серебряные рудники, доставлявшие через несколько лет огромные по тому времени суммы. Из доходов с новых владений не только покрывались все расходы по содержанию армии, но накапливались значительные денежные запасы, а в Карфаген отсылались такие суммы, что испанская армия стала там очень популярна и завистливые правители не смели создавать препятствий ни Гамилькару, ни Гасдрубалу. Армия организовалась и воспиталась под руководством своих вождей в постоянной борьбе с храбрыми туземцами, и рядом с давно славною нумидийскою конницею выработалась и отличная пехота,- одним словом, создалась возможность снова вступить в борьбу с Римом: в Испании Гамилькар и его преемники создали целое государство, силами которого они надеялись - и не без основания - победить Рим.

Римляне долгое время относились к совершавшемуся в Испании без достаточного внимания: они видели просто желание вознаградить себя за потерянное в войне с ними там, где готовилась им новая борьба. Мысль о возможности нападения на Италию сухим путем из Испании никому и в голову не приходила, настолько казалось невероятным подобное предприятие при тогдашних условиях. Когда в Риме думали о войне с Карфагеном, то всегда имели в виду прямо перенести войну в Африку, как это совершенно ясно по началу войны в 218 г. Когда римляне потребовали в 226 г., чтобы карфагеняне не распространяли своих владений к востоку от Эбро, то они хотели просто положить предел слишком быстро возрастающему обогащению Карфагена, а вовсе не думали этим препятствовать движениям карфагенского войска: полководец, который бы решился и мог бы двинуться на римлян, конечно, не остановился бы пред договором.

Рим не торопился начинать новую борьбу отчасти для того, чтобы не лишиться карфагенской контрибуции, которая не вся еще была выплачена и поступление которой, конечно, прекратилось бы с началом войны, а потом - и в надежде, что со смертью Гамилькара умрут и обширные замыслы, когда же деятельность Гасдрубала не оправдала этого расчета, римляне решились на войну, но им пришлось употребить несколько лет на то, чтобы покончить с галлами в долине реки По, так как направить все войска в Африку, оставив их в тылу, было бы неблагоприятно. Поведение Рима было, таким образом, вполне

понятно, но действовал сенат непредусмотрительно и вяло. Политика Рима всегда, впрочем, более отличалась настойчивостью и последовательностью, чем быстротою соображения и широтою взгляда.

Казалось, счастье покровительствовало великим замыслам Гамилькара. Он сам и Гасдрубал имели время создать средства для борьбы. В лице Ганнибала (родился в 247 г.) вырос гениальный вождь. С младенческих лет Ганнибал был при отце, в его походах, в его лагере, он сражался рядом с отцом; когда тот пал в битве, при Гасдрубале он командовал конницею и обнаружил блестящую храбрость и высокие дарования вождя. Рано узнали его воины, рано узнал он их и заслужил их любовь. Он жил как простой солдат, но умел приобрести и наилучшее образование, доступное знатым финикийцам его времени. Ему было 28 лет, когда армия, после смерти Гасдрубала, провозгласила его главнокомандующим. Он принял наследство отца и зятя и доказал, что был достоин продолжать дело таких людей. И от римских писателей, и из карфагенских источников до нас дошли только пристрастно-враждебные отзывы о Ганнибале, но если не верить явно нелепым выдумкам, то и из таких рассказов личность Ганнибала выступает в ярком блеске. Глубоко чувствующая, страстная натура, он умел с поразительным хладнокровием обдумывать и готовить свои предприятия, а осуществлял их с горячею, неукротимою энергиею. Никто не был способнее его придумывать такие способы и решения, каких никто другой не ожидал. Как умел Ганнибал увлекать людей и властвовать над ними - о том свидетельствует вера, какую питала к нему армия, и то влияние, какое он, уже беспомощным беглецом, приобретал у азиатских властителей. Всюду, где Ганнибал ни появлялся, он привлекал все взоры и властвовал в силу своего умственного превосходства,- это был бесспорно великий человек.

Когда Ганнибал получил командование, война с Римом была уже для него решена, и он выискивал лишь предлог начать ее. Но в Карфагене после смерти Гамилькара и Гасдрубала партия мира получила решительный перевес, и правительство делало все, чтобы избежать столкновений. Ганнибал попытался мелкими придирами вызвать союзный с Римом Сагунт на какой-нибудь поступок, которым можно было бы воспользоваться для начала войны, но сагунтинцы только пожаловались в Рим. Римляне прислали комиссаров - и на месте им сразу стало ясно, какое создалось в Испании положение, они поняли, что в Испании образовалось как бы новое, могучее государство. Постаравшись как-нибудь отстранить немедленный разрыв, они сообщили в Рим, что война неизбежна, и там с лихорадочной поспешностью стали к ней готовиться. Тогда Ганнибал сделал решительный шаг под ничтожным предлогом он напал на Сагунт, осадил его, и после упорной восьмимесячной обороны, справедливо славной в истории осад, Сагунт был взят. Теперь разрыв стал неизбежен: римляне не могли оставить без наказания покорение союзного города, а в Карфагене, когда получена была весть о крупном военном успехе, особенно же когда из завоеванного Сагунта была прислана огромная добыча, партия мира не могла уже восставать против Ганнибала. В 218 г. прибыло в Карфаген римское посольство, и после знаменитой сцены, когда один из членов посольства, подобрав свой плащ, сказал, что тут держит он и войну и мир, и предложил карфагенскому сенату выбирать, сенат предоставил выбор ему, римлянин предложил войну - и его предложение было принято... Ганнибал был уже вполне готов.

После взятия Сагунта он вернулся в столицу Испании Карфагену и сделал последние приготовления к войне. В качестве главнокомандующего всеми военными силами государства он должен был озаботиться защитой и африканских, и испанских его владений. В Африку он отправил корпус приблизительно в 20 000 человек, около 12000 оставил в Испании, флотским эскадрам тоже даны были указания, и последствия доказали, что с этой стороны все принятые Ганнибалом меры были вполне целесообразны. У Ганнибала осталось еще до 80 000 пехоты, до 12 000 всадников и 37 слонов,- это были те силы, с которыми он мог двинуться на Рим. Ганнибал, конечно, понимал, что такими силами нельзя сломить и уничтожить грозного врага его родины,- превосходное, преданное войско было в глазах Ганнибала лишь авангардом, лишь средством нанести первые удары. Он составил план

обширной коалиции, он поднимал против Рима и галльские, и кельтские племена, и царя македонского, и владыку Сирии. Ганнибалу не удалось вдруг обрушить на Рим всех этих врагов, но план был задуман широко и вполне соответствовал и величию задачи, и гению Ганнибала. Он понимал, что решительный удар своему врагу он может нанести только в Италии. Но высадка из Африки в южные области Италии не могла вести к цели: там римское господство было давнее, прочное, к нему привыкли, его ценили, там было множество укрепленных пунктов и всякие оборонительные средства врага были велики. Вторжение с севера представляло значительные выгоды: здесь жили племена лигуров и кельтов, еще недавно подчиненные, не забывшие своей самостоятельности и не расположенные к римлянам,- армия, заключавшая в своих рядах немало испанских кельтов, должна была встретить здесь хорошее к себе отношение. Решаясь напасть с севера, Ганнибал должен был выбирать между морским переездом и движением по материку, он избрал последнее - отчасти, может быть, желая избежать случайностей плавания, отчасти, вероятно, и для того, чтобы укрепить в пути свои связи с племенами, на которые он рассчитывал и с которыми вел уже переговоры.

Весною 218 г. Ганнибал выступил. Он шел с войском, которое боготворило его, солдаты собрались под его знамена добровольно,- после Сагунта он дал всем годичный отпуск. Свободный от финикийской узости взгляда, Ганнибал клятвенно обещал всем либийцам права карфагенского гражданства, если они вернуться победителями. Он изложил войску принятые им меры, сообщил о завязавшихся союзах - и все если не поняли, то почувствовали орлиный взгляд и твердую руку своего вождя. В пламенной речи сказал он солдатам о гибели, которую римляне готовят их родине, сказал о надменных требованиях врага и умел показать, что внутреннее положение Рима дает надежду на успех в борьбе. Войско выступило полное веры в своего гениального вождя, полное решимости на все, чтобы достигнуть великой цели.

В Риме пред началом войны в течение целого ряда лет все дела шли нерешительно и вяло. С кельтами не было прочного мира, но они не были и покорены, хотя это было давно возможно. К Карфагену относились вызывающе и враждебно, но к войне с ним готовы не были,- важный в этот момент союз с Македонией не состоялся из пустых причин,- в Риме, очевидно, не было государственного человека, который был бы способен руководить деятельностью государства в ее целом объеме и направлять ее к одной цели. Во всем, что делалось, не было надлежащей меры, все делалось или не вовремя, делалось или чересчур мало, или чересчур много.

Военные силы Рима сравнительно со средствами Ганнибала были громадны: Рим мог собрать до полумиллиона солдат, имел 220 кораблей, но ничего решительного с этими силами не предпринимали. Римляне имели полную возможность поддержать Сагунт, и если бы они хоть задержали Ганнибала в Каталонии, что они вполне могли сделать, то планам карфагенского вождя были бы созданы серьезнейшие препятствия,- во всяком случае, даже при успехе он достиг бы Альп не ранее поздней осени, следовательно, в Италию мог бы вступить не ранее весны следующего года, а в это время римляне могли нанести врагу губительные удары в Африке, куда напасть можно было во всякое время года, тем более что на море римляне господствовали безусловно.

Ганнибал не терял времени. Он быстро достиг Пиренеев и тут отпустил домой свыше 30 000 человек, чтобы показать, что отправляется не в такую экспедицию, из которой пет возврата. С 50 000 пехоты и 9000 всадников он двинулся к востоку и у Авиньона подошел к Роне. На противоположном берегу стоял отряд союзных с Римом галлов. Ганнибалу приходилось переправляться через широкую и стремительную реку в виду неприятеля - а в четырех переходах, в Массалии, находился консул Публий Корнелий Сципион с корпусом, отправленным наконец в Испанию. К нему полетели от галлов гонцы. Сципион обсудил вести на нескольких военных советах и только тогда двинулся вверх по течению Роны.

Ганнибал же не медлил, он закупил все лодки, оказавшиеся поблизости, не стесняясь ценою,- карфагенское золото вообще играло большую роль в его походе,- в то же время с величайшей энергиею сооружались плоты, чтобы армию можно было всю переправить в один день, и тайно от всех был послан значительный отряд вверх по течению. Пройдя два дня пути, отряд этот, не встретив врагов, свободно переправился через Рону и двинулся в тыл галлам, охранявшим переправу. Завидев условные сигнальные дымки, Ганнибал вдруг приступил к переправе. Галлы двинулись к берегу - и в тот же миг в тылу у них запылал их лагерь, зажженный обошедшими карфагенянами. В паническом ужасе галлы бежали, и переправа совершилась благополучно. Сципион подошел к Авиньону через три дня после того, как последний карфагенский отряд выступил на восток. Потеряв порядочно времени на это бесплодное движение, Сципион и далее действовал нерешительно, он не нашел возможным возвращать в Италию корпус, отправленный в Испанию, хотя это было, очевидно, нужно, послал главные свои силы по месту назначения и только сам направился морем в Италию.

Перейдя Рону, Ганнибал пошел не кратчайшею, а наиболее удобною дорогою, через наиболее населенные области. Он избрал этот путь, чтобы иметь достаточно провианта для своей значительной армии. Неоднократно встречал он и препятствия со стороны туземных племен, которые вовсе не хотели смотреть равнодушно на движение через их землю чужого войска, но зато Ганнибал успел приобрести и несколько союзников, и, по своей прозорливости, он вступал в дружеские связи и даже в союз всегда с наиболее сильными племенами.

Через 16 дней после переправы через Рону Ганнибал достиг первой горной цепи. Здесь, в одном тесном ущелье, думали задержать его аллоброги - ловким ночным нападением Ганнибал захватил этот перевал. Спуск с перевала в следующую долину был труднее подъема: лошади и мулы падали на крутой и узкой дороге и немало их погибло в пропастях, враждебные туземцы тревожили войско с флангов, а когда отбивали их нападения открытою силою, шум битвы усиливал сумятицу среди вьючных животных.

В долине Ганнибал уничтожил первый город на пути и этим внушил страх соседним племенам. Отдохнув день, войско двинулось далее и по всей равнине, в области центронов, встречало лишь знаки покорности. Но Ганнибал не обманулся ими, и, когда армия стала подниматься на Малый Сен-Бернар по крутой и узкой дороге, он лично остался с отборным отрядом прикрывать это движение: центроны действительно попробовали напасть на арьергард, но были отражены. Два дня продолжался подъем, туземцы шли параллельно, и, где могли, бросали или скатывали камни, и причинили немалый урон карфагенскому войску. Достигнув перевала, Ганнибал дал армии отдых. Войско было страшно утомлено, потери людьми и особенно вьючными животными были громадны, солдаты приуныли, но вождь не унывал и ободрил своих воинов. К месту отдыха подобрались многие отставшие, преследование прекратилось, недалеко были уже и дружественные племена цизальпинских галлов. Отдохнув, армия стала спускаться - и опять спуск был труднее и взял больше жертв, чем подъем. Люди гибли и от невероятных неудобств пути, и от холода - наступил уже сентябрь и в горах повсюду лежал снег,- лошади и слоны, полуживые от голода, еле брели, а вскоре и всей армии пришлось остановиться: шагов около 200 предстояло перейти по покатым и скользким глыбам вечного льда. Три дня и три ночи под непосредственным руководством Ганнибала производились тут саперные работы, и только тогда оказалось возможным перевести армию и обоз... Наконец в середине сентября карфагенское войско, страшно измученное, спустилось в долину и на две недели разместилось отдохнуть в богатых селениях Иврейской долины, где жители приняли карфагенян как избавителей...

Длинный путь, почти в 800 верст, от берегов Роны до Сен-Бернара был пройден в 33 дня без каких-либо особых неудач, и тем не менее с Ганнибалом пришло только 20 000 пехоты из 50 000 и только 6000 всадников из 9000 - конницу Ганнибал особенно берег. Трудно сказать

с уверенностью, мог ли Ганнибал лучше предвидеть и обсудить то, что пришлось ему встретить, и был ли бы какой-нибудь другой путь и способ перехода легче и выполнимее. Бесспорно, величайшего изумления достойно то мастерство, с которым выполнил Ганнибал свое предприятие. Он совершил, во всяком случае, то, что задумал гений Гамилькара. Борьба с Римом перенесена была на почву Италии.

Глава V. ГАННИБАЛОВСКАЯ ВОЙНА (218-202)

Победа Ганнибала при реке Тичино.- Победа при Требии.- Движение Ганнибала к югу и победа при Тразименском озере.- Ганнибал переустраивает свою армию.- Диктатор Квинт Фабий.- Нетерпение в Риме.- Консул Варрон и поражение римлян при Каннах.- Патриотизм римлян.- Присоединение к Ганнибалу некоторых городов Италии.- Безрезультатность усилий Ганнибала.- Военные действия на других театрах войны.- Усилия римлян и начало их успехов.- Взятие Капуи римлянами.- Гасдрубал в Италии и его гибель.- Ганнибал безопасен для Рима.- Сципион переносит войну в Африку.- Победа римлян при Заме.- Мир

Появление Ганнибала в Италии было совершенною неожиданностью для римлян. У них приготовлено было две армии, но одна уже действовала в Испании, и возвращать ее представлялось неудобным, другая собиралась отплыть из Лилибея для нападения на Африку, теперь ее спешно потребовали на север. До ее прибытия Ганнибал имел пред собою сравнительно небольшие силы и успел не только дать отдых войску, но и склонить - частью угрозами, частью убеждениями - к союзу все ближайшие лигурийские и кельтские племена.

Сципион, вернувшись из Массалии в Рим, первый привез туда известие о движении Ганнибала и немедленно отправился к войску, стоявшему против врага. С излишнею уверенностью в непобедимости римлян он принял при реке Тичино сражение в невыгодной позиции - и сражение было проиграно, главным образом благодаря значительному перевесу Ганнибала в коннице и умелому пользованию этим родом войска. Сам консул, бившийся лично в первых рядах, был тяжело ранен и спасся от плена только мужеством и решительностью своего 16-летнего сына, впоследствии знаменитого полководца.

Неудача словно вернула Сципиону все его искусство и удвоила его мужество, он чрезвычайно ловко отступил из очень опасного положения, в котором оказался после битвы, и занял выгодную позицию под укреплениями Плаценции; Атаковать здесь римлян Ганнибал не решился, а пока они тут стояли, он не мог двинуться далее. Сципион выиграл, таким образом, время, и к нему подошла вторая армия. Больного от раны Сципиона заменил в командовании консул Тиберий Семпроний. Ганнибал, удивительно умевший понимать людей, по отрывочным сведениям, дошедшим до него о действиях нового своего противника, понял, что имеет дело с человеком самоуверенным и неглубоким, и на данных о его характере построил план действий: в одной довольно значительной стычке он умышленно не поддержал своих частей и дал Семпронию повод гордиться и хвастаться своею победою и смотреть свысока на своего противника, и вскоре Ганнибал устроил так, что мелкая, как казалось римлянам, стычка на берегах реки Требия совершенно неожиданно обратилась в генеральное сражение, причем опять римлянам пришлось вступить в бой на неудобной позиции, где армия Ганнибала их ожидала и куда римские войска должны были подходить, переправляясь через реки в холодное время года. Храбро бились римляне, но неожиданный удар из засады доставил Ганнибалу полную победу, только отряд в 10 000 человек пробился, остальные тысяч 20 человек были истреблены или взяты в плен. Потери Ганнибала были тоже очень значительны: у него погибли, между прочим, все слоны от холода и сырости. Со своей армией, страдавшей от болезней, Ганнибал расположился на зимние квартиры и занялся организацией галльских вспомогательных отрядов, которые

доставили по крайней мере 60 000 человек.

Римский сенат, несмотря на два проигранных сражения, не посчитал положения опасным, для кампании 217 г. была только пополнена испанская армия, усилены приморские гарнизоны и армия на севере доведена до состава полных 4 легионов. Консул Гай Фламиний прикрывал западную дорогу на Рим, около Ареццо, а консул Гней Сервилий - восточную, занимая позицию у Аримина. Римляне сосредоточили довольно сил, чтобы надеяться на успех в борьбе с Ганнибалом в долине По. Но Ганнибал вовсе не имел в виду сражаться со своим врагом на севере Италии. Он слишком ясно понимал глубокое различие между своим положением и положением римских армий. Он не мог не сознавать, что по превосходству своего военного гения он почти наверно разбивал бы римских полководцев. Но он понимал и то, что всякое поражение будет лишь усиливать энергию римлян, в то время как ему трудно было ожидать энергичной, доброжелательной и доверчивой поддержки своего правительства, и что, скорее, наоборот: всякая его победа будет раздражать его тайных недоброжелателей в Карфагене и будет ослаблять ту поддержку, какую они готовы будут ему оказывать, не говоря уже о том, что и войско его будет нести потери. Ганнибал видел, что ему необходимо не только побеждать римские армии, но уничтожить могущество Рима, сломить Рим как государство, расшатать тот мощный, твердый союз, в какой римляне сплотили всех италийцев. Ганнибал помнил это всегда, даже в период неслыханных военных успехов своих, - и это едва ли не самое удивительное проявление его гения. Карфагенский вождь прежде всего и начал свою борьбу с Римом как с государством: всех пленных римских граждан он заковал в цепи, а всех пленников из союзных общин отпустил по домам, внушая им, что имеет в виду освободить от ига римлян все италийские общины. Что касается военных действий, то Ганнибал решил вести их, по возможности меняя план, а в искусстве придумывать и осуществлять самые неожиданные комбинации Ганнибал не имел соперников.

Консул Гай Фламиний еще стоял у Ареццо, ожидая, когда время года позволит начать военные действия, а Ганнибал уже давно выступил, с невероятными трудностями и с большими потерями перешел горные цепи Апеннин и долины разлившихся реки вышел на равнину, где остановить его было уже гораздо труднее. Гай Фламиний был типичным представителем тех совершенно второстепенных людей, которые временами получают значение, вовсе не соответствующее их дарованиям. Он давно критиковал все действия сената и партии, стремившейся сохранить за сенатом прежнее значение, и этим приобрел славу чрезвычайно умного, передового человека. Он командовал в экспедиции 223 г. в долину По против инсубров и делал лишь ошибки и неудачные распоряжения, но так как экспедиция окончилась успехом благодаря удивительным качествам римских солдат, то Гай Фламиний сам счел себя великим полководцем, а его сторонники были положительно убеждены, что стоит послать на Ганнибала Фламиния - и враг будет уничтожен. Такое убеждение было столь твердо, что лагерь Фламиния был наполнен массой разных охотников до добычи. Фламиний не мог стерпеть, что карфагеняне страшно опустошали страну вблизи его армии. Фламинию, конечно, не надо было ожидать другой армии, чтобы победить... Он двинулся за карфагенским войском. Ганнибал придал своему движению такой вид, как будто он старается уклониться от боя, в тесном ущелье, упиравшемся в Тразименское озеро, устроил засаду римлянам. Он расположил свои войска по склонам, ранним утром дал войти в ущелье всей армии Фламиния, двигавшейся совершенно беспечно, а с рассветом сильным отрядом внезапно запер выход из ущелья и начал битву, которая, скорее, может быть названа бойней... У римлян было убито 15 000 человек, столько же взято в плен, - словом, армия Фламиния была совершенно уничтожена. Ганнибал потерял всего 1500 человек, и то по преимуществу из галльских отрядов. Через несколько дней частью уничтожен, частью взят был в плен четырехтысячный отряд конницы, высланный Гнеем Сервилием для соединения с Фламинием. Вся Этрурия была во власти Ганнибала. В Риме назначили диктатора и стали готовиться отразить врага от самых стен столицы.

Но Ганнибал не пошел на Рим. Он прежде всего занялся обучением своего войска новому строю, который после встреч с легионами он нашел нужным ввести. Римляне все ожидали его к стенам города и дали ему время исполнить беспримерно смелое предприятие - реорганизовать армию внутри неприятельской страны. Затем он медленно двинулся к югу, надеясь поднять против Рима союзные общины. Но тут он обманулся: римский союз был так тверд, а нерасположение арийцев к семитам так глубоко и инстинктивно, что ни одна община, ни один город добровольно не вступили в союз с карфагенским вождем. Целый год Ганнибал двигался беспрепятственно, но и почти безрезультатно по Средней Италии, имея надежный опорный пункт в укрепленном лагере около Луцерии. Диктатор Квинт Фабий не рисковал вступать в бой, но всюду следовал за Ганнибалом, совершенно верно рассчитав, что Ганнибал не рискнет ни на что решительное, имея вблизи неразбитую римскую армию, тем более что дух воинов был превосходен: они рвались в бой, желая отомстить за поражения легионов. Однако городские политики были недовольны диктатором, высмеивали его и его систему и благодаря главным образом Гаю Теренцию Варрону добились, что начальник конницы Марк Минуций получил почти полную независимость от диктатора. Желая оправдать оказанное ему доверие, Минуций вскоре вступил в битву с Ганнибалом, и только своевременное появление Квинта Фабия со свежим войском предотвратило новый разгром.

Сенат держался с полной твердостью: он отклонил помощь, предложенную Гиероном, от иллирийских племен потребовал своевременной уплаты дани, в сношениях с Македонией говорил по-прежнему твердым тоном. К наступающей кампании решено было выставить войско, какого римляне еще никогда не собирали, восемь легионов, и перейти к более энергичному способу действий: в Риме много было недовольных прежними действиями сената, и доморожденные политики и стратеги рассеивали нелепые, но встречавшие доверие толки, будто сенат умышленно затягивает войну. Не без труда удалось сенату провести одного надежного консула, Люция Эмилия Павла, на должность же второго консула огромным большинством голосов был избран Гай Теренций Варрон, пользовавшийся у черни славою чрезвычайно даровитого и энергичного деятеля, а в сущности человек совершенно бездарный и очень самоуверенный и наглый.

С наступлением весны Ганнибал двинулся к Лукании и около Канн, на берегах реки Ауфида, представлявших отличное поле для его кавалерии, остановился. Сюда подошла в начале лета 216 г. и римская армия, насчитывавшая почти 90 000 человек против 50 000 человек, бывших у Ганнибала. Консулы ежедневно чередовались в главном командовании. Эмилий Павел желал действовать осторожно, и если принять битву, то в хорошей позиции, но Варрон решил напасть на врага, где бы и когда его ни встретил.

Встреча произошла в начале июня 216 г. В обеих армиях центр занимала пехота, на крыльях стояла конница. Ганнибал сосредоточил главные массы своей кавалерии под начальством Гасдрубала на своем левом крыле, против слабейшего крыла римлян. В завязавшейся битве левое крыло римлян, где был Варрон, и правое Ганнибала бились без заметного перевеса той или другой стороны. В центре римляне, построенные чрезвычайно глубокою колонною, скоро потеснили противника, Ганнибал, однако, сумел охватить колонну с флангов и восстановил равное положение. Но правое крыло римлян было быстро смято и почти уничтожено. Немедленно Гасдрубал напал в тыл левого крыла римлян,- оно тоже едва уже держалось и теперь обратилось в беспорядочное бегство. Тогда Гасдрубал ударил с тыла и на центр, бежать было некуда, а пошады не давали. Римская армия была уничтожена. Было убито до 70 000 человек, 6000 человек взято в плен на поле битвы, 10 000 человек - в лагере. Жалкие остатки огромной армии укрылись в Канузии, погибла по крайней мере седьмая часть италийцев, способных носить оружие. Эмилий Павел и 70 сенаторов, не говоря о сотнях других офицеров, пали в битве, из всех высших начальников спасся бегством один Варрон...

Последствия битвы были громадны. До сих пор Ганнибал не имел поддержки из Карфагена под тем предлогом, что в Испании римляне теснили пуническую армию, что море во власти римлян, что неизвестно, где найти Ганнибала, завидовавшее и не доверявшее ему правительство не доставляло ему ни войск, ни денег. Теперь все возражения смолкли, решено было немедленно прислать Ганнибалу 40 слонов, 4000 конницы и достаточное количество пехоты. С Карфагеном вступили в союз Македония и Сиракузы, где Гиерон умер и воцарился молодой и неспособный Гиероним. Наконец - и это всего важнее - поколебалась твердость италийского союза: на сторону Ганнибала перешли почти все города бреттиев, луканцев, пицентов, гирпинов и самнитов в Южной Италии и второй по величине город Италии - Капуя. Греческие города, напротив, твердо держались союза с Римом, и их приходилось брать вооруженною рукою. Непокоримо стояли все города Южной Италии, населенные латинами, и города Средней Италии, и противники Ганнибала в карфагенском сенате указывали совершенно верно, что ни одна римская община и ни один римский гражданин не приняли сторону Карфагена. Политические противники Ганнибала были рады, что могли указать ошибку в его расчетах - а этим предрешался исход борьбы!

Катастрофа при Каннах была подготовлена не виной отдельных лиц, а недостатками всей конституции Римского государства и ошибками массы римского гражданства. Против такого вождя, как Ганнибал, было невозможно успешно вести войну, если сохранять старые способы управления армией и ежегодно передавать все дело борьбы в руки совершенно новых людей; поручать такое страшно сложное и ответственное дело в заведование тому или другому лицу по выбору народного собрания, совсем не компетентного в таких вопросах, было чрезвычайно вредно. Устранить это зло, не перестраивая одновременно всей государственной конституции - что было, очевидно, невыполнимо во время войны, - возможно было только в том случае, если в нации установится единодушное, полное взаимное доверие споривших и враждовавших ранее партий, если исчезнет всякое стремление проводить тех или других людей только потому, что они принадлежат к той, а не другой политической партии. И римскому сенату принадлежит та бессмертная заслуга, что он понял это, и еще большая - что он сумел этого достичь.

Сенат не разыгрывал эффектную сцену, он действовал глубоко искренно и глубоко патриотично, когда в полном составе вышел навстречу Варрону, погубившему армию, человеку, который долго и ожесточенно нападал на сенат, и благодарил его, что он не утратил веры в римскую силу и в спасение отечества. Замолкла в сознании великой минуты и та демагогическая болтовня, которой представителем был Варрон. Теперь все римляне забыли свои прежние счеты, споры, разногласия и поставили единою целью отстаивать свое отечество. Группа малодушных, которые легко мирились с мыслью о гибели отечества и готовились выселяться, была грозно остановлена несколькими энергичными людьми, в их числе был и Публий Сципион-сын. Кое-как были снова собраны два легиона, Варрон под благовидным предлогом был отозван от армии в сенат, главное начальство поручено испытанному в борьбе с галлами претору Марку Клавдию Марцеллу. Чуть не все взрослое население явилось к исполнению военных обязанностей, все фабрики, мастерские и мастера готовили оружие, и у всех, от мала до велика, была одна мысль, одно чувство - что мир с победоносным врагом невозможен, что римляне должны победить во что бы то ни стало.

Часто высказывалось мнение, что, если бы немедленно после битвы при Каннах Ганнибал напал на город Рим, он достиг бы полного успеха. Мнение это, однако, неосновательно. В древности осада городов, а тем более штурм очень редко оканчивались успехом, и нет никаких причин думать, что римляне обнаружили какое-то странное малодушие именно тогда, когда им пришлось бы защищать свою столицу. Ганнибал отправился в Кампанию. Здесь он овладел несколькими городами, но Неаполь отбил, отстояли себя и Кумы, Нуцерии и Нола. В одной довольно значительной стычке Марцелл одержал даже верх над самим Ганнибалом. С наступлением зимы Ганнибал расположился на зимних квартирах. Римляне держали наготове три довольно значительных корпуса войск.

Начинали сбываться опасения Ганнибала: неслыханные успехи приносили ему больше затруднений, чем выгод. С одной стороны, римляне лишь удвоили свою энергию и произвели значительные улучшения в командовании армиями, с другой - в Карфагене вспышка патриотизма, вызванная победой при Каннах, скоро остыла и подкреплений Ганнибал почти не получил. Он приобрел союзников, но и меньших числом, и худших, чем ожидал: на его сторону перешли лишь те италийские племена, которые поддались малодушию, а не руководились горячим порывом, те, которые думали не о свободе, а о своевременной замене одного господина другим. Затруднилось положение Ганнибала и в военном отношении: имея завоеванную область и союзников, он не мог уже так свободно, как прежде, менять театр войны и из неожиданности своих движений извлекать большие выгоды. Теперь он должен был защищать свои приобретения, это стесняло его движения, определяло театр борьбы и облегчало задачу римлян.

Военные операции между тем чрезвычайно осложнились: в связи с борьбой в Италии шли военные действия на материке Греции, в Сицилии и в Испании. Эти войны имели для Рима значение оборонительных, так как целью их было лишить Ганнибала возможности получить подкрепления, но действовали римляне повсюду сколько было возможно наступательно, понимая, что такой способ войны представляет большие стратегические выгоды. Впрочем, сведения наши об этих войнах сравнительно очень неполны: внимание современников события было почти целиком поглощено великою борьбой в самой Италии.

Поражения римлян произвели сильнейшее впечатление в Греции и Македонии. Одно время казалось, что эллины поднимутся против Рима. Но единственный владетель, который мог принять на себя инициативу в таком движении, Филипп Македонский, держался крайне вяло и нерешительно, римляне же, наоборот, с самыми малыми силами действовали весьма активно и успели, кроме того, пробудить в греках старинную ревность и вражду к Македонии - и Филипп неожиданно увидел против себя коалицию греческих государств. Несколько лет (212-206) вели Филипп и эта коалиция между собою борьбу почти безрезультатную, но ознаменованную многими жестокостями. Наконец заключен был мир почти на условиях *status quo ante bellum* * - римляне, во всяком случае, имели ту выгоду, что Ганнибал не получил никакой поддержки с востока.

В Сицилии карфагеняне высадили армию под командою нескольких талантливых греческих наемников и на короткое время получили перевес над римлянами. Сам Марцелл, отправленный туда, оказался однажды в очень опасном положении. Но карфагенские военачальники в Сицилии действовали так же, как правители в Карфагене, их несогласия дали римлянам возможность оправиться. Целая карфагенская армия растаяла от болезней во время жаркого лета - и Марцелл овладел Сиракузами (212). Тогда Ганнибал послал в Сицилию одного из даровитейших своих помощников, нумидийца Мутину. Мутина организовал партизанскую войну, и снова перевес перешел к карфагенянам. Но успехи Мутины навлекли на него такую зависть и такие придирки со стороны других, высших рангом командиров, что Мутина не выдержал и передался римлянам вместе с важнейшим городом, бывшим во власти пунийцев, Акрагантом. Карфагенские войска тогда немедленно должны были покинуть остров, и в 210 г. Сицилия снова была вполне во власти римлян.

Упорнее всего и с переменным счастьем шла борьба в Испании. Там командовали два брата, Гней и Публий Сципионы. Они успешно выполняли свою главную задачу - не допускать восстановления сношений Ганнибала с Испаниею по сухому пути. В самой Африке они подняли против Карфагена одного владетеля, Стифакса (213), и для борьбы с ним одно время карфагеняне отзывали даже войска из Испании, и вообще почти все подкрепления, предназначавшиеся Ганнибалу, были направляемы в Испанию.

В 212 г. римлян постигли на Пиренейском полуострове тяжелые неудачи: неожиданным нападением карфагеняне успели уничтожить два главных корпуса римских войск, оба Сципиона погибли в бою. Испания вплоть до Эбро была в руках карфагенян, и казалось, что

им удастся доставить Ганнибалу подкрепления по сухому пути. В этом затруднительном положении главное командование в Испании было вручено Публию Сципиону, сыну убитого в Испании проконсула. Это был еще молодой, 27-летний, офицер, выдвинувшийся несколькими отдельными подвигами в борьбе с Ганнибалом. Он отличался блестящею храбростью, безупречною честностью и благородным, возвышенным характером, привлекал к себе все сердца и внушал своим соотечественникам какую-то особенную веру в Рим и в римлян, а своим врагам - какое-то особенное уважение к римскому имени. Как полководец он не обладал дарованиями исключительными, но ему всегда удавались даже и очень рискованные предприятия, так что серьезно распространилось убеждение, что сами боги внушают Сципиону его решения и помогают ему. Немедленно по прибытии в Испанию (209) он предпринял безумно отважную попытку овладеть Новым Карфагеном, пунической столицей Испании, и попытка эта увенчалась успехом. Моральное значение этой удачи было громадно. Скоро в открытом бою при Бегуле Гасдрубал отбросил римлян и достиг того, к чему стремился все время, - перешел Пиренеи и двинулся к Ганнибалу (207). Сципион сделал вид, что считает себя победителем, потому что он захватил арьергард Гасдрубала, а может быть, он и действительно не видел ясно, чем грозил достигнутый Гасдрубалом результат; когда же Гасдрубал, уже пришедши в Италию, погиб, не успев соединиться с Ганнибалом, неудача Сципиона была совершенно забыта. С удалением армии Гасдрубала Сципион стал быстро теснить действовавшие в Испании карфагенские войска. В скором времени в руках карфагенян оставался уже только Гадес, где мужественно держался брат Ганнибала, Магон, но в Карфагене уже потеряли надежду сохранить Испанию, и в 206 г. Магону было предписано со всеми силами переправиться в Италию. Он отплыл беспрепятственно, потому что Сципион не держал наготове флота. Испания целиком перешла во власть Рима.

Таковы были в общих чертах военные действия на второстепенных театрах войны в течение 8-10 лет после битвы при Каннах; в Италии совершались важные события.

Римляне напрягали все свои силы. Под знамена было призвано все свободное население Италии в возрасте от 17 до 46 лет, и в римских армиях было собрано до 230 000 человек. Материальные, экономические затруднения были ужасны. Предметы первой необходимости вздорожали, по меньшей мере, в три раза, большинство поставщиков казны или получали уплату несвоевременно, или вовсе не получали и ожидали лучших времен. Богатые люди делали огромные пожертвования, сколько-нибудь достаточные служили без жалованья. Но дух народа, его готовность на все для победы были непоколебимы. Некоторые латинские общины, истощенные и материально, и потерями в людях, заявили, что не будут больше принимать участия в войне Рима с Карфагеном - причем, однако, не было и речи о союзе с Ганнибалом, - но несколько общин постановили, что именно теперь, именно в годину тяжких испытаний, они готовы все отдать на борьбу... Марцелл, которому было уже почти 60 лет, с юношеским жаром организовывал военные силы, и днем и ночью занятый мыслью победить Ганнибала, ему дружно содействовали весьма даровитые Тиберий Гракх, Аппий Клавдий, Криспин и другие. Скоро Ганнибалу пришлось вести уже оборонительную войну, и его действия за этот период борьбы представляют столь же неподражаемый, единственный в военной истории образец, каким являются его действия и в первый период кампании, когда он целиком держал в своих руках инициативу.

С открытием кампании в 213 г. римляне предприняли операции с целью овладеть Капуей, однако Ганнибал помешал ее обложению, и римляне достигли лишь нескольких частичных успехов. В 212 г. римляне испытали ряд неудач: Ганнибал овладел Тарентом, разбил несколько раз римлян в открытом поле, в Лукании и Апулии по неосмотрительности начальников были истреблены два крупных отряда римлян: попытка обложить Капую снова не удалась. Римляне, однако, возобновили ее еще раз и, наконец, успели совершенно блокировать город и отлично укрепили свой лагерь (211). Ганнибал поспешил к этому важному пункту, но увидел, что нападение на окопы римлян было бы безрассудным. Тогда он вдруг двинулся к Риму и остановился в расстоянии нескольких верст от ворот города;

предместья были выжжены его легкими войсками. «Ганнибал у ворот!» - это была фраза, которая производила потрясающее впечатление на римлян еще более ста лет спустя... Штурмовать город, защищаемый гарнизоном в два легиона, Ганнибал, конечно, не только не решился, но, вероятно, и не думал: он надеялся только отвлечь этим движением римские легионы от Капуи, чтобы снабдить обложенный город провиантом и усиленным гарнизоном. Но римские военачальники остались под Капуей, а следить за карфагенским войском направили лишь небольшой отряд. Ганнибал совершенно уничтожил его, но зато вскоре Кануя сдалась. Это был решительный и крупный успех римлян. Два года они старались овладеть городом, а Ганнибал пытался им помешать - и восторжествовали римляне, и как шесть лет тому назад переход Капуи на сторону Ганнибала знаменовал собою тот факт, что владычество Рима над Италией фактически прекратилось, так взятие Капуи римлянами означало, что перевес снова решительным образом перешел к Риму. С карфагенской партией в городе римляне расправились беспощадно: 28 человек окончили жизнь самоубийством еще до сдачи города, 53 были публично высечены и обезглавлены, сотни проданы в рабство.

Следующий год, 210-й, прошел без особенно важных событий, но в 209-м римляне овладели снова Тарентом, Ганнибал отошел в Апулию - и Марцелл уже надеялся окончательно вытеснить его из Италии, но погиб в одной незначительной стычке.

Осенью 208 г. в Риме получено было известие, что Гасдрубал перешел Пиренеи и идет в Италию. Галлы за деньги пропустили его без препятствий, 8000 лигурийцев готовы были присоединиться к нему в Италии, где он и появился скорее, чем ожидали его и римляне, да, кажется, и Ганнибал, по крайней мере Ганнибал двинулся к северу далеко не так энергично, как можно было бы ожидать, если бы он знал, что Гасдрубал уже в долине По. Против Гасдрубала направлена была значительная армия, а консул Нерон с главными силами стоял против Ганнибала. Вдруг ему доставляют перехваченное письмо Гасдрубала к брату, в котором говорилось о пути, каким Гасдрубал хотел идти на соединение с Ганнибалом. Нерон решил тогда на чрезвычайно смелое движение: в надежде, что Ганнибал не знает о приближении брата, он оставил против карфагенского вождя лишь часть армии, а сам с отборными 7000 прошел на север, соединился там с другим римским отрядом, и подле Сены Галльской римляне одержали решительную победу: армия Гасдрубала была совершенно уничтожена и сам Гасдрубал искал и нашел себе смерть в бою. Затем Нерон так же поспешно вернулся назад.

Голова Гасдрубала, брошенная сторожевым постам карфагенской армии, показала Ганнибалу, что не сбылись его ожидания, питая которые он десять лет боролся в Италии. Если бы Гасдрубал успел привести Ганнибалу такое сильное подкрепление, какое вел он, Риму, при крайнем его истощении, грозила бы опасность, пожалуй, не меньшая, чем та, в какой он находился после битвы при Каннах. Теперь же не было границ ликования римлян и горю Ганнибала.

Ганнибал отступил на самый юг полуострова, в страну бреттиев. Высадка Магона около Генуи в 205 г. уже не могла поправить дела, средства обоих братьев были слишком незначительны. После трехлетних отважных, но сравнительно безрезультатных действий на севере Италии Магон был тяжело ранен в одной стычке и умер на корабле во время переезда на юг. Римляне не старались вытеснить Ганнибала из Италии, - они были так истомлены войною, что без крайней необходимости положительно не могли уже делать новых усилий. Натиск Карфагена на Рим был отбит, теперь предстоял, конечно, натиск Рима на Карфаген и необходимая для этого экспедиция в Африку, но предпринять ее совершенно не было ни средств, ни энергии...

В это время возвратился из Испании Сципион. Высадка в Африку, конечно, поражение Карфагена - это было его давнишней, постоянною мечтою. Сенат не был склонен поручать ему такое предприятие: были веские основания критиковать действия его в Испании,

беспокоила и нескрываемая Сципионом его склонность поступать иногда только по личному усмотрению, не считаясь со строгою законностью. Наконец, решено было не мешать Сципиону предпринять экспедицию в Африку из Сицилии, где он был назначен главнокомандующим. С поддержкою частных лиц Сципион снарядил флот, на зов популярного вождя явились многочисленные охотники - и весною 204 г. с армиею в 30 000 человек он благополучно высадился около Утики.

Карфагеняне уже давно ожидали появления римлян в Африке и приготовились к обороне, первое время они даже успели довольно сильно стеснить Сципиона. Но весною следующего года Сципион в неожиданном ночном нападении нанес им огромные потери, а затем разбил их и в чистом поле. В Карфагене получила тогда перевес партия мира и были начаты переговоры. Победитель предъявил требования столь умеренные, что мир казался уже близким... Но этого не хотела допустить партия патриотов - главным образом из нежелания дать торжество враждебной партии, а отчасти и в надежде, что Ганнибал сможет поправить дело. Великого вождя потребовали в Африку. Он и сам уже понимал, что в Италии ему нечего делать, и медлил только, тщетно рассчитывая на обещанную Филиппом Македонским помощь, теперь же он не колебался. Умертвив своих боевых коней и перебив тех италийских солдат, которые не пожелали следовать за ним, он отплыл из Кротона в Африку...

Облегченно вздохнули римляне, когда их землю оставил «либийский лев», 16 лет державший их в страхе. Ганнибал, последний из «львиного рода» Гамилькарова, вернулся на родину после 35-летнего отсутствия. Он оставил родной город еще мальчиком, направляясь вместе со своим великим отцом на запад, теперь он возвращался с востока, совершив победоносный путь вокруг большей половины Средиземного моря. Он всю жизнь бился для великого плана, который - если бы удался - изменил бы судьбы мира, и если какой-нибудь человек был способен их изменить, то, конечно, именно Ганнибал. Он встретил, однако, непреодолимые препятствия, их создали геройская оборона римлян и еще более - близорукая, своекорыстная, мелочная политика карфагенских правителей. Карфагенский сенат не дал Ганнибалу необходимых средств, когда он мог достигнуть успеха, и теперь призывал его спасти отечество, которое приведено было на край гибели его политическими врагами. Как истинно великий гражданин, Ганнибал без жалоб, без укоров, честно приложил все свои силы к порученному ему делу, хотя оно было почти уже безнадежно. Он попробовал в личном свидании со Сципионом добиться более легких условий мира, но Сципион не мог делать новых уступок, тем более что карфагеняне только что вероломно нарушили перемирие. Около Замы в 202 г. произошло сражение - и Сципион одержал полную победу над плохо обученным, недавно собранным войском, которое было теперь у Ганнибала.

Карфаген не мог долее продолжать борьбы. Мир был заключен в 201 г. на условиях более тяжелых, чем соглашался Сципион ранее: римляне получили Испанию и все острова на Средиземном море, карфагеняне выдали им весь свой флот, за исключением 20 кораблей; в течение 50 лет они должны были уплачивать по 200 талантов контрибуции; союзный с Римом нумидийский владетель Массинисса получал области, принадлежавшие Сифаксу; наконец, карфагеняне обязались не воевать ни с римлянами, ни с кем-либо из их союзников и свои споры с ними представлять на решение римского сената.

Сципиона упрекали многие, что он не разрушил Карфагена, его подозревали даже во взятке. Но Сципион выше таких подозрений, он руководствовался, конечно, благородными и широкими побуждениями,- он понимал, что борьбу вел гораздо более Ганнибал, чем Карфаген, и не ошибался, полагая, что другого Ганнибала не явится, он не хотел беспощадно унижить тех, кто еще недавно заставлял дрожать римлян, и не желал уничтожить цветущее государство, один из величайших центров цивилизации того времени.

Результаты войны, во всяком случае, были гораздо шире того, к чему стремились римляне: они отстаивали свое государство, а создалась бесспорная римская гегемония над

всеми западными государствами и, естественно, приблизилась борьба Запада с Востоком, с Александровыми монархиями. Внутри италийской федерации выступили на первое место латины, которые главным образом и вынесли эту борьбу. Этруски, сабелы и другие нелатинские союзники оказались в положении подданных, бреттии были массами обращены в рабство, капуанцы потеряли всю свою земельную собственность. В материальном отношении Италия пострадала страшно- В борьбе с Ганнибалом погибло не менее 300 000 человек мужского пола, и потери эти пали именно на лучшую часть нации, на цвет ее. Народное хозяйство было расшатано, народное благосостояние очень понизилось, сбережения, накопленные продолжительным и тяжелым трудом многих поколений, были истреблены, до 400 цветущих общин было уничтожено, по стране бродили шайки разбойников и нищих, развилась сильнейшая деморализация. Все это создало для Римского государства новые задачи, новые затруднения, и было еще совершенно неясно, сумеют ли римляне и с ними справиться, окажутся ли они достойными той великой победы, которую они с напряжением всех сил одержали,- победы, которою они могли с полным правом гордиться.

Глава VI. ЗАПАД ОТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА ДО КОНЦА ТРЕТЬЕГО ПЕРИОДА

Упрочение власти римлян в области реки По.- Отношение к Карфагену.- Массинисса.- Дела в Испании

Уже в год заключения мира с Карфагеном (201) римляне возобновили борьбу в области реки По, где утвердиться помешало им появление Ганнибала в Италии. Около 30 лет продолжались здесь военные действия, римляне не раз испытывали и неудачи, но в конце концов неизменно одерживали верх, потому что твердо и неуклонно шли к своей цели, тогда как различные племена галлов и кельтов поднимались горячо, но скоро теряли энергию и легко отступали от общего дела. Римляне внушили здесь страх надолго,- несколько племен были истреблены почти сплошь, а приобретения свои римляне прочно укрепили за собой проведением дорог, устройством укрепленных пунктов - в это время основаны Аквилея, Бонония, Мутина, Парма,- наконец, и самое главное, переселением большого числа прежних жителей из завоеванных областей на другие места на юг Италии и выводом на их место колонистов из областей, давно верных Риму.

В отношении к Карфагену римляне держались жесткой политики. Массинисса постоянно то опустошал границы карфагенян, то прямо захватывал части их территории. Карфаген защищаться не мог мирные условия прямо запрещали подымать оружие против союзника римлян и обязывали приносить жалобы в сенат, сенат же бесцеремонно покровительствовал Массиниссе. В течение семи лет по заключении мира во главе карфагенской администрации стоял Ганнибал. Он сумел приобрести такое влияние на умы граждан, что олигархия, которая довела государство до гибели, была низложена и введены были улучшения в государственном устройстве, обещавшие в будущем прочное усиление государства. Но Ганнибалу не суждено было вывести отечество из кризиса. Римляне все время подозрительно следили за его деятельностью, а теперь презренные доносы олигархов на Ганнибала и жалобы их побудили сенат, несмотря на протесты победителя при Заме, решиться на крайнюю меру: сенат потребовал выдачи Ганнибала. Ганнибал предвидел ответ Карфагена и бежал, избавив свое отечество от величайшего позора - выдать своего лучшего сына его неумолимому врагу. Теперь власть в Карфагене снова перешла в руки партии, которая преследовала только свои материальные выгоды, но тем не менее римляне продолжали с затаенною завистью и с опасением смотреть на Карфаген, который снова стал богат, и все более и более распространялось в Риме мнение, что для спокойствия Рима необходимо уничтожить ненавистного соперника.

Верный союзник римлян, Массинисса, правитель одного из берберских племен, прожил 90 лет, из них процарствовал 60 (умер около 147 г.). Это был необычайно даровитый и энергичный человек,- вред, причиненный им Карфагену, был очень велик, а еще гораздо замечательнее то влияние, которое он оказал на своих соплеменников: благодаря ему они перешли от кочевого образа жизни к оседлому, сознали свое национальное единство, и та особая африканская цивилизация, которая чувствовалась еще до середины V в. по Р. Х., всего более была делом Массиниссы.

В Испании местные племена уже в то время обнаруживали те национальные черты, которые проявились в Сиде и в Дон Кихоте: жители здесь отличались воинственностью и неустрашимостью и всяким отсутствием выдержки и политического такта. В Испании никогда не было ни полного мира, ни серьезной войны: справиться с каким-нибудь племенем военной силой римлянам было нетрудно, но сохранить спокойствие после войны оказывалось совершенно невозможно. Римляне подчинили себе восточную половину полуострова, а относительно западной, Лузитании, довольствовались тем, что отражали нападения от границ. Первое время римляне держали в Испании постоянно до 40 000 человек, из военных действий наиболее значительные происходили в 195 г. под начальством Марка Катона и в 189-м и 185 гг. под начальством Л. Эмилия Павла и Кальпурния. Управляли римляне Испаниею приблизительно так же, как Сицилией. Вообще же обладание полуостровом приносило более хлопот, чем выгод,- тут впервые поняли римляне, что господство над каким-либо народом тяжело для обеих сторон, и если не оставляли Испании вовсе, то главным образом для того, чтобы не дать возможности кому-либо повторить дело Гамилькара Барки.

Глава VII. ВОСТОЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА И МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА

Взаимные отношения государств, возникших из монархии Александра Великого.- Греция и Македония.- Нападение Сирии и Македонии на Египет.- Рим начинает войну с Македонией.- Битва при Киносхефалах.- Мир.- Освобождение Греции из-под влияния Македонии

Александр Великий положил прочное основание эллинизации Востока, на развалинах его монархии создалась целая система эллино-азиатских государств, главными из них были Македония, Азия и Египет. К началу VI в. от основания Рима положение дел здесь было приблизительно таково: Македония представляла собою военную державу, прочно организованную и с хорошими финансами, в ней уцелела еще та здоровая народность, которая когда-то дала марафонских героев, народность, бодрая духовно, с живым чувством национальности, из всех греческих племен македоняне были более всех похожи на римлян; в Азии утвердилась династия Селевкидов, их царство обнимало то, что прежде составляло державу персидского царя, эти земли эллинизированы были очень слабо и сколько-нибудь прочной внутренней связи были лишены, в царстве Селевкидов были особенно часты и сильны внутренние смуты; наконец, в Египте Лагиды основали абсолютную монархию, население здесь было совершенно пассивно, но представители династии отличались выдающимися дарованиями и ловкостью. В то время как Македония в качестве родины Александра, а Азия в качестве той страны, где он основал свою монархию, предъявляли довольно фантастические притязания владычествовать над всем Востоком и приносили жертвы этой мечте, Лагиды преследовали чисто практические цели, развили до высокой степени торговлю и промышленность Египта, накопили огромные богатства, и главным образом благодаря им Египет долго был неуязвим ни для Македонии, ни для Азии, хотя эти два государства, постоянно соперничая между собою, для действий против Египта всегда готовы были согласиться.

От южной оконечности Каспийского моря до Геллеспонта, внутри Малой Азии и по южному берегу Черного моря лежали отдельные, второстепенные государства: Атропатена, Армения, Каппадокия, Понт, Вифиния. Тут же образовалось царство Пергамское: граждане города Пергама почтили царским титулом одного из своей среды, Аттала, который проявил большую энергию и дарования в борьбе с соседними кельтскими племенами и был основателем династии, представители которой отличались среди современных им властителей простотою нравов и интересом к наукам, искусствам и литературе.

В самой Греции Афины были совершенно бессильны, ореолом старинной аттической славы окружены были ничтожные потомки великих предков. В Спарте Набис образовал царство бродяги странствующих наемников, грубых и низких. Этолийцы были тоже совершенно развращены постоянной службою в качестве наемников. Беотия находилась в полном упадке. Ахейский союз, казалось, возрождал лучшие силы Греции, но Арат среди пагубных ссор своих со Спартою впутал в дела Пелопоннеса Македонию, и после этого македонские гарнизоны уже не выходили из пелопоннесских городов. Наибольшее значение из греческих городов после смерти Александра Великого приобрели Византия, Кизик и особенно Родос,- в них процветала - торговля, они разбогатели и играли немалую политическую роль, являясь защитниками свободы всякий раз, когда эллины где-либо отстаивали свои права - против Македонии ли, в Азии ли.

В таком положении были дела на Востоке, когда престол Македонии занял Филипп Пятый (220). Это был государь, не лишенный серьезных дарований правителя и полководца, но вконец испорченный неограниченною властью, которая попала ему в руки, когда он был всего 17-ти лет. Филипп был способен понимать и преследовать высокие цели, но он никогда не считал себя связанным решительно ничем, он никогда ни во что не ставил ни жизнь, ни желания окружающих его людей, он не был лишен ни энергии, ни прозорливости, но по какому-то странному капризу нередко бросал дела именно тогда, когда они особенно требовали энергии. Быть может, из зависти к славе и гению Ганнибала он очень вяло подготовлял ту поддержку, которой Ганнибал так ждал от него и не дождался; впоследствии Филипп показал себя совершенно не тем человеком, каким является он в сношениях с Ганнибалом.

В 205 г. царем Египта сделался пятилетний ребенок, Птолемей Эпифан, и немедленно Филипп в союзе с Антиохом, царем Азии, начал против Египта войну, решительно без всякого повода и совершенно откровенно заявляя, что они просто хотят поделить Египет между собою. Начав эту бессовестную войну, Филипп стал совершенно бесцеремонно нарушать права и нейтралитет и разных греческих городов, так что Родос, Византия и Пергам вступили с ним в открытую войну, которая ознаменована была несколькими крупными, хотя почти безрезультатными, морскими сражениями.

Очень веские соображения заставляли римлян не относиться безучастно к этой войне. Помимо того что римляне называли себя, а отчасти и были признаваемы покровителями всех эллинов, и материальным, торговым их интересам грозили серьезные опасности, если бы они допустили Филиппа захватить безусловное господство во всей восточной части Средиземного моря. Сенат решил вмешаться в войну и дипломатическим путем вызвал египетское правительство на просьбу о помощи, а Антиоха сирийского склонил к обещанию не вмешиваться в дела Европы. Между тем с весны 200 г. Филипп начал весьма энергичные действия во Фракии, а вскоре по просьбе акарнанцев, у которых произошло ничтожное столкновение с Афинами, отправил экспедицию и в Аттику. Это был уже вполне законный повод к войне: Филипп напал на государство, союзное с Римом. К царю были отправлены послы, с которыми он обошелся любезно, но не дал никаких удовлетворительных объяснений. Сенат предложил вопрос о войне народному собранию - и неожиданно встретил упорное сопротивление: для мировой политики, которую Рим уже неизбежно должен был вести, владея тем, чем владел, оказывалось вовсе не приспособленным то устройство, в силу

которого важнейшие и сложнейшие вопросы должна была решать сходка земледельцев. Разные краснобаи, кричавшие, что сенат не дает покоя гражданам, легко склонили на свою сторону большинство в народном собрании. Однако война началась, потому что военные действия уже шли, так что продолжать их было необходимо. Со своей стороны сенат добился согласия на войну, устроив, хотя и с нарушением конституции, так, что тягость воинской повинности перенесена была на плечи союзников.

Вмешательство римлян в дела греческого востока было, конечно, неприятно грекам и Египту. 20 лет тому назад греки в союзе с Филиппом чуть было не начали борьбы против Рима, но с тех пор Филипп так всех вооружил против себя своею коварною и жестокою политикою, что в Элладе симпатии всех, за ничтожными исключениями, были на стороне римлян.

В 200 г. близ Аполлонии высадилась римская армия в составе двух легионов. Армия эта не спешила двинуться внутрь страны, но флот римский господствовал на море и уничтожил огромные склады военных запасов Филиппа. Филипп в ярости решил отомстить разрушением Афин и хотя в этом предприятии не успел, зато жестоко опустошил Аттику. В 199 г. римская армия двинулась внутрь Македонии, и на одной равнине долго стояли в виду друг друга войска македонское и римское - первое, не будучи в силах атаковать неприятеля, а последнее - не решаясь на энергические действия внутри совершенно неизвестной, гористой страны, где поддерживать сообщения с базой было очень нелегко. Наконец Филипп начал отступать, за ним двинулся римский военачальник и скоро потерял след армии врага; решившись тогда отойти обратно, он вдруг натолкнулся на Филиппа, зашедшего уже ему в тыл. В сражении, однако, римляне имели полный успех, и Филипп, потерпев большой урон, должен был открыть им свободный путь к морю. Кампания кончилась без значительных результатов, и Филипп, конечно, должен был быть очень доволен этим.

В следующем году (198) новый римский главнокомандующий, Тит Квинций Фламиний, успел одержать большую победу над Филиппом, обойдя его позицию на реке Аосе и напав одновременно с двух сторон. После этого поражения многие города Македонии были взяты римлянами, а в Пелопоннесе повсюду вспыхнули восстания против Македонии, и почти повсюду с успехом. Филипп попробовал добиться сносных мирных условий на личном свидании с Фламинием, причем старался подкупить римлянина знаками высокого почтения к Риму и гордым обращением с представителями мелких государств, которых и Фламиний ценил по достоинству, так же как Филипп. Но мирные предложения были в Риме отвергнуты, как как македонские послы не согласились на категорическое требование Рима отказаться от всей Греции и ограничиться только собственно Македонией. Тогда Филипп сделал огромные усилия, вооружил почти всех способных носить оружие и весною 197 г. выступил в поход ранее, чем того ожидал римский главнокомандующий, двигавшийся к северу довольно медленно и не ожидая близкого сражения. Оно разыгралось из одной случайной авангардной стычки в Фессалии, на плоской возвышенности Карадага, и известно как битва при Киноскефалах, по имени крутого холма, игравшего большую роль в битве. Сражение было чрезвычайно упорно и долго оставалось нерешительным,- в одном месте побеждала одна сторона, в другом - другая. Филипп выказал и большую находчивость, и большую личную храбрость, но в конце концов римляне одержали полную победу и истребили почти половину армии Филиппа. Они почти не брали в плен, а убивали всех, так как не понимали того знака - поднятия копья вверх,- которым у греков обозначалась сдача в плен. Филипп бежал в столицу, последние его союзники, частью добровольно, частью уступив силе, перешли на сторону римлян.

Теперь римляне могли бы совершенно уничтожить царство Филиппа, и этоляне, преувеличивавшие свою роль в поражении македонского царя, этого и требовали. Но Фламиний не желал уничтожать сильнейшее эллинское государство, которое к тому же могло служить серьезным интересам культуры, охраняя Грецию с севера от напора

полудиких фракийцев. Филиппу предписаны были приблизительно такие же условия, как Карфагену: он должен был уплатить контрибуцию в 1000 талантов, сохранить всего 5 военных кораблей и 5000 человек войска, не воевать с союзниками Рима и отказаться от всех своих владений в Греции, Македония оставалась вся в его власти, за исключением нескольких небольших округов, передавшихся под покровительство римлян еще во время войны. Себе римляне не взяли ничего из принадлежащего Филиппу и этим обязали не претендовать на значительные вознаграждения и своих бывших союзников.

На Истмийских играх в 196 г. был прочитан декрет, объявлявший все греческие государства свободными. Принят он был с величайшим энтузиазмом, но последствия показали, что свободы мало без умения ею пользоваться, без истинного нравственного достоинства. А тогдашние греки уже совершенно пали, внутри каждой общины шли интриги, мелкая, себялюбивая борьба партий, каждая община преследовала исключительно свои маленькие интересы и своим соседям предъявляла несправедливые требования. Нельзя не признать большого искусства и не видеть полного доброжелательства в действиях Фламиния, который успел все-таки на некоторое время водворить в Греции сравнительный мир и только против Набиса спартанского употребил силу, да и с ним обошелся значительно мягче, чем все ожидали и чем действительно заслуживал этот вождь бессовестного и необузданного сброда: независимость Спарты была сохранена, приняты были только меры, благодаря которым спартанцы не могли уже вредить никому другому, кроме самих себя. Фламиний постарался обеспечить спокойный и правильный ход дел своим влиянием, выдвинув в каждой общине к власти действительно лучших людей; в 194 г. на съезде в Коринфе он убеждал греков разумно пользоваться своею свободою и затем отправился в Рим, после чего немедленно увезены были и все отряды римских войск, стоявшие гарнизонами в некоторых пунктах Греции.

Заподозривать в искренности Фламиния и даже сенат римский нет никаких оснований. Они действительно желали вернуть свободу той стране, которую считали своею первоначальною родиною и которая стала уже как бы святилищем высших духовных стремлений сколько-нибудь образованных римлян. Не в неискренности был виноват Фламиний, а в увлечении: он не понял всей глубины того падения греческой государственности, которое он замечал, он верил еще в возможность полного возрождения прежней, великой Греции и не нашел необходимым применить к грекам суровый контроль и строгое руководство, которые одни только были бы способны удержать греков в пределах благоразумия и продлить для них возможность хотя бы до некоторой степени самостоятельного существования.

Глава VIII. ВОЙНА С АНТИОХОМ

Захваты Антиоха.- Высадка его в Греции и поражение при Фермопилах.- Битва при Магнезии.- Мир.- Устройство дел в Сирии.- Война в Греции.- Кончина Ганнибала и Сципиона

С 223 г. престол В царстве Селевкидов занимал Антиох Третий. Он успел восстановиться в своем владении и затем вступил в борьбу с Египтом. Однако, потерпев сильное поражение от египетского царя Филопатора, он не возобновлял борьбы до 205 г., пока Филопатор не умер, а после этого немедленно напал на Египет в союзе с Филиппом Македонским. Когда же Филипп во время войны с Римом был принужден очистить занятые им в Азии египетские владения, Антиох не только предоставил Филиппа собственным его силам, но еще стал занимать те города, из которых Филипп вывел свои войска, а затем стал теснить и полусвободные греческие общины в Малой Азии: он надеялся, что победа римлян обратится ему на пользу, так как ослабит Македонию, которая лишь против Египта была его

союзницею, вообще же постоянно являлась соперницею Азии, о возможности столкновения с Римом он и не думал. Подвергшиеся нападению общины - и во главе их Родос - начали борьбу с Антиохом и в то же время просили покровительства римлян.

Сенат попытался дипломатическим путем достигнуть соглашения с Антиохом, но встретил со стороны царя уклончивый ответ, что он только возвращает свои наследственные владения. Именно в это время Фламиний вывел из Греции римские войска, а вскоре ко двору Антиоха прибыл Ганнибал, бежавший из Карфагена, он был принято величайшими почестями.

Ослепленный успехами последних лет, Антиох теперь решился на войну с римлянами. Он заключил союз с Египтом, выдав свою дочь за молодого египетского царя, вел переговоры о союзе с Пергамом, Каппадокией, Византией, Родосом, рассчитывая склонить и их на свою сторону, он заводил сношения в Карфагене и даже с вождями испанского восстания. Из греческих племен особенное нетерпение выказывали этоляне, недовольные Фламинием за его снисходительность к Филиппу, они даже самовольно затеяли борьбу со Спартой и этим сделали войну с Римом неизбежною. В 192 г. в Грецию явился Антиох, и почти одновременно высадилась около Аполлонии римская армия.

Коалиция против Рима оказалась значительно менее сильною, чем ожидал Антиох, в решительную минуту почти все греческие племена, на которые он рассчитывал, сочли более благоразумным держаться стороны Рима. Против римлян стали лишь этоляне и беотийцы, зато Филипп поддерживал римлян очень ревностно, крайне раздраженный тем, как отнесся Антиох к его поражению. Антиох упустил из рук и нечто такое, что стоило многих военных сил: поддавшись собственной мелкой зависти и внушениям своих советников, которые чувствовали, что их собственное ничтожество рядом с гением Ганнибала выступило бы слишком ясно, он решил держать Ганнибала вдали от дел. Благодаря всему этому Антиох оказался против римлян с силами, не превышавшими количественно сил римлян, с непростительною самоуверенностью он решился вступить с ними в битву. Он занял ту же позицию при Фермопилах, которую занимал Леонид, и тою же тропинкою, как прежде, его войско было обойдено *. Почти все оно тут и погибло, только Антиох не нашел смерти, как Леонид, а торопливо бежал в Азию. Греция была вполне в руках римлян, предстояло теперь перенести борьбу в Азию и там ее закончить,- непостоянный характер Антиоха не позволял надеяться на мир сколько-нибудь прочный, если у царя Азии останется возможность его нарушить.

Для войны в Азии прежде всего необходимо было упрочить за собою господство на море. Это понимали ясно обе стороны, и две летние кампании были употреблены именно на морскую войну. Успех колебался недолго: твердое достоинство римлян, их рассчитанная настойчивость увенчались быстро установлением людного господства их по всей восточной половине Средиземного моря. После двух-трех крупных неудач, сопровождавшихся большими потерями, флот Антиоха уже не показывался в море.

Вождем для похода в Азию сенат назначил Сципиона Африканского, победителя Ганнибала. Это популярное имя сразу сделало популярною и экспедицию, для участия в ней охотники стекались массами. Прибыв на Балканский полуостров, Сципион пошел по берегу, чтобы избежать всякого риска. Услужливость Филиппа облегчила ему движение; как раз к тому времени, когда Сципион достиг Геллеспонта и должен был переправляться, одержана была важнейшая за всю кампанию морская победа у Мионнезского мыса под Колофоном, после нее Антиох совершенно растерялся и без малейшего сопротивления допустил Сципиона совершить переправу.

Царь Азии и далее действовал совершенно без плана и внезапно принимал решения, которые нимало не соответствовали ранее принятым мерам. Сначала он попробовал добиться мира, предлагал уплатить половину военных расходов и уступил римлянам

греческие города Малой Азии и те пункты в Европе, которые были заняты его войсками, а когда Сципион отверг и эти условия, требуя уступки всей Малой Азии, и попытку царя подкупить его огромной суммой денег, Антиох вдруг решился дать битву, хотя, бесспорно, для него было бы гораздо выгоднее затягивать борьбу и отступать в глубь своих владений. Поздней осенью 190 г. встретились римляне с войском Антиоха при Магнезии, недалеко от Смирны. Римляне имели около 20 000 в легионах и тысяч до 10-12 ахейян, македонян и пергамцев. Антиох имел почти 70 000 пехоты и свыше 10 000 конницы.

На огромной равнине разыгралась очень сложная и беспорядочная битва, войско царя было скоро приведено в полное расстройство, главным образом благодаря неисклюющему и неблагоприятному распределению частей различных родов оружия, так что они более мешали друг другу, чем помогали. Римляне одержали полную победу с уроном совершенно ничтожным: собственно, римляне потеряли около 300 человек, союзники - значительно больше. Но это было ничто по сравнению с потерями Антиоха: армия его была положительно уничтожена. Он просил мира и получил его, по обычаю римлян, на тех условиях, которые предъявлены были ему раньше. После этого поражения обнаружилась вся внутренняя слабость Азии: царство это было сразу как бы вычеркнуто из числа великих держав.

В бывшем царстве Антиоха давно уже установились такие отношения отдельных областей к центральному правительству, что заключение мира Антиохом еще вовсе не обеспечивало соблюдения его в отдельных областях, входивших в состав его державы: области эти надо было еще силою принудить подчиняться римлянам. Необходимо было доставить жителям отнятых у Антиоха областей безопасность и от полудиких кельтских племен, - раз римляне уничтожили в этих областях всякую тень власти Антиоха, они обязаны были это сделать. Таким образом, перед римлянами стала необходимость новых экспедиций, новой борьбы - необходимость неоспоримая, хотя многие в Риме этого и не понимали и потому встречали ропотом продолжение военных действий на Востоке и после поражения Антиоха. Несколькими экспедициями против кельтов римляне обезопасили от них области, лежавшие до реки Галиса, страну далее они уже не почитали областью греческого влияния и не принимали на себя обязанности устраивать там внутренние дела.

Антиох получил мир с такими же приблизительно ограничениями прав, как и Филипп, кроме того, он уплачивал 15 000 талантов контрибуции и терял все свои прибрежные у Средиземного моря владения, после этого его государство стало называться Сирией. Он уже не делал попыток вернуть своей державе прежнее влияние, да вскоре он был и убит в отдаленных восточных областях, когда грабил один почитаемый храм (187). Из отнятых у Антиоха прибрежных областей все греческие города, которые держали сторону римлян ко дню битвы при Магнезии, получили полную самостоятельность, некоторые из них получили даже территориальные приращения, больше всех Родос. Все остальные, равно как и те, которыми владел Антиох в Европе, отданы были Эвмену, сыну и преемнику Атгала, царю пергамскому, в награду за его неизменную верность Риму и энергичную помощь в войне.

В Греции римляне должны были вести двухлетнюю войну с этолянами, которые напали на Филиппа. Этоляне, конечно, были совершенно побеждены и лишились некоторых областей, некоторых прав и уплатили контрибуцию (189). Ахейский союз не доводил дела до окончательного разрыва, но политическое падение греков именно в городах союза выражалось во всем своем жалком комизме. Ахейские общины, суетливо спорившие и враждовавшие друг с другом по совершенно ничтожным поводам, безусловно трусившие перед Римом и не думавшие ни о какой борьбе, в то же время делали наглые выходки против римлян: на одном совещании оратор под гром рукоплесканий заявил, что непонятно, почему сенат позволяет себе делать представления пред союзом в пользу того или другого города, когда союз ведь не вмешивается в отношения римлян к Капуе. Совершая мелочные, но возмутительные насилия над своими политическими противниками, все партии в то же

время непрерывно слали в сенат самые кляузные жалобы, в которых не было решительно никакой возможности разобраться, так что наконец сенат положительно заявил, что не желает вступать ни в какие пелопоннесские дела и что ахейцы могут делать все, что им угодно (182). Совершенно неосновательно мнение, что римляне умышленно сеяли смуты между греками: в этом в Греции никогда не было недостатка, и если уж римляне в чем виноваты пред греками, то как раз, наоборот, в том, что предоставили им слишком много свободы.

Теперь римляне безусловно господствовали по всему побережью Средиземного моря, они не боялись никакого врага, но одного человека они боялись - Ганнибала. После своего поражения Антиох обязался выдать его, Ганнибал бежал и несколько времени скрывался на острове Крит, а затем явился ко двору вифинского царя Прузия, едва ли не самого ничтожного из современных властителей. И здесь Ганнибал быстро оказал значительные услуги в борьбе с варварскими соседними племенами. Пока жив был и действовал тот человек, который потряс было могущество Рима, римляне не чувствовали себя спокойно. Фламиний завел интриги при дворе Прузия, и царь подослал убить или схватить великого карфагенянина, - тогда Ганнибал принял яд (183). Так умер на шестьдесят седьмом году жизни величайший полководец древности, человек, чуть было не изменивший хода всемирной истории и - если такое дело вообще под силу кому-либо одному, - конечно, более всех на это способный.

Кажется, в том же году умер и победитель Ганнибала, Сципион, умер в добровольном изгнании, завещав никогда не возвращать своего праха в неблагодарный Рим. Сципиону судьба благоволила, как никому другому: родившись тогда, когда Рим был просто сильнейшею италийскою общиною, Сципион умер, когда Рим был бесспорным главою всего цивилизованного мира, и в этом усилении отечества большая часть была его делом, - далеко не гениальный как полководец, он славно закончил величайшую и опаснейшую для Рима борьбу. Но и Сципион испытал превратность судьбы и разочарование. Избалованный своими успехами с юности, он искренно стал считать себя человеком, которому нет равного, и обнаруживал это и в словах, и в делах, тогда он встретил отпор и противодействие, а так как в сущности Сципион был человек очень блестящий и талантливый, но не истинно гениальный, то он не мог перенести этого, покинул Рим и умер, почитая себя непонятым, неоцененным и обиженным.

Глава IX. ПОСЛЕДНЯЯ МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА

Положение Филиппа после войны и его приготовления.- Царь Персей.- Начало войны и успехи Персея.- Победа римлян при Пидне.- Устройство Македонии.- Политика римлян на Востоке

После разгрома Азиатского царства положение Филиппа Македонского стало положительно невыносимым. Так как римляне ничем не вознаградили его за энергичную поддержку, то окружавшие Филиппа греческие племена, прежде трепетавшие пред ним, поняли, что македонский царь не пользуется расположением Рима, и начали непрерывно досаждают ему самым обидным образом: против македонян постановлялись специальные законы, возбуждались постоянно разные несправедливые споры из-за таможенных пошлин, пограничных земель и т. п. По условиям мира споры эти должны были разрешаться римским сенатом, и они разрешались всегда против Филиппа. Римляне относились к Македонии как к Карфагену, но Филипп, при всех своих недостатках, был истинный царь и не способен был выносить унижений, какие финикийцы терпели безропотно. Он решил бороться, хотя, быть может, и сознавал, что теперь успех несравненно менее вероятен, чем прежде, зато он вложил теперь в это дело столько страстной энергии, вел его с такой осторожной

скрытностью, с таким благоразумием, что, прояви он такие качества ранее, еще неизвестно, победили ли бы его римляне. После последнего мира с римлянами он много и с большим успехом поработал для того, чтобы восстановить в Македонии военную силу, порядок и благосостояние, в течение же последних десяти лет, после мира римлян с Антиохом, он образовал многочисленную и отлично устроенную армию, заготовил огромное количество военных запасов, собрал богатую казну, обеспечивавшую по крайней мере три года упорной войны. Материальные силы Македонии стали, вероятно, вдвое больше, чем с какими начал Филипп последний раз борьбу с Римом.

Посреди этих приготовлений Филипп умер в 179 г. Ему наследовал сын его Персей. Это был человек блестящий, он вполне усвоил планы отца и продолжал действовать в его духе, но в сущности Персей был натура несравненно менее глубокая и сильная, чем его отец. Филипп бывал нередко беспечен, отдавался разным увлечениям, но, когда было нужно, он умел действовать, являлся неутомимым, отважным, изобретательным, его энергия возрастала по мере того, как обстоятельства становились серьезнее. Персей же, наоборот, был способен составлять прекрасные планы, отлично их обдумывать, умело подготавливать средства, но в решительную минуту начинал колебаться, терял энергию и находчивость. Это, впрочем, обнаружилось после, в начале же царствования Персей производил на всех обаятельное впечатление, привлекал все сердца. Македоняне его обожали, а скоро он сделался чрезвычайно популярен и по всей Греции. Там никогда не прекращалось недовольство на римлян, большинство замечало, что, получив свободу, Греция оказалась даже в худшем положении, чем была под владычеством Македонии, но, конечно, большинство не понимало, что виноваты в этом сами греки, и за все неурядицы оно винило римлян, будто бы искусственно создававших преграды лучшим стремлениям эллинов. И когда стало понятно, что замышляет македонский царь, на его стороне было сочувствие чуть ли не всей Греции, за исключением разве тех, кто получил выгодные должности при поддержке римлян, да тех немногих благоразумных людей, которые понимали, что причина неурядиц в Греции лежит в самих греках.

Греция переживала в это время сильнейший экономический кризис; обеднение массы, задолженность отдельных лиц и целых общин достигли невероятных размеров, на этой почве разыгрывалось множество преступлений всякого рода, несколько городов ограбили соседние города, чтобы поживиться добычей; этоляне объявили однажды амнистию лишь для того, чтобы немедленно по возвращении нескольких сот изгнанников перебить их и овладеть их имуществом. Персей не брезговал ничем: он объявил, что в Македонии найдут приют все изгнанные за политические преступления и бежавшие от долгов и что всем им царь вернет их имущество и права. Этим он привлек к себе людей, которым нечего было терять и которые готовы были рискнуть на все, а таких было немало.

Римскому сенату было известно, что происходило в Греции, знал он и о сношениях, какие заводил Персей с иллирийскими и фракийскими племенами, и наконец решил положить конец этим проискам. Послам, отправленным только для вида, так как война была уже решена, Персей действительно объявил, что не желает соблюдать условия договора 197 г., но согласен заключить равноправный союз. Это, очевидно, должно было вести прямо к войне, но тут Персей вдруг начал колебаться, стал питать странную надежду, что еще удастся избежать открытого столкновения, и упустил время поднять Грецию, он начал также обнаруживать и чрезмерную бережливость, а греки без денег, конечно, ничего не делали. Сторону Персея активно приняли только четыре второстепенных беотийских города, наоборот, все, кто был обязан доставлять Риму военную помощь, - Эвмен, царь пергамский, Карфаген и др., - немедленно выставили вспомогательные отряды.

Весною 171 г. римский флот появился у берегов Македонии, сколько-нибудь энергичных действий он, впрочем, не предпринимал. Сухопутная армия тогда же высадилась у Аполлонии. Она долго стояла без движения, в это время вспомогательными отрядами

греческих племен были взяты и сурово наказаны беотийские города, приступившие к Персею. Наконец римская армия под начальством Публия Лациния Красса вступила в Македонию, но под Лариссой она потерпела полное поражение, и было особенным счастьем, что Персей дал ей возможность отступить к морю. Теперь Персей повторил свое предложение заключить мир, соглашался даже на условия 197 г., но римляне, верные своему правилу не заключать мира после поражения, не согласились на переговоры.

Весть о победе Персея произвела глубокое впечатление в Греции, одна бы победа еще - а одержать верх над совершенно неспособным Крассом было вовсе не трудно, - и вся Греция наверно бы поднялась. Но Персей приготовился вести оборонительную войну и не сумел перейти в наступление, хотя обстоятельства ему благоприятствовали. Целых три года (171-169) военные действия шли вяло, без значительных результатов, успех, скорее, был на стороне Персея, который не испытал ни одной серьезной неудачи, а во многих мелких стычках одержал верх. Наконец прибыл к римскому войску новый главнокомандующий, только что выбранный в консулы Люций Эмилий Павел, сын консула того же имени, павшего при Каннах. Это был уже пожилой, но вполне бодрый человек, римлянин старого закала, воин, испытанный во многих боях, человек твердый, строгий к себе и к другим. Он быстро восстановил в армии дисциплину, за последнее время очень ослабевшую, и стал действовать энергично. Персей был оттеснен из ущелий, где он укрепился.

22 сентября 168 г. - день определяется случившимся около битвы лунным затмением - у Пидны произошло сражение. Оно началось атакою фаланги столь стремительно, что сам Павел, участник многих битв, признавался, что испытал страх, легионы должны были отступить. Но при торопливом преследовании по гористой местности фаланга расстроилась и разорвалась, этим воспользовались римляне: легионеры врубались в фалангу, и менее чем в час она была перебита почти до последнего человека, македоняне потеряли убитыми 20 000, 11 000 было взято в плен. Персей бежал одним из первых, а вскоре, покинутый даже самыми близкими людьми, униженно, в слезах явился в стан римлян и сдался со всеми своими сокровищами, он украсил собою триумф Эмилия Павла и через несколько лет умер государственным пленником в городе Альбе.

С битвы при Пидне Полибий считает начало всемирного владычества римлян, и не без основания. Действительно, здесь в последний раз римляне боролись с самостоятельным и цивилизованным государством, последующие войны они вели или против бунтовщиков, или против так называемые варваров. С этого момента также замечается перемена и в политике сената по отношению к побежденным. До сих пор сенат всеми мерами старался не приобретать владений вне Италии, не держать за морями армий и никогда не облагать жителей побежденных государств налогами в пользу римской общины, он нигде не убивал самостоятельной государственной жизни и довольствовался тем, что Римская республика господствовала над другими государствами своею политической и военною силою. Теперь от этих принципов были допущены существенно важные отступления. Македония как государство была уничтожена: она обращена была в четыре союза городов, по образцу греческих; заключать браки и приобретать недвижимое имущество можно было только внутри одного союза; страна была навсегда обезоружена, только на севере для защиты от варваров сохранен был военный кордон; все бывшие царские чиновники были выселены в Италию и за попытку вернуться наказывались смертью; жители должны были доставлять в Рим ежегодную дань в размере половины того, что они платили своему прежнему царю. Подобным же образом поступили римляне и с Иллирией.

В Греции все бывшие сторонники Персея подвергнуты были жестокому преследованию, многие были казнены, в Эпире до 150 000 человек были проданы в рабство; впрочем, в отношении к побежденным противникам римляне были еще умереннее греков и должны были сдерживать свирепую ревность своих сторонников. Такие меры еще можно было извинить по отношению к Македонии, которая трижды начинала войну против Рима, но

было явно стремлением поработить себе чужое государство и другой народ, когда сенат стал самым несправедливым, мелочным образом притеснял Эвмена Пергамского, который был верным и добросовестным союзником Рима и по своему личному характеру заслуживал полного уважения и доверия. Скоро Эвмен с грустью должен был понять, что римляне не желают допускать уже и полусвободных и полусамодержавных союзников, а требуют полного подчинения и полной покорности.

Жестоко наказал сенат и родосцев, нанеся почти непоправимые удары их торговле,- за то, что родосские послы предъявили в сенат неприятные заявления и требования, сенат не пожелал принять самых покорных просьб о прощении, какие потом представляли эти послы, а между тем почти несомненно, что они решились на свой несчастный шаг по коварным внушениям одного римского дипломата, обманувшего и Персея в самом начале войны, и совершенно достоверно, что, действуя так, они далеко преступили свои полномочия. Грубо вмешался сенат в распри между Сирией и Египтом и вынудил у этих государств почти полную покорность.

Римская община теперь владела всем царством Александра Великого. Многие думают, что это было результатом сознательного и упорного стремления римлян к завоеваниям. Но такой взгляд ошибочен. Римская политика вовсе не была завоевательною по принципу, не была она и предначертана каким-нибудь гениальным человеком, который бы представлял себе и отдельные ее фазисы, и конечный результат. Она была политикою просто толкового, но отнюдь не гениального совещательного собрания, которое хорошо знало и оберегало интересы представляемого им народа: чтобы обеспечить себе благополучие и покой, римляне стремились сознательно только к обладанию всей Италией, затем они благоразумно желали ослабить слишком сильных соседей, они очень старались не вовлекать сначала Африку, затем Грецию и Азию в сферу римского протектората, как бы предчувствуя, что в такой гигантской оболочке будет раздавлено, изменится само зерно Римского государства. Получившийся результат был неизбежным следствием сложных международных отношений того времени, и нельзя указать пункт, где римляне могли бы остановиться, чтоб не дойти до того последнего предела, которого они инстинктивно более опасались, чем желали.

А уже чувствовалось, что и в римские нравы и понятия проникло много чего-то нового, не переработанного еще старым, простым римским обществом. При первом своем появлении на материке Греции римские войска и римские начальники произвели глубокое впечатление своею дисциплиной, храбростью, правдивостью. Во время же войны с Персеем в римской армии проявилась небывалая деморализация, упадок дисциплины, продажность и воровство. После поражения под Лариссой римские офицеры сознательно оклеветали в измене вспомогательные греческие отряды и с союзными городами обходились так жестоко и несправедливо, что сенат должен был издать особые постановления в защиту мирных жителей. Эмилий Павел был, по выражению современника, одним из немногих римских сановников, которому нельзя было предложить взятку, и избрание его, человека весьма заслуженного, но совершенно небогатого, в консулы было уже для своего времени исключительным явлением. Римский сенат и его делегаты, прежде отличавшиеся твердою честностью решений, стали прибегать к хитростям, обманам, судили несправедливо, и усилия единичных личностей вроде Катона вернуться к прежним, прямым и честным правилам оставались гласом вопиющего в пустыне. На новом поприще начинали действовать люди, не много сохранившие тех качеств, которые доставили им первое место в цивилизованном мире их времени.

Глава X. АДМИНИСТРАЦИЯ И ГРАЖДАНЕ

Образование в Риме замкнутого круга правящей олигархии.- Ослабление администрации.- Перемена в отношениях к союзникам и провинциям.- Роль

Выше мы уже говорили, что тотчас после формального уравнивания в правах всех членов римской общины началось образование новой аристократии, так как плебейская знать, добивавшаяся тех прав, которые принадлежали патрициям, сама была проникнута аристократическими тенденциями, стремилась себе приобрести привилегированное положение. Представители тех плебейских фамилий, члены которых занимали высшие должности, немедленно усвоили себе внешние отличия, дававшиеся тем родам, из которых выходили консулы, преторы и цензоры. Отличия эти были совершенно мелочны, касались главным образом одежды и конских уборов, но в общине, где и с внешней стороны гражданское равенство строго соблюдалось, они имели известное значение. Довольно быстро затем представители этих плебейских фамилий слились с патрицианскими родами в одну, так сказать, корпорацию, и в Риме оказалась не только наследственная аристократия, которая и не исчезала, но образовалась и властвующая наследственная знать, которая заняла исключительное положение в государстве и стремилась уже не к почету только, а и к господству. Эти притязания немедленно вызвали оппозицию, причем одни противники установившегося порядка желали восстановления узаконенного равноправия, а другие вели борьбу за расширение прав народного собрания и, следовательно, домогались ограничить власть сената. Эта внутренняя борьба во время великих войн III и II вв. стояла для гражданства далеко на втором плане, и только в отдельных случаях выступало наружу столкновение знати с демократическими тенденциями другой части римского гражданства, но с наступлением сравнительно спокойного периода ряд фактов обнаруживает всю глубину создавшихся в общине противоречий.

Различными путями властвующая знать захватила в свои руки фактическое руководство государством и твердо его удерживала. Сенат оказался вполне в ее руках после того, как по закону главное значение в нем получили те, кто ранее исполнял высшие выборные должности: так как и юридически и фактически знать играла преобладающую роль на выборах, то в сенате оказывались по преимуществу люди, ей угодные. Затем установился обычай, а вскоре стало почти обязательным, что в число всадников вносились только представители богатых и знатных фамилий, и в руках знати оказались все 18 всаднических центурий. Чтобы обезопасить себя от исключения кого-либо из звания сенаторов или всадников цензорами, знать, во-первых, с особенным упорством и с большою ловкостью проводила на должность цензоров только тех, со стороны кого она могла не опасаться крутых мер, а во-вторых, стеснила права цензоров требованием, в силу которого цензор мог исключить кого-либо из звания сенаторов или всадников, только если письменно мотивировал свое решение и обставил его такими доказательствами, которые были почти достаточны для обвинения по суду.

Чтобы не увеличивать числа путей, которыми могли достигать власти другие граждане, знать упорно отклоняла создание новых должностей и вместе с тем добивалась постоянно, что на все большее и большее количество должностей назначались люди не волею начальствующих лиц, а по выбору народных сходок, выборами же этими знать отлично умела руководить: мало-помалу по выбору стали замещаться все высшие должности в армии и на них стали попадать исключительно люди, угодные правящим кругам, в ущерб тем, кто нес в армии действительную службу с низших чинов, приобретал опытность и кого желали бы повышать в интересах дела главнокомандующие. Какие непригодные люди проникали благодаря этому на высшие места в армии, можно судить по тому, что пред началом серьезной войны их массами увольняли и предоставляли главнокомандующим право назначать на эти должности по собственному выбору. Проведя затем постановление, что высшие должности могут быть занимаемы не только с определенными промежутками времени, но непременно и в определенной последовательности, знать получила множество

способов отстранять неугодных кандидатов, и в течение ста лет, почти за весь II в., ни разу не был избран в консулы гражданин, не принадлежавший к кругу правящей аристократии. Конечно, с тех пор как Рим из небольшой общины стал мировым государством и усвоил эллинскую цивилизацию, нельзя уже было вручать высшую в государстве власть даже и самому почтенному человеку, если он был только простым земледельцем: должностным лицам Рима приходилось рассматривать и решать массу самых различных вопросов, которые затрагивали серьезные интересы множества людей и в то же время были совершенно чужды тем, кто не занимался государственными делами. Но было и несправедливо и бесполезно, что высшие должности замещались постоянно из очень ограниченного кружка богатых и знатных семей.

Нелегко было небогатому и незнатному человеку достигнуть высших мест и прежде, но тогда власть была в руках такой аристократии, которая заключала в себе действительно лучших людей нации, таких людей, которые и должны стоять выше людей денежных, а в то время, о котором речь теперь, при выборах почти вовсе не думали о достоинствах или пригодности кандидата, а смотрели только, чтобы это был человек известной партии. Развился самый бесцеремонный nepotism *, и пример его показал Сципион Африканский, а еще более Фламиний, покоритель Греции.

В борьбе с нынешними врагами, особенно во время первой Пунической войны и Ганнибаловской войны, властвующая знать держалась с большим достоинством; совершенно так, как и ее предшественники по управлению государством, она отстояла государство в эпоху самых крайних опасностей. Но во внутреннем управлении чувствовались совершенно новые явления. Должностные лица, все получавшие свои полномочия от народного собрания, уже очень редко были настолько тверды, чтобы высоко ставить свои обязанности пред государством, а относительно граждан являться строгими и требовательными, мало-помалу они совершенно утратили тот авторитет, который так сознавали в себе начальствующие лица прежде.

По мере того как в армии увеличивалось число избираемых офицеров и в нее проникало разложение, стали наблюдаться небывалые примеры трусости и малодушия, римское войско далеко превосходило еще войска греческие, финикийские и разных восточных властителей, но по крайней мере настолько же было оно ниже прежних легионов. Триумф, это прежде столь высокое отличие, стал назначаться по прихотям сходов и совершенно несправедливо. Плохо шло и финансовое управление, поборы увеличивались, а бюджет удерживался в равновесии только благодаря огромным контрибуциям, полученным от Карфагена, Македонии и Антиоха.

Существенно изменились и отношения Рима к союзникам: римское гражданство начало стремиться к тому, чтобы занимать привилегированное сравнительно с союзниками положение, совершенно так же, как знать стремилась занять исключительное положение сравнительно с остальным гражданством. Все общины, перешедшие на сторону Карфагена во время Ганнибаловской войны, тяжело за это заплатились. Некоторые из них лишились самоуправления, граждане иных приближены были к положению почти несвободных, а тех или других прав лишились все латинские общины. Теперь латинское право стало настолько ниже римского, что при основании новых колоний приходилось прямо давать им полное римское гражданство, так как даже самый бедный гражданин Рима уже не соглашался переходить в общину, пользовавшуюся только латинским правом. Государство очень потерпело от такой перемены: совершенно иначе стали относиться к нему латины, когда почувствовали, что они уже не являются избранными участниками в могуществе Римского государства, а стали просто его подданными. И если бы в это время явился на полуострове новый Ганнибал, то большой вопрос, встретил ли бы он такое сопротивление, какое оказали карфагенскому вождю самоуправлявшиеся латинские общины.

Особенно ярко проявились перемены, совершившиеся в римской администрации, в том,

как управлялись провинции. Сицилия, Сардиния, Испания, попав под власть Рима, первое время вздохнули свободно: римские наместники слишком выгодно отличались от карфагенских чиновников или сиракузских владык. Но быть почти царем среди населения, не огражденного не только законами, но и чувством собственного достоинства, и оставаться республиканцем оказалось невозможным: очень скоро и римские наместники начали управлять по собственному произволу, обращаясь с жителями провинций высокомерно и даже жестоко, а всего более - обирать их бесцеремоннейшим образом. Сенат не имел средств, да не очень и стремился бороться против таких злоупотреблений: чем более они усиливались, тем реже преследовались. Для провинциалов почти единственным способом найти защиту было отдаться в число клиентов какого-нибудь видного человека, и в клиентелу Павла или Катона записывались целые города. Между тем вопрос был не только в угнетении провинций - создавалась серьезная опасность и для Рима: на должности наместников люди приобретали такие привычки, что не могли уже оставаться хорошими гражданами, они готовы были ставить себя вообще выше законов, и в этом скрывался зародыш будущих революций.

Римское гражданство в своей массе и в рассматриваемую эпоху сохраняло еще высокие качества: могучий гражданский дух, сделавший возможною победу над Ганнибалом, здравый смысл и какую-то полуинстинктивную готовность жертвовать удобствами данной минуты для достижения серьезных и прочных результатов в будущем.

Тому направлению, какое начинало преобладать в государственных делах, лучшая часть гражданства была в оппозиции, но механизм, через который гражданство могло влиять на дела, явно становился все менее и менее пригодным, менее подходящим к новым условиям жизни Римского государства: римская община была уже слишком многолюдна и разбросана по Италии, чтобы ее члены могли сознательно и осмотрительно избирать должностных лиц республики.

Мировой державе, какою стал Рим, неизбежно приходилось решать такие вопросы, в которых совершенно не могли разобраться случайно явившиеся на сходку земледельцы, и все чаще и чаще народное собрание постановляло решения непоследовательные, неосновательные и начинало играть роль почти глупую. Большинство избирателей были еще вполне честны, и к прямым подкупам прибегать было нельзя, но денежными тратами все-таки можно было многого достигнуть: должность эдила * мог получить только тот, кто высказывался в том смысле, что необходимо доставлять народу пышные празднества и зрелища, а на следующие должности выбирались лишь те, кто в должности эдила устраивал великолепные празднества и доставлял столичной черни хлеб по дешевой цене, хотя бы и собранный в провинциях несправедливейшими путями. Фламиний, добываясь во время Ганнибаловской войны консульства, устроил игры с небывалою роскошью, был избран в консулы и - проиграл битву при Тразименском озере, великолепие народных игр осталось, однако, мерилом, по которому избиратели оценивали различных кандидатов. В высшей степени вредно было влияние на народное собрание вольноотпущенников: являясь на собрание в большом числе, они голосовали в том смысле, как указывал им патрон, и нередко давали перевес таким постановлениям, которым вовсе не сочувствовало большинство полноправных граждан.

Все это расшатывало в глазах гражданства авторитет сената, и две партии начали требовать изменения всей системы управления, но в направлениях диаметрально противоположных: одна партия желала усиления демократического элемента за счет власти сената, другая, так называемая партия реформ, мечтала о возвращении прежних порядков управления и старинных римских нравов.

Главою и типичнейшим представителем партии реформ был Марк Порций Катон (234-149). Он родился и вырос пахарем, храбро сражался в течение всей Ганнибаловской войны, от битвы при Тразименском озере до битвы при Заме. Один видный аристократ, сознававший

все недостатки сенатского управления, познакомившись с Катонем, оценил качества этого человека и ввел его в политическую деятельность. Катон быстро выдвинулся, был консулом, цензором, получил триумф. Катон был человек железного здоровья, храбрый, безупречно честный, человек определенных твердых убеждений, непреклонно строгий к себе и другом. Остроумный, бойкий и резкий на язык, он неутомимо восставал против всяких нарушений духа и буквы законов и беспощадно призывал к ответственности всех, за кем знал злоупотребления. Но Катон только и мог бороться против отдельных лиц и отдельных злоупотреблений: и он, и вся его партия были совершенно не способны охватить вопрос шире, выяснить общие причины вредных явлений и бороться против этих причин.

Партия Катона заключала в своих рядах хороших граждан, но выдающихся политических умов в ней не было. Сама программа ее была только отрицательная: партия реформ желала только удалить из государственного управления те отступления от прежнего порядка, которые в него вкрались. Этим она заранее обрекала себя на неудачу: какого-нибудь удовлетворительного результата можно достигнуть только тогда, если ставить себе и преследовать положительные цели; не выработав же себе положительной программы, никакая партия не может достигнуть прочных результатов. При всей высоте и честности своих побуждений ничего не достигла, а кое в чем скорее помогала, чем препятствовала развитию того, против чего боролась, и партия реформ.

Полезны были для гражданства те обширные раздачи государственных земель, которые были произведены главным образом по настояниям Катона в 194-177 гг., но когда в своей борьбе против владычества знати эта партия поддержала предложение, чтобы к участию в голосовании призваны были и люди со значительно меньшим имущественным цензом, чем ранее, она более содействовала демагогам, чем истинным демократам. Демагоги же действовали усиленно; в то время как партия реформ думала достигнуть улучшений в управлении улучшением нравов, энергично действовали против существовавшего порядка другие люди, люди, которые просто льстили толпе, внушали, что гражданство будет управляться тем лучше, чем оно будет полновластнее, чем меньше будет значение сената. Под влиянием этой партии была уничтожена около 204 г. диктатура, которая являлась очень полезным средством восполнять недостатки своеобразной римской конституции. Эта партия была сторонницей передачи народному собранию всех назначений на должности - ее-то кандидатами и были Фламиний, Варрон и другие подобные деятели. Эта партия, наконец, постоянно требовала, чтобы расширены были права народного собрания на участие в делах администрации, особенно же в финансовом управлении. Вмешательство всего гражданства в дела финансового управления в конце концов сводилось к тому, что сходка постановляла переход общественных сумм в карманы отдельных граждан, возможность же подобных решений неизбежно деморализует и самое благонамеренное гражданство: народное собрание никогда не могло устоять пред соблазном подобных решений, тот, кто их предлагал, приобретал этим в общине такое влияние, которое тем или другим путем, но неизбежно должно было привести к гибели свободных учреждений. Народное собрание становилось просто послушным орудием в руках этих людей, свое значение как свободно решающий орган оно совершенно теряло и делалось излишним, а следовательно, и ненужным органом государственного управления. Помимо того что своими необдуманными решениями народные сходки мешали правительству чаще всего именно тогда, когда оно действовало основательно, демагоги, не замечая того, подготавливали путь, по которому рано или поздно какой-нибудь честолюбивый человек должен был дойти до присвоения себе исключительной власти, так как все чаще и чаще формальностями свободных постановлений общины прикрывались такие решения, которые по существу были лишь выражением личной воли ловкого дельца.

Такие противоположные течения существовали и сталкивались в римской общине. К реформе учреждений они, однако, не повели, напротив, в течение почти двухсот лет, от первой Пунической войны до середины II в., в римских государственных учреждениях

перемен произведено было меньше, чем когда-либо. Но и в данном случае, как всегда, неизменность государственных учреждений являлась признаком организма не здорового, а уже клонящегося к упадку. Республике грозили великие опасности, и, чтобы отвратить их, нужна была глубокая, коренная реформа. Была ли она возможна при тогдашнем состоянии знаний, при тогдашних понятиях - это вопрос, на который определенного ответа дать нельзя, но и самый вопрос о такой реформе не возникал. Было, во всяком случае, упущено время для того, чтобы вспахать и засеять почву семенем добрым,- и для следующих поколений на ней выросли тернии.

Глава XI. СЕЛЬСКОЕ И ДЕНЕЖНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Земледелие в крупных и мелких имениях.- Скотоводство. - Развитие торговли и капитализма.- Влияние капитализма на дух римского общества

Сельское хозяйство, которое издревле было основой всего государственного строя Римского государства, в рассматриваемую эпоху подверглось значительным изменениям. Хозяйство велось или земледельческое - крупное и мелкое,- или пастбищное. В большинстве крупных поместий обрабатывалось приблизительно десятин около 100. Сеялись пшеница, полба, ячмень, просо, разводились овощи, кормовые растения, виноград, оливковые и фруктовые деревья. Пашня и луга нередко орошались искусственно. Скотоводство тогда не было так тесно связано с земледелием, как теперь: мяса римляне ели сравнительно мало, и потому крупный скот держали в имениях только в количестве, необходимом для работы, и не разводили его в каждом хозяйстве, а покупали. Обрабатывались имения рабами, на имение десятин в 100 с несложным хозяйством считалось достаточным 8 рабов; на имение десятин в 50, но с виноградниками - от 12 до 15.

В глазах тогдашнего римлянина рабы стояли на одном уровне с рабочим скотом, их снабжали пищею в таком размере, чтобы они могли хорошо работать, и держали, пока они могли работать, а затем сбывали с рук, как теперь сбывают старых лошадей. Никому и в голову не приходило привязать раба к дому хорошим обхождением, никто не думал создать рабу семью и сколько-нибудь человеческую обстановку, считалось необходимым поддерживать между рабами недружелюбные, завистливые отношения. Тут видим мы в самом ярком проявлении ту беспощадность, которая свойственна капиталу, и таков уже был дух времени, таковы были не смягченные религиею отношения богатых к бедным, то, что тогда было общераспространенным, теперь представляется прямо ужасным. В хозяйственности римскому землевладению нельзя отказать: римляне - сельские хозяева любили свое дело, вкладывали в него много труда и личного интереса и извлекали из почвы все, что она могла дать. Мелкое земледельческое хозяйство отличалось от крупного только своими размерами, в мелких держали меньше рабов,- и хозяин, и его дети сами принимали участие в тех работах, какие в хозяйствах крупных исполнялись исключительно рабами.

Пастбищное хозяйство велось всегда в очень крупных размерах, скот был на подножном корму круглый год, только летом стада паслись на горах Самниума, а на зиму перегонялись на юг, в долины Апулии. Крупный скот разводился для продажи в земледельческие поместья, особенно много разводилось овец благодаря общераспространенному обычаю носить шерстяные одежды.

Доходы сельское хозяйство приносило очень небольшие. Для того чтобы при изменении количества населения в Италии, при возрастании политического значения Рима и при развитии его торговли сохранить для сельского хозяйства хоть прежние условия, нужен был бы ряд мер. Нечего, конечно, и говорить, что тогдашнее римское правительство не могло их обдумать и провести,- наоборот, считая нужным непременно ублажать городскую чернь

дешевизною хлеба, оно искусственно понижало цены на хлеб и допустило - можно сказать, само нанесло - несколько сильнейших ударов земледелию в Италии. Победенные народы всегда обязываемы были доставлять хлеб на содержание армий, и всегда с них требовали больше, чем было нужно. Излишек правительство сбывало откупщикам по крайне низкой цене, а те продавали хлеб в столицу дешевле, чем он стоил в действительности. И сицилийский, и сардинский хлеб можно было продавать в столице дешевле, чем собранный в Этрурии или Кампании, потому что в Сицилии и Сардинии хлеб родился лучше, чем в Италии, а хозяйство требовало меньших издержек, так как еще с времен карфагенского владычества здесь обрабатывались громаднейшие площади, и с самым широким применением невольничьего труда. Благодаря этому во II столетии земледелие в Италии только тогда давало хотя бы небольшой доход, когда велось так, что издержки по обработке доводились до минимума, а для этого было необходимо, чтобы дело велось в очень широких размерах и чтобы применялся труд не свободных работников, а рабов. При таких условиях мелкое землевладение стало быстро исчезать и владельцы небольших участков в лучшем случае обращались к возделыванию винограда или оливкового дерева, т. е. добывали продукты, составлявшие предметы вывозной торговли, а то и прямо сбывали свою землю крупным помещикам.

В колоссальных размерах зато развивалось в Риме денежное хозяйство. Уже во время Катона не только в Риме, но и в провинциях действовало множество банкиров, которые являлись посредниками в самых разнообразных торговых и промышленных предприятиях и во всевозможных денежных расчетах. Внешняя торговля получила весьма широкое развитие отчасти в силу естественных причин, отчасти и потому, что во многих покровительствуемых Римом государствах римляне и латины не платили таможенных пошлин. О размерах заморской торговли Рима можно судить по тому, что серебро оказывалось уже недостаточным средством обмена и в огромном количестве обращалось золото: в 157 г. запасы римского государственного казначейства лишь на 1/6 состояли из серебра, а на 5/6 из золота.

Промышленность, во всех отраслях которой употреблялся рабский труд, тоже развивалась, но далеко не столь значительно, как торговля, необычайное же развитие получили различные торговые и промышленные предприятия. Стремление к приобретению богатства, к увеличению своего благосостояния охватило мало-помалу всю нацию. Считалось долгом совести и порядочности аккуратно вести свои денежные дела и увеличивать, а не проживать полученное наследство. Общим экономическим правилом было участвовать небольшими долями состояния во многих предприятиях, а не вкладывать весь капитал в какое-нибудь одно, этим и объясняется замечательная прочность римских состояний. И богатства отовсюду стекались в город Рим, который в это время в денежном отношении стал для всех других государств тем, чем теперь является в Европе Англия. Богатства частных лиц были громадны, и состояние, какое в Греции имел лишь один богатейший человек, в Риме считалось самым средним.

Гражданское равенство, уже нарушенное образованием фактически замкнувшегося кружка правящей знати, еще более пострадало от образования могущественной денежной аристократии. Среди представителей ее распространился взгляд, что для «порядочного человека» неприлично что-либо брать непосредственно за свои услуги, и поэтому не только все высшие должности исполнялись без какого-либо вознаграждения, но и различные услуги всегда оказывались римскими аристократами друг другу без всякого вознаграждения, даром управляли друзья делами отсутствующих или малолетних, выступали за них в судах и т. д. Применение такого правила полагало резкую грань между теми, кто зарабатывал себе хлеб трудами своих рук, и теми, кто никакого вознаграждения за свой труд не брал, между поденщиком, ремесленником и даже низшим чином на военной службе, с одной стороны, и богатым помещиком, негоциантом или штабным офицером - с другой.

Около 218 г. Гай Фламиний провел закон, который запрещал сенаторам и их сыновьям принимать участие в казенных подрядах и вести заморскую торговлю. Мысль отстранить от участия в финансовых предприятиях тех, кто по своему положению в администрации находился в исключительных условиях сравнительно с другими, по существу мысль верная. Практических последствий для аристократии закон этот, впрочем, не имел, так как развитие торговых компаний доставляло множество способов обойти это запрещение, но было чрезвычайно богато последствиями это разграничение законом политически властвующей аристократии от аристократии чисто финансовой: все следующее столетие римской истории наполнила собою упорная борьба денежной аристократии и властвующей знати.

Таковы были плоды капитализма, и это были еще не самые худшие. За чрезмерным развитием денежного хозяйства не замедлили явиться и более ужасные его результаты: во все стороны общественной жизни проникла глубокая безнравственность, человеколюбие и патриотизм заменились господством подлейшего эгоизма. Лучшие люди - и их было еще немало - понимали весь вред такого одностороннего развития экономической жизни страны. Многие, особенно партия реформ, задумывались над необходимостью придать всему народному хозяйству другое направление, вернуть в прежней мере и интерес к земледелию, и почтение к занятию им. Но помимо того, что частая смена должностных лиц препятствовала сколько-нибудь последовательным мерам в таком направлении и не было уже и того средства, о котором они мечтали, уже и само земледелие пропитано было ядовитым духом финансовых спекуляций. С тех пор как дешевые цены на хлеб заставили мелких собственников продать свои земли капиталистам, к земледелию применялся исключительно труд рабов, и оно стало поэтому тоже чисто денежной спекуляцией. Римское гражданство, прежде бывшее общиной свободных и равных людей, все заметнее и заметнее распадалось на два класса: господ и рабов - и в одном развивалось равнодушие к нижестоящим, в другом - ненависть и озлобление к стоящим в лучшем положении. Начинали таять духовные силы нации, падала она и в физическом отношении, - в общем, население Италии за II столетие уменьшилось, причем уменьшилось именно число свободных, число же рабов возросло.

Глава XII. РЕЛИГИЯ И НРАВЫ. ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ИСКУССТВО

Эллинское влияние.- Появление в Риме восточных культов.- Падение нравов.- Развитие роскоши.- Первоначальное обучение.- Сцена и ее дух.- Ливий Андроник, Невий, Плавт, Эний.- Записки современников.- Юридические, математические и филологические науки

В Риме с древнейших времен жизнь и поведение каждого гражданина строго и точно определялись старинными формами и приличиями. Римлянин должен был вести в порядке свои дела, поддерживать строгую степенность в доме, исполнять свои обязанности и уметь отстаивать свои права. Поколения за поколениями сходили с земного поприща, а римляне желали быть только хорошими гражданами, только такими, каковы были их отцы, - и это выработало в римском обществе, особенно в знатных семействах, такое чувство народной гордости и такой патриотизм, подобного которым уже не было ни в каком другом человеческом обществе, создало такой духовный строй, который нам кажется принадлежностью как бы какого-то иного мира. Особенно ярко выражалось это чувство живой связи со своими предками, неразрывного духовного родства с ними в похоронных обрядах, которые очень долго сохраняли свои древнейшие формы.

С течением времени, по мере того как Рим распространял свои владения в чужих странах, римляне стали ощущать потребность в иной, более богатой и разнообразной умственной жизни и увлеклись блестящею эллинскою цивилизациею, но вместе с ее дивными плодами

усвоили они и все дурные ее стороны и им даже сильнее поддались. Особенно могущественно было влияние эллинизма на римлян потому, что римлянам предстояла совершенно новая для них задача: устроить отношения со множеством народностей, выработать условия для совместной жизни со многими покорившимися им народами, а у греков эта задача была уже в значительной степени разрешена, у них была уже создана та гуманистическая и даже космополитическая цивилизация, которая была пригодна для совместной жизни и деятельности разных племен и народов.

В области внешней политики эллинское влияние привело к «эллинофильству», к странной идее, что необходимо «освободить» греков от Македонии. Что явилось в Греции как результат такой политики Рима, мы уже видели. Значительнее и глубже было греческое влияние в области религии и нравов. В Италии еще недавно жили религиозные верования, поражавшие греков своею искренностью, хотя старинная, простая, богобоязненная религия уже и обращалась мало-помалу в сложную и искусственную богословскую систему, с толкованиями мифов, с распределением богов по рангам, с развитием жречества и усилением влияния жрецов; теперь стал исчезать старинный, вековечный лес народных верований - и почва быстро зарастала сорною травой, грубыми и вздорными суевериями. В Рим проникли многие из религиозных верований соседних племен, и именно наиболее странные и фантастические. С Востока распространился в Риме культ Кибелы, матери богов, и в самые трудные годы Ганнибаловской войны огромные суммы были употреблены на то, чтобы приобрести у одного из азиатских городов и доставить в Рим черный камень, который почитался за саму Кибелу. Затем явился в Риме культ Вакха и скоро соединился здесь с безобразнейшими оргиями, так что в течение длинного ряда лет правительство вело с ним упорную и даже жестокую борьбу, прежде чем удалось положить конец его распространению. И в столице, и по всей Италии бродило множество странствующих жрецов, гадателей, прорицателей, влияние которых пагубно сказывалось и в области верований и в области нравственности.

Встречались еще римляне, придерживавшиеся старинного образа жизни, как, например, Катон. Катон жил очень скромно, в доме у него не было никаких украшений, его стол был самый простой, хозяева ели то же, что и рабы, во всем наблюдался строгий порядок, и раб наказывался за малейшую провинность. К жене Катон относился довольно сдержанно, но воспитание детей, особенно сына, считал своею главнейшею обязанностью и говорил, что важнее быть хорошим семьянином, чем влиятельнейшим сенатором; с сыном он лично занимался всеми гимнастическими упражнениями, для него же написал собственноручно и свои наставления, сделавшиеся одним из драгоценных источников наших сведений о тогдашней римской жизни, о ее светлых и темных сторонах. Но такие люди, как Катон, были уже редкими исключениями, нравы падали с ужасающею быстротою.

В Риме появились куртизанки, и содержать их стало чуть ли не требованием хорошего тона. Число браков стало уменьшаться, а число разводов возрастать. На почве семейных денежных отношений совершались преступления, о которых прежде не было и слыхано. Ослабли прежние строгие взгляды на положение женщины в семье, началось стремление женщин к расширению своих прав, особенно благодаря скоплению в руках некоторых женщин огромных капиталов, это явление приняло такие размеры, что законом были ограничены права женщин по наследованию.

Страшно усиливалась роскошь в устройстве домов, в одежде, в столе, вошли в обычай совершенно неизвестные прежде пиры по греческим образцам, с возлежанием, музыкой, с большим количеством всевозможных яств, вместо того что прежде бывало всего по две перемены блюд. Появились в Риме дорогие повара, специалисты-булочники, кондитеры.

Развивалась привычка убивать время, ничего не делая: входили в обычай разные домашние праздники, учреждались новые общественные празднества и устраивались с величайшею роскошью, сопровождалась обыкновенно гладиаторскими играми. В первый раз

эти игры были устроены в 490 г., скоро они стали необходимою принадлежностью не только всякого общественного праздника, но даже и большого пира у частных лиц. Из Рима эти игры проникли и в Грецию, здесь публика, обладавшая более изящным вкусом, встретила эту грубую забаву неодобрительно, но скоро широкие круги к ней привыкли и интересоваться гладиаторами стали и эллины.

То стремление увеличивать свое благосостояние, которое еще недавно имело серьезную подкладку, теперь перешло в уродливые формы, в погоню за деньгами во что бы то ни стало: явились взяточничество, попрошайничество, недобросовестность в торговле и подрядах, на браки смотрели только как на финансовую сделку. Римляне теряли то стремление работать, которое было прежде общим, а когда человек не находит наслаждения в труде, то его честность становится уже просто вопросом более или менее счастливой случайности: при одних обстоятельствах он может остаться честным человеком, другие же могут толкнуть его на всякое преступление.

Первоначальное образование было до известной степени распространено в Риме еще задолго до того времени, о котором мы теперь говорим: умение читать, писать, считать было не редкостью среди самых простых граждан, а раб-управитель сколько-нибудь значительного поместья непременно знал грамоту и счет. Теперь явилось стремление к более широкому умственному развитию, а затем стала создаваться и римская литература. В общине со столь оригинальным, чисто самобытным прошлым литература, однако, возникла не самобытно, а под чужим влиянием.

Римская община развивалась при таких условиях, что в эпоху наивысшей работы римского духа вся деятельность его была направлена на великую задачу созидания государства; на умственное развитие было обращено внимание всего менее, можно даже сказать, что дух римской общины, требовавший прежде всего равенства, особенно не благоприятствовал развитию тех индивидуальных духовных стремлений, которые одни только и создают великое в области знания и в литературе. Теперь, когда римская национальность стала приходить в упадок, когда в общину начали проникать космополитические тенденции, теперь явилась необходимость подыскивать или создавать новые опоры и основания для деятельности граждан, которая ранее целиком и так твердо основывалась на чувстве национальности, теперь явилась потребность и в образовании, и в литературе.

Лучшим средством образования всегда служит изучение языка, и понятно, что именно на нем должно было быть основано образование в эпоху младенчества точных наук, тем более в Риме, где умение владеть словом было положительно необходимо для гражданина. В Риме к III столетию еще не было ни выработанных методов такого обучения, ни материала для него, литературы; то и другое было в Греции, а так как знание греческого языка уже давно было распространено среди римлян, то, естественно, теперь они заимствовали из Греции и школьное обучение, и литературу.

Быстро водворилось греческое влияние и на римской сцене. Толпа всегда любила народные игры, в течение которых устраивались и драматические диалоги, большею частью импровизированные, теперь, когда толпа стала требовать настоящей сцены и настоящих представлений, ничего не оставалось делать при отсутствии римских пьес, как заимствовать трагедии и комедии из греческой литературы.

Через школу и через сцену греческому влиянию были широко открыты пути в римское общество. Влияние это для Рима было самым революционным, так как в греческой литературе того времени, когда с нею познакомились римляне, безусловно господствовали тенденции, совершенно противоположные всему складу римской жизни, всему духу римских установлений. В греческой комедии IV в. царил Менандр, в трагедии - Еврипид. Еврипид жил за полтора столетия до того времени, когда произведения его стали проникать в Рим

(480-406), он был представителем той эпохи, когда в Греции началось величественное умственное и философское движение, но когда вместе с тем иссяк уже в ней главный источник всякой поэзии - чистое, свежее чувство народности. Он не дал столь величественной, потрясающей трагедии, как Эсхил, не создал столь благородных и глубоких характеров, как Софокл, но едва ли какой-нибудь другой писатель мира отразил в своих произведениях так верно, как Еврипид, все волновавшие его современников вопросы, так полно и глубоко охватил все умственное движение своего времени, и потому его творения все более и более увлекали и современников, и потомков, по мере того как расширялось и усиливалось то движение, в которое он проник и воплотил в своих трагедиях с небывалою верностью. Еврипид интересуется преимущественно социальными, а не политическими вопросами времени и разрешает их в духе современного ему философского и политического радикализма. Он является истинным представителем того безверия, которое охватило в его время большую часть греческого общества, он сознательно и настойчиво проводит антинациональные идеи, он является главным проповедником той космополитической гуманности, которая подтачивала и расшатывала аттическую национальность, взрастившую все лучшие умственные и художественные плоды Эллады. Такое направление проникало в римское общество через греческие трагедии и комедии. Идеи греческих писателей были понимаемы и усваиваемы не во всей своей глубине, но тем не менее он способствовал уже начавшемуся разложению старого римского национального общества. В этом смысле мы и сказали, что греческое влияние на римскую литературу было революционным.

Что касается римских трагедий и комедий как чисто литературных произведений, то все они были долгое время переделками с греческого. Трагедии были в меньшем почете, чем комедии. Писались они сперва исключительно так называемым сатурнинским стихом, размером весьма неповоротливым и грубым, ямбы, дактили, анапесты появились только впоследствии. Язык первых произведений был очень груб и необработан, но скоро значительно усовершенствовался. Долгое время обязательны были различные условности: так, никакая комедия не могла относить свое действие к Риму, оно непременно должно было происходить вне столицы, даже италийские города позволено было называть местом действия не скоро, обыкновенно же действие происходило где-нибудь в Греции; никаких специально римских черт быта изображать не позволялось, нечего уже и говорить о каких-либо политических намеках. Содержание трагедий заимствовалось из мифов, комедий - из жизни. Содержание это было бедно и однообразно: почти всегда действие вращается около любви или, точнее, влюбленности, страстной, грубой и вместе с тем приторной; действие запутывается различными препятствиями, нередко мало правдоподобными, создаются грубо-комические положения, и все приводится к благополучному окончанию, обыкновенно тоже какими-нибудь грубыми, неисккусными приемами. В художественном отношении латинские подражания, конечно, далеко отстали от греческих оригиналов. Но в чем римские подражатели не уступали греческим авторам, это в худших свойствах греческой комедии: к тому времени, когда с нею познакомились римляне, она приходила уже в упадок - и вся пошлость сюжета, вся низменная пустота чувств и интересов, нескромность грубых шуток - все это целиком перешло на римскую сцену. Неудивительно, что не только актерство, но и авторство комедий почиталось в Риме непристойным для настоящего римлянина, а было уделом вольноотпущенников и вообще людей низшего положения; римские граждане еще переделывали иногда с греческого трагедии, но комедии - никогда.

От древнейших римских писателей до нас дошли лишь незначительные отрывки. Первым римским автором был Ливий Андроник (приблизительно 272-207) Он был пленник из Тарента, полугрек по происхождению, занимался обучением детей и перевел - первоначально как учебное пособие - «Одиссею». Затем он составил первое драматическое произведение на латинском языке, которое было представлено в 240 г., через год по окончании первой Пунической войны. Потом он переделывал для римской сцены немало разных пьес, скоро, однако, произведения Андроника, которыми началась римская

литература, казались совершенно устарелыми и по языку и по содержанию.

Младший современник Ливия Андроника, Невий, гражданин одной из союзных кампанских общин, был первым собственно латинским писателем. Как всегда бывает там, где литература не выработалась самостоятельно и постепенно, а создалась более или менее искусственно, Невий упражнялся во всех ее родах: он переделывал трагедии с греческого, писал оригинальные драмы из времен Ромула, писал отдельные небольшие стихотворения и историческую хронику первой Пунической войны в стихах.

Действительно значительным писателем является Тит Макций Плавт (254-184). Плавт был уроженец Умбрии, первоначально был актером, затем принялся за переделку для римской сцены греческих комедий. До нашего времени дошла 21 комедия Плавта. Именно они в древности признавались лучшими из сотни с лишком комедий, переделанных или отредактированных им. Плавт отлично знал сцену и с большим умением пользовался ее эффектами: у него много остроумия и забавный диалог, язык его богат и выразителен.

Из современников Плавта известны еще Стаций Цецилий, тоже переделыватель комедий, и Тициний-первый, который стал писать комедии из быта италийских общин. Самым знаменитым писателем первого периода римской литературы был Энний (239-169), полугрек из Массалии, получивший впоследствии римское гражданство. Он переводил и писал трагедии и комедии, написал в стихах хронику войны с Ганнибалом, перевел с греческого Эпихарма и Эвгемера, которые являлись представителями крайнего рационализма в религии. Их направление и идеи космополитические Энний с особенным усердием и совершенно сознательно распространял в римской публике. Для характеристики и автора и его читателей достаточно сказать, что сам Энний, и его современники считали его писания равными «Илиаде».

Несколько позже стихотворных произведений появилась прозаическая литература. Она имела меньше представителей, пользовавшихся тем не менее большим почетом, чем сочинители трагедий и комедий. В противоположность авторам этих последних прозой писали исключительно римляне знатные и люди, занимавшие высокое положение в государстве. Прежде всего появились исторические хроники. До того времени существовали записи отдельных событий, составлявшиеся у понтифика. Около 201 г. составил на греческом языке записки о современных событиях Квинт Фабий Пиктор, один из видных деятелей борьбы с Ганнибалом. Лет через 20 по-гречески же написал хронику сын Сципиона Африканского. Затем Катон составил рассказ о древнейшей истории Рима и пополнил его многими ценными заметками об истории отдельных союзных общин, впервые у Катона и появляются те рассказы об основании Рима и о древнейшей его истории, которые затем повторяются обыкновенно в элементарном изложении римской истории. Все вышеизложенное дает достаточно оснований для того, чтобы видеть, как мало могло быть достоверного в этих рассказах при описании древнейших событий. В этих первых опытах исторической литературы с полной яркостью выступает та нечувствительность к историческим несообразностям, которая исчезает только после продолжительных и серьезных научных занятий. Достаточно одного примера: основание Рима считалось за 360 лет до сожжения Рима галлами; сожжение это записано в греческих летописях под 1-м годом 98-й Олимпиады; так как Олимпиада обнимала четыре года, то, следовательно, основание Рима падает на 1-й год 8-й Олимпиады; по общераспространенному и в Греции и в Риме мнению, 1-й год 8-й Олимпиады был 436-м годом после падения Трои - и никто этим не смущался, и все верили, что Ромул был сыном Энеевой дочери.

Из прозаических греческих писателей усердно изучались в Риме Фукидид и Демосфен. Философские произведения греков оставались еще совершенно чуждыми римлянам.

В 219 г. появился в Риме первый греческий врач и быстро прославился, вслед за тем медицина и лечение стали делаться своего рода модой, и Катон попытался собрать в

небольшую книжку те советы по медицине, которые он считал исконно латинскими и противопоставлял новомодным, греческим; впрочем, это произведение Катона крайне скудно содержанием.

Около 264 г. вошло в Риме в употребление греческое деление дня на часы, а Гай Сульпиций Галл, бывший консулом в 166 г., предсказал высчитанное им лунное затмение, чем прославился среди своих соотечественников, как чудо учености и мудрости.

Около 234 г. Спурий Кальвирий внес некоторые улучшения в латинскую грамматику и в алфавит, в то же время Катон составил сочинение о римском сельском хозяйстве, а Секст Элий Пет - первое римское руководство по юридическим вопросам. Есть свидетельство, что началось литературное движение и в общинах, где говорили еще по-сабельски и по-этрусски, но до нас не дошло от подобных произведений ни одного отрывка.

Римская литература III в. заслуживает, при всех своих недостатках, полного внимания за то, что она стремилась перенести в свою родину чудное дерево греческой поэзии. Надо признать заслугой и то, что римские писатели подражали преимущественно не современным им писателям, а писателям сравнительно уже старым, но более талантливым. С этой точки зрения деятельность Невия, Энния, Плавта заслуживает высокой оценки, но нельзя не признать, что самый дух греческой поэзии стоял в слишком большом противоречии со всею предшествовавшей жизнью римской общины, с тем духом, который ее ранее оживлял. И поэтому вполне понятно, что находились люди, боровшиеся против этого эллинского влияния. Во главе их был Катон. Ему не удалось остановить наплыва тех идей, которым он не сочувствовал, но в борьбе против них этот типичнейший представитель римской национальности все-таки сделал великое дело: он положил основание той латинской прозаической литературе, которая впоследствии доставила римскому имени новую славу.

Книга четвертая. РЕВОЛЮЦИЯ

Глава I. ПОДВЛАСТНЫЕ ЗЕМЛИ ДО ВРЕМЕНИ ГРАКХОВ

*Дела в Испании.- Вириаф.- Борьба с Нуманцией.- Дела в Греции и на Востоке.-
Отношения к Карфагену и начало последней борьбы.- Сципион Эмилиан в Африке.-
Борьба-под стенами Карфагена.- Взятие и разрушение Карфагена.- Провинции Африка и
Македония.- Разрушение Коринфа.- Присоединение царства Пергамского.- Дела в Сирии.-
Образование Парфянского царства*

С падением Македонского царства все области от столпов Геркулеса до устья Нила подпали владычеству римлян, и это владычество стало обращаться в тяжелый гнет; в бесплодной борьбе с ним или в тупой покорности ему гибли подвластные Риму народы. Первые значительные события, после изложенного в предыдущих главах, совершились на Пиренейском полуострове. Здесь жили в пестром смешении иберы, кельты, финикийцы, эллины, римляне; самые различные цивилизации приходили здесь в столкновение. После того как в 179 и 178 гг. Тиберий Семпроний Гракх организовал здесь римскую провинцию, на полуострове в течение почти 25 лет не нарушалось спокойствие, но в 154 г. возникли столкновения римлян с лузитанами, и последние одержали ряд настолько серьезных успехов, что римляне поспешно отправили туда сильные подкрепления, и новым консулам-главнокомандующим разрешено было вступить в должность не 15 марта, как было всегда прежде, а 1 января - с того времени этот день и считается началом года.

В течение двух лет дела римлян шли все хуже и хуже. Многие подвластные им города отложились. Только в 152 г. Марцелл одержал несколько успехов и в 151 г. заключил почетный для римлян мир. Явившийся на смену Марцеллу новый римский

главнокомандующий возобновил, однако, войну без всякого повода со стороны испанцев. В течение 161-150 гг. он жестоко расправился с жителями нескольких городов, выразивших покорность, и потерпел серьезные неудачи в битвах - вообще в этой войне римляне действовали в открытом поле столь неудачно и бесславно, а в сношениях с противниками так вероломно и бессовестно, как никогда.

В 149 г. возникли у Рима затруднения в Македонии и началась последняя борьба с Карфагеном, это заставило римлян ослабить свои силы в Испании, у лузитан же появился в это время необыкновенно талантливый вождь Вириаф. Он выдвинулся тем, что своими умными распоряжениями спас значительные силы лузитан, попавшие в весьма затруднительное положение, затем он сумел оживить мужество своих соплеменников и нанес римлянам целый ряд серьезных поражений. По мере успехов Вириафа разгоралась у испанцев надежда освободиться от чужеземного владычества, и всё новые племена присоединялись к лузитанам. Вириаф был провозглашен царем. В новом сане он сохранил свою энергию, свою храбрость и осторожность и жил по-прежнему как простой солдат. Он сражался всегда в первых рядах, последним отходил на отдых и даже спал, говорят, не иначе как в полном вооружении. В течение целых семи лет он успешно боролся против римлян, несколько частных его неудач вполне искупались для него двумя крупными победами, причем в одном сражении был взят в плен римский главнокомандующий и затем казнен. Наконец в 141 г. сенат заключил с Вириафом мир, признав его самостоятельным царем. Однако уже в следующем году, сосредоточив значительные силы, римляне снова начали войну. Вириаф был захвачен врасплох, с трудом избег серьезных поражений и вынужден был согласиться на мир менее выгодный. Неудачи и колебания Вириафа ослабили энтузиазм его сподвижников, римляне успели подкупить троих из приближенных героя, и они изменнически убили его ночью. Войско решило продолжать борьбу, но новый избранный вождь оказался человеком невыдающимся, лузитане потерпели полное поражение, и провинция, так долго боровшаяся против Рима, возвращена была в подданство.

В то время, когда на юге успехи Вириафа достигли апогея, поднялось - в 144 г.- и на севере Испании сильное племя ареваков. После двухлетней борьбы северная провинция была приведена в покорность, только два крепких города, Терманция и Нуманция, не подчинялись римлянам, и они, потеряв надежду добиться мира оружием, начали переговоры и соглашались уже заключить мир на почетных и льготных для этих городов условиях, как вдруг римский военачальник, ведший переговоры, нашел возможным отказаться от всех уже принятых им условий. Нумантинцы предоставили римскому сенату решить, обязательен или нет уже почти заключенный договор, и сенат решил продолжать войну. В 137 г. римское войско, в котором к этому времени распущенность и упадок дисциплины достигли небывалых размеров, принуждено было поспешно снять осаду Нуманции, а затем было окружено ареваками и купило себе спасение весьма невыгодным миром, в утверждении которого поручились все высшие офицеры. Когда-то, после несчастья в Кавдинских ущельях, сенат отказался признать постыдный договор и выдал врагу всех его виновников, теперь сенат тоже отверг невыгодный мир, но выдал не всех виновников, а одного консула Манцина, не более других виновного, но не имевшего знатной родни. Манцин был приведен к воротам Нуманции в жалком рубище, со связанными руками и в таком виде простоял целый день, потому что нумантинцы не приняли его... Война продолжалась, вскоре сенат предписал прекратить ее, но главнокомандующий не исполнил этого приказания и дал еще несколько новых примеров того, до какого жалкого состояния дошли римские войска в Испании.

В Риме наконец почувствовали позор такого хода дел, и главнокомандующим был послан в Испанию Сципион Эмилиан, сын Павла, победителя при Пидне, и внук, по матери, Сципиона Африканского. Он давно уже выдвигался и своими военными талантами, и твердым благородством характера. Прибыв под Нуманцию, Сципион мерами беспощадной строгости восстановил дисциплину в войске, своего презрения к которому он даже не

старался скрыть. Затем он установил теснейшую блокаду Нуманции, тщательно избегая доводить дело даже до незначительных стычек, - настолько не доверял он войску. Огромный численный перевес его армии давал возможность сосредоточивать повсюду такие силы, что нумантинцы не решались на энергичные вылазки. После, пятнадцатимесячной осады нумантинцы, терпя величайший недостаток во всем, сдались, причем очень многие покончили с собой, чтобы не стать пленниками римлян (133). В Испании был восстановлен мир. Особая сенатская комиссия прибыла в Испанию для организации здесь вновь римского управления, и благодаря влиянию Сципиона Эмилиана были приняты меры благоразумные и умеренные, так что для Испании наступил ряд лет, когда возможно было мирное развитие края.

Хуже было положение дел на Востоке. Македония, Греция, Сирия, Египет находились под протекторатом Рима, и сенат вмешивался во все их внешние отношения и внутренние дела, но сенат поступал при этом так необдуманно, непоследовательно, обнаруживал такую недалекость и слабость, что государства Востока оказывались лишенными и благ самостоятельного существования, и благ порядка, который может быть доставлен сильной властью. Среди худших проявлений безначалия и беспорядка выяснилось, что в близком будущем все вассальные государства на Востоке лишатся и последнего призрака свободы и обратятся в римские провинции, причем положение жителей ничуть не улучшится. Создавалось положение одинаково тягостное и опасное и для управляющих, и для управляемых: с ничтожеством власти люди не мирятся, а власть, чтобы иметь право на существование, должна быть сильна, должна и проявлять свое могущество.

Быстрее всего разрешился вопрос относительно Карфагена. По условиям мирного договора римляне имели право вмешиваться во все отношения Карфагена к соседним племенам и неуклонно решали всякие споры в пользу соперников своего старинного врага. Во главе одной из комиссий, которые были посылаемы в Африку для того, чтобы придать вид, будто спорные вопросы разбираются основательно, был поставлен Марк Катон. Этот человек, переживший всю Ганнибаловскую войну, с тревогой увидел, как быстро оправился Карфаген, какие средства он снова накопил. Вернувшись в Рим, Катон стал доказывать, что Рим не может быть спокоен, пока его все еще грозный соперник не будет уничтожен окончательно. В сенате многие указывали, что карфагеняне все более и более утрачивают и ту невысокую степень воинственности, какую обладали, что существование богато-

го торгового города ничуть не опасно политическому значению Рима, но мнение Катона одержало верх главным образом потому, что для римских капиталистов было выгодно уничтожить богатый город и захватить его наследие. Решено было все-таки подождать удобного предлога. Он представился скоро. Нумидийский царь Массинисса бесцеремонно захватывал одну часть карфагенской территории за другой и вывел наконец карфагенян из себя, так что они решились наказать его и стали вооружаться, не дождавшись, вопреки условиям мира, решения римлян. Тогда Массинисса немедленно прекратил свои враждебные действия, и, таким образом, явился предлог утверждать, будто карфагеняне вооружаются против римлян. Чернь не допустила совет старейшин распустить по требованию Рима армию и уничтожить флотские запасы, а Массинисса довел дело до открытого столкновения, и тогда римляне получили формально вполне неоспоримое право доказывать нарушение мирного договора и объявить войну.

Римляне быстро приготовились к войне, карфагеняне между тем испугались и попробовали избежать ее: они осудили на смерть вождей противоримской партии и отправили в Рим посольство смиренно просить мира. Сенат объявил, что извинения недостаточны, и на вопрос, что же требуется, ответил, что карфагеняне это знают. Пока посольство съездило в Африку и вернулось с неограниченными полномочиями на уступки, из Рима уже отплыла армия и новому посольству предъявлены были следующие условия: карфагенянам обеспечивается их территория и частное и общественное имущество, если они

выдадут 300 знатнейших заложников и исполнят те требования, какие им будут объявлены главнокомандующим, которому даны на этот счет инструкции сената. Карфагеняне не имели мужества отдать себе отчет в той опасности, пред которою они стояли. Заложники были представлены, консулы заявили, что дальнейшие условия сообщат в Африке. Высадившись здесь с войском, консулы потребовали выдачи всего оружия. Карфагеняне повиновались и представили все свои огромные военные запасы - считают, что они доставили до 200 000 полных вооружений. Тогда консул Люций Цензорин заявил, что последнее требование сената и римского народа, чтобы город Карфаген был скрыт и чтобы новое поселение было основано не ближе как за 14 верст от моря (149).

В карфагенянах вспыхнули то бешенство и та отчаянная решимость, на какие способны, кажется, только семиты. Чернь растерзала вестников, сообщивших об ужасном требовании, и тех италийцев, которые оказались в городе. Решено было сопротивляться до последней крайности и вместе с тем постараться усыпить бдительность римлян. К консулам отправлено было посольство просить тридцатидневной отсрочки, чтобы представить мольбы о пощаде сенату. Полагая, что с выдачею оружия Карфаген совершенно бессилен, консулы согласились. И вот, с совершенно непостижимым сохранением глубочайшей тайны от римского войска, в Карфагене закипела лихорадочная работа. Работал весь город, от мала до велика, до последнего

человека, ни одного перебежчика, ни одного предателя не оказалось в полумиллионном населении. Женщины обрезают себе волосы и из них вили тетивы, все мастера ковали оружие, сооружали метательные машины, остальные жители разбирали общественные здания и носили на стены камни и бревна для отражения штурма. Укрепления Карфагена представляли собою последнее слово тогдашнего инженерного искусства: высокие мощные стены были в полной исправности, теперь их снабдили всевозможными боевыми снарядами, и когда консулы, по истечении отсрочки, подошли к городу, они с изумлением увидели сильную крепость. Попытка взять город штурмом была отбита с большим уроном для римлян, значительный отряд, состоявший из карфагенян, удалившихся из города еще до выдачи оружия и теперь явившихся защищать родину, сильно тревожил армию и мешал ей снабжаться припасами. Массинисса был вовсе не доволен, что римляне решились окончательно утвердиться в близком с ним соседстве, и не оказывал никакой поддержки, приходилось вести правильную осаду, и она очень затянулась. Почти два года простояла римская армия пред Карфагеном, и не только не было достигнуто никаких положительных результатов, но дух карфагенян возрос, и они уже начинали надеяться отстоять существование города.

И римские вожди, и римское войско являлись и здесь в том же невыгодном, жалком виде, как в Испании. Тогда начальство поручено было Сципиону Эмилиану, единственному из римских офицеров, который проявил под Карфагеном и находчивость, и решительность, и благоразумие, и блестящую храбрость, так что приобрел уважение и всего римского войска, крайне распущенного, и даже врагов. Сципион прежде всего очистил армию от массы вредного сброда, накопившегося там, железною рукою восстановил дисциплину и энергично повел осаду. Скоро внешнюю стену карфагеняне потеряли, но тем упорнее защищались они за вторым рядом укреплений. Сципион установил тесную блокаду города с суши и с моря и, соорудив с величайшими усилиями плотину, преградил доступ в гавань, через которую осажденные получали все необходимое. Карфагеняне, со своей стороны, прокопали широкий канал, и флот их совершенно неожиданно вышел в море. Если бы карфагеняне немедленно напали на римские суда, совершенно не готовившиеся к бою, они причинили бы римлянам чрезвычайный ущерб, но они удовольствовались на этот раз тем, что убедились в возможности выводить корабли по каналу, и напали на римский флот только через три дня, когда уже Сципион приготовился к битве. Она осталась нерешительною, при возвращении по узкому каналу карфагеняне потеряли от аварий несколько судов, а в скором времени Сципион преградил им и этот выход. Затем на перешейке, соединявшем город с материком,

он возвел огромную прочную стену и с наступлением зимы разместил свои войска в удобном лагере, предоставив голоду и болезням ослаблять осажденный гарнизон.

Весною следующего (146) года римляне штурмом ворвались в город, но еще шесть дней шла в нем ужасная, ожесточенная борьба.

Карфагеняне отстаивали каждый дом, они бегали по доскам, перекинутым через улицы, с крыши на крышу, и поражали римлян сверху. Наконец город был во власти римлян, остатки жителей собрались в цитадель среди города. Сципион приказал все кругом сжечь и сровнять с землей, так что стал возможен приступ со всех сторон,- и только тогда сдались осажденные. Из цитадели вышли 30 000 мужчин и 25 000 женщин - менее десятой части населения, бывшего при начале осады. Гасдрубал, начальствовавший обороною и замучивший на стенах города пленных римлян, со своею женою и двумя малолетними сыновьями и около 1000 римских перебежчиков - все, кто не мог рассчитывать на пощаду,- заперлись в храме Бога благополучия. Их римляне решили выморить голодом. Доведенные до крайности, осажденные зажгли храм, чтобы погибнуть в пламени, а не от рук ожесточенного врага. В последнюю минуту Гасдрубал поддался малодушию: он один выбежал из храма и, бросившись к ногам Сципиона, вымолил себе пощаду. Видя это, его жена прокричала ему слова укора и презрения, затем кинула в огонь своих сыновей и сама бросилась в пламя.

Ликование в лагере и в столице было безгранично, немного уже было в Риме столь благородных людей, что они втайне стыдились и такой войны, и такого конца ее. Сципион не был рожден для роли палача побежденных, он болел душой, наблюдая, как огонь уничтожает великолепный город, который так мужественно отстаивали его граждане. Он запросил сенат, что делать дальше, и видно было, что он желал бы сохранить Карфаген. Раздалось и в сенате несколько голосов, советовавших то же. Но сенат постановил уничтожение Карфагена. Город был снова зажжен, и семнадцать суток горели остатки столицы. Затем по территории города проведена была борозда плугом,- это была формальность, утверждавшая уничтожение города: площадь Карфагена была предана навеки проклятию, и много столетий оставалось пустынею то место, где около пятисот лет работали трудолюбивые финикийцы и где они создали один из величайших городов древнего мира.

Бывшие владения Карфагена обращены были в римскую провинцию под именем Африки, ею управлял наместник, живший в Утике. Население сохранило свою свободу, но было обложено податью в пользу Римского государства; отдаленные общины получили различные права, в зависимости от их поведения в течение войны. Римские капиталисты нахлынули в новую провинцию и стали собирать те барыши, которые прежде шли в сундуки карфагенских купцов.

Еще на два года раньше, чем Карфаген (148), обращена была в римскую провинцию Македония. Там со времени уничтожения царства никогда не было полного спокойствия, а около 154 г. какой-то самозванец, поразительно похожий на последнего царя Персея, объявил себя его сыном, был признан в части Македонии и истребил первое, незначительное римское войско, выступившее против него. В следующем году Квинт Цецилий Метелл два раза разбил войско самозванца и захватил его самого. После этого римляне лишили македонян и той тени самостоятельности, какую оставили им после битвы при Пидне, и обратили Македонию в подвластную Риму провинцию, обложенную податями в пользу римской общины. Теперь на римлян переходила обязанность защищать Грецию от надвигавшихся с севера варваров, в этих целях римляне устроили некоторые дороги на территории Македонии, но долго не уделяли этой задаче того внимания, какого она заслуживала.

Экономическое и социальное положение Греции после Персеевских войн оставалось таким же, каким было до них, раздражение же против римлян у нового поколения, казалось,

несколько ослабело, но в действительности чувства греков к римлянам оставались прежними, и по совершенно ничтожному поводу проявлялась глубокая вражда первых к последним. В 148 г. глава ахейского союза Диэй из чисто личных побуждений начал вооруженную борьбу со Спартой, нимало не смущаясь, что этим нарушалось гарантированное Римом положение вещей. Сенатская комиссия, присланная из Рима, вступилась за спартанцев и потребовала точного исполнения условий договора. В ответ на это толпа произвела в Коринфе буйство, а все спартанцы, проживавшие в городе, подверглись оскорблениям и были брошены в тюрьмы. С обычно своей умеренностью в отношениях к грекам сенат отправил вторую комиссию, которая предъявила только те же требования, что и первая. Эта комиссия сама подверглась оскорблениям, и ахейский союз формально объявил войну Спарте. Какие побуждения руководили этим движением, можно судить по тому, что одновременно с объявлением войны были приостановлены все иски по долговым обязательствам.

Небольшой отряд из числа римских войск, стоявших в Македонии, немедленно двинулся в Грецию. Ахейский союз выставил войско, по-видимому полное энтузиазма, но оно поспешно отступало перед римлянами, а затем, когда римляне сосредоточили силы уже более значительные, греки вдруг вступили в битву - и быстро потерпели полное поражение, после этого их войско бесследно рассеялось.

Теперь римляне обратили Грецию в провинцию, получившую имя Ахайи. Все союзы в ней были уничтожены, каждая община получила свою территорию и самостоятельное самоуправление, но крайняя демократия повсюду была уничтожена, и во главе всех общин поставлены люди зажиточные. Каждая община обложена была некоторою податью в пользу Рима, наблюдение за управлением отдельных общин и право пересматривать уголовные процессы поручено было наместнику Македонии, в Италию увезено было из Греции довольно много предметов искусства. Римляне и теперь очень мягко обошлись с греками, и только одно дело пятнает их в данном случае, именно разрушение Коринфа: по сенатскому постановлению этот город, первый по торговле во всей Греции, был разрушен до основания, с запрещением восстанавливать его, из жителей многие перебиты, остальные проданы в рабство. Коринфяне, бесспорно, провинились перед Римом, но наказание было чрезмерно жестоко, и единственное объяснение происшедшему можно находить только в предположении, что так поступлено было по желанию купеческой партии, которая начинала оказывать сильное влияние на дела управления и которой было выгодно уничтожить торгового соперника.

Менее проявлялось влияние Рима в Передней Азии. Первые атталиды, благоразумно управляя своим Пергамским царством, высоко подняли его торговлю и благосостояние, а царь Аттал III, последний в роде и по своим беспутствам совершенно не походивший на своих предков, по какому-то странному капризу завещал свое царство Риму (133). Сенат принял это наследство. Побочный сын одного из предшествовавших царей, Аристоник, поднял восстание в свою пользу. В начавшейся войне римляне сначала понесли сильное поражение, в плен попал даже консул, понтифик Публий Лициний Красс Муциан. Чтобы не доставить врагу такого небывалого торжества, как плен консула, он так раздражил схвативших его неприятелей, что они, не зная, кто он, убили его. Однако вскоре римляне одолели претендента, и царство Пергамское обращено было в римскую провинцию под именем Азии. Каппадокия и Понт, государства, соседние с бывшим царством Пергамским, мирно вошли в сферу римского влияния.

В Сирии и Египте не прекращались неурядицы, вызываемые неразрешимыми спорами и притязаниями на права и наследство, поднимавшимися между членами двух царствующих домов, многократно и сложно переродившихся между собою. Одно время сенат внимательнее занялся этими делами и установил свое полное влияние в Сирии, но вскоре энергичный владетель Димитрий Сотер захватил власть в свои руки, римский

уполномоченный был убит - и сенат оставил это дело без всяких последствий... Сирия была глубоко потрясена и расстроена неразумною попыткой Антиоха Эпифана (175-164) быстро и насильственно эллинизировать обширные восточные области своего государства, подобное предприятие было бы, пожалуй, по силам Александру Великому. Антиох же был совершенно не способен провести такое дело, и его необдуманные меры привели лишь к тому, что участились и усилились восстания отдельных племен. Отчасти в силу раздражения против Димитрия Рим признал независимость от Сирии иудеев, восставших вследствие гонений, воздвигнутых против их религии около 161 г.

Важные события произошли на отдаленном востоке Сирии: там все элементы, недовольные попытками насильственной эллинизации, объединились около могущественного племени парфян. Парфянский царь Митридат I (правил приблизительно от 174 до 134) около 154 г. разрушил царство Бактрийское и основал новое, обширное и могущественное государство, простиравшееся от Амударьи и Гиндукуша до Тибра и пустынь Аравии. Это было чисто национальное государство, почти единое по своей этнографической основе, со своим языком, со своей религией, со своим государственным строем, со своею военною организацией, основанною на отличной и многочисленной коннице.

Образование Парфянского государства не только окончательно низвело Сирию в число второстепенных держав, но знаменует поворотный пункт в истории древнего мира: со времени Александра Македонского шло непрерывное наступательное движение народов Запада на Восток, народы Запада владычествовали, и, когда римляне овладели наследием македонского царя, Рим был единым владыкою тогдашнего мира. Теперь, с Митридатом, в мире было два властителя, начался новый период, народы Востока снова двинулись на Запад, это было то движение, которое завершилось утверждением турок в Константинополе и осадю Вены...

Для полноты обзора тогдашнего мира надо сказать несколько слов о морских разбоях. Уничтожение морских соперников Рима имело своим последствием падение римского флота, а это обусловило развитие пиратства. Сто лет тому назад пиратство дало Риму повод к энергичному вмешательству в дела Иллирии, а затем и Македонии, закончившемуся ее покорением. Теперь римляне еще кое-как боролись с пиратами в западной части Средиземного моря, но в восточной предоставили это дело на произвол судьбы, и здесь, при молчаливом попустительстве римской власти и при широком участии римских купцов, пиратство, ловля людей и торговля ими развились в ужасающих размерах. Главными гнездами этого отвратительного, позорного промысла стали Киликия и особенно Крит, единственная из греческих областей, оставшаяся свободною от подчинения римлянам и как бы предназначенная к тому, чтобы показать самыми возмутительнейшими фактами своей внутренней неурядицы, к чему ведет без нравственной дисциплины та свобода, которою так кичились греки.

Таково было положение греко-римского мира пред эпохою Гракхов. Оказалось, что совершенно невозможно ограничить владения римского народа одною Италиєю. Множество окружающих ее земель неотвратно должно было вступить в зависимость от Рима, но не нашлось людей, которые провели бы это неизбежное преобразование всего государственного устройства республики обдуманно, последовательно и твердо. Принимались решения частичные, в зависимости от случайных обстоятельств, и осуществлялись непоследовательно. Помимо сената решали многое отдельные лица, которые поступали нередко неумело и даже бесчестно, но теперь за неудачи и ошибки их уже не преследовали наказания, если только лица эти имели влиятельную родню в Риме. Быстро стало общераспространенным явлением самое бесовестное взяточничество. Особенно широкий простор открыт был всяким злоупотреблениям в провинциях, тем более что теперь их рассматривали именно как доходную статью республики. Расшаталась вся администрация, в

полный упадок пришли и армия, и флот, не являлось уже достаточно желающих служить, и пришлось, к явному ущербу военной организации, ввести систему заполнения армии призванными по жребью. Лагери были наполнены огромным количеством всевозможного нестроевого сброда, римские легионы, прежде столь твердые и грозные, стали теперь походить на войска

восточных владельцев. Гигантскими усилиями завоевал себе римский народ под верховенством своего сената всемирное господство. Вопросы, как удержать это господство, сенату не удалось разрешить.

Глава II. ПОПЫТКА РЕФОРМЫ, ПРОИЗВЕДЕННАЯ ТИБЕРИЕМ ГРАКХОМ. РЕВОЛЮЦИЯ, ПРОИЗВЕДЕННАЯ ГАЕМ ГРАКХОМ

Социально-экономические условия в Римском государстве.- Разрушение класса мелких собственников и увеличение числа рабов.- Необходимость реформ.- Сципион.- Тиберий Гракх.- Его предложения и борьба против новых законов.- Гибель Тиберия Гракха.- Гай Гракх.- Его гибель.- Значение и характер его деятельности

После битвы при Пидне Римское государство в течение приблизительно 30 лет пользовалось почти ненарушимым спокойствием, и современникам представлялось, что оно находится в самом благополучном состоянии. Но могущество, дававшее римлянам возможность почти не заботиться о силе государства, имело тот результат, что стали быстро развиваться недостатки, зародыши которых давно существовали в организме республики. Когда руководящая роль в государстве принадлежит ограниченной группе знатных фамилий, то в минуты серьезной внешней опасности обнаруживаются в ней великие силы и великие таланты, но в мирные периоды такие государства управляются почти всегда близоручно и эгоистично, и в Риме в период глубокого мира руководящею, можно сказать, единственною мыслью правительства было сохранить приобретенные привилегии. Правительство старалось даже вести дела так, чтобы не было ни для кого случая выдвинуться какими-либо подвигами, так как это было лучшим способом избавить себя от необходимости делить власть с новым человеком.

Во внутреннем устройстве Рима за это время были произведены лишь второстепенные изменения, совершенно не затрагивавшие существенных недостатков государства. К занятию высших должностей по-прежнему имели доступ лишь люди одного темного круга, и смена консулов не вносила ничего существенно нового в государственные дела. Высшие должности получались лишь теми, кто усиленно заискивал пред избирателями, и республиканские власти все более и более теряли то высокое значение, которое принадлежало им прежде. В Риме к этому времени определились и соперничали две политические партии: партия оптиматов, которая настаивала, что в государстве решающее значение должны иметь люди, лучшие и по своему знатному происхождению, и по своему экономическому положению, и партия популяров, которая требовала, чтобы главное влияние было признано за большею количественно частью граждан. В политическом отношении обе эти партии были равно ничтожны, ни та, ни другая не имели руководителя, способного охватить все вопросы государственной жизни, выяснить главные недуги государства и отыскать средства к их уврачеванию, и, в то время как государство явно шло к полному упадку, никто не понимал, что опасностью грозят не недостатки политической конституции, а социальные и экономические условия.

Рим падал, потому что один из двух основных факторов, на которые издревле опиралось государство, был в корне разрушен: хозяйство мелких землевладельцев было теперь совершенно подавлено капиталом, который оперировал колоссально развитым невольничьим

трудом. Труд рабов применялся во всех отраслях деятельности: рабы исполняли ремесленные работы, рабы вели обширные предприятия своих господ, управляли банковыми операциями, учили детей. Количество рабов достигло огромных цифр, они закупались массами, и в Передней Азии охота на людей развилась до ужасающих размеров, в самой Италии встречались случаи обращения в рабство свободных людей. Положение рабов и всегда было тяжело, теперь же к ним стали относиться с тем бесчеловечием, какое прежде встречалось лишь в Карфагене, и есть основания думать, что страдания негров в Америке ничтожны по сравнению с тем, что терпели рабы в Риме. С начала II в. в Италии идет почти непрерывный ряд невольничьих восстаний. Восстания эти не прекращались, хотя подавляемы были беспощадными мерами: в 134 г. было, например, казнено до 5000 человек. Особенно сильны и часты были бунты в Сицилии, где в 134-132 гг. правительство принуждено было вести настоящую войну против возмущившихся рабов. Когда, наконец, рабы были усмирены, было казнено больше 20 000 человек - и эту меру тогдашнее общество рассматривало прежде всего как меру, бесцеремонную по отношению к капиталистам, потому что казнь раба причиняла его хозяину материальный ущерб. В то же время несомненно, что многие рабовладельцы сами подстрекали рабов к грабежам и заставляли их этим способом приобретать то, чего им не доставляли хозяева.

Сколь ни были эти бунты неприятны и тяжелы, гибелью государства они, бесспорно, не угрожали, гражданский порядок - создание слишком крупное и мощное, для того чтобы его могли разрушить подобные явления. Огромная опасность для государства заключалась не в этих временных беспокойствах, а в падении класса мелких собственников, которое развивалось параллельно с усилением рабства. В 177 и 157 гг. в последний раз была произведена та раздача неимущим вновь приобретенной земли, путем которой правительство прежде поддерживало мелкое землевладение, и теперь, в период глубокого мира, количество полноправных граждан не только не увеличивалось, а уменьшалось: в 159 г. их было 328 000, а через 28 лет, в 121 г., - всего 319 000. Дальнейшее движение в этом направлении грозило привести к тому, что масса населения Римского государства превратилась бы в рабов, и тогда Риму предстояла бы неминуемая гибель.

Лучшие люди своего времени задумывались о необходимости реформ, и в числе их Сципион Эмилиан Африканский, один из благороднейших и достойнейших граждан, каких имел Рим. Сын Павла, победителя при Пидне, и дочери Сципиона, победителя при Заме, он получил лучшее по своему времени воспитание, отличался ясным, спокойным умом, твердостью характера, высокою честностью и блестящею личною храбростью. Он оказал Риму незабвенные услуги под Нуманцией и при взятии Карфагена, он не только побеждал врагов, но - что было не легче и не менее ценно - он восстановил дисциплину в войсках, донельзя распущенных, он пользовался общим уважением и в Риме, и у греков, и при дворах азиатских царей. Со своим другом, консулом Гаем Лелием, он обсуждал вопрос, нельзя ли вернуть в казну участки государственной земли, находившиеся в давнем пользовании у богатых людей, и раздать эти участки нуждающимся, но затем отказался от мысли поднять этот вопрос, поняв, что он взволнует все страсти, и опасаясь, что такое лечение окажется, пожалуй, опаснее всякой болезни.

Сципион был центром целого кружка выдающихся людей, в числе которых особенно замечательны Аппий Клавдий, консул и цензор, человек смелый и с умом ясным; Публий Красс Муциан, великий понтифик, известный своею широкою образованностью; брат его, Публий Муций Сцевола, ученейший юрист своего времени; наконец, Метелл, победитель Греции и Македонии. Эти люди не разделяли всех опасений Сципиона и досадовали, что он отказался от попытки осуществить задуманную реформу. Особенно увлекся ее идеями двоюродный брат Сципиона, тоже внук победителя при Заме, Тиберий Гракх (163-133). Это был кроткий, ясной души мечтатель, он болезненно чувствовал весь политический, экономический и нравственный упадок гражданства, страстно желал помочь родине и совершенно уверовал в то средство, опасность которого понимал Сципион. Готовность

Тиберия Гракха поднять вопрос о земле стала скоро известна, и на 133 г. он был избран в народные трибуны. Тогда он немедленно внес закон, чтобы все казенные Земли, занятые частными лицами - фактически они все были заняты аристократами,- были отобраны в казну и розданы не имевшим земли гражданам участками по 7,5 десятины. Эти участки должны были оставаться неотчуждаемыми в потомстве того, кто их получал за пользование же ими их владельцы должны были вносить умеренную арендную плату, прежним владельцам предоставлялось сохранить за каждым семейством не более 500 десятин (приблизительно). Для проведения в жизнь закона предлагалось избрать постоянную комиссию из трех лиц.

Когда Гракх внес свой закон, один из его товарищей по трибунату, Марк Октавий, лично находившийся в дружеских отношениях к Гракху, но убежденный в непригодности предложенной меры, воспользовался правом трибуна и своим "veto" не допустил обсуждения нового закона. Тогда Гракх, в свою очередь, остановил все течение дел и запечатал государственную казну. Когда попытка прийти к соглашению не удалась, Гракх внес неслыханное требование - чтобы Октавий как человек, действующий пробив интересов народа, был лишен звания трибуна. Сходка дала свое согласие на такое вопиющее нарушение закона. Октавий был силою удален со скамьи трибунов, полевой закон Гракха после этого был принят, и в комиссию избраны он сам, его брат, двадцатилетний Гай Гракх, и их родственник Аппий Клавдий. Так как консул заявил, что предаст Гракха суду, как только окончится срок его трибунства, то Гракх, вопреки прямому запрещению закона, стал добиваться звания трибуна и на следующий год. Народное собрание, выбиравшее трибунов, не могло закончиться в порядке, а превратилось в свалку между сторонниками и врагами Гракха.

На другой день происходило бурное заседание сената, поведение Гракха страстно обсуждалось, как дерзкое нарушение законов. Гракх в это время обращался на площади к народу, и, когда он показал на свою голову, говоря, что голова его в опасности, в сенат принесена была весть, что Гракх требует себе царского венца... Раздались голоса, что консул должен немедленно приказать убить его, как государственного изменника, а когда консул Сцевола отказался сделать такое распоряжение, консуляр Назика воскликнул, что остается спасать отечество тому, в ком есть мужество, и бросился во главе других сенаторов на площадь с отломанными ножками и ручками сенаторских кресел вместо оружия. Сторонники Тиберия Гракха не решились сопротивляться сенаторам и рассеялись. Бежал и Гракх, но по дороге был настигнут и убит ударом дубины в висок, с ним перебито было до 300 его сообщников. Такого конца гражданской распри Рим еще не видал... Сторонники Гракха подверглись судебным преследованиям, официально было признано, что Гракх погиб за то, что претендовал на царскую власть.

С точки зрения права предложения Гракха не заключали в себе ничего противоконституционного: они по существу своему повторяли Лициниевы законы 367 г. и вполне законно могли быть внесены и обсуждаемы. Раздача казенных земель в принципе была не нарушением государственного права, а его применением. Юридически ничего не значила и давность владения, так как по римским законам давность против государства не имела силы. Но с точки зрения политики дело представлялось не столь простым. Было, во всяком случае, слишком крупным фактом, если бы государство вдруг решило осуществить некоторое свое право полностью, после того как сотни лет совершенно им не пользовалось; а так как очень многие занятые участки были приобретены настоящими их владельцами за деньги, то отобрание их представлялось - да по существу таково оно и было - ограблением богатых в пользу бедных.

Как государственный человек, Гракх допустил огромную ошибку: он совершенно упустил из виду одно обстоятельство, не имеющее большого значения, если рассматривать вопрос принципиально, но чрезвычайно важное, раз принималось практическое решение: он не понимал, что, когда Рим стал уже мировую державою, нельзя было вводить многое из того,

что мог применять в своем внутреннем устройстве Рим, когда был еще небольшою общиною. Гракх упустил из виду, что одно значение, один характер имели решение народного собрания в Риме, когда оно состояло из граждан, которые сами почти непрерывно несли тягость борьбы, необходимой для укрепления государства,- и что другое дело было в его время, когда вопросы решала толпа, в которой люди достаточно развитые и образованные бесследно были затеряны, толпа, доступная самым низменным побуждениям, так как в ней под именем гражданства действовали люди, случайно нахватавшиеся с городских площадей. И когда этим людям он вздумал предоставить возможность решать труднейшие вопросы, да еще обращать в свою личную пользу результаты трудов и бережливости многих поколений, тогда, сам того не сознавая, он вступил на тот путь, который мог вести никак не к развитию народной свободы, а к деспотизму или, в лучшем случае, к монархии. Всего этого Тиберий Гракх совершенно не понимал: он думал, что ведет народ к свободе, когда дело шло уже явно к монархии, и если он, как это, по-видимому, и было, вовсе и не мечтал о царской власти, то это не заслуга его, а, скорее, вина, так как это свидетельствует, что во всей глубине того вопроса, который он ставил, он не понимал. Впрочем, против попытки провести даже и такой закон у римского правительства были и способы, и привычка бороться законным путем, и Гракх навлек против себя ненависть и погиб не потому, что внес опасное для аристократии предложение, а потому, что, проводя его, он не остановился перед насилием над трибуном, т. е. пред явно революционными средствами, пред явным попранием других законов.

С гибелью Тиберия Гракха дело его не погибло. Группа аристократов, сочувствовавших его плану, энергично продолжала работу комиссии: в течение 4 или 5 лет не менее 75 000 человек получили вновь участки земли и внесены были в списки граждан. Комиссия действовала не только беспощадно, но, можно сказать, агитаторски: все споры разрешались всегда против крупных владельцев. Наконец, когда комиссия добралась до земель, находившихся в пользовании не римлян, а латинов, и стала их раздавать только римским гражданам, это вызвало столь сильное раздражение среди союзников, и без того тяготившихся своим неполноправным положением, что Сципион Эмилиан счел долгом вмешаться в дело: когда к нему обратились некоторые латинские общины с просьбою о защите, под его влиянием народное собрание в 129 г. приостановило действия комиссии. Сципион должен был сделать в сенате доклад по земельному вопросу - и утром того дня Сципион был найден задушенным в своей постели. Несомненно, это была месть партии Гракхов, но кто именно убил первого государственного человека своего времени, одного из лучших сынов Рима,- осталось навсегда неизвестным. Всю свою жизнь, на поле брани и в сенате, Сципион бескорыстно и самоотверженно служил Риму, и в своей скромной спальне этот благороднейший гражданин так же умер за родину, как если бы он пал под стенами Карфагена...

Со смертью Сципиона возобновились смуты и борьба. Один из первых городов Италии по своей торговле, Фрегеллы, поднял в 124 г. даже открытое восстание, оно, впрочем, было быстро подавлено и город разрушен.

На политическую арену теперь выступил младший брат Тиберия Гракха, Гай (153-121). Это был человек высокочудотворенный, с умом истинно государственным, с энергичным, страстным темпераментом - и всю свою душу вложил он в борьбу, преследуя две одинаково поглощавшие его цели: отомстить ненавистному правительству, сгубившему его брата, и возродить отечество новою конституциею.

Гай выступал с обдуманном планом реформ и прежде всего обеспечил себе большинство в народном собрании: выбранный в трибуны, он провел закон, в силу которого каждый гражданин, проживающий в Риме, имел право получать на каждого члена своей семьи по 2 приблизительно пуда хлеба в месяц по совершенно ничтожной цене. Это привлекло в Рим на постоянное жительство большое число бедных граждан, и вся их масса усилила партию

Гракха. Раздача участков земли была, конечно, возобновлена, но, собственно говоря, это было сделано лишь из принципа, так как свободных участков в Италии уже не оставалось и раздавать было нечего. Зато Гай Гракх первый решил выводить колонии граждан за море и обдумывал план основания большой колонии на месте Карфагена. Затем Гракх провел ряд мер, облегчавших все еще суровую военную службу, и ввел смягчения в уголовное право. Эти меры были удобны для толпы и привлекали к Гракху столько же сторонников, как и его хлебные законы. Наконец, Гракх чувствительно ослабил властвующую знать. Знать эта распалась на два круга: круг аристократических фамилий, из которых выходили сенаторы и все высшие должностные лица республики, и круг богатых фамилий, всадников, которые вели огромные предприятия на всем пространстве римской гегемонии. Эти два круга довольно часто сталкивались между собою, особенно в провинциях, где властвующая аристократия все-таки оказывала защиту провинциалам против денежной аристократии, безжалостно притеснявшей их. Гракх нашел средство разъединить эти два круга: он провел закон, в силу которого в царстве Пергамском, только что присоединенном к Риму, сбор всех податей был предоставлен только всадникам, с исключением всех провинциалов, при этом крупные денежные предприятия были поставлены под менее строгий контроль сената, чем это было прежде,- это обеспечило Гракху поддержку всадников. Затем он провел новый закон, по которому присяжные во все суды, уголовные и гражданские, выбирались исключительно из сословия всадников. Благодаря этому высшие правительственные лица, а главным образом отбывшие свой срок в провинциях, подлежали суду уже не своих сочленов, а людей, ревниво относившихся к правящим кругам. Аристократия была, таким образом, разъединена, и приняты были меры, чтобы раздоры в ее среде постоянно поддерживались.

После всего этого Гай Гракх начал ограничивать власть сената и в делах управления. Согласно постановлениям народного собрания за сенатом сохранено было право распределять дела между консулами, но постановлено, что распределение должно быть сделано до выбора консулов. В отношении судебном значение сената, уже очень ослабленное учреждением всаднических судов, было еще понижено законодательным запрещением для каких-либо дел назначать специальные судные комиссии.

Затем мало-помалу, то отдельными постановлениями, то просто благодаря своей неутомимой деятельности, Гракх сосредоточил в своих руках раздачу хлеба, раздачу земель, наблюдение за выбором присяжных и даже консулов, наблюдение за путями сообщений и общественными постройками, наконец, даже руководство прениями в сенате,- вообще, Гракх постепенно приучал народ видеть во главе управления одни лицо, а не коллегию.

Гракх, несомненно, проводил определенный план реформ, план, клонившийся к уничтожению владычества аристократии, и, поскольку он успевал в своем намерении, он приближался к установлению монархии. Иной формы правления невозможно было применить, если низвергнуть аристократическое правительство, потому что Рим далеко перерос уже возможность управляться первичными сходками граждан, а представительных учреждений древность не знала. Только политические мечтатели древности и нового времени могут говорить о республиканских тенденциях Гракха: он явно шел к захвату монархической власти, и, зная положение дел в тогдашнем Риме, его нельзя за это и винить.

План был замечателен во многих отношениях, но Гракху не удалось в своей деятельности избежать противоречий, настолько крупных, что они лишили его дело необходимой прочности. Гракх боролся с распространением среди граждан бедности - а раздачу хлеба способствовал развитию в столице тунеядства бессмысленной и продажной толпы; он преследовал злоупотребления и продажность чиновников - а суды сознательно организовал так, что было очень мало гарантий их справедливости, и для привлечения всадников ввел в Азии самую бессовестную систему собирания податей; он восставал против произвола властей - а сам сосредоточивал в своих руках власть совершенно противозаконными путями. Тяжелые последствия ошибок Гая Гракха отзывались на всей последующей истории Рима,

но нельзя не признать и того, что он вступил на все те пути, которыми впоследствии шел и Цезарь, когда воссоздавал Римское государство: от Гракха идет идея, что все земли подвластных общин составляют собственность государства; Гракх первый применил ту тактику, какую применяли впоследствии все основатели монархии: разбивать властвующий слой, опираясь на материальные интересы масс, и затем, установив строгую и целесообразную администрацию взамен царствовавшей прежде неурядицы и слабости, узаконить в глазах общества совершившуюся революцию; от Гракха, наконец, ведет свое начало чрезвычайно важная идея о необходимости примирительного сближения граждан и покоренных.

В конце второго года своего трибуната Гракх предложил даровать всем латинам римское гражданство, а всем италийцам право латинского гражданства. Один из трибунов задержал обсуждение его своим «veto», и Гракх не решился настаивать на своем предложении. Это была первая неудача смелого новатора. Когда народное собрание не поддержало вопроса о гражданстве для союзников, враги Гракха поняли, что городская чернь голосовала с Гракхом не вследствие сочувствия его идеям вообще, а потому, что он вносил законы, непосредственно выгодные этой черни. Тогда явился план на этом же пути погубить опасного противника.

Во время отсутствия Гракха в Риме был составлен ряд законопроектов, которые сулили гражданству далеко большие выгоды, чем все меры, проведенные Гракхом: предложено было все мелкие, недавно розданные участки освободить от всяких податей в пользу государства, сделать их полною, отчуждаемою собственностью их владельцев и вместо вывода колоний за море основать 12 новых колоний, по 3000 человек каждая, в самой Италии, наконец, раздать гражданам и все земли латинов. Несмотря на всю несообразность этих законов, так как во всей Италии не было уже столько нерозданной еще земли, сколько требовалось бы на 12 колоний, законы эти были на сходке приняты, а затем противникам Гракха удалось устроить так, что на третий год он в трибуны уже не был избран.

Немедленно же был поднят вопрос о самой полезной и самой непопулярной мере Гракха - об основании колонии в Африке, на месте Карфагена. Настроение обеих партий было столь напряженное, что во время жертвоприношения перед голосованием вспыхнула по совершенно ничтожному поводу ссора и один из сторонников Гракха убил ликтора. Весь город немедленно вооружился. На следующий день сторонники Гракха укрепились на Авентине, сенат собрал войска. На второй день начались переговоры: аристократия требовала безусловной покорности, сторонники Гракха желали предварительно некоторых обещаний. Тогда войска были двинуты на приступ. Ряды приверженцев Гракха быстро поредели, когда было объявлено, что все, кто оставит бунтовщиков до начала действий силою, получают полное прощение. Авентин без особого труда был взят штурмом, причем перебито было до 250 человек. Гай Гракх хотел заколоться, но друзья потребовали, чтобы он попытался спастись, и двое из них прямо пожертвовали жизнью, чтобы дать ему время бежать. Гракх скрылся в роще за Тибром, но во время бегства он повредил себе ногу, и на следующий день пребывание его было открыто. Тогда сопровождавший его раб, грек, по его приказанию убил его, а затем покончил и с собою.

Так погибли в революции три великих римлянина, последние потомки победителя карфагенян,- Сципион Эмилиан и братья Гракхи. Память Гракхов официально была осуждена, народ же чтит ее благоговейно и поклонялся местам, где они были убиты. Историк трудно произнести окончательный приговор об их деле, но никто не откажет в признании величия характеров этих деятелей и чистоты побуждений и в самых их ошибках.

Глава III. ПЕРВАЯ РЕСТАВРАЦИЯ. НАЧАЛО БОРЬБЫ РИМЛЯН С СЕВЕРНЫМИ НАРОДАМИ

Управление сената после гибели Гракхов.- Война с Югуртою.- Полный распад властвующей знати.- Появление на политической арене Мария и Суллы.- Завоевания римлян за Альпами.- Нашествие кимбров и тевтонов и отражение их Марием

После смерти Гая Гракха сенат восстановил утраченные права как бы само собой: официально ведь он не был отменен и в данную минуту только сенат и мог взять дела в свои руки. Наступила реставрация прежнего порядка вещей, насколько, впрочем, это было возможно без опасения вновь вызвать резкое противодействие. Ближайшие сторонники Гракхов, в числе их даже и те, которые обнаруживали полную готовность примириться с отказом от их политики, были осуждены и погибли или удалились. Но вообще правительство обнаруживало большую склонность быть угодным черни, тем более что жертвовать приходилось только интересами государства, а выгоды своей партии оказывалось возможным сохранить.

Устройство сборов в Азии и хлебная раздача остались так же, как были при Гракхе. Не коснулся сенат и розданных земельных участков, мысль об уравнивании прав латинов и союзников с римлянами была оставлена: реставрация упрямо держалась устарелого принципа, что Италия должна остаться господствующей землей, а Рим - господствующим городом Италии; отказались и от основания колоний за морем; вместо обещанных двенадцати колоний в Италии была основана лишь одна, но розданные участки земли остались свободными от всяких уплат в казну и отчуждаемыми: последнее условие могло ведь быть снова обращено к выгоде знати; вместе с тем все оккупированные земли были признаны полною собственностью своих владельцев, так что новое отобрание земель делалось уже невозможным, но постановлено было, что впредь казенные земли могут быть отдаваемы лишь в аренду или должны оставаться общественным выгоном. Всаднических судов аристократия не посмела коснуться, - хотя и с большим неудовольствием, но она несла эти цепи, наложенные на нее Гракхом. Вообще, в угоду городской черни реставрация отвергла именно то, что было действительно полезного в начинаниях Гракха, и подчинилась тому, что было тяжело аристократии, но чем дорожила толпа. Революция, произведенная Гракхом, осветила, как молния среди ночи, ту пропасть, к которой аристократия привела государство, и теперь сенатское правительство с трепетом перед опасностью, с ненавистью к своим врагам стояло у этой пропасти, судорожно цепляясь за отживший, негодный порядок. Трудно представить себе собрание людей более ничтожных, мелких и бесцветных, чем те, кто заседал теперь в сенате, бездарность была словно обязательна для того, чтобы занять видное положение. Правительство этого периода представляет собою идеал дурного правительства. Социальные и экономические явления обнаружили скоро, к чему должна прийти страна при таком порядке.

Отчуждаемость розданных участков земли имела следствием, что они стали исчезать с поразительною быстротою, переходя в руки богачей, обеднение распространилось повсюду, повсюду снова усилился рабский труд, а за этим тотчас снова начались и восстания рабов. Предводителем одного восстания в Италии в 104 г. был разорившийся всадник Тит Веттий, принявший титул царя. В то же время в Сицилии вспыхнуло почти поголовное восстание рабов, восставшие провозгласили среди себя двух царей и до известной степени организовали свое государство, власть Рима на острове была восстановлена только после упорной пятилетней войны (100). Еще ужаснее было положение в отдаленных провинциях на востоке, где административные лица из страха пред всадническими судами прикрывали все самые вопиющие злоупотребления сборщиков податей и сами принимали в них участие. Снова со страшною силою развились морские разбои, и в 102 г. пришлось вести с пиратами настоящую морскую войну.

Но ни в чем не выразилось яснее все падение римской администрации, как в сношениях и войне с нумидийским владетелем Югуртою. Царство Нумидия, значительнейшее из всех римских вассальных государств, узкою полосой охватывало с запада, юга и востока римскую провинцию Африку. Преемник Массиниссы, слабый царь Миципса, усыновил побочного сына одного из своих умерших братьев, Югурту, чрезвычайно талантливого юношу, и, умирая (около 121 г.), поделил свое царство между двумя своими сыновьями, Гиеспалом и Адгербалом, и Югуртою. Между тремя новыми царями скоро возникли несогласия, а затем и междоусобия, во время которых Гиеспал был убит, а Адгербал должен был бежать и обратился с жалобой в Рим. Югурта не пожалел золота - сенат постановил поделить наследство Миципсы между Адгербалом и Югуртой и произвел раздел явно в пользу Югурты. Через несколько лет Югурта опять затеял войну, и Адгербал, осажденный в своей столице и доведенный до крайности, умолял сенат о защите. Одна вслед за другой явились в лагерь Югурты две сенатские комиссии, но Югурта, не обращая на них никакого внимания, овладел столицей Адгербала и предал казни и его, и множество италийцев, оказавшихся при нем в качестве наемников и даже просто живших в столице по торговым делам.

Италия вознегодовала. Сенат тщетно пытался замять дело, под угрозами одного из трибунов ему пришлось объявить Югурте войну. Сильное войско переправлено было в Африку - но вдруг его главнокомандующий заключил с Югуртою мир на условиях, прямо почетных для непокорного вассала. Было совершенно ясно, что мир был продан за деньги. Это вызвало такой взрыв негодования, что пришлось начать судебное расследование дела. Сам Югурта был приглашен в Рим, чтобы дать необходимые разъяснения. Он явился, народ встретил его с едва сдерживаемой яростью, но едва к Югурте был обращен первый вопрос о сношениях его с римскими полководцами, как один из подкупленных им трибунов своим «veto» запретил ему отвечать... В скором времени один из приближенных Югурты в самом Риме убил внука Массиниссы, возможного претендента на престол Нумидии, и затем, с помощью Югурты и его золота, бежал из Рима. Такого наглого поведения не могли снести даже тогдашние римляне. Югурта был выслан из города, и против него снова начата война. Но первого главнокомандующего Югурта подкупил, так что он долго бездействовал, а новый неосмотрительно предпринял отдаленную экспедицию и, потерпев полное поражение, принял мир на условии, что Нумидия будет очищена римлянами, Югурта признан царем и что римская армия пройдет под виселицей.

Это вызвало новый, еще более острый взрыв общественного негодования. Целый ряд деятелей, причастных к сношениям с Югуртой, был предан суду и изгнан из города. Главные заправилы, впрочем, все-таки избежали суда, но на этот раз сенат должен был приняться за войну серьезно. Главном командующим был назначен Квинт Метелл, представитель одной из знатнейших фамилий, недурной воин и администратор и - главное - человек неподкупный. Помощниками себе он взял не родовитых, а талантливых офицеров, Рутилия Руфа и Гая Мария, особенно выдавался последний, начавший службу простым легионером и достигший высших отличий только своими заслугами.

Прибыв в Африку в 109 г., новые начальники прежде всего реорганизовали армию, распушенность которой достигла невероятной степени. Попытки действовать подкупом теперь не удалось Югурте, а в следующем году римляне одержали большую победу над нумидийцами при реке Муфуле, причем особенно отличился храбростью и распорядительностью Марий. Югурта, впрочем, сохранил свое обаяние над африканцами, которые видели в нем возможного восстановителя своей независимости, он избегал теперь крупных сражений, и римляне не могли достигнуть никакого сколько-нибудь решительного успеха. В союз с Югуртой вступил его родственник, могущественный царь Мавритании Бокх,- впрочем, он играл двусмысленную роль и поддерживал сношения и с Метеллом, который склонял его к выдаче Югурты.

В это время Марий вздумал выступить кандидатом в консулы. Ничего несогласного с конституцией в желании его не было, заслуги его были неоспоримы, он не был и врагом аристократии. Но правящая олигархия, и в числе ее представителей и Метелл, встретила намерение Мария с нескрываемым презрением. Олигархи положительно оплевали его как выскочку и вселили в сердце этого храброго, но и грубоватого человека чувство глубокой и едкой обиды. Когда он, с трудом добившись от Метелла отпуска, прибыл в Рим, чтобы поддерживать свою кандидатуру, он оплатил своему начальнику резкою критикою его действий и внушил толпе уверенность, что он, Марий, давно бы захватил Югурту и покончил бы несчастную войну, которая уже очень наскучила в Риме и вызывала, как обыкновенно бывает при продолжительной войне, всегда равно нелепые толки, будто командиры умышленно затягивают дело. Марий был избран в консулы огромным большинством голосов, и, вопреки постановлению сената, что главнокомандующим в Африке остается Метелл, народное собрание поручило ведение войны Марию.

В 107 г. Марий вступил в командование армиею. Он совершил несколько замечательных в военном отношении походов, но конечная цель - захват Югурты - оставалась недостигнутою в течение двух лет. Мало того, Бокх готовился заключить с Югуртою новый и более тесный союз. В переговорах с Бокхом принимал участие молодой, знатный офицер, Люций Корнелий Сулла, многократно отличившийся и в боях. Бокх возымел к нему особенное доверие и намекнул, что Югурта может быть выдан, если в лагерь царей явится Сулла один, без свиты, как бы для тайных переговоров. Марию очень не хотелось поручать такое дело аристократу, который своими дарованиями выдвигался решительно на первое место. Опасно было и для Суллы довериться вероломным африканцам, но после некоторого колебания Марий, чтобы покончить наконец войну, предложил Сулле эту миссию, и тот немедленно ее принял. Смело явился он во вражеский стан и произвел такое впечатление на Бокха, что тот решил Югурту с детьми выдать Сулле и в цепях вступил в Рим в 104 г. в день триумфа Мария. Заключенный в подземную темницу Югурта скоро умер, - весьма возможно, что насильственной смертью. Римляне не обратили Нумидию в провинцию, потому что очень нелегко было ею управлять; часть Нумидии отдана была Бокху, в другой поставлен царем слабый и бездарный нумидийский князек, Гауда.

Так окончилась эта бесславная семилетняя борьба против возмущившегося вассала, борьба, обнаружившая и всю гнусность правительства, и всю ничтожность оппозиции, которая была не лучше правительства. Не умиротворение, а новые смуты сулил теперь Риму мир. Озлобленный Марий кипел гневом, когда говорили о заслугах Метелла - во всяком случае неоспоримых; аристократия желала унижить Мария и усиленно выдвигала заслуги Суллы, действительно большие, и приписывала ему всю честь победы, что было несправедливо; политика здесь перемешивалась с вопросами войны, и чувствовалось, что недалеко время, когда вопросы политики будут разрешаться прямо военной силой.

Мы должны теперь обратиться на несколько лет назад и рассмотреть политические и военные события за Альпами, тесно связанные с внутреннею борьбою в Риме: проекты Гая Гракха основать колонии вне Италии заставили римлян искать земель за Альпами. Здесь вечно были в движении великие массы народов, временами напоминавшие Риму, что он не один хозяин земли. Оверни были главным племенем могущественной, но раздробленной нации кельтов. Двинувшись к северу, римляне напали сначала на несколько слабых племен, мало-помалу в борьбу против римлян вступали и другие племена, но не могли остановить их успехов, а в 121 г. консул Агенобарб разбил соединенные силы двух главнейших племен, аллоброгов и арвернов. Область между Западными Альпами и Пиренеями была завоевана и обращена в римскую провинцию, под именем Нарбонны. Сюда потекло римское население, здесь начиналась оживленная торговля. С падением Гракха, однако, дальнейшие завоевания в этих странах остановились.

В области Восточных Альп римляне утвердились еще в 183 г., с основанием Аквилеи. Но

владычество их здесь не простиралось в глубь страны. В 156 г. сухопутные и морские разбои дельматов (в Далмации) заставили римлян послать войско, чтобы установить здесь свою власть прочнее: с подчинением Македонии на римлян перешла естественным путем обязанность охранять от диких племен всю северную границу Македонии и Элладу. И в этих областях жили разные кельтские племена. Некоторые из них, более слабые и пограничные с римлянами, давно были усмирены, но гельветы, бойи, тауринги, карны - в нынешних Швейцарии, Тироле и Каринтии - оставались независимы и отдельными толпами нередко производили дерзкие и разорительные набеги на селения Северной Италии. Восточное, в нынешней Кroatии, Боснии и Сербии, жили япиды, скордиски, трибаллы, часто нападавшие на Македонию и Фракию.

В слабое правление реставрации римляне ограничивались также набегами, которые являлись более мезтью, чем планомерною обороною границ. В 143-110 гг. было совершено в эти области несколько походов, которые доставили много триумфов консулам, но мало пользы делу. Продолжительною борьбою с римлянами кельты были, однако, так ослаблены, что не могли уже оказать достаточного сопротивления кимврам - германскому племени, которое двинулось со своих прежних жилищ на берегу Балтийского моря; темное, но не невероятное предание говорит, будто побудило их к этому страшное морское наводнение. Кимвры отличались дикою, неукротимою храбростью, смерть в бою почиталась у них единственною достойною свободного человека. Они долго бродили с женами, детьми и со всем домашним скарбом по пространствам нынешней Германии и Австрии и в 113 г. впервые столкнулись с римлянами у Аквилеи.

Римское имя пользовалось таким уважением, что кимвры не напали на легионы, а согласились удалиться из римских пределов по указаниям данных им проводников. По тайному приказу консула проводники эти завели варваров в засаду, где на них и напал консул Карбон. Он был, однако, отбит с большим уроном. После этого кимвры двинулись на запад, перешли Рейн и в 109 г. встретили около области аллоброгов другую римскую армию. Они просили у консула, чтобы Рим дал им место для поселения. Таковую просьбу в тогдашних римских областях почти невозможно было удовлетворить, и консул предпочел перебить пришельцев. Он неожиданно атаковал их - и снова римляне потерпели поражение, и снова кимвры не двинулись на Италию, а повернули бродить по Галлии. Было ясно, что надо ждать новых встреч с врагом, и римляне имели время приготовиться, но никто из консулов не хотел принимать на себя этих серьезных вопросов, а всякий предпочитал заниматься грабежом в союзных областях.

В 105 г. кимвры сошлись с римскою армиею на берегах Роны у Аравзиона (ныне Оранж). Вследствие неумелости римских вождей и взаимного их зложелательства римляне понесли в новой битве такое страшное поражение, которое можно сравнить только с поражением при Каннах: римская армия была истреблена вся, число убитых и утонувших в Роне превышало 100 000 человек. После целого ряда поражений Италия была беззащитна, и от страшных бедствий она спаслась совершенно случайно, благодаря тому, что кимвры опять двинулись на запад и ушли за Пиренеи.

Римское общество было напугано и потрясено. Для обороны решены были те же экстренные меры, как после битвы при Каннах, но не с прежнею твердостью, не с прежнею выдержкою становились теперь римляне на защиту родины, и едва выяснилось, что непосредственно нашествие не грозит, как в столице занялись не военными приготовлениями, а мезтью истинным или предполагаемым виновникам поражений. С нарушением законного порядка были возбуждены уголовные процессы против консула Цепиона и других. Под давлением разнузданной толпы, которая разгоняла трибунов и камнями швыряла в сенаторов, были постановлены против обвиняемых суровые приговоры.

Однако этого было мало, необходимо было серьезно заняться устройством военных сил ввиду неизбежной необходимости отразить кимвров. Теперь во главе армии был поставлен

Марий, и пять лет подряд избираем был он в консулы. Как ни бесспорны его заслуги в Югуртинской войне, они все-таки не могут объяснить такого беспримерного, небывалого отличия, такого нарушения конституции: оно объясняется тем, что Марий был враждебен аристократии, и его выбирали потому, что избрание это рассматривалось как щелчок, даваемый правительственной партии. Впрочем, в новой своей должности Марий оказался вполне на высоте задачи. Он реорганизовал армию, обучил солдат, восстановил дисциплину, восстановил даже воинский дух. Многим племенам на севере Италии, начавшим уже колебаться в верности Риму, он нанес сильные удары и привел их в полную покорность.

Кимвры между тем из Испании прошли по берегу океана на север, все побеждая на своем пути, затем соединились с германским же племенем тевтонов и решили, наконец, вторгнуться в Италию, причем решено было, что кимвры пойдут через Восточные Альпы, а тевтоны - через Западные.

У впадения Изеры в Рону тевтоны нашли Мария в укрепленном лагере. С бешеною отвагою они три дня штурмовали окопы римлян, но были отбиты. Тогда они потянулись к югу, в Италию. Шесть дней проходили они в виду лагеря, Марий не решался выступить из окопов, пока силы врагов были сосредоточены, но, когда они растянулись, он пошел следом за ними, на полях у Акв Секстийских настиг варваров и нанес им полное поражение в 102 г. Здесь перебиты были все мужчины, женщины и дети, все племя тевтонов было истреблено, можно сказать, до последнего человека.

Кимвры в это время уже проникли в Италию, римские отряды бежали пред ними в паническом страхе. Пришельцы заняли левый берег По и расположились на зимние квартиры. Марий поспешил сюда и летом 101 г. во главе 50 000 армии встретил врагов у Верцелл, на том самом месте, где впервые сразились римляне с Ганнибалом. Кимвры предложили не начинать битву врасплох, а назначить для нее день, Марий согласился. Битва произошла 18 июля 101 г. Она была упорна и окончилась полнейшим поражением варваров. Племя кимвров все погибло в этом сражении, последние из них доживали свой век рабами в цепях, за плугом.

Искусством Мария и мужеством войска, в рядах которого в дни последних сражений одинаково храбро бились и рядовые пахари, и знатнейшие аристократы, нашествие варваров было остановлено. Новая эпоха всемирной истории начиналась этою борьбою: на всемирную сцену выступило новое племя. Но современники этого не сознавали. Для них все заслонялось тем фактом, что явился победоносный вождь, человек, вышедший из народа, враг правящей партии, и часть общества со страхом, часть, и большая, с надеждой задавали себе вопрос: не Марий ли наконец тот человек, который сломит правительство и организует государство на новых началах?

Глава IV. НОВАЯ ПОПЫТКА ПРОИЗВЕСТИ РЕВОЛЮЦИЮ. ПОПЫТКА ПРОИЗВЕСТИ РЕФОРМУ

Марий, его характер, его положение среди партий.- Союз Мария с демократами.- Марий и его сторонники у власти.- Разлад между ними.- Гибель крайних демократов.- Усиление партии сената.- Попытка Друза и его смерть

Гай Марий родился в 155 г. Он был сыном бедного поденщика, вырос за плугом и не получил решительно никакого образования. Едва достигнув возраста, дававшего доступ на военную службу, он, по склонности к ремеслу солдата, поступил в рядовые и выдвинулся в Нумантинской войне под начальством Сципиона. Затем ревностною службой он постепенно повышался в чинах, в войне с Югуртой занимал уже одно из первых мест в армии и окончил эту войну как главнокомандующий. Когда он победил кимвров и тевтонов, он

действительно, можно сказать, спас Рим.

Блестящим военным талантом Марий не был: он был способным, опытным военачальником, прекрасным организатором, обладал большой личной храбростью, был справедлив и совершенно неподкупен. По своим вкусам он всегда оставался человеком грубоватым, с привычками и потребностями, пожалуй, даже чрезмерно простыми. В Риме после отражения северных варваров он занял совершенно исключительное положение: никто ранее не пользовался такою популярностью, какова была популярность Мария, и почти помимо своей воли, незаметно для себя он оказался во главе партии, стремившейся к реформам.

Желательный путь реформ Марий если и представлял себе, то лишь очень смутно. Возможность занять высшее положение, стать если не народным вождем, то главою государства, отуманивала и увлекала этого простого, но не лишённого честолюбия человека, хотя он о высших почестях мечтал как простолюдин, которому лестно пользоваться всем почётом, какой доступен господам, а не как государственный муж, который стремится к высшей власти потому, что чувствует себя способным управлять людьми, но обстоятельства сложились так, что могли увлечь человека и более рассудительного, чем Марий. В сущности, все значение Мария объясняется тем, что в его распоряжении оказалась новая огромная сила - армия, им совершенно реформированная и слепо ему преданная.

К тому времени, о котором мы теперь говорим, прежнее устройство войска, основанное на обязательной службе всех граждан, имевших известный имущественный ценз, стало непригодным: с одной стороны, многие из обеспеченных граждан стремились уклоняться от службы, с другой - создались целые группы людей, положение которых было так плохо и не обеспечено, что для них выход в солдаты был не тягостною повинностью, а представлялся желательным. Кроме того, выяснилось, что важна и лучшая специально воинская выучка отдельных солдат. Марий понял, что армия Рима нуждается в коренной реформе, и провел эту реформу. Сущность ее - скажем, не вдаваясь в подробности, - заключалась в замене системы призыва системою вербовки, в уничтожении на службе разных устарелых подразделений и в уравнивании всех солдат как по их обязанностям, так и по возможности повышаться лишь своими заслугами. Эта реформа, по виду чисто военная, имела глубокое политическое значение: раньше солдатом был гражданин, который имел дома свои интересы и к ним возвращался, отбыв срок службы, - теперь возникло особое военное сословие, у членов которого главным интересом была служба, которые были связаны всего более с личностью командующего и почти неизбежно должны были получить склонность более сохранять верность своему начальнику, чем законам. Создавалась сила, которая легко могла приобрести значение, какого прежде легионы во внутренней истории Рима не имели. Эту новую силу в руках Мария все если не понимали, то чувствовали, и при глубоком и всеобщем недовольстве положением дел в государстве, когда все общество ждало, чтобы явился человек, способный завершить начатое Гракхами обновление государства, все, и в числе их и сам Марий, стали думать, что к этой великой задаче призван именно Марий, человек из народа, победоносный вождь и неподкупный администратор. Самому же Марию дело ниспровержения государственного строя, существовавшего уже 400 лет, органически сросшегося со всем укладом римской жизни, представлялось гораздо легче, чем оказываются все подобные предприятия в действительности.

Около Мария скоро сгруппировались все оппозиционные элементы, и он, под влиянием нескольких горячих голов и беззастенчивых краснобаев, вообразил, что сможет провести реформу даже без участия войска, просто с демократическою партией. Партия давала ему идеи, он давал свое имя, свою популярность, свое влияние.

Двадцать пять лет уже существовала в Риме демократическая партия и выставляла себя хранительницею заветов Гая Гракха, но это было с ее стороны самообольщение. Демократия не имела нового гениального вождя, который был бы способен на основах, указанных

Гракхом, самостоятельно выработать план реформ, удовлетворявших потребностям государства в том виде, как они определились в данное время. Римская демократия все повторяла старое и сама стала почти столь же безжизненной, мертвенной, как и та правительственная партия, на которую демократия так нападала. Было очевидно, что и демократы были настолько же ниже задач, связанных с управлением государства, как и партия сената. Оппозиция сенату стала совершенно обычным явлением, чуть не требованием хорошего тона. Молодые люди горячо проповедовали реформы и громили сенатское правительство, а затем, достигнув зрелого возраста, те же бывшие пылкие поборники прав народа пристраивались к какому-нибудь выгодному месту и спокойно действовали в полном согласии с тою правительственной машиною, которую так пышно и громко порицали.

Как всегда бывает при отсутствии истинных дарований, вождями партии делались люди, решительно ничего не имевшие терять ни в смысле положения, ни в смысле чести. В описываемое время наиболее влиятельными между демократами были Главция и Сатурнин, горячие ораторы, увлекавшие толпу, но люди совершенно беспринципные и вовсе не способные даже уяснить себе важнейшие потребности времени, не говоря уже о том, что они совсем не были склонны вырабатывать и строго обдумывать меры, какими можно было бы исцелить государство. В союзе с Марием они решились провести реформы, которые давно и чуть не обязательно почитались за необходимые и спасительные. На 100 г. Марий выступил кандидатом на должность консула, Сатурнин - трибуна, и Главция - претора. Выборы прошли бурно, сопровождалась схватками на улицах и даже убийствами, но союзники достигли намеченных мест. Они немедленно внесли законы: об уменьшении цены на хлеб, раздававшийся в Риме (она и прежде была значительно ниже рыночной стоимости хлеба, теперь же предполагалось понизить ее впятеро), об устройстве колоний, в которых солдаты, отслужившие срок, получали бы участки втрое большие, чем предполагалось раздавать при Гракхе, и об уравнении людей латинского права с римскими гражданами. Предложения эти вызвали страстный отпор, на улицах происходили чуть не битвы, но в конце концов проект получил силу закона.

Однако этот успех демократической партии был началом ее падения. Прежде всего в ней самой произошел раскол: Марий увидел, что его союзники более навязывали, чем проводили, свои решения, что они воспользовались только его именем, а ту руководящую роль какую он хотел сам играть, захватили в свои руки, кроме того, он искренно возмущался неблагоприятными приемами их в борьбе. Главция и Сатурнин, со своей стороны, были недовольны Марием за его нерешительность, колебания и испытывали досаду, видя, что только сторонники Мария доставили им успех, и поняв из этого, что их значение должно будет пасть, как только они разойдутся с Марием Противники же демократии в ее торжестве почерпнули новые силы Идеям демократии многие сочувствовали искренно. Не видя, как их осуществить, эти люди верили, что в программе демократии все было исполнимо и полезно, В своем увлечении Марием они верили и в то, что он разрешит все наболевшие вопросы, теперь, увидав, что руководящая роль в руках не Мария, а Главция и Сатурнина, все эти люди совершенно отшатнулись от партии. Демократию, между прочим, сильно поддерживали всадники, принципиально боровшиеся против сената, но они вовсе не были склонны вести дело так далеко, и теперь, когда почти даровая раздача хлеба грозила казначейству банкротством, они, чтобы охранить свои материальные интересы, примкнули и партии сената.

Сатурнин и Главция решились теперь на отчаянную попытку: они попробовали во что бы то ни стало удержать власть в своих руках, надеясь упрочить свое дело. Они выставили на следующий год свою кандидатуру на высшие должности и не останавливались пред средствами, чтобы достигнуть успеха. Дошло до того, что их сторонники открыто убили кандидата противной партии. Тогда сенат потребовал от Мария, чтобы он, как консул, восстановил порядок и законность Требование было так основательно, что отклонить его было невозможно, - и Марию пришлось употребить силу против своих же союзников. После

настоящей битвы популярны были оттеснены на Капитолий и голодом принуждены к сдаче. Они не стеснялись громко обвинять Мариа в измене своим прежним друзьям, Сатурнин и Главция, еще один трибун и один квестор вскоре были убиты. Из прежних главарей демократии уцелел один Марий - но он, недавно еще первый человек в Риме, утратил не только влияние, но и уважение, теперь к нему с прежнею ненавистью относились аристократы и с новою быть может сильнейшею, демократы.

Давно уже римское правительство не видало такого успеха. Важнее, чем смерть Сатурнина и чем падение Мариа, было отрезвление общества. Когда оно увидело, к каким безумным решениям и безоб-

разным насилиям ведет господство черни, оно поняло, что и очень плохое правительство все же неизмеримо лучше той анархии, которая немедленно создалась, едва власть перешла в руки партии, которая называла себя демократическою и сулила, что наступит чуть ли не золотой век, лишь только дана будет ей власть. Отрезвление было так сильно, что не только были отменены законы, проведенные в шестое консульство Мариа, но в течение целого ряда лет проходили новые законы, внесенные только консулами, а не трибунами, и проходили вообще постановления, далекие по духу от того направления, в каком развивалось законодательство за последнее время. Так, например, запрещено было соединять в один законопроект разные меры; установлено, что никакой закон не может обсуждаться ранее чем через 9 дней поте того, как он внесен; всаднические суды стали теперь беспощадно преследовать всякого, кто обнаруживал какие-либо демократические тенденции. Партия сената почувствовала себя даже настолько сильною, что решилась вступить в борьбу с всадническими судами, которые, поддерживая сенат против демагогов, в отношении к провинциальной администрации по-прежнему действовали пристрастно и всегда обвиняли тех, кто препятствовал откупщикам наживаться в провинциях уже слишком бесцеремонно. Когда постановлены были явно пристрастные приговоры против трех наиболее влиятельных и действительно почтенных представителей аристократии, трибун Ливий Друз выступил против всаднических судов.

Ливий Друз происходил из очень знатного рода. Толпа его не любила, но все без различия партий уважали эту сурового, твердого и вместе умного и безусловно благородного человека. Друз гордился древностью и славою своего рода, но он и проповедовал и на деле осуществлял тот взгляд, что знатность дает человеку право на почет, но и налагает на него обязанность быть достойным своих предков и больше других служить родине. Друз понял, что необходимо и сенат вывести из подчинения партии капиталистов, и улучшить положение неимущих классов. Он находил, что полезнее самой аристократии провести меры, направленные в пользу нуждающихся, чем ожидать, чтобы они рано или поздно были предложены и проведены каким-нибудь демагогом. Друз решился потребовать уничтожения всаднических судов и вместе с тем осуществить, с некоторыми ограничениями, все главные реформы Гая Гракха, а чтобы вознаградить союзников, земли которых приходилось обратить и раздел, он думал предоставить им римское гражданство. Опасаясь, что эти меры, предложенные отдельно, могут и не пройти полностью, Друз с формальным нарушением недавно изданного закона соединил все свои предложения в одно и притом вопрос о римском гражданстве для союзников изложил в выражениях общих, не вполне ясных, а чтобы вообще привлечь к своему предложению симпатии масс, он включил в него и почти даровую раздачу хлеба, придумав несколько удачных мер в подкрепление казначейству. В таком виде предложения Друза встретили восторженное одобрение одних и упорную оппозицию других. В народном собрании они прошли, но вскоре были отменены сенатом по формальному нарушению, о котором мы говорили.

При всей разнице исходных пунктов Гракха и Друза, предложения их были очень похожи одно на другое. Тому и другому их решения продиктованы были одинаково благородным и бескорыстным стремлением помочь тяжелому положению родины, и одинаково и Гракх, и

Друз заплатили своею жизнью за свою великодушную попытку: Друз вскоре после того, как предложения его были приняты, был смертельно ранен неизвестным убийцею на пороге своего дома ударом кинжала. Он умер через несколько часов. На смертном одре он с глубокою горестью говорил, что не скоро Рим увидит другого такого гражданина, как он, и пророчески предсказал новые тяжкие несчастья своей родине.

Глава V. СОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОПЫТКА СУЛЬПИЦИЯ

Настроение союзников, их стремление к правам полного гражданства.- Восстание союзников.- Первые их успехи.- Закон Луция Цезаря и замирение восставших.- Предложения Сульпиция.- Попытка Сульпиция устранить Суллу.- Сулла овладевает Римом.- Перемены в государственном устройстве

Латино-римский союз, мудро устроенный в ту эпоху, когда римляне были так богаты глубоким государственным смыслом, долго стоял нерушимо среди очень тяжелых внешних обстоятельств. Однако мало-помалу начала ослабевать его твердыня. В политическом отношении условия соглашения соблюдались с достаточною точностью, в материальном латинские союзники даже выигрывали по мере того, как усиливался Рим, потому что пользовались во всех провинциях теми же привилегиями, как и римские граждане. Но неравноправие чувствовалось очень резко с тех пор, как в Риме началось смягчение уголовного законодательства и вообще стал распространяться новый дух. Так как римляне начали уклоняться от военной службы, она все большею и большею тягостью ложилась на союзников. Теперь в значительной степени их силами достигал Рим своих побед, а многими плодами этих побед союзники не пользовались: в то время как военачальники лишены были права произносить смертные приговоры относительно римских граждан, союзники по-прежнему подлежали старым, суровым законам. Случаи дарования римского гражданства выдающимся представителям латинских общин почти прекратились, а затем было законом запрещено даже просить о таком пожаловании; наконец, около 124 г. было ограничено даже право неграждан селиться в Риме.

А рядом с этим упадок нравственности и старых строгих понятий о службе и долге имел последствием множество случаев возмутительного отношения римских властей и просто римских граждан к союзникам; и не только жестокость по отношению к негражданину, но даже умерщвление союзника гражданином оставались нередко безнаказанными. В результате положение союзников по сравнению с положением граждан стало так худо, что уже не чувствовались те различия в правах отдельных общин, которые прежде эти общины разъединяли. Теперь все одинаково тяготилось господством римлян и ненавидели его. Только давняя привычка повиноваться Риму и страх пред его силою удерживали латинов, страстно желавших расширения своих прав, от попытки силою взять то, что казалось заслуженным. Когда в последнее время поднималась борьба и по вопросу о даровании прав римского гражданства всем союзникам, они с напряженным вниманием следили за нею, но должны были лишь убеждаться, что никому не удалось склонить массу римского гражданства на расширение прав неполноправных граждан. А когда наконец над попытками революции восторжествовал сенат, то союзники поняли, что и от сената не дождутся они равноправия, так как стало несомненно, что сенат искренно враждебен такой мере и боролся против нее не только потому, что она предлагалась политическими его противниками. С выступлением Друза ожили было надежды латинов - и тем ужаснее поразила их весть, что новый, самый энергичный их защитник убит и дело его погибло. Около этого времени среди союзников существовала какая-то тайная организация, которая целиком разделяла планы Друза и готовилась поддерживать их даже силою, хотя в непосредственных сношениях с

этою организацией сам Друз и не был. Было ясно, что рано или поздно, а факт ее существования станет известен римскому правительству,- а как Рим расправлялся в подобных случаях с виновными или даже только подозрительными, это союзники знали слишком хорошо... Они решились попытаться действовать силой, в глубокой тайне шли приготовления, устанавливались соглашения.

Восстание вспыхнуло по совершенно случайному поводу в Аскулуме и, по-видимому, ранее, чем желали заговорщики; тем не менее оно быстро распространилось вплоть до южной оконечности Италии, преимущественно среди сабельских общин. Общины умбрские и этрусские, греческие поселения и наиболее привилегированные общины Кампании, например Нола и Нуцерия, остались верны Риму. В Риме воспрянул гражданский дух. Выдающиеся люди всех партий - Марий, Сулла, Публий Сульпиций Руф, ближайший приятель Друза,- все предложили свои услуги правительству; раздача хлеба была ограничена для сбережения денег на войну; настроение напоминало отчасти то, что было при первых успехах Ганнибала, не было только прежнего единодушия, и раньше, чем побеждать врагов, представители разных партий боролись все-таки между собою: политические процессы и осуждения были отмечены страшною нетерпимостью.

Восставшие спешили организовать. Город Корфиний был назначен столицей нового союза и назван Италией. Союзники, однако, не сумели придать своему новому государству нового устройства: они целиком копировали, даже в подробностях и мелочах, государственное устройство того самого Рима, который они имели в виду уничтожить, не желая уже довольствоваться завоеванием равноправия. С одной стороны, это свидетельствует, до какой степени глубоко национальна была конституция Рима, с другой же - заставляет заключать, что и в новом государстве обнаружались бы те же недуги, от которых страдал теперь Рим.

Положение противников было приблизительно равным. С обеих сторон было выставлено почти все, что можно было собрать,- по 100 000 человек, одинаково вооруженных и одинаково хорошо обученных. Римляне имели в своих руках множество укрепленных пунктов, но это выгодное для них обстоятельство вполне уравнивалось тем, что они должны были быть готовы к борьбе повсеместно, нигде не имея решительного перевеса и не зная, где ждать нападения. Борьба такого рода не может быть в кратком рассказе изложена с подробностями, да они и не представляют большого интереса. Военные действия начались зимою 91/90 г. В течение первого года войны римляне испытали ряд неудач, утратили важные укрепленные пункты, две армии их были совершенно разбиты, и только Марий и особенно Сулла имели немаловажные успехи.

Теперь стало ясно, как велика была разница между тем духом, который одушевлял римлян 120 лет тому назад, и тем, какой распространен был теперь. Год неудач - и римское гражданство уже не находило в себе энергии, которая, казалось, вспыхнула так ярко при начале войны. Поднялись толки о необходимости идти на уступки. Бесспорно, была ложною та идея, которую приходилось теперь отстаивать Риму,- сохранение исключительных преимуществ Рима над всею Италией, но совершенно ясно, что не сознанием этого руководилось теперь римское гражданство, а именно боязнью тяжелой борьбы. 300 лет, со времени сожжения Рима галлами, римляне ни разу не соглашались на какие-либо уступки пред лицом торжествовавшего врага - теперь они пошли на это.

В 90 г. консул Луций Цезарь провел закон, согласно которому граждане всех общин латинского союза, не примкнувших к восстанию, получали права римского гражданства. Все пользовавшиеся правами италийского гражданства и проживавшие в Италии могли, заявив в течение двух месяцев о своем желании, получить те же права. Области на севере Италии вплоть до Альп получали права латинского гражданства; впрочем, вновь признанные гражданами получали права с теми ограничениями, какие существовали для вольноотпущенников. Эта мера, завершавшая давний процесс внутренней жизни Рима,

оказала существенное влияние на исход борьбы с восстанием. Из новых общин латинского права на севере Италии были набраны значительные контингенты отличных солдат. Многие местности Умбрии и Этрурии, где восстание готовилось вспыхнуть, были совершенно замирены. В начале же второго года войны консул Страбон одержал несколько побед над самнитским ополчением, еще более важных успехов достиг на юге Италии Сулла.

В течение второго года войны восстание было почти подавлено, оно представляло собою, так сказать, потухавшее пожарище. Союз, образовавшийся против Рима, распался, и одни только самниты решились продолжать борьбу, исход которой был ясен, хотя и требовал еще больших усилий Рима. Дивное счастье Рима проявилось и на этот раз: на Востоке, в Азии, давно уже дела шли так, что война там предстояла неизбежно. Трудно сказать, что случилось бы, если бы она вспыхнула в течение первого или даже второго года войны с союзниками, когда Рим положительно не мог бы двинуть на Восток никакой армии. Но царь Митридат неблагоприятно отверг приглашение союза действовать сообща против Рима и начал войну уже на третий год восстания, когда оно было окончательно ослаблено и римский сенат мог уже отрядить Суллу на Восток. Но тут произошли новые осложнения в самом Риме.

Все римское общество было в состоянии глубокого брожения. Аристократия была раздражена тем, что многие из ее представителей были изгнаны по политическим обвинениям; дарование ограниченного гражданства не вполне примирило союзников с Римом; экономическое положение, после долгих неурядиц и вследствие борьбы с восстанием, было чрезвычайно тяжело; задолженность одних и крайняя бедность других создавали всеобщее раздражение и устраняли возможность беспристрастного обсуждения и решения многих дел; наконец, и в войсках стал обнаруживаться тот ужасный упадок дисциплины, который является, кажется, неизбежным спутником системы вербовки.

Приятель Друза, Публий Сульпиций Руф, человек, по рождению, богатству и связям принадлежавший к высшей аристократии Рима, сделал в 88 г. новую попытку разрешить наболевшие вопросы внутреннего устройства Рима: он предложил, чтобы объявлена была амнистия всем политическим осужденным, чтобы вольноотпущенникам и новым гражданам даны были полные права гражданства и чтобы из сената исключены были все, кто не может немедленно расплатиться со своими долгами, если должен более 2000 денариев. Говоря по правде, все понимали, что комиции * имели так мало политического значения, что распространение права участвовать в них и на вольноотпущенников не вносило ничего существенного. Очищение сената от несостоятельных должников могло лишь поднять значение сената, но правительственная партия не пожелала допустить такого публичного разбора сенаторов и попыталась отклонить предложения Сульпиция. Чтобы помешать их обсуждению, сенат поручил консулам Квинту Помпею Руфу и Сулле назначить экстренные религиозные празднества, во время которых комиции не могли собираться, но сторонники Сульпиция ответили на это столь сильными, уличными волнениями, что празднества были отменены и предложения Сульпиция внесены для обсуждения.

Сулла, лично подвергавшийся большой опасности за эти дни, немедленно уехал к своей армии, готовившейся отплыть на Восток. Принимая во внимание характер Суллы и его последующие поступки, можно полагать с большою вероятностью, что Сулла действительно стремился к войне и к военной славе и с удовольствием уклонялся от тех смут, какие происходили в Риме и к которым он относился с высокомерным презрением. Но Сульпиций Руф опасался, что Сулла употребит армию для борьбы против его предложений, и, чтобы устранить опасность этого, добился народного постановления, которым Сулла отзывался в Рим, а начальство на Востоке поручалось Марию. Но Сулла слишком верно ценил силу правительства, которое не могло справиться с уличными демагогами и давало им возможность захватывать власть. Сулла к тому же был вполне человеком своего времени, когда такие понятия, как долг, обязанность, толковались уже не в прежнем, простом и прямом смысле. Он не подчинился решению народа. Он собрал солдат, объявил им это

решение и намекнул, что теперь уже не они, а другие легионы будут воевать в Азии, где все мечтали получить легкую победу и несметную добычу. Посланцы сената, привезшие отставку Суллы, были тут же растерзаны солдатами, а Сулла во главе армии быстро двинулся на Рим. Марий и Сульпиций, совершенно не ожидавшие такого оборота дел, не имели достаточно сил, и Сулла после короткого сопротивления с бою овладел Римом. Политическая борьба дошла до того пункта, где решает дело уже открытая сила, и меч, разумеется, оказался сильнее тех дубин, которыми толпа еще так недавно проводила свои решения на римских сходах.

Сульпиций скоро был убит, Марий бежал и после ряда приключений скрылся в провинции Африке, Сулла там его уже не преследовал. В Риме Сулла сам о властно произвел те изменения в государственном устройстве, какие нашел нужными прежде всего. Он обеспечил полную покорность себе тем, что приказал казнить без всякого суда 12 человек, в том числе и занимавших высшие должности, и открыто защищал необходимость такой меры.

Сулла вернулся к старой, сервиевской организации народных сходов, отмененной в 241 г., и установил, что первый разряд плательщиков, включавший тех, кто владел имуществом не менее как на 100 000 сестерциев, располагал почти половиною всех голосов, подававшихся на народном собрании; у народных трибунов было отнято право вносить предложения новых законов; отныне всякое предложение трибунов поступало первоначально в сенат и только с его одобрения могло быть представлено на утверждение народного собрания; сенат был пополнен сторонниками Суллы; в облегчение должников восстановлены во всей строгости прежние законы о росте.

За переворот, произведенный в данный момент, Сулла в течение веков навлекал на себя суровые обвинения и тяжелые упреки. Но, смотря беспристрастно, нельзя не признать, что он лишь узаконил то, что давно существовало на практике. Дело законодательства и высшего управления шло сколько-нибудь сносно лишь до тех пор, пока сенат фактически успевал отворачивать или даже не допускать до обсуждения проекты законов, которые он считал вредными. Революция сломила это препятствие, и с того времени, как всякий, кто имел горячую голову и дар слова, мог ежечасно поднимать вопросы о коренных переделках в государстве, положение всего государства и каждого класса жителей все ухудшалось и ухудшалось. Беднейшие жители и по прежним законам не допускались до участия в делах, но экономические условия уже так изменились, что многие, обладавшие средствами, которые удовлетворяли букве закона о цензе, фактически были столь же недостаточными, как и те, которые были устранены от голосований, и право первых участвовать в решениях создавало только продажность сходов и их склонность решать дела насилуем. Сулла обнаружил, бесспорно, явное презрение к формальностям конституции, но вместе с тем он ясно понимал истинный смысл существующих явлений и преследовал верно поставленные цели.

Сулла не оставлял и своей заветной мысли о военной экспедиции на Восток. Он дожидался лишь срока избрания консулов, надеясь передать на время своего отсутствия власть в верные руки. Но только одного консула мог он провести из числа надежных людей - Гнея Октавия, другим консулом был избран Луций Корнелий Цинна, явный противник Суллы. Это было, вероятно, делом богатых, мстивших Сулле за постановление о процентах. Сулла отнесся к избранию Цинны с каким-то фатализмом, так же отнесся он к тому, что Квинт Руф, его надежнейший сторонник, поставленный по его желанию во главе войска, расположенного в Северной Италии, был убит солдатами, по-видимому по проискам бывшего консула Страбона, человека весьма подозрительного, который к тому же после смерти Руфа занял его место. Несмотря на все это, Сулла весною 87 г. отплыл со своими легионами на Восток.

Глава VI. ДЕЛА НА ВОСТОКЕ. МИТРИДАТ

Митридат.- Его завоевания и захваты.- Столкновение с Римом.- Успехи Митридата.- Избиение италийцев в Малой Азии.- Сулла в Греции.- Победы римлян.- Мир и возвращение Суллы в Италию

Внутренние неурядицы последних тридцати лет мешали сенату сколько-нибудь энергично осуществлять протекторат Рима над государствами Востока. За это время Египет и Сирия, раздираемые непрерывными междоусобицами, совершенно ослабели. Царство Армения под управлением Тиграна освободилось от всякой подчиненности парфянам и заняло первенствующее положение на Востоке. Вифиния, Каппадокия, Понт остались приблизительно в прежних границах, и влияние Рима чувствовалось здесь более, и именно здесь за период смут в столице гнет римского владычества усилился в ужасающей степени: население беднело - и оттого, что его обирали самым бессовестным образом, и оттого, что оно теряло массу жителей, которых морские разбойники уводили во множестве, чтобы затем продавать на рынках Италии.

С 114 г. в царстве Понтийском царствовал Митридат VI Евпатор (род. в 132, ум. в 63). Это был человек необыкновенно одаренный физически: исполинского роста, геркулесовской силы, лучший наездник, лучший охотник, первый на пирах, попойках и во всяких кутежах. Он усвоил внешним образом греческую образованность, окружал себя греческими поэтами и художниками, но, в сущности, был взбалмошный, подозрительный, жадный и жестокий тиран. Оставшись сиротой, он с детства жил под постоянным опасением какого-нибудь предательства и научился и не бояться, и остерегаться опасностей. Со своей стороны, он был способен и готов к борьбе преимущественно путем хитростей и предательства. Он искал богатств, новых приобретений и битв, но широких государственных замыслов не был способен питать. Во всяком случае, его личные свойства - отвага, быстрота решений, энергия и хитрость - выделяли его из ряда современных ему азиатских властителей и дали ему видную роль в одном эпизоде той великой борьбы Запада и Востока, которая со времен Марафона идет до наших дней и конца которой пока еще не видно.

С первых лет своего самостоятельного правления Митридат стал деятельно расширять свое царство. Прежде всего он захватил богатую область Колхиду на Кавказе, отсюда он двинул свои войска на северный берег Черного моря. Здесь издревле существовали греческие колонии: Пантикапея (Керчь), Херсонес (недалеко от Севастополя), Ольвия (недалеко от устьев Днепра) и многие другие. Они долгое время процветали, обогащаясь торговлею. Падение морского могущества Афин нанесло серьезный удар их благосостоянию, а с того времени как римляне разрушили царство Македонское, греческие колонии стали быстро клониться к полному упадку: их теснили и разоряли постоянными поборами князя разных варварских племен - скифов и сарматов, наводнивших широкие равнины северного побережья Черного моря. Войска Митридата совершенно разбили этих кочевников, и понтийскому царю подчинились все греческие колонии. Их торговля снова оживилась, они быстро стали богатеть и доставлять своему властителю большие доходы. После этого Митридат овладел Малою Армениею, а с Тиграном, царем Великой Армении, заключил тесный союз: цари согласились, что Тигран подчинит себе Сирию и страны на Востоке, в глубь Азиатского материка, а Митридат - Малую Азию. Митридат и действительно в скором времени присоединил к своим владениям Пафлагонию и Каппадокию, не постеснявшись прибегнуть к самым вероломным способам; между прочим, он собственноручно заколол своего племянника, царя Каппадокии.

Теперь Митридат обладал обширным царством на южном, восточном и северном берегах Черного моря, получал огромные доходы и мог выставить до 100 000 отличного войска. Там, где прежде были разрозненные вассальные владельцы, теперь явился могущественный царь.

Римский сенат старался не видеть происходившего в царстве Понтийском, желая всячески избегать необходимости серьезно приняться за эти трудные дела. Жалобы скифских князьков можно еще было оставить без внимания, но нельзя уже было так же отнестись к захвату Пафлагонии и Каппадокии, официально признанных в числе покровительствуемых Римом государств. Римский сенат объявил, что Пафлагония и Каппадокия должны быть по-прежнему самостоятельны, и потребовал, чтобы ставленники Митридата были удалены. Митридат уклонился от столкновения, Тигран же, по внушениям Митридата, попробовал было сопротивляться. Сулла, бывший в то время наместником Киликии, с весьма незначительными силами быстро рассеял выступившие против него полчища Тиграна, и все требования римлян были немедленно исполнены.

Во время этого похода римляне впервые достигли Евфрата и впервые встретились с парфянами. В сношениях с ними Сулла вновь проявил тот же удивительный такт, то же умение внушить врагам уважение к себе и к Риму, которые доставили ему успех в сношениях с царем Бокхом. Но едва Сулла уехал в Рим, как опять - и явно по проискам Митридата - вспыхнули в Пафлагонии и Каппадокии бунты, поставленные там римлянами цари были изгнаны и власть захвачена сторонниками Митридата. Свергнутые цари обратились в Рим с жалобой, сенат решил восстановить их во власти и послать в поход консула Аквиллия с довольно незначительными силами, и опять требования сената были немедленно исполнены.

Митридат явно избегал открытой борьбы и готов был немедленно отступить при первом решительном требовании, чтобы затем снова протягивать руку к намеченной цели, он надеялся этим способом захватить хоть кое-что. Царь верно понял, что сенат не желает борьбы, что сам он войны не объявит и будет довольствоваться всякою малейшею возможностью избежать разрыва. Понимал это и Аквиллий, но, надеясь на богатую добычу, консул желал войны и сумел сделать ее неизбежною: он убедил царя Вифинии объявить Митридату войну, а затем, когда Митридат пожаловался и просил или удержать вифинского царя, или позволить с ним расправиться, Аквиллий ничего не ответил на первую просьбу и вместе с тем положительно запретил Митридату воевать с Вифинией. Тогда, взбешенный таким оскорбительным отношением, Митридат решился на войну.

Он привлек к союзу множество отдельных владетелей в Малой Азии и некоторые греческие города ее, заключил дружеский договор с Египтом и предоставил полную свободу морским разбойникам. Ремесло их и раньше процветало, теперь же в скором времени на всей восточной части Средиземного моря не могло показаться никакое римское судно. Сам Митридат, собрав до 200 000 пехоты, до 40 000 конницы и около 400 кораблей, быстро разбил вифинские войска, а затем и слабые римские отряды, находившиеся в Малой Азии. Вся Малая Азия открыто соединилась с понтийским царем, эллины опять мечтали свергнуть иго римлян. Начальники разбитых римских отрядов были выданы теми городами, куда они скрылись, в числе выданных был и консул Аквиллий, Митридат подверг его всевозможным оскорблениям и мучительной казни.

Как раз в это время пришли известия, что в Риме новая революция, что Сулла не может двинуться на Восток, и Митридат, в полном упоении своими успехами, проявил во всей яркости и свой жестокий нрав, и свою политическую близорукость. Он издал в Эфесе эдикт, повелевавший, чтобы в определенный день по всей Малой Азии были перебиты все проживавшие там италийцы - свободные и рабы, взрослые и дети, мужчины и женщины, имущество убитых делилось пополам между царем и убийцею. Азиаты с холопской покорностью и с холопской жестокостью, исполнили это дикое приказание, погибло, по одним свидетельствам, 80 000 человек, по другим - до 150 000. Нечего говорить о безнравственности такой меры, но она была и бессмысленна: столько же, как римляне, от нее пострадали и все другие италийцы, которые вели против Рима борьбу и, следовательно, являлись естественными союзниками Митридата, сверх того, после такого дня Риму не оставалось ничего, как вести борьбу уже серьезно.

Обратив присоединенные области в сатрапии, щедро одарив любимцев и объявив подданным разные финансовые льготы - это было возможно после грабежа стольких римских граждан,- Митридат двинул свои войска на Европу. Слабые римские отряды, рассеянные кое-где в Элладе, ничего не могли сделать, и скоро Афины, все общины ахейцев, спартанцев, беотийцев присоединились к понтийскому царю, которого города встречали как освободителя и как нового бога Диониса.

В таком положении были дела на Востоке, когда Сулла, водворив до некоторой степени порядок в Риме, мог наконец двинуться. Он проявил истинный патриотизм, обратив свою армию, единственную армию республики, не против своих политических соперников, а на врага, угрожавшего всему Римскому государству. Весною 87 г. Сулла высадился в Эпире. Никогда ни один римский полководец не начинал еще кампании в таких неблагоприятных условиях, как Сулла. Он имел всего 30 000 человек, флота у него никакого не было, так что был уже этим отрезан от Италии. Экономический кризис Италии заставил его начать поход и с денежными средствами очень недостаточными, но всего важнее и серьезнее было то, что в Риме было вовсе не спокойно, что с отъездом Суллы там могли вспыхнуть новые раздоры, власть могла перейти к противной партии, которая, наверно, не так, как Сулла, отнеслась бы к вопросу, с кем бороться: с врагом ли отечества или со своим политическим врагом? Сулла всего этого ожидал - и все это так и случилось. Но этот человек был не из тех, которые думают об отдаленных опасностях. Он приступил прямо к разрешению ближайших задач.

Сулла двинулся к Востоку, разбил у Тильфосской горы выступившее против него войско и осадил Афины и Пирей. При своих незначительных силах он не мог действовать энергично и около года должен был осаждать Афины, прежде чем ему удалось взять их штурмом в 86 г. Пиреем же он так и не мог овладеть, потому что не имел флота и неприятельские корабли беспрепятственно снабжали гарнизон подкреплениями и всем нужным. Несмотря на удачу, хотя и не особенно крупные, положение Суллы было критическим: он уже знал, что в Риме власть в руках демократов, что он отрешен от команды и что идет с новой армией консул Флакк, которому приказано устранить Суллу. Сулле нужны были решительные успехи, а средств не было. Положение его облегчил Митридат своим неблагоразумием: вопреки советам греческих военачальников, которые у него командовали, он предписал дать битву, уверенный в успехе. Битва произошла у Херонеи в марте 86 г. Армия Митридата, составом свыше 100 000 человек, была не только разбита, а уничтожена, спаслось едва 10 000 человек. Отсутствие флота, однако, парализовало эту победу: в Азию Сулла переправиться не мог.

Тем временем подошел консул Флакк со своею армиею, он увидел тотчас, что легионеры Суллы вовсе не склонны оставить своего вождя, напротив, из авангарда новой армии массы дезертировали к Сулле. Имея и без того войска менее, чем Сулла, Флакк предпочел направиться в Азию, надеясь там одержать какие-нибудь успехи. Сулла же, хотя был и сильнее Флакка, со своей стороны, не желал битвы между двумя римскими армиями в то время, как государству приходилось бороться против серьезного врага, и дал Флакку возможность спокойно обратиться против Митридата.

Весною следующего года (85) произошло новое сражение у Орхомена: понтийский царь, страшно разгневанный неудачею у Херонеи, приказал своим полководцам уничтожить Суллу, но и на этот раз, после жестокой сечи, римляне одержали полную победу. Митридат утратил все, чем овладел в Европе, а Сулла расположился в Фессалии и стал строить корабли для переправы в Азию.

В Малой Азии между тем положение совершенно изменилось. Под влиянием своих неудач Митридат, всюду подозревавший измену, стал проявлять такую жестокость, пред которой все злоупотребления римских наместников казались ничтожными. Между прочим, он приказал перебить всех старейшин одного большого племени, а затем, чтобы привлечь новых солдат, объявил всех рабов свободными, все долговые обязательства уничтоженными. Тогда множество городов отложились от него, заперли перед его войсками ворота, а

побережные города и прямо стали подчиняться римлянам, как только на море появился флот под командою лучшего помощника Суллы Лукулла. Флакк около Византии переправил свое войско в Азию. Здесь вскоре вспыхнул бунт, консул был смещен, а затем и убит. Начальником на его место был выбран руководитель всего этого бунта Фимбрий, человек талантливый и энергичный, но совершенно бессовестный и демагог в худшем смысле слова. Фимбрий одержал несколько серьезных побед над войсками Митридата, так что самому царю пришлось спасаться поспешным бегством.

Митридат попросил мира. Он попробовал было извлечь для себя выгоду из того обстоятельства, что против него стояли два друг друга не признававших римских полководца, но потерпел неудачу. Сулла, с которым Митридат решил договориться, потребовал, по старому римскому обычаю, только того же, чего требовал Рим до войны, то есть освобождения Каппадокии и Пафлагонии, и еще, в очень умеренном размере, вознаграждения за военные издержки - и, едва Митридат намекнул, что от Фимбрия он получит более выгодные условия, Сулла немедленно с такою энергиею возобновил военные действия, что царь согласился (84 г.). Сулле, конечно, было досадно, что приходилось так слабо наказывать человека, столь виноватого пред Римом, но он находил, что окончательная победа над Митридатом потребовала бы слишком много времени, а положение дел в Италии требовало непременно его возвращения.

Покончив с Митридатом, Сулла быстро переправился в Азию и двинулся на Фимбрия. Около Пергама он встретил его армию и расположился лагерем против нее. Немедленно в армии Фимбрия обнаружилось брожение, солдаты не повиновались, когда Фимбрий отдал приказание готовиться к бою. Сулла не согласился на свидание, попытка убить его не удалась. Тогда Фимбрий закололся, большая часть его войска перешла к Сулле, но довольно многие ушли к Митридату или обратились в морских разбойников.

Затем Сулла устроил дела в Малой Азии. Перемены, объявленные Митридатом в последнее время, были, разумеется, отменены. Виновники избиения италийцев - массаи казнены, с населения собраны огромные контрибуции. Это были суровые меры, но если вспомнить, чем были они вызваны, то нельзя очень порицать за них Суллу. Города, остававшиеся верными Риму, были щедро награждены.

Оставив в Азии, под начальством Мурены и Лукулла, те два легиона, которые были с Фимбрием и на верность которых нельзя было, пожалуй, вполне рассчитывать в Италии, Сулла весною 83 г. отплыл из Эфеса в Пирей, откуда перешел сухим путем в Патрас, здесь сел на приготовленные корабли и направился в Брундизий. Сулла делал вид, что он и не знает о том, что совершалось за его отсутствие в Италии.

Глава VII. ВЛАДЫЧЕСТВО ДЕМОКРАТИИ. ЦИННА

Неурядицы в Риме после отъезда Суллы.- Изгнание сенатом консула Цинны.- Цинна и Марий с толпами своих сторонников идут на Рим.- Бессилие сената.- Рим во власти Цинны и Мария.- Жестокая расправа с оптиматами.- Управление Цинны.- Возвращение Суллы.- Междоусобная борьба.- Торжество Суллы

Мы выше рассказали, в каком трудном положении был Рим, когда Сулла отправлялся на Восток. Сулла не имел времени достаточно глубоко провести в жизнь те меры, какие успел он принять. Для того чтобы сохранить порядок и достичь благотворных результатов на основаниях, указанных Суллою, нужны были и добрая воля, и умение лиц, стоявших у власти, и прежде всего время. Между тем побежденная партия вовсе не примирилась со своим положением, она непременно хотела вернуть проскриптов и восстановить отмененные Суллою Сульпициевы постановления. Чтобы провести это, и был избран в консулы Цинна,

человек ранее совершенно неизвестный, правда проявивший храбрость в союзнической войне, но не обладавший ни умом, ни достойным уважением характером, человек, руководствовавшийся только эгоистическими соображениями, упрямый и тупой.

Едва Сулла удалился, как Цинна и внес предложение о возвращении изгнанников и о восстановлении Сульпициевых законов. Чтобы провести в народном собрании эти предложения, сторонники его собрались в Риме в огромном количестве. Но не дремала и противная партия: консул Октавий держал наготове военную силу, и, едва приверженцы Цинны обнаружили намерение поддержать свои желания силою, он пустил в дело войска и произвел жестокое избиение: не менее 10 000 трупов покрыли улицы Рима. Цинна и его сторонники бежали, сенат же постановил неслыханное решение - лишил Цинну консульства и объявил его и его ближайших помощников вне закона.

Если бы сенат проявил какую-нибудь энергию в преследовании беглецов, они спаслись бы в Африку и тем дело, вероятно, и кончилось бы. Но сенат этого не сделал, и Цинна и его сторонники получили возможность разъезжать по городам Италии и раздувать пламя только что потушенной гражданской войны. Они явились даже к армии, осаждавшей еще Нолу, и частью увещеваниями, частью золотом привлекли к себе из числа легионеров немало перебежчиков. С ними соединились многие изгнанники, прибывшие из Африки. Явился в Италию и Марий и, объявляя свободу рабам, которые к нему присоединятся, набрал до 6000 человек и с ними явился к Цинне. Цинна был настолько недалёковиден, что объявил Мария главнокомандующим, хотя этот свирепый старик не пользовался уже ничьим уважением, был заведомо не способен к политической роли, а его озлобление и жажда мести внушали серьезные опасения более благоразумным из сторонников Цинны.

Цинна, Марий и толпы их приверженцев двинулись к Риму, заняли несколько ближайших городов и затрудняли снабжение столицы съестными припасами. Сенат призвал армию, находившуюся под командою Страбона. Но Страбон ограничился только тем, что воспрепятствовал бунтовщикам овладеть Римом, а каких-либо мер к уничтожению их вовсе не принимал, хотя имел к этому полную возможность: он торговался с сенатом, хотел продать свою помощь ценою каких-то обязательств, на которые сенат не соглашался. Сенат вызвал тогда армию Метелла из-под Нолы. Это развязало руки самнитам и дало им возможность в огромном количестве подкрепить Мария и Цинну.

В войсках сената обнаруживалось колебание. Консул Октавий, человек прямой и честный, но недалекый, не внушал солдатам почтения к себе, и когда Страбон умер от моровой язвы, развившейся в столице, его войско не пожелало поступить под команду Октавия, а требовало, чтобы начальство над ними передано было Метеллу, Метелл же не соглашался подчиняться требованиям легионеров - тогда из сенатских армий толпами начался переход в лагерь Мария и Цинны. Силы сената в скором времени совершенно растаяли, и ему пришлось отдаться на волю тому человеку, которого он еще недавно лишил консульства, сенат просил только, чтобы Цинна удержался от кровопролития. Цинна обещал, но не пожелал поклясться, Марий же, присутствовавший при переговорах, хранил зловещее молчание.

Марий и Цинна вступили в город с войском, затем ворота были заперты - и началась неслыханно зверская расправа. Пять суток продолжались убийства, убивали без обвинения, без суда, убивали всякого, кого считали принадлежащим к партии оптиматов. Рабам была дана воля расправиться со своими господами. Были убиты три консула, три консуляра, множество магистратов. Убивали по прямому приказу Мария, убивали по его суровому взгляду и несли головы убитых свирепому старику, словно обезумевшему от злобы и крови. Сам Цинна был в ужасе, но не смел остановить этого ужасного человека и даже должен был объявить его своим товарищем по консульству. Марий, потрясенный нравственно и физически расстроенный оргиями, в которых он искал забвения, заболел горячкой и через 7 дней умер (в январе 86 г.). Некогда первый человек в Риме, гордость и надежда демократии,

он умер всеми ненавидимый и проклинаемый.

Его ближайших помощников - до 4000 человек, преимущественно беглых рабов,- Серторий, наиболее твердый и благоразумный из всей партии, вскоре собрал под предлогом раздачи наград и перерезал всех до последнего. Оргия убийств была прекращена.

Целых три года после этого (86-84) Цинна управлял полновластно, провозглашая себя без выборов консулом и произвольно назначая себе товарища. За все это время не было проведено решительно ни одной меры сколько-нибудь серьезного значения. Отменены были нововведения Суллы, восстановлены предложения Сульпиция - и только. Затем исполнялись лишь текущие дела. Не подумал Цинна даже о том, как установить отношения с Суллою, хотя вопрос об этом не мог не возникнуть самым естественным образом и хотя вообще настроение Италии было благоприятно Цинне: огромная масса населения была, во всяком случае, против олигархии, и человек, сколько-нибудь достойный того положения, какое выпало на долю Цинны, мог бы многое сделать для упрочения своей власти. Когда от Суллы получено было письмо, извещавшее, что он заключил мир и возвращается, и довольно осторожно намекавшее, что он примет лишь самые необходимые меры строгости, сенат решил сделать попытку соглашения: Сулле предложено было явиться под охранною грамотою в Италию. Сулла ответил, что он не просит охраны, а сам надеется принести ее нуждающимся. Тогда Цинна отправился к армии в Анкону и отдал приказ садиться на суда, чтобы плыть в Грецию навстречу Сулле. Но войско взбунтовалось, Цинна был убит, преемники его не двинули войска в Грецию, но продолжали вооружаться.

Они имели до 100 000 человек, против которых Сулла мог выставить не более 40 000. Правда, его войска были безгранично преданы своему вождю, семь лет дрались и в военном отношении не могли быть и сравниваемы с тем буйным сбродом, который был собран под знаменами демагогов. Но Сулла все-таки отлично понимал, что его положение, его задача чрезвычайно трудны. Он думал не о том, как разбить войско своих противников,- это было ему слишком легко, он обдумывал меры, которыми можно было бы успокоить страну, он старался внушить массе новых граждан уверенность, что не будет предпринято ничего для ограничения их прав иначе как по крайней необходимости и с величайшею осторожностью, он всего менее грозил, он не говорил о мести, он даже особою клятвою обязал солдат соблюдать полнейшую дисциплину по отношению ко всем мирным жителям, и самые опасливые люди могли сомневаться разве что в способности Суллы заставить свою партию подчиниться его обещаниям, а уж никак не в его доброй воле. Сулла действовал теперь замечательно последовательно, в духе патриотической и благоразумной умеренности.

Весною 83 г. Сулла высадился в Брундузиуме. Правившая партия была ни к чему не приготовлена, сенат объявил отечество в опасности и вручил консулам диктаторскую власть. Сулла медленно подвигался вперед, армия его вела себя образцово, и города один за другим отворяли ему ворота. Уцелевшие оптиматы стекались в лагерь проконсула, но большинству из них Сулла был не рад и говорил, что эти баричи готовы снизойти до того, чтобы позволить спасти себя, но сами ничего для этого не умеют, да и не хотят сделать. Значительную помощь оказал Сулле молодой Гней Помпей, сын недавно умершего Страбона, который, владея огромными поместьями на юге Италии и пользуясь там большим влиянием, привел значительный отряд своих клиентов.

Наконец Сулла двинулся к северу. Разбив совершенно при горе Тифате армию одного консула, он вскоре сошелся и с другою армиею - и во время переговоров, которые начал Сулла с консулом Сципионом, предводившим этою армиею, сенатское войско почти поголовно перешло в ряды суллинского. Однако сенат все еще думал бороться и к кампании следующего года начал готовиться с величайшею энергиею. Золотая и серебряная утварь храмов была обращена в деньги, собраны новые легионы, консулами выбраны отважные и способные люди - Карбон и Гай Марий-сын, юноша едва 20 лет, по храбрости и энергии достойный сын своего отца. Особенно ожесточенно бились против суллинцев восставшие

самниты, они слишком ненавидели Рим, чтобы не пользоваться случаем и не нанести исконному врагу хоть несколько ударов, да к тому же они понимали, что восстановленная олигархия не будет так снисходительна к их попыткам отпадения, как была демократия.

В начале новой кампании (82 г.) Марий встретился с Суллою и был решительно разбит. После этого защищать Рим уже не было никакой возможности, и Марий предписал своему помощнику, претору Дамазиппу, покинуть столицу, но предварительно перебить там всех значительных граждан - и это дикое приказание было исполнено с беспощадностью, в самом заседании сената была произведена резня.

Вскоре после этого Сулла занял Рим. Затем он, оставив на юге только самые необходимые силы, главные свои силы сосредоточил в Этрурии и очень стеснил там своих противников. Партия сената, и особенно самниты, напрягала в то же время все усилия, чтобы разбить корпус, блокировавший Пренесту, и это почти уже удалось им - но Сулла лично прибыл в эту область и восстановил здесь перевес своего оружия.

Борьба решилась в это время в долине По: здесь сулловские помощники Лукулл, Помпей и др. одержали ряд побед над войском сената. Предводители бежали в Африку, а остатки разбитого войска частью рассеялись, частью были истреблены Помпеем. Теперь все силы Суллы стали собираться на юге, и полное поражение противников его было несомненно.

Тогда демократические вожди и вожди самнитов, уже не думая об успехе, а руководясь только чувством злобы и мести, вдруг оставили свои позиции против Суллы и быстро двинулись на Рим, отстоявший от их лагеря всего на день усиленного марша, чтобы хотя разорить, выжечь ненавистный город... 21 октября 82 г. союзники подошли к Риму. В столице войска было очень мало, и в ней распространился ужас... Но скоро показались и еще всадники: это была армия Суллы, который, узнав о движении врагов, тотчас же бросился за ними, поздно к вечеру подошла его армия, изнемогая от усиленного перехода. Лучшие офицеры советовали Сулле дать отдых истомленным солдатам, но Сулла, взвесив, чем грозит Риму предстоящая ночь, немедленно дал знак к битве. Битва была упорная и жестокая, дрались всю ночь, и только утром следующего дня войско Суллы победило. Кровавое пролитие было ужасное, пощады не давали и не просили, армия сената и самнитов была уничтожена, около 4000 человек, в том числе многие командиры, были взяты в плен, и утром того же дня Сулла приказал их всех перерезать. Звук мечей и стоны умирающих были явственно слышны в храме Беллоны, где Сулла открыл заседание сената. Нечего и говорить об ужасе такой расправы, но не надо забывать и того, что те, кто гибли в этот момент на Марсовом поле, сами точно так же поступали ранее и так же расправились бы и теперь со своими противниками, если бы одолели хотя на несколько часов...

Теперь борьба стала уже безнадежна, Пренеста сдалась. Прежде, желая избежать напрасных жертв, Сулла предлагал ее защитникам

безопасность, теперь милости не было. Город был разграблен и разрушен, жители и гарнизон тысячами перебиты. Другие восставшие города после такой жестокой расправы стали защищаться с еще большим упорством, но один за другим и они были взяты. Те из граждан, которые не хотели дожидаться казней, во множестве кончали самоубийством, бросаясь на свои мечи. Особенно жестоко отнесся Сулла к самнитам. Он прямо заявил, что Рим не безопасен, пока есть это племя, и избил самнитов во множестве, прошел всю страну огнем и мечом, с того времени этот край так и остается полупустынным. Два года еще оборонялась Волатерра, и ожесточение осаждающих достигло такой степени, что когда гарнизон сдался на капитуляцию, то даже влияние Суллы было бессильно сдержать солдат: они бросились на выходивших и всех перебили (79).

Некоторое время демократические генералы держались в Испании, Сицилии и Африке, но в 81 г. Флакк подчинил Сулле Испанию, а в Сицилии и Африке быстро справился с противной партией Помпей (82). Этот молодой офицер потребовал себе триумфа, хотя не

имел еще на него права по своим летам и по своему рангу,- и Сулла уступил (79), даже приветствовал молодого честолюбца пышными, едва ли не ироническими похвалами. В том же году уладились мирно затруднения, возникшие было в Азии с Митридатом.

После десяти лет революции и междоусобий Италия была замирена и повиновалась одному господину. Теперь тому замечательному человеку, который прошел без всякой неудачи через столько труднейших моментов, предстояло показать, способен ли он на самое трудное и важное дело - сумеет ли он восстановить на прочных устоях расшатанный политический и социальный строй государства.

Глава VIII. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО, ВВЕДЕННОЕ СУЛЛОЙ

Сулла во главе государства с неограниченными полномочиями.- Подавление оппозиции, проскрипции, наказания отдельных общин, награждение ветеранов.- Усиление значения сената, его пополнение.- Трибунат.- Новые должности.- Реформы финансовая и судебная,- Новая организация общинного самоуправления.- Удаление Суллы от дел.- Его характер, значение его деятельности

Революция была побеждена. Победа дала в руки Суллы всю полноту власти. Люди посредственные думали, что возможно просто восстановление старого порядка вещей, но Сулла понимал, что необходимы серьезные меры,- с одной стороны, уступки настолько обширные, насколько это было совместимо с сохранением по существу олигархического правления, с другой - суровые, энергические репрессивные меры, чтобы ввести в русло и затем сдерживать расхлывшиеся страсти и разнузданную волю. Меры такого рода вообще не могут быть проводимы коллегиальными правительствами, по существу своему медленными и малоподвижными, менее всего годился для этого римский аристократический сенат: он и всегда не богат был дарованиями, а событиями последних лет унесены были и все сколько-нибудь заметные силы его, так что Сулле пришлось выбирать своих ближайших помощников не из представителей аристократии, а среди перебежчиков из лагеря демократической партии.

Намереваясь восстановить господство законности, Сулла желал узаконить и свою власть и обратился к сенату с посланием, в котором говорил, что дело устройства государства он находит нужным вручить одному человеку, облеченному неограниченными полномочиями, и что в себе он чувствует силы исполнить это дело. Сенат немедленно постановил, что проконсулу Сулле дается санкция на все, совершенное им ранее для блага государства, и предоставляется на время, которое он определит сам по собственному усмотрению, неограниченное право решать вопросы жизни и имущества граждан, управлять Италией и провинциями, вводить новые и уничтожать прежние учреждения и должности, назначать и сменять магистратов и т. д.,- Сулле, одним словом, предоставлена была на неопределенное время власть более широкая и полная, чем диктаторская.

Новый повелитель Рима по природе не был ни жесток, ни злопамятен, неоднократно проявлял он полную готовность забывать вражду и козни и нежелание мстить даже тем, кто злоумышлял на его жизнь, подвергал опасности жизнь его близких, убивал его друзей. Но теперь он счел своим долгом с корнем вырвать мятежный дух, а людей, которые как бы совершенно позабыли, что такое законы и власть, заставить снова законы уважать и власти повиноваться - и это решение проведено было с беспощадностью.

Приблизительно в течение полугода составлялся и пополнялся список проскриптов, т. е. людей, которые были объявлены вне закона: имущество этих людей конфисковывалось, убиение их не наказывалось, а награждалось. Когда этот список был закончен, в нем значилось до 4700 имен, в числе их были все сколько-нибудь значительные должностные

лица, служившие при Цинне, и особенно со времени высадки Суллы в Италии, затем более или менее известные сторонники демократии. Ужас воцарился в Италии, когда по ней разошлись для экзекуций особые отряды Сулловых солдат. Явилось немало и добровольцев, желавших принять участие в этой расправе. Во всех партиях, в том числе и демократической, нашлись люди, которые сделали убиение проскриптов своим ремеслом и средством для наживы, иные сводили тут и личные счеты, известны случаи, что искренние сторонники аристократии были убиты людьми, которые имели основание опасаться, что убиваемые могут раскрыть такие их поступки, которые грозили проскрипцией им самим, а такие случаи не преследовались. Убито было до 1600 всадников и до 50 сенаторов. Имущество проскриптов конфисковалось и распродалось по ценам страшно низким, приблизительно раз в 100, в 200 ниже действительной стоимости. О размерах конфискаций можно судить по тому, что все-таки выручено было до 350 млн. сестерциев. Много земель было роздано даром, огромные приобретения сделали родственники Суллы, больше же всех известный впоследствии Марк Красс.

Различными наказаниями были подвергнуты и целые общины. В соответствии с упорством и продолжительностью их сопротивления на них налагались денежные штрафы, разрушались стены городов, отбиралась земля, частью и даже целиком. Некоторые общины лишены были прежних прав и получили самое ограниченное италийское право. Сулла хотел, чтобы их граждане растворились в массе пролетариата и чтобы в будущем латинские общины уже не могли давать поддержки революционным попыткам, особенно пострадали некоторые округа Этрурии и весь Самниум. Но вместе с тем Сулла признал за всеми остальными союзниками права римского гражданства. Это было единственное из мероприятий революционного правительства, которое он не отменил. Права вольноотпущенников были опять ограничены по-прежнему.

Конфискованные и оставшиеся не распроданными земельные участки Сулла роздал своим старым legionерам, до 120 000 человек получили тут свою долю. Этим диктатор, с одной стороны, исполнил свое обещание - щедро наградить своих верных сподвижников, с другой - содействовал увеличению в Италии числа мелких собственников, чему он всегда сочувствовал. Новые владельцы во многих общинах не были введены в число прежних членов их, а поселены рядом, организованы отдельно и являлись как бы гарнизонами, которые по всей Италии обеспечивали сохранение порядка, установленного Суллой и давшего им привилегированное положение. С такою же целью из числа рабов, принадлежавших проскриптам, было отобрано 10 000 наиболее смелых и молодых, и всем им дарована свобода. Они все назвались Корнелиями, приняв по обычаю имя освобождавшего их господина.

Со времени Гракхов правительство как бы признавало право бунта и откупалось разными уступками. Теперь система уступок была брошена. Почти все нововведения Гракхов были отменены: раздача хлеба прекращена, откупы в Азии уничтожены и введен сбор налогов, всаднические суды уничтожены и восстановлены сенаторские. Класс всадников потерял свое политическое значение.

Сенат Сулла постарался поставить так высоко, как стоял он прежде. Он немедленно пополнил сильно поредевшие ряды сенаторов. Затем он уничтожил цензуру с ее правом исключать сенаторов и отменил назначение в сенат, отныне членами сената становились обязательно только все те, кто был или консулом, или претором, или квестором. Эдильство не открывало дверей в сенат, число же квестур было повышено до 20. Таким образом, в сенат вступали исключительно люди, ранее получившие по прямому народному избранию одну из перечисленных должностей, и вместе с тем окончательно был утвержден принцип, лежащий в основе всякой олигархии, - пожизненность и несменяемость членов властвующего сословия. Законодательная инициатива была вручена исключительно сенату, и это было определено так ясно и бесспорно, что поголовные собрания граждан, сохраненные

диктатором, фактически лишились возможности вторгаться в дела управления. Сулла отлично понимал незначительность этих собраний, потому-то он вовсе и не проявлял старой, совершенно неосновательной ревности к дарованию прав гражданства, а, напротив, раздавал их очень широко. Выбор всех должностных лиц по-прежнему сохранен был за гражданством, но точно определены условия избираемости: возраст, необходимый для занятия той или другой должности, обязательность пройти все низшие должности, начиная с квестуры, для того чтобы занимать высшую, обязательный двухгодичный промежуток между исполнением двух различных должностей и десятилетний - между двукратным избранием на одну и ту же должность. Трибунат был сохранен с правами трибунов на интерцессию * и привлечение к суду всех должностных лиц, но с ограничением, что для этого, как и для внесения новых предложений в народное собрание, трибун должен был испросить разрешение сената и за неосновательную интерцессию подлежал огромному денежному штрафу. Кроме того, чтобы отвлечь от должности трибунов честолюбивых людей, было восстановлено старое правило, по которому человек, занимавший эту должность, не мог уже быть ни консулом, ни претором, ни даже квестором, следовательно, не мог войти и в сенат.

Важные перемены произвел Сулла и в положении высших административных лиц. С его времени цензоры уже не избирались и одна часть их функций - замещение убылых мест в сенате и составление призывных списков - отпала сама собой с установлением нового порядка пополнения сената и с введением системы вербовки, другая же - заведование финансами - передана была консулам. Новые постановления были сделаны и относительно консульства и претуры. Ранее все отрасли высшего управления распределялись между двумя консулами и шестью преторами, но достаточно определенных правил на этот счет не существовало, и наиболее выгодные или приятные места распределялись по интригам, личным соображениям и с разными злоупотреблениями. Не было точных узаконений и относительно того, как поступать, когда долго не назначался или не являлся преемник какому-либо должностному лицу, действовавшему вдали от Рима. Сулла, в виду усложнившихся задач администрации, увеличил число преторов и постановил, что консулы и преторы остаются в должности не по году, а по два, причем первый год - непременно в Риме, и исполняют только гражданские обязанности, а второй - непременно в провинции, где на них лежали и военные обязанности. При этом было строго узаконено, что в область, находящуюся под управлением гражданской власти, не может быть вводимая вооруженная сила, а так как продление консулу или претору его власти на второй год формально зависело от сената, то сенат имел возможность не поручать военной силы человеку, не внушавшему к себе полного доверия.

В отношении финансов Сулла не произвел реформ особенно значительных, но уничтожение даровой раздачи хлеба и возвращение в казну множества земель заметно облегчили государственное казначейство. Зато в судопроизводстве Сулла ввел высокочематательные реформы, которые доказывают, что он обладал истинно государственным умом, большою практичностью и чувством меры. Устройство, приданное Суллою римским судам, послужило источником замечательного и в высшей степени полезного юридического развития. Оставляя в стороне подробности, скажем только, что Сулла строго и правильно разграничил судопроизводство по делам уголовным и по делам гражданским и установил целый ряд специальных судебных комиссий по определенному рода делам, от чего дело правосудия весьма существенно выиграло по сравнению с порядками, сложившимися постепенно в течение веков, не согласованными одни с другими и часто крайне запутанными. Сулла ускорил отправку правосудия, значительно усилив численный состав судей, а устранением от судопроизводства всадников суды были возвращены к их истинной задаче - отправлению правосудия,- политическая борьба партий изгнана из них.

Особенно замечательна произведенная Суллою реформа местного управления. В

древности не умели устроить того порядка, какой применяется теперь во всех образованных государствах: тогда не умели в состав государства вводить как органическую его часть отдельные общины, не имевшие государственных прав, но свои местные дела ведавшие самостоятельно. И в Греции каждый город был непременно вместе с тем и государством, и в Риме если включали в союз какую-либо общину, оставляя ей ее собственные общинные власти и узаконения, то признавали ее формально самодержавным членом союза. Если же жителей общины включали в тот или другой разряд римских граждан, то самостоятельных муниципальных властей община уже не сохраняла и все дела в таких общинах ведались уже соответственными властями, жившими и избираемыми в Риме. Такой порядок применялся и в провинциях, только там место Рима заступал наместник. Когда в состав римского гражданства включена была большая часть Италии, стало почти невозможным управлять из Рима всю Италию так же, как управлялся город Рим и ближайшие поселения, пришлось внутри самоуправляющейся римской общины организовать более мелкие. Устройство этих общин, разграничение между ними и Римом прав и обязанностей постепенно вырабатывались в течение всего седьмого века, но окончательную, строго обдуманную и способную к дальнейшему развитию организацию придал им именно Сулла. Он мудро выделил те вопросы, которые без ущерба для государства могли быть предоставлены в ведение местных общин, ввел муниципальное управление в общий механизм государства и определил те основы, из которых развилось впоследствии все городское устройство западноевропейских государств. Суллинское устройство областного самоуправления - это один из замечательнейших и самых богатых последствиями фактов римской истории, тут Рим с особенной ясностью является в своем существенном значении соединительного звена между древним и новым миром в области идей государственного устройства.

Таково было в общих чертах государственное устройство, приданное Риму диктатором. Современники подчинились беспрекословно железной воле этого человека. Только некоторые видные офицеры, сподвижники Суллы, были недовольны тем, что Сулла выдвигает на первое место не свою победоносную армию, не военную силу, а сенат и ему подчиняет армию, двое из них попробовали идти против диктатора и нарушить им изданные законы. К одному из них - Помпею - Сулла отнесся с оскорбительной уступчивостью, а другого, которого считал человеком более серьезным, просто приказал заколоть публично. Тогда и эта оппозиция притихла.

Неограниченную власть Сулла применял только для мер, имевших временное значение или таких, которые казались слишком жестокими, так что участие в них компрометировало бы сенат. Диктатор постоянно имел в виду как можно скорее сложить свои исключительные полномочия. Уже на 81 г. Сулла приказал выбрать консулов, на 80 г. он принял консульство на себя, в сотовариществе с Квинтом Метеллом, и управлял как высший по закону сановник. Все распоряжения, которые должны были иметь значение закона, Сулла, раз издавши их, сам строго исполнял, и на 79 г. отказался, согласно закону, вторично выступить кандидатом в консулы, а предписал избрать новых консулов и, когда они были выбраны, вышел на площадь, заявил, что слагает с себя свои полномочия, отпустил свою вооруженную стражу и просил всякого, кто имеет его в чем-либо обвинить, безбоязненно выступить с обвинениями. Многие глубоко ненавидели Суллу, но все молчали в этот действительно величественный момент, когда человек, обладавший безграничной властью и применявший ее во всей полноте, сам добровольно обратился в рядового гражданина, простого сенатора по закону, - и среди почтительно расступавшейся толпы Сулла удалился в свой дом, сопровождаемый только своими личными друзьями.

Единственное явление в истории представляет этот человек. Аристократ по рождению, человек богатый, утонченно образованный, любивший блеск и удовольствия столичной жизни, склонный к шутливости и веселью, он вовсе не казался призванным к той великой роли, какую исполнил. По складу ума и воспитанию человек уравновешенный и несколько скептик, ничуть не обуреваемый честолюбием, он выступил на поприще государственной

деятельности, по-видимому вовсе не чувствуя к ней особого призвания, а просто потому, что все люди его круга так поступали,- и прошел это поприще с удивительным счастьем. С полным правом и искренно Сулла заявлял, что почитает себя под особым покровительством богов и принял официально титул «Счастливого». Своенравная богиня счастья словно решила относительно этого своего любимца быть постоянной. Самые решительные предприятия удавались Сулле неизменно, дважды именно на долю его выпали те успехи - захват Югурты и победа над Митридатом,- о которых мечтал и которых страстно желал Марий. Союзническая война Марию принесла одни обиды и разочарования, а Суллу вознесла на первое место. После беспримерного похода в Азии Сулла счастливо побеждал в Италии и наконец стал полновластным владыкою города, повелевавшего полумиром. В этом положении Сулла обуздал партию крайней реакции, сломил демократию, сорок лет потрясавшую государство, разрушил могущество капиталистов, подавил оппозицию собственных сподвижников и успокоил Рим - и все это без единого поражения, без единой неудачи, без необходимости хоть раз исправить сделанный шаг.

С чудесным, почти божественным совершенством Сулла исполнил свою роль, и его деятельность, в тех пределах, какие он сам ей ставил, была не только грандиозна, но и полезна. Не только поддержал он падавшую аристократию с таким умением, с каким не послужил своей партии какой-либо другой вождь, он совершил дело безотносительно великое: он не просто завершил революцию, а заставил и свою партию признать равноправие всех италийцев пред лицом закона и таким образом явился истинным творцом полного государственного объединения Италии. За 40 лет непрерывных потрясений Италия ко времени Суллы пришла в состояние такой анархии, что, весьма вероятно, Римское государство погибло бы, если бы Сулла не спас его в Азии и в Италии. Сулла сделал все, что консервативного образа мыслей человек может сделать для спасения аристократической правительственной системы, и если дело Суллы не было прочным, то не по его вине, а потому, что в данных обстоятельствах оно и не могло быть прочным, так как не во власти какого-либо человека вдохнуть новые силы и новую бодрость в ту олигархию, которая правила Римом ранее и которой Сулла теперь передавал реформированное государство. Бесспорно достойно изумления и то, как Сулла задумал свою грандиозную попытку, и то, как он ее выполнил среди бесчисленных препятствий.

Однако не избег и Сулла крупных ошибок, которые до известной степени объясняют ту ненависть, какую веками питали многие к его имени. Он слишком откровенно, можно сказать, цинично, относился ко многим явлениям. То публичное осмеяние человечности, какое чувствуется в опубликовании списка проскриптов, в приказании публично заколоть ослушного генерала, тот индифферентизм к преступлениям своих пособников, какой проявлял Сулла,- все это не только оскорбляло нравственное чувство, но было и государственною ошибкою, так как подготовило и жестокость, и бессовестность всех следующих революционных кризисов.

Глава IX. ФИНАНСЫ ГОСУДАРСТВА И ЧАСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО. НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. РЕЛИГИЯ. ВОСПИТАНИЕ. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Экономическое положение государства, повинности провинций.- Сельское и денежное хозяйство.- Развитие роскоши.- Нравы.- Смешение народностей.- Эллинизм.- Философия в Риме.- Государственная религия.- Воспитание юношества.- Трагедия, комедия.- Сатира.- Состояние наук

От битвы при Пидне, когда римляне утвердили свое мировое владычество, до времени Суллы прошло почти 90 лет. За это время Рим сделал немало территориальных приобретений, но могущество государства несомненно падало. На полях Акв Секстийских и

Верцелл разыгрался первый акт той борьбы, которая не прекращалась уже до разрушения Римского государства и, может быть, не закончилась еще и теперь, борьбы прежних европейцев с новыми пришельцами - племенами германскими, славянскими, а затем и среднеазиатскими.

В Италии городская община Рима поглотила союз италиков и явно стремилась поставить и другие народности в положение не союзников, более или менее полноправных, а прямо в положение подданных. Весь государственный строй был до корня разрушен действиями как той партии, которая требовала изменений, так и той, которая требовала сохранения старого. Все отрасли государственного управления пришли в хаотический беспорядок. Гражданство в массе потеряло всякое влияние на дела управления, теперь фактически управлял или один случайно влиятельный человек, или замкнутый круг олигархии - то родовой, то денежной, - и вопросы государственные в случае несогласия решались силою, сначала дубинами, а потом мечом. Самоуправлявшейся общины не было, и государству оставалось подчиниться деспотической власти, и вопрос был лишь в том, станет ли этим деспотом одно лицо или партия.

Умирало старое государство от давних и глубоких социальных язв, главным образом от развития невольничьего пролетариата и разорения им сельского населения. Менее столетия тому назад казалось, что Рим наверху благоденствия, и вот солнце свободы садилось неудержимо и сумерки окутывали мир, над которым еще так недавно сияло солнце счастья, свободы и могущества. Теперь все общество в мучительном сознании беспомощности и бессилия пред надвинувшимися тяжкими вопросами томилось и ожидало: найдется ли такой гениальный человек, который воссоздаст государство из того хаотического беспорядка, в какой оно пришло?

Остановимся несколько, чтобы взглянуть, в какое положение приведено было государство теми социальными и политическими потрясениями, которые были только что изложены, и прежде всего познакомимся с экономическим и финансовым положением республики.

В Италии граждане не платили уже никаких налогов, и единственные доходы, которые государство получало здесь, оно извлекало из

отдачи в аренду оставшихся у него земельных участков, из сборов таможенных и некоторых немногочисленных налогов на роскошь. В провинциях государство считало себя собственником всех земель, принадлежавших прежним властителям, и участки этой земли оно раздавало в пользование частным лицам за арендную плату. Наряду с этим в провинциях собирались различные государственные налоги, и прямые и косвенные, в виде разных сборов, связанных с торговлею. Отдельные государства и даже общины обложены были весьма различно, но вообще в римскую государственную казну провинциалы платили в общем менее, чем прежним своим властителям. На них упали зато расходы на местную администрацию, на общественные здания, пути сообщения, расходы не незначительные. Как общее правило, римляне принимали на счет государственного казначейства содержание войск и военное управление. По закону военачальники могли требовать с населения на нужды армии и различных сборов натурою, с тем что за все поставленное будет уплачено; но сроки и размеры уплат определялись самими администраторами, и есть несомненные свидетельства, что требования были нередко чрезмерны и что расплачивались весьма несправедливо.

Вообще произволу всех римских властей в провинциях был открыт чересчур большой простор. В свою личную пользу они собирали с провинциалов огромные суммы, и всаднические суды открыто покровительствовали всяким злоупотреблениям, и если кто из римских чиновников подвергался преследованиям по суду, то обыкновенно именно наиболее умеренные и честные, которые поэтому самому не могли достаточно располагать в свою пользу судей. Вообще, в течение этого периода сохранялось еще в принципе старое и

почтенное правило, что владычество Рима не есть обогащение его на счет провинций, но начались уже и отступления от этого правила, и вся операция по раздаче в Риме хлеба была целиком основана на значительных доходах, какие римляне извлекали от введения откупной системы собирания всех налогов в Азии.

В первую, мирную, половину того периода, о котором мы теперь говорим, государственная казна имела большие свободные суммы. На эти средства Италия была покрыта целюю сетью отличных шоссированных дорог, осушены были на полуострове обширные болота, доставившие прекрасные земли для поселений и обработки. Но нельзя не сказать, что в значительной мере это делалось за счет сокращения военных расходов, так как армия и особенно флот были совершенно заброшены, а следствием этого был потом целый ряд военных неудач. В течение революционного периода равновесие бюджета было совершенно разрушено, и только Сулла снова его восстановил, главным образом благодаря тому, что уничтожил основную причину финансовых затруднений - хлебные раздачи.

Сельское хозяйство оставалось в том же печальном положении, как в конце предшествующего периода. По-прежнему капитализм разрушал хозяйство мелких собственников. Не развивались нисколько и ремесла, и промыслы. Торговля же и денежные обороты римских капиталистов были по-прежнему значительны и даже еще усилились. Рядом с политической олигархией, которая правила через сенат, создалась могущественная олигархия капиталистов, в руках отдельных лиц скопились колоссальные богатства, которые давали возможность их обладателям оказывать заметное влияние и на политические дела. Коринф был разрушен именно по настояниям этой финансовой олигархии, которая и захватила в свои руки огромные торговые обороты Коринфа. По требованию той же группы капиталистов основана была Нарбонна, город, важный в торговом отношении, хотя по политическим соображениям сенат не сочувствовал основанию этой колонии.

Чрезмерное развитие торговых и денежных операций было причиною того, что множество италийцев лучшие свои годы проводили в отдаленных провинциях, где иногда италийцы и погибали массами, как было, например, при начале Митридатовой войны. К концу рассматриваемого периода число свободного населения в Италии никак не превышало 7 000 000, а количество рабов достигало 13 000 000 - отсюда понятно то значение, которое приобретали восстания рабов.

При чрезмерном напряжении денежного хозяйства неизбежные в нем кризисы раздражались со страшною силою и влекли за собой серьезные экономические затруднения, и только отлично организованная монетная система Рима до известной степени ослабляла их силу: римское правительство очень твердо держалось правила чеканить всегда монету узаконенной пробы и полноценную. Только раз сделано было отступление от этого правила, когда Друз, изыскивая средства продолжать даровую раздачу хлеба, провел в 91 г. закон, в силу которого на каждые 7 серебряных денаров выпускался один медный, лишь покрытый тонким слоем серебра, этим денарам присваивалось равное хождение с серебряными, и они принимались во все казенные платежи. Операция эта была не чем иным, как выпуском денежных знаков, но выпуском весьма умеренным и осторожным; тем не менее через 10 лет она была прекращена из опасения вызвать какое-либо недоверие к монете. На всем Западе имели исключительное распространение римские денары, в греческих же областях повсеместно удержались и греческие тетрадрахмы.

Спутниками высокого развития денежного хозяйства явились и здесь, как это всегда бывает, чрезмерная роскошь, склонность к мотовству, к грубым чувственным удовольствиям. Роскошь страшно развилась в Риме, но это была не изящная роскошь, которая является как цвет культуры, а роскошь грубая, доступная пониманию людей и совершенно лишенная чувства изящного, та роскошь, которая ценит не художественность, а редкость и дорогую цену того или другого предмета. Огромные деньги тратились, например, на общественные игры для того, чтобы выпустить на арену сразу 100 львов. Возводились

огромнейшие раззолоченные дворцы, стоившие, по крайней мере, в сто раз дороже, чем стоил обыкновенный удобный дом. Распространился обычай носить дорогие одежды, на стол и на убранство пиров делались затраты прямо чудовищные: еще Сципион Эмилиан имел столового серебра всего приблизительно 32 фунта, через 30 лет, по крайней мере, в 150 домах были приборы приблизительно по 100 фунтов, а Друз имел столовый сервиз. В столице новое направление в нравах и в умах господствовало всецело, не слышалось против него даже и такого, в сущности, безрезультатного протеста, как недавние еще речи Катона; если старые нравы держались где-нибудь, то только в глухих уголках Италии.

Глубоко важным результатом политических событий рассмотренного периода были значительные изменения в самих национальностях, которые действовали в пределах Римского государства.

Великая борьба, наполнившая III и II вв. римской истории, поглотила второстепенные народности. Наиболее значительная из них, финикийская, после разрушения Карфагена медленно исходила кровью. Получали безусловное преобладание римская и греческая национальности. Рассеявшиеся благодаря торговым и денежным делам по областям и провинциям римляне уже в то время заложили первые основы той романизации всего Запада, которая составляет крупнейший факт в истории Европы.

Но совершался процесс не только романизации, а одновременно и эллинизации Запада, потому что римляне и в эту эпоху относились к грекам так же, как в предшествующую, и во всех отраслях умственной и общественной жизни за греческими образцами по-прежнему признавалось не только равное, но и высшее значение. Сношения Италии с Грецией были чрезвычайно оживленны. В Италию шел непрерывный приток греческих философов, риториков, поэтов, учителей. Они занимали в Риме уже довольно видное положение и становились почти необходимыми членами всякого интеллигентного кружка. Эллинское образование стало неизбежно и важнейшей частью высшего образования в Италии. Эллинская цивилизация коснулась не одних высших слоев общества, она стала в полном смысле слова общераспространенною, потому что масса рабов восточного происхождения распространяла эллинизм и в низших кругах. Как в провинциях жило множество римлян, так Италия кишела греками, сирийцами, египтянами, финикийцами, евреями. Понятно, что этими путями особенное распространение получали не высшие результаты эллинского развития, а именно худшие его стороны: не формировался в новые, высшие формы римский характер усвоением лучших плодов греческой культуры и греческого ума - усваивалась лишь внешность греческой цивилизации, утрачивалась прежняя любовь, прежняя приверженность к своему, пожалуй слишком исключительная, но взамен не получалось что-либо равноценно новое.

В общей совместной жизни сглаживались яркие особенности разных племен и народностей и усиливалась одна общая черта - изношенность, измельчание характеров. Особенно ослабел латинский характер в самом Риме. Именно здесь всего более развивался - одинаково и в высших, и в низших слоях общества - пустейший и презренный космополитизм. Тесное сближение, можно сказать, взаимное проникновение, двух даровитейших племен древности дало в последующие века огромные результаты: вся европейская цивилизация опирается на этот процесс, но в первое время смешение национальностей несло лишь горькие плоды во всех областях умственной жизни - и в религии, и в философии, и в литературе.

Римская религия была так тесно, органически связана с государственным строем, что политическая революция разрушила и ее, - и на развалинах старинных верований в высших кругах общества распространились или безверие, или философские системы, в кругах же низших - всевозможные виды суеверий.

К тому времени, когда в Риме стала исчезать старинная религиозность, эллины давно уже

пережили эпоху простой веры. Веры у них уже и не было, а была лишь философия; теперь ее заимствовали у них и римляне.

Но и философская мысль Эллады изжила себя. Философия этой поры не освобождала мысль, не окрыляла ее, а заковывала в узкие рамки схоластического философствования: римляне усвоили греческую философию не в гениальных творениях Платона и Аристотеля, а от их слабейших учеников и толкователей. В Риме получили распространение школы эпикурейская, стоическая и новых академиков, последняя школа была по преимуществу критической и диалектической, самостоятельной системой воззрений она не проводила; учение эпикурейцев и стоиков было определеннее. Последователи Эпикура признавали, что основное начало мира косо, разнообразие вещей они объясняли механическими сочетаниями, существование богов и бессмертие души они отрицали и идеалом для человеческой жизни почитали уравновешенное существование, не возмущаемое ни духовными порывами, ни какими-либо излишествами, крайностями телесных удовольствий или неудобств. Последователи Зенона, стоики, признавали основную сущность мира изначально деятельною, признавали существование богов и их влияние на мир и идеалом человеческой жизни ставили постоянную деятельность в стремлении согласоваться с природою.

Первоначально в Риме философские учения встретили прием весьма недружелюбный. Нерасположение к философии установилось здесь с первого публичного дебюта представителя греческих философов Карнеада, который в 155 г. беззащитно защищал вероломный захват афинянами Оропа, тогда против этого ратора и всей греческой философии сурово выступил Катон, возмущавшийся цинизмом, с каким философ оправдывал явное нарушение справедливости. После этого в Риме надолго сохранилось недружелюбное отношение к философам и философии, и особенно к системе эпикурейской; эту последнюю здесь усвоили первоначально лишь в небольших кружках как оправдание всяких чувственных излишеств. Мало-помалу, однако, предубеждение стало ослабевать, и через несколько времени стоицизм распространился уже значительно.

Первоначально учение Зенона было усвоено в сципионовском кругу, но и здесь довольно скоро умозрительная часть системы была совершенно отодвинута на второй план, на первый же поставлено моральное ее учение. Со своими суровыми нравственными требованиями, со своею склонностью к казуистической морали, со своею простою, грубоватою аллегоризациею стоицизм был совершенно в духе римлян и так тесно примыкал к религии, как только может к ней примыкать философия. Утратив живое религиозное чувство, простую веру, последователи стоических учений, однако, признавали, что религиозные учения и обряды желательно сохранить для простого народа в силу практических соображений. Уже в сципионовском кругу было высказано то положение, которое так часто повторялось впоследствии, что необходимо соблюдать пред глазами толпы самым строгим образом все предписания религии, хотя для образованных людей религия эта, собственно говоря, совершенно не нужна. И вот люди, сами совершенно не веря, пресерьезно исполняли обязанности авгуров, упорно отстаивали права жреческих коллегий, требовали, чтобы народные собрания были непременно распускаемы, если авгур усмотрит неблагоприятные проявления воли богов. Они надеялись сделать веру орудием политики - и так же ошибались тогда, как многократно ошибались на этом самом пункте люди и других эпох: тот народ, который думали они обманывать религиозными обрядами и церемониями, утратил, так же как и они сами, свою старую веру, и на требования авгуров прекратить собрание граждане отвечали иной раз угрозами и насилиями.

Как всегда, и в эту эпоху смешение народов вело к смешению религиозных представлений. Глубоко встревоженная мысль человека того времени повсюду искала ответа на разные волновавшие ее и не разрешенные вопросы, она поднималась на все высоты и бросалась во все бездны. Как почва с истреблением вековых лесов быстро покрывается

сорными растениями, так с исчезновением веры быстро занимают ее место всевозможные суеверия. Во всех слоях римского общества, от высших до низших - или, вернее, от низших до высших,- распространились, особенно через рабов, всевозможные верования и культы, взращенные в жаркой и душной атмосфере Востока.

Среди политической, умственной и нравственной распущенности развивался чудовищный мистицизм. Множество людей предпринимало религиозные странствования по обетам, в Риме имели огромный успех разные пророки и пророчицы. Дошло до того, что в эпоху борьбы с союзниками сенат под давлением общественного мнения однажды должен был издать несколько распоряжений согласно указаниям одной гадалки. Наибольшее распространение получил и был почти официально признан культ пессинунтской Матери Богов, а культов тайных или запрещенных существовало великое множество.

Глубокие перемены совершились и в воспитании. Эмилий Павел, покоритель Греции, сам вполне подчинился влиянию греческой цивилизации, он был первым, кто признал ее тем, чем она и остается с тех пор для всех - цивилизацией древнего мира. Сам Павел был уже слишком стар, когда впервые с благоговением созерцал он Фидиева Зевса, и сам не мог уже усвоить целиком ту цивилизацию, которая его пленила, но он сделал все, чтобы она вошла в плоть и кровь его детей, и достиг этого. С этого времени для молодых и обеспеченных римлян было обязательно усвоение всего того, что преподавалось в Греции. Некоторые поняли, что лучше усваивать себе чистый эллинизм непосредственно, чем довольствоваться тем испорченным его подобием, которое уже давно распространялось в Италии. Для других следовать примеру Павла стало всевластным требованием моды. Произведения греческой литературы давно уже изучались в Риме, теперь стали изучать научно и произведения литературы римской, которая в предыдущий период обогатилась несколькими ценными произведениями. Комедии Плавта и Теренция теперь делались предметами публичных курсов, на которых их рассматривали критически. Появились и первые курсы римского красноречия. К сожалению, здесь слишком быстро и полно подчинились влиянию подобных курсов Эллады и чересчур много внимания и времени стали уделять пустым, безжизненным темам, которые почитались тем интереснее, чем труднее казалось что-нибудь по ним сказать. Оппозиция такому направлению, выставлявшая старый принцип римского красноречия - чтобы говорилось коротко, просто и ясно о данном живом деле,- оказывалась бессильной и скоро смолкла. То образование, которое давалось теперь в Риме латинской молодежи, тогда же было окрещено названием общечеловеческого, гуманитарного. Оно действительно отрицало всякую национальную исключительность, от всего специально латинского отрекалось, но оно далеко не было общечеловеческим, потому что признавало исключительность социальную и даже именно на нее опиралось.

Литература изучаемой нами теперь эпохи изменилась соответственно общему характеру времени. В предыдущий век бодрые люди, закаленные в гигантской борьбе, с юношеским непониманием трудности задачи, но и с юношескою бодростью устремились к недостижимой цели - создать свою литературу, равную греческой. Эта горячая пора увлечения скоро прошла, и в литературе наступила своего рода реакция: люди, более чуткие к прекрасному, поняли недостижимую прелесть того, чему так смело надеялись создать равное. Суровой критике подвергнуты были произведения латинских подражателей в том кружке Сципиона, где изучалась греческая литература в подлинниках, где ее впервые в Риме поняли глубоко. Энний, Плавт и их младший современник Пакувий вызывали в этом кругу тонкую и острую критику и сдержанную, но губительную насмешку. Здесь было признано невозможным создать произведения, равные греческим, и задачей поставлена была выработка чистого, изящного языка. В этом отношении и были достигнуты результаты, замечательные по оценке самого Цицерона, но умы томились среди неразрешенных вопросов, связанных с революцией, и писатели, выражавшиеся правильным, изящным языком, оказывались литераторами вялыми, без внутренней мощи, без огня. Таков Пакувий, племянники младший современник Энния, живший на рубеже III и II вв. (219-129).

Теренций, высокоталантливый автор комедий (196-159), рисует характеры более тонко, чем Плавт, диалог у него превосходен, но у него вовсе нет той энергии комизма, той широты штрихов, обрисовывающих характеры, той смелости ведения действия, которыми так блещет в комедии Плавт. Плавт подражал разным популярным греческим писателям своего времени, Теренций - исключительно Менандру, самому скромному и самому тонкому из греческих комиков. Зато, что касается языка, Теренций стоит далеко выше Плавта и принадлежит вообще к лучшим латинским писателям. В таком же духе, как Теренций, писал - много, впрочем, ему уступавший - Афраний. Он писал комедии из чисто римской жизни, но под несомненным влиянием греческих поэтов. Большое развитие получили так называемые «ателланы», фарсы, обыкновенно одноактные, полные грубых комических положений и весьма бесцеремонных эпизодов. Название свое этот род произведений получил от имени одного оскийского города, разрушенного еще за присоединение к Ганнибалу, жители этого города почитались в Италии как бы образцами неотесанности и глупости.

Эпическая поэзия находилась в полном упадке и не представила ничего сколько-нибудь замечательного. Сцена была в прежнем положении: с чисто римским ханжеством долго не разрешали устроить в столице постоянного театра, хотя во многих городах провинции театральные здания давно существовали и хотя ежегодно в Риме огромные суммы расходовались на устройство временных театральных сооружений. Интерес публики к сценическим представлениям непрерывно возрастал, и одним из ближайших друзей Суллы был Квинт Росций, знаменитый римский актер того времени.

Наиболее крупным явлением в римской литературе рассматриваемого периода была сатира, вполне оригинальный, чисто латинский род стихотворных произведений, не имевший никакой определенной формы и заключавший любое содержание. Первым писателем сатир был Лицилий (148-103), гражданин латинского города Суэссы, человек состоятельный, отлично образованный и всеми уважаемый за свои личные достоинства. В сатирах он является и тонким литературным критиком, и благородным проповедником более чистых и скромных нравов. В политическом отношении он, естественно, является писателем оппозиционным, его стихотворения приобрели быстро необычайную популярность, которая доказывает, что литература стала уже и общественной потребностью, и силой.

К изучаемой эпохе относится деятельность Полибия (ок. 200- 120), который был одним из виднейших членов в римских литературных кругах, хотя писал по-гречески. Родом из Магелополя в Пелопоннесе, Полибий играл на родине довольно видную политическую роль, а после третьей Македонской войны был взят в числе заложников в Рим и здесь провел безвыездно 17 лет, вращаясь в кругу Павла Эмилия. Полибий был современником и очевидцем великого исторического факта: на его глазах известный тогда мир подчинился римскому господству в сфере политической и греческому - в сфере интеллектуальной; на его глазах жизнь всех народов Средиземного моря слилась в одно под гегемонией римского могущества и эллинского образования. В ясном понимании этого факта он написал свою историю. Она является первой, которую можно назвать всеобщей, потому что она совершенно свободна от партикуляризма греческих историков. Полибий с приемами греческого писателя обработал обширные римские источники, и в смысле богатства материала, его расположения, в смысле критики источников и правдивости рассказа Полибий представляет замечательное явление. Для римской истории труд Полибия чрезвычайно важен: та эпоха, которую описал он, - от Ганнибаловских войн до начала II в. - принадлежит к числу наиболее ясных для нас. Но нельзя не сделать Полибию одного существенного упрека: он понимал историю не как явление нравственного порядка, а как своего рода механическое, и поэтому все его суждения по вопросам религии, права и чести плоски, мелки, а в некоторых случаях и прямо нелепы.

По сравнению с произведением Полибия римские хроники представляют собою жалкие и скучные компиляции, нередко совершенно вздорные. С чрезвычайною подробностью, со

всевозможную хронологическую обстоятельностью описываются в них события древнейших эпох, относительно которых не только не было, но несомненно и не могло быть сколько-нибудь точных свидетельств. Впрочем, некоторые хроники, касавшиеся времен ближайших, имеют известную цену, писаны они все уже по-латыни, а не по-гречески, как писались ранее. Несколько видных деятелей изучаемой эпохи вели свои записки, записывали и распространяли свои речи и составляли сборники своих писем, эти памятники впоследствии доставили ценный материал римским историкам.

Параллельно с развитием литературы и в зависимости от этого развития разрабатывались грамматика и орфография, зарождалась история римской литературы, развивалась вообще римская филология. Луций Стилон около 104 г. занялся изучением памятников древнейшего латинского языка, он старался установить и точный текст комедий Плавта. От этого же времени сохранился любопытный учебник риторики, автор которого относится неодобрительно к греческим ораторским приемам, находит их мелочными и искусственными и требует от речей большей простоты и деловитости.

Из специальных знаний за это время сделала успехи в Риме только юриспруденция: выработались многие тонкие юридические понятия и определения, совершенно неизвестные еще авторам XII таблиц. Развивалась и юридическая литература: сначала распространялись сборники советов по разным судебным делам, а затем началась и систематизация права. Сочинения Квинта Муция Сцевола, который был консулом и главным понтификом и умер в 82 г., стали исходною точкою всех систем римского права и всех учебников его. Толчок более систематической и научной разработке правоведения был дан несомненно знакомством с философско-практическим схематизмом современной греческой философии.

Искусство находилось в жалком положении. Распространилась мода осматривать памятники искусства в Греции и, пожалуй, любовь к ним. Охотно увозили и в Рим произведения греческих художников, особенно то, что доставалось в виде военной добычи. В Риме возведено было много роскошных зданий, но все это делалось греками, и ни собственных архитекторов, ни собственных живописцев Рим не дал. Музыка и танцы получили широкое распространение, но исключительно как необходимое украшение роскошных обедов: и закон, и многие римляне по-прежнему относились к этим занятиям как к чему-то презренному. Это не мешало, однако, тому, что и представители знатнейших фамилий упражнялись усердно и в музыке, и в танцах, хотя и не достигали сколько-нибудь значительных успехов.

Во всем - и в умственной деятельности как в сфере практической политики - видим мы у римлян упадок производительности и силы. Распространялись и знания, и интерес к искусству, но только в смысле усвоения сделанного другими, творчества не было. Нация пережила уже свою юность и явно клонилась к упадку.

Книга пятая. ОСНОВАНИЕ ВОЕННОЙ МОНАРХИИ

Глава I. ВЛАДЫЧЕСТВО ОЛИГАРХИИ. ДЕЛА В ИСПАНИИ И НА ВОСТОКЕ

Слабость сенатской партии.- Помпей, Красс, Цезарь.- Смерть Суллы.- Восстание Лепида.- Серторий, борьба с ним и его убиение.- Поход Лукулла против Тиграна.- Пиратство и восстания рабов

Сулла оставил власть, дав восстановленной им олигархии полную возможность отстаивать свое место и значение в государстве, но предстояло выдержать упорную борьбу. На том пути, каким шел Сулла, невозможно было возродить внутренние силы государства, олигархия могла держать власть в своих руках только при условии упорной защиты своих

прав, только при энергичной и большой работе. Положение было особенно трудно потому, что против государственного порядка боролась не какая-нибудь одна партия, ему были враждебны самые разнообразные элементы, враждовавшие и между собой, но сходявшиеся в ненависти к олигархии: с одной стороны, строгие юристы, возмущавшиеся прямым нарушением законов, с другой - идеалисты, сторонники народовластия, которые отстаивали старые громкие фразы и не замечали, что существа дела они изменить не умеют; население областей, получивших неполные права,- и вольноотпущенники, лишенные значительной части своих прав; капиталисты, утратившие всаднические суды,- и чернь, лишенная дарового хлеба; люди, искавшие популярности,- и люди, разорившиеся в революции, наконец, даже многие бывшие сподвижники Суллы, которые прокутили богатое вознаграждение и теперь мечтали о новых подачках,- все это было враждебно порядку вещей, установленному Суллою. От немедленной катастрофы спасало сенат лишь то обстоятельство, что в рядах оппозиции не было выдающегося вождя, не было человека, способного объединить всех недовольных и направить их силы на коренное изменение государственного строя.

Не было выдающихся людей и в рядах партии правительственной. Глубоко павшая римская аристократия утратила и дарования и честолюбие. Представители знатнейших фамилий считали теперь дух партийности патриотизмом, тщеславие - честолюбием, ограниченность - последовательностью. Они довольствовались самыми легкими лаврами, пустыми титулами, и в том возрасте, когда настоящий государственный человек иногда только начинает достойную себе деятельность, они уже были утомлены жизнью и спешили удалиться в интеллигентную праздность.

Наиболее известным человеком в это время был Гней Помпей (96-48). Ему не было еще 30 лет, а он уже прославился как полководец, все считали его и выдающимся государственным человеком, но только при отсутствии истинных дарований мог выдвинуться на первое место такой человек. Помпей был человек совершенно дюжинный: он обладал личною храбростью, но дарований полководца вовсе не имел; он был бесспорно честен в частной жизни, но не брезговал и такими способами наживы, от которых отвернулся бы человек действительно нравственный, и если не шел путями очень кривыми и темными, то только потому, что был слишком богат; распущенность современного общества создала ему славу человека добродетельного, но по требованию Суллы он развелся со своею женою и казнил своих бывших товарищей и сподвижников; человек упрямый, он обыкновенно оказывался игрушкой в руках окружающих; в политическом отношении он не имел никаких идей и торжественною молчаливостью прикрывал их отсутствие, а когда решался на какие-либо шаги, казавшиеся ему тонкими, то обыкновенно самым явным образом попадался впросак. Политическое положение Помпея было фальшиво: выдвинутый Суллою, он пошел против него, но не вполне решительно; он мог занять высокое положение как полководец, покорный сенату, но не хотел идти на второстепенную роль; постоянно мечтая об исключительном положении, он всегда отступал пред неизбежным риском, как только представлялась необходимость сделать последний шаг для того, чтобы такое положение занять.

Видную фигуру среди оптиматов представлял также Марк Красс. Во время проскрипций он приобрел колоссальное состояние: он был богатейшим человеком в Европе; он говорил, что тот еще не богат, кто не может содержать целой армии, и сам, имея эту возможность, по-видимому, не имел намерения оставаться частным человеком, а питал высшие замыслы. Красс уже вовсе не имел ни широты взгляда, ни энергии настоящего государственного человека: по натуре это был просто упорный и настойчивый торгаш,- он и влияния добился тем, что заискивал у толпы, был внимателен ко всякому, охотно помогал деньгами всем, кто имел хоть какое-нибудь влияние, и всякого опутывал дачею денег взаймы без росту, но до востребования,- такой человек, конечно, мог выдвинуться в первые ряды только в партии, совершенно бедной дарованиями.

Среди демократов наиболее выделялись Гай Котта, приятель Друза, человек честный и

толковый, но без особых дарований, и Гай Юлий Цезарь, еще совсем молодой человек (род. 1 июля 100 г.), проявлявший в себе что-то несомненно недюжинное, но пока еще прославившийся лишь своим щегольством и долгами. Первое же место между демократами занимал консул Марк Лепид, горячий оратор, но человек малорассудительный и совсем незначительный. Правда, его верность демократии была почти несомненна, потому что только поддержка этой партии и спасала его от ответа по очень серьезным обвинениям, какие он навлек на себя, когда, до перехода к противникам сената, он в качестве сенатского уполномоченного хозяйничал в Сицилии чересчур бесцеремонным образом.

Самый серьезный противник сената оказался в Испании: это был Квинт Серторий. Человек слабого сложения, характера тихого и скромного, он обладал удивительно ясным умом, чрезвычайно твердым характером и необыкновенными организаторскими способностями. Серторий бежал из Италии от проскрипций и с немногими спутниками бродил как беглец в Испании и Африке. Он и в этом положении обратил на себя такое внимание, что лузитанцы, намереваясь воевать против Рима, пригласили его к себе. Серторий собрал около себя до 4000 римских беглецов, из них создал ядро армии и, подкрепляемый туземными племенами, в течение 80-77 гг. одержал ряд важных побед над сенатской армией. Особенно замечательно при этом, что Серторий умел так вести дело, что в глазах всех окружающих он действовал не как бунтовщик, восставший против Рима, а как законный наместник Испании, борющийся против войск незаконного правительства. Его успехи вызвали заметное брожение и в Галлии, и Серторий усердно его поддерживал.

В 78 г. скоропостижно скончался Сулла, и немедленно демократы в Риме начали добиваться отмены нововведений Суллы. Лепид, один из консулов этого года, открыто заявлял свое сочувствие их требованиям, и сенат после некоторого колебания уступил в одном пункте - восстановил хлебную раздачу, хотя и с ограничениями. Уступка прибавила смелости недовольным, скоро в некоторых округах Этрурии жители стали открыто силою изгонять бывших суллинских солдат из полученных ими участков, а когда сенат имел неблагоприятное впечатление от выступления против бунтовщиков Лепида на основании того, что он принес клятву оставаться верным долгу, то Лепид немедленно стал на сторону мятежников, заявив, что клятва связывала его лишь до истечения года. Тогда сенат спохватился и принял меры более энергичные. Скоро Помпей и другой консул Катул нанесли мятежникам несколько серьезных поражений и окончательно разбили Лепида, когда он сделал попытку внезапно овладеть Римом. Восстание было подавлено, а Лепид вскоре умер от чахотки.

Положение дел в Испании между тем требовало неотложных и энергичных мер. В среде правительственной партии не было никого, кто был бы способен, или даже только желал бы, помериться с Серторием, и сенату пришлось поручить начальство в этой войне Помпею, который не столько предлагал свои услуги, сколько требовал этого назначения, стоя во главе армии, с которой он только что потушил вспышку революции в Италии.

Когда Помпей довольно-таки медленно привел в Испанию значительный отряд свежих войск, силы правительства стали безусловно выше сил Сертория. Но Серторий был неизмеримо талантливее своих противников и в течение двух лет разбил Помпея четыре раза во всех битвах, в которых они встретились, зато подчиненные Серторию начальники потерпели несколько серьезных поражений и от Помпея, и особенно от Метелла. Восьмой год уже боролся Серторий против сената, и в Риме начинали поговаривать, что, пожалуй, Серторий повторит движение Ганнибала - и это не казалось невозможным, так как своими дарованиями Серторий действительно напоминал Ганнибала. Но он походил на него и в том отношении, что никогда не ошибался в оценке своих сил: он понимал, что окончательное торжество для него невозможно, и выказывал готовность прекратить борьбу, если только ему позволено будет мирно жить на родине. Но олигархи не хотели примириться с самым талантливым своим врагом и продолжали войну, которая страшно разоряла и Италию, не говоря уже об Испании, где она в корень погубила латинскую культуру, только что

начавшую там распространяться.

Силы Сертория, конечно, иссякали быстрее, чем силы сената. Ряд мелких неудач поселил уныние в рядах его приверженцев, поколебалась их вера в гений и непобедимость вождя. Стали возникать заговоры: окружавшие Сертория желали примириться с Римом ценою выдачи вождя. Серторий жестоко расправился с обнаруженными заговорщиками, но в скором времени он был все-таки предательски зарезан на пиру (72). Так бесславно погиб под кинжалами жалкой шайки человек, быть может, самый даровитый из всех, кого выставил Рим до того времени, и даже память о нем осталась лишеною всякого обаяния: человечество и история строго судят тех, кто поднимался против родины, даже и в таком положении, как Серторий.

Место Сертория занял организатор его убийства, Перпенна, но заменить Сертория он ни в каком отношении не мог, он быстро был совершенно разбит Помпеем и попался в плен. Перпенна попробовал спасти свою голову, представив Помпею переписку Сертория, которая компрометировала многих видных деятелей Рима. Помпей сжег письма не читая, а Перпенну казнил. В скором времени после этого Испания была замирена, многие сторонники Сертория получили полное прощение, очень умеренный эдикт о них был проведен при большом участии молодого Цезаря.

Таким образом, сенат справился с восстанием в Италии и Испании, но положение дел вообще, а особенно на Востоке, оставалось в высшей степени запутанным и печальным.

Мы уже упоминали, что на Далматинском побережье Адриатического моря издавна существовало разбойничество. Около смерти Суллы эти разбои усилились до чрезвычайности, и только энергичный и способный Лукулл закончил успешно борьбу с разбойниками, шедшую уже семь лет, он усмирил страну и привел ее в повиновение правительству.

Но на море разбойничество непрерывно развивалось. Существовало оно с самой глубокой древности и очень усилилось за время митридатовских войн. На водах Средиземного моря создалось своего рода разбойничье государство, имевшее довольно сложную и стройную организацию. Членами этого своеобразного царства корсаров были несчастные или преступные люди из всех тогдашних стран. Национальная связь в нем заменялась тайною, как бы масонскою, связью, и безусловная верность в своей среде до известной степени покрывала собою преступность организации. Корсары беспрекословно повиновались признаваемым ими у себя властям, самым добросовестным образом поддерживали друг друга в опасности, и все свято соблюдали условия и договоры, которые были приняты на себя какою-либо их шайкою.

Приморские провинции страдали от разбойников невыносимо. С прибрежных городов корсары взымали дань, множество людей было постоянно похищено и продаваемо в рабство, более знатных пленников пираты возвращали за огромный выкуп или подвергали мучительным казням. Экономические бедствия, созданные прекращением сколько-нибудь безопасных морских сообщений, были прямо неисчислимы.

В отношении к пиратству сенат проявил все свое ничтожество: он не только не умел в широких размерах организовать борьбу с этим злом, но выставлял как общий принцип, что каждая провинция должна сама бороться и сама отстаивать себя. Между тем, конечно, никакая отдельная провинция не могла ничего сделать, когда на нее нападали пираты, сосредоточив свои силы. Только раз, в самые последние годы жизни Суллы, предпринята была энергичная экспедиция против корсаров. В 78-76 гг. консул Публий Сервилий разбил в кровопролитном сражении их флот, прошел затем с войском Киликию и Тавр, где преимущественно гнездились разбойники, разорил много их укрепленных пунктов. Пиратство после этого на время притихло, но уничтожено оно не было и вскоре опять вспыхнуло с новою силой.

Чрезвычайно сложно и смутно было положение дел и в Азии. Тигран армянский не участвовал открыто в войне Митридата с Римом, мирный договор не определял никаких отношений его и Рима, и он захватывал и подчинял себе одно за другим мелкие соседние царства. Мало-помалу он распространил свои покушения и на отдельные области Каппадокии и Сирии, а эти государства прямо подчинены были Риму. Сенат, стремясь всячески избежать новой борьбы, делал вид, что ничего не замечает. Не постарался он осуществить прав Рима и на Египет, который в 81 г. был завещан Риму последним царем из дома Лагидов, умиравшим без наследника. Страна была оставлена на произвол двух претендентов, которые спорили тут о власти, не имея на нее совершенно никаких прав, и разоряли страну на глазах у сената.

До берегов Средиземного моря, этого истинного базиса римского могущества, распространяли теперь свою власть азиатские цари, и Рим терпел это спокойно. Ясно было, что для безраздельного мирового владычества римлян наступало начало конца. Тигран, имея возможность без борьбы захватывать целые области и делать все, что ему было угодно, войны тоже не искал, но столкновение было неизбежно, так как ни с той, ни с другой стороны не было не только дружелюбия, но и взаимного доверия. Когда в Испании дела римлян были очень плохи, а в водах Азии римский флот действовал против корсаров, обстоятельства были особенно благоприятны для нападения на Рим, и вместе с тем были и у Митридата основания предполагать, что под видом приготовлений к борьбе с пиратством готовятся, в сущности, силы для борьбы с азиатскими властителями. Мирное положение не могло сохраниться.

Зимой 75/74 г. Митридат решился на войну. Тигран по своей недалекости уклонился от союза, но Серторий вступил с царем понтийским в официальные сношения и прислал ему инструкторов для его армии. Пираты тоже заключили с Митридатом союз. Римляне сделали обширные приготовления и поручили ведение войны энергичному консулу, Лукуллу. Война началась для Рима неудачно: римский флот был истреблен в Черном море при Кархедоне, впрочем, Лукулл умелым и твердым ведением дела быстро восстановил перевес римлян. Затем он нанес Митридату ряд поражений, и через два года борьбы царь должен был бежать из пределов своего царства. Он направился к царю Армении, но Тигран не допускал его к своему двору и держал как бы в почетном плену. Преследуя Митридата, Лукулл прошел Понт, Вифинию и достиг границ Армении. Так хороша и прочна была военная организация римлян, что и с незначительными силами Лукулл достиг серьезных успехов, хотя в его время солдаты обнаруживали уже больше интереса к грабежу, чем к победе, и очень неохотно совершали столь отдаленный поход. Лично Лукулл не пользовался расположением войска и за свою строгость, и как ославленный сторонник сената, но он умел подчинять легионы своей воле и поддерживать дисциплину.

Пред римским военачальником стал теперь весьма важный вопрос. Он видел, что необходимо обезопасить бассейн Средиземного моря от влияния и даже от вторжения Тиграна. Он понимал ясно, что достигнуть этой цели можно только тогда, когда Армения будет отодвинута по-прежнему за Тигр, но было невозможно надеяться, чтобы робкий, колеблющийся сенат решился принять на себя такую задачу. И вот Лукулл, подобно тому как поступил в таких же обстоятельствах Сулла, его учитель и друг, сам, на свой страх, довел дело до войны с Тиграном: имея полномочия на войну с Митридатом, он истолковал их так, что имеет право требовать и выдачи Митридата, отправил посольство с поручением добиться от Тиграна этой выдачи, и, когда последовал естественный отказ, он весной 69 г. двинулся против Тиграна.

Силы Лукулла были невелики. В течение последней зимы он сделал все, что было можно для успеха предприятия, но против царя Армении он мог вывести всего не более 15 000 человек. С этим численно ничтожным войском Лукулл подступил к Тиграноцерте, обширному городу, построенному по воле Тиграна в пустынном прежде месте, и осадил ее.

Тигран был совершенно не готов к войне, но тем не менее он в скором времени собрал армию численностью до 200 000 человек и подошел к Тиграноцрте. Тут он с удивлением и даже с презрением увидел отряд Лукулла, слишком большой для посольства, но слишком ничтожный для войска, как выразился царь, и решил дать сражение. Оно произошло 6 октября 69 г. и окончилось полным торжеством Лукулла: римляне почти не понесли потерь, а полчище Тиграна рассеялось совершенно. Города Армении стали сдаваться один за другим. Все, что было здесь эллинского, охотно переходило на сторону Лукулла, который повсюду выставлял себя защитником эллинов против варваров. Богатая добыча дала возможность покрыть издержки экспедиции и до известной степени удовлетворить солдат.

Тигран совершенно пал духом и был готов заключить мир, но тут явился к нему Митридат и успел совершенно подчинить своему влиянию слабого царя. Он доказал ему, что одно проигранное сражение ничего не значит и что положение Лукулла несравненно опаснее. Митридат успел даже поднять энергию у народностей Востока - и толпами стекались к нему воины, чтобы отстаивать свои земли и свою свободу от чуждых пришельцев. Митридат стал формировать сравнительно небольшое, но отборное и хорошо обученное войско и против Лукулла организовал самую ужасную для римского войска борьбу - мелкую партизанскую войну.

Старый царь не ошибся относительно положения Лукулла. Солдаты очень тяготились походом, а из Рима шли известия, что и там сенат недоволен самовольством Лукулла, и это, конечно, не способствовало водворению дисциплины. Летом 68 г. Лукулл решил на новый крайне смелый шаг он двинулся в глубь старинных владений Тиграна, чтобы достигнуть его столицы на склонах Арарата и разорением ее принудить царя к миру. Он находился уже недалеко от нынешнего города Эрзерума - но тут солдаты отказались идти дальше. Победоносный полководец должен был повернуть назад. Он осадил в Месопотамии последний значительный не подчинившийся еще город, Низибю.

Как всегда бывает, отступление одного войска подняло энергию другого: войска Митридата и Тиграна произвели несколько нападений на римские отряды, и хотя были отражены, но уже не терпели таких поражений, как прежде. Весною 67 г. Лукуллу пришлось двинуться обратно и из Месопотамии, а к зиме он вернулся в провинцию Азию после необычайно трудного и искусно выполненного отступления, которое, конечно, далеко превосходит отступление Ксенофонта. Лукулл показал себя военачальником в высокой степени замечательным, и если имя его не упоминается в ряду имен величайших полководцев, то единственно потому, что его поход не принес никаких результатов. Но в этом вина не Лукулла, а сената, который относился ко всему предприятию с очевидным недоброжелательством.

Одновременно с действиями Лукулла в Азии Рим вел борьбу и с пиратами. В 74 г. был снаряжен против них большой флот под начальством Антония, но Антоний оказался совершенно неспособным человеком: со всех приморских городов он собрал огромные суммы, в сражениях же против корсаров имел успех лишь у берегов Италии, а когда перешел в критские воды, то был совершенно разбит местными пиратами. Не сразу после этого, но все же сенат решил наказать критян: в 78 г. у Крита появился сильный флот под командою Метелла и в 77 г. после упорной обороны все критские города были покорены и наказаны. Но и этот успех в самом гнезде пиратства не очистил моря: по всему протяжению Средиземного моря и у самых берегов Италии разбои существовали по-прежнему, и к ним стали даже привыкать, как будто к неизбежному злу.

Серьезные опасности созданы были для Рима и тем злом, которое существовало во всех государствах древнего мира и подтачивало их тем сильнее и мучительнее, чем большего развития государство достигало,- невольническим пролетариатом. Волнения рабов, начавшиеся вскоре после Гракхов, теперь осложнились тем, что в грабежах, насилиях и других подобных преступлениях, которые совершались чаще всего, конечно, невольниками,

нравственными соучастниками являлись и другие: доказано неоспоримо, что немало лиц вполне обеспеченных и высоко стоявших не гнушались для личных выгод пользоваться разбойническими подвигами своих рабов, и совершенно естественно, что там, где богатые люди иногда поощряли своих рабов к насилиям, эти рабы при первом удобном случае станут так же действовать и по собственному почину. Так и случилось, как только повод к этому представился.

За последние десятилетия важнейшею частью в народных увеселениях стали гладиаторские игры. Существовали особые заведения, где рабов и военнопленных обучали гладиаторскому искусству - для того чтобы они умели интересно для толпы убивать друг друга. Естественно, гладиаторы были люди и ловкие, и сильные, и страшно обозленные. Несколько таких гладиаторов бежали из одной школы и составили шайку под предводительством двух кельтов, Крикса и Эномая, и фракийца Спартака. Первоначально в ней считалось всего 73 человека, но она быстро увеличилась в числе, и скоро все города Кампании сделались поприщем ее подвигов. Высланный из Рима для поимки разбойников отряд в числе 3000 человек окружил беглецов на горе Везувий, но когда эти смельчаки не явились сами для того, чтобы отдаться в руки палача, а, наоборот, произвели несколько дерзких нападений на передовые посты отряда - весь отряд весьма быстро рассеялся до последнего человека.

Понятно, что после этого силы разбойников стали увеличиваться еще быстрее, чем прежде. Тогда были двинуты два легиона, легионеры тяготились службой и требовали сражения - а когда дело дошло до битвы, огромное большинство солдат немедленно бежало, небольшая же кучка оставшихся верными долгу была истреблена. Теперь силы Спартака, занявшего первенствующее положение среди разбойников, возросли до 40 000 человек, в скором времени восставшие истребили еще два легиона.

В 72 г. против них двинулись оба консула, один из них имел некоторый успех, другой же был разбит Спартаком, а несколько отрядов римских войск совершенно уничтожены. Как ни ослепительны были эти успехи, Спартак не надеялся на окончательную победу и думал уйти со своими сподвижниками за Альпы, на свою родину. Последние события и произошли на севере полуострова. Но его товарищи, опьяненные удачей, не пожелали уйти из Италии, власть же Спартака, безусловно признаваемая во время битвы и в вопросах чисто военных, после победы почти равнялась нулю. К тому же разбойники не слились в одну плотную массу, а кельты и германцы одинаково враждебно и недоверчиво относились и друг к другу, и к сирийцам и эллинам. Разбойники остались в Италии и рассеялись для грабежа. Сенат собрал армию в 10 легионов и поручил командование ею Марку Крассу с неограниченными полномочиями.

Красс не был полководцем, но он нашел способ сделать легионеров похрабрее: в первом же отряде, бежавшем пред разбойниками, он, на точном основании закона, повесил десятого. Тогда солдаты стали сражаться, и скоро толпы разбойников были оттеснены к югу. Спартак вошел в соглашение с пиратами, и те обязались принять на борт и увезти его армию, но, по видимому подкупленные правительством, они не явились в условленное место (72), и армия разбойников, готовившаяся прекратить борьбу, осталась пред готовой к бою армией сената. Красс сильно стеснил Спартака в Апулии. Смелым и хитрым движением, однако, Спартак прорвался и в 71 г. одержал несколько успехов, но в решительном сражении полчища разбойников были совершенно уничтожены. Спартак умер смертью героя, сражаясь как лев. После этого остались лишь отдельные, ничтожные сравнительно толпы, которые спешили пробраться к северу и уйти за горы. Пленные были беспощадно распинаемы, и вообще восстание было задушено с неслыханным прежде количеством казней.

Глава II. ВОЗВЫШЕНИЕ ПОМПЕЯ И ПОБЕДЫ ЕГО НА ВОСТОКЕ

Союз демократов с предводителями армий.- Помпей уничтожает пиратство.- Назначение его на Восток с широкими полномочиями.- Фактическое падение сенатского управления.- Успехи Помпея на Востоке.- Победы над Тиграном и Митридатом.- Устройство дел в Сирии

В управлении делами внутри государства восстановленная Суллою олигархия действовала так, как всегда действуют совершенно неспособные люди. Постановления Суллы проводились не целиком, а лишь в тех своих частях, которые были непосредственно выгодны членам правящей олигархии, в других же и иногда важнейших вопросах они или оставлялись без применения, или и прямо нарушались. Когда немедленно после смерти Суллы началась сильнейшая агитация в пользу возобновления хлебных раздач и возвращения трибунам всей полноты их прежней власти, сенат последнее требование отклонил, хлебная же раздача была восстановлена, но эта полууступка, как все вообще полууступки, не удовлетворила тех, кто требовал большего, и раздражила тех, кто не считал нужным ничего уступать.

Затем начались страстные нападки на сенаторские суды. Суды эти действовали, бесспорно, самым неудовлетворительным образом: были неоспоримо установлены многочисленные случаи подкупа судей, стало как бы признанным порядком вещей, что чиновникам предоставлялось сколь можно больше грабить и притеснять провинции, а затем, путем подкупа судей, они как бы вносили вознаграждение в пользу членов партии, остававшихся в Риме, и не подвергались никакой ответственности. Если некоторые из наиболее бессовестных представителей власти и были наказаны - после горячих нападков, между прочим, Цезаря и Цицерона,- то по существу ничего от этого не менялось, потому что тот «народ», который толкался в Риме на площади и избирал должностных лиц, сам был ничуть не лучше сената. Что было за это время во внутреннем управлении сделано сколь-нибудь полезного, то прошло не под давлением демократической оппозиции, а благодаря усилиям партии умеренных реформаторов-консерваторов. Но партия эта не блистала талантами и не могла направить на серьезную работу силы правительства, ничтожного по своим способностям и занятого только борьбою с оппозициею, столь же ничтожною в смысле дарований и государственных идей.

Но в 71 г. в Италии явилась новая политическая сила: из Испании вернулся Помпей со своим победоносным войском. Он требовал себе неслыханных наград. Сенат, пожалуй, дал бы ему - хотя и с прямым нарушением ясных законов - триумф, а его солдатам земельные наделы, но Помпей непременно желал быть назначенным для ведения войны на Востоке, и на это сенат решительно не соглашался: легкие лавры и богатая добыча в Азии предоставлялись исключительно самым родовитым аристократам. Тогда Помпей вступил в сношения с демократической оппозицией. Имея в виду только личное возвышение, он понимал, что личных целей можно отлично достигать при каком угодно правлении. Вожди же оппозиции, для того чтобы иметь союзника против сената, готовы были идти и с Помпеем, готовы были забыть, как он казнил по требованию Суллы нескольких виднейших представителей демократии.

В это время Марк Красс тоже стоял еще с войском, усмирившим рабов. Если бы дело дошло до борьбы, ему пришлось бы принять в ней участие. Он предпочел прямо вступить в соглашение с Помпеем и демократией (71) - тогда сенат уступил всем требованиям: на 70 г. Помпей и Красс были избраны консулами, и Помпей в народном собрании открыто заявил, что будет поддерживать требования демократии. И действительно, в следующем же году, с вступлением новых консулов в должность, трибуны были восстановлены во всех своих прежних правах, затем сенаторские суды изменены так, что равное влияние в них дано

сенату, всадникам и представителям демократии, потом восстановлены откупа в Азии, благодаря чему капиталисты вновь получили источники огромных доходов, наконец, восстановлена должность цензоров, и первыми новыми цензорами были избраны два консула, недавно лишенные сенатом командования за неумелость и трусость в борьбе со Спартаксом. Теперь они отомстили сенату, исключив на 69 г. из сената 64 человека, по преимуществу сторонников Суллы.

Таким образом, дело Суллы было уничтожено: опять столичная чернь кормилась на счет провинций, снова денежная аристократия выдвинулась на первое место и приговора ее судов, далеко не беспристрастных, трепетали правительственные чиновники. По-прежнему всякий демагог мог нарушать правильное течение государственной жизни и извращать смысл постановлений закона. Естественным продолжением произведенных перемен было требование, чтобы наказаны были сподвижники Суллы. Требования эти уже и раздавались, но для Помпея и для Красса согласиться на это значило поднять руку на самих себя, поэтому они заставили демократов отказаться от этих требований, и этот отказ лучше всего свидетельствует и о несерьезности программы демократов, и о слабости их партии.

Было очевидно, что сенат более не может править государством, но ясно было и то, что не может исполнять эту задачу и партия демократическая. Никогда дела Рима не шли так плохо, так позорно, как в десятилетие после смерти Суллы, только что нами рассказанное. Сенат вел дело так, что люди, жившие под властью Рима, не имели ничего из тех выгод, которые государство обязано доставлять своим подданным: не существовало более ни личной безопасности, ни покровительства законов и спокойного управления, ни обеспеченных торговых сношений, ни ненарушимой целостности государства. Не только люди, способные наблюдать и мыслить, видели упадок государства - он ощущался всеми, его чувствовал всякий, кто чем-либо торговал или покупал хоть меру хлеба, временами страшно дорожавшего благодаря пиратам.

Было бы несправедливо винить за все это одно правительство. Оно, бесспорно, было и плохо, и виновато, но так же плоха и виновата была и вся нация, которая уже почти не давала простых, твердых людей, любивших прежде всего и больше всего свою родину, готовых жертвовать для нее своим достоинством, трудом и самой жизнью. Теперь богачи рабовладельцы стремились лишь к обогащению, солдаты не хотели повиниться, командиры были или безрассудно самоуверенны, или трусливы, демагоги только разжигали дурные страсти толпы. Но правительство, во всяком случае, было не способно править, а когда правительство не может править, оно теряет свое разумное основание, перестает быть законным, и кто имеет возможность его свергнуть, имеет и право это сделать. Не скоро только оказываются налицо люди, способные это выполнить и - главное - способные установить новое правительство.

После понтийско-армянской войны, во время долгого господства пиратов на море, после того как едва усмирено было восстание рабов, все понимали, что олигархия править не может, и огромное большинство возложило свои надежды на демократию и этим дало ей силы победить. Но и демократия оказывалась бессильною взять в свои руки руководство всем государством. Приходилось признать, что государство может вновь выйти на путь спокойного существования только тогда, если власть будет сильна, если она во всей полноте будет в одних руках. Захватить такую власть мог, очевидно, только человек, опиравшийся на военную силу. В данную минуту Помпей и Красс оба стояли во главе армий, следовательно, только тот или другой и мог это сделать. Каждый из них мечтал об этом, и каждый опасался другого. И тот и другой под разными предложениями держали свои армии в сборе и на военной ноге, хотя уже давно истек законный срок, в какой они должны быть распущены.

Демократы, чрезвычайно боявшиеся решительного шага со стороны которого-нибудь из полководцев, уговорили наконец Красса, имевшего менее шансов на успех, распустить своих

солдат. Помпей, неоднократно заявлявший, что держит свою армию только потому, что Красс не отпускает своей, не нашелся, под каким бы предлогом уклониться от прежних заявлений, и тоже распустил своих солдат по домам. Опасность, страшившая демократов, была устранена - и оба консула тотчас же увидели, что значение их пало совершенно, они не решились даже выставлять своих кандидатур на какие-либо новые должности и удалились с политической арены.

Четыре года после этого прошли без крупных событий. Война на Востоке была почти окончена Лукуллом. В столице оппозиция, видя свое бессилие захватить власть, довольствовалась тем, что на каждом шагу мешала правительству, дискредитировала его и раздражала. На морях по-прежнему господствовали пираты. Наконец в 67 г. народный трибун Авл Габиний, человек даровитый, но самых сомнительных правил, внес предложение - по-видимому, предварительно согласившись с Помпеем - начать решительную борьбу с морскими разбойниками. Он предложил назначить на три года главнокомандующего и облечь его неслыханными в Риме полномочиями: в полное его распоряжение предоставить армию в 120 000 человек, 500 кораблей и крупную денежную сумму, предоставить ему единоличное избрание себе всех помощников, а всех правительственных чиновников и военачальников в береговой полосе в 20 миль шириною подчинить ему безусловно.

Со времени Ганнибаловской войны Рим не организовывал такого грандиозного предприятия и ни один полководец не получал даже приблизительно таких полномочий. Было ясно, что если предложение пройдет, то власть эту получит в народном собрании непременно Помпей. Такое возвышение его представлялось одинаково опасным и партии сената, и демократам, и представители обеих партий делали величайшие усилия, чтобы отклонить проект или хотя внести в него некоторые ограничения. Но в народном собрании предложения Габиния прошли подавляющим большинством голосов без всяких изменений. Помпей начал действовать против разбойников замечательно удачно - и вскоре прошло предложение трибуна Гая Манилия, в силу которого Помпей получил и командование сухопутными армиями на Востоке тоже почти с неограниченной властью, так что власть была вручена ему почти на 5 лет.

Долголетняя борьба против сената этим завершилась: сенат теперь более не правил. Достигнуто было то, к чему первые шаги сделал Гай Гракх и к чему так упорно стремились его последователи. Но как переменились за время этой борьбы и люди, и обстоятельства, нравы, военная дисциплина, экономическое положение! Все было уже совсем другое, чем в те годы, когда цель была впервые высказана. То, что с самыми чистыми намерениями и с самыми светлыми упованиями было начато благородным юношей, то было закончено просто хитрыми и ловкими интригами. Одна борьба - против сената - этим была действительно окончена, но из самых последних событий было уже ясно, что против того человека, который получит в свои руки всю полноту власти, начнется немедленно новая, быть может упорнейшая, борьба. Успокоению не суждено было наступить.

Принятую на себя задачу Помпей исполнил блистательно. Конечно, со средствами Римского государства, если распоряжаться ими сколько-нибудь умело, было и нетрудно сломить пиратство, но тем не менее нельзя не признать, что успех был достигнут быстро благодаря умелой организации, которую Помпей придал данным в его распоряжение силам. Давно не испытывали в Риме такого чувства удовлетворения, как теперь, когда Помпей, отплыв весною 67 г., уже через 40 дней совершенно очистил от разбойников море между Италией, Сицилией и Африкой, а затем перешел в восточные воды и там в течение 7 недель почти окончательно истребил пиратство. До 1300 разбойничьих кораблей было потоплено, погибло свыше 10 000 корсаров. Погибли они почти все в боях, с теми же, кто изъявлял покорность, Помпей обращался чрезвычайно снисходительно.

Италия наконец вздохнула свободно, вместо тревог и дороговизны распространились спокойствие и дешевизна всех жизненных припасов - и люди с удивлением видели, что в

руках одного человека дела идут гораздо лучше, чем в руках сената.

В водах Крита у Помпея чуть было не дошло до открытых столкновений с Метеллом, давно уже находившимся на Крите с армией и не желавшим подчиниться Помпею, но как раз пришло известие, что Помпей назначен начальствовать и в Азии с такими же широкими полномочиями, какие были ему даны против пиратов. Он немедленно оставил флот в полной готовности подавить какие-либо попытки воскресить пиратство и в 66 г. отправился наконец туда, куда так давно стремился.

В Азии за это время уже начались серьезные недоразумения между Митридатом и Тиграном, так что союз между ними существовал только по имени. Помпей обратился прежде всего на Митридата. Понтийский царь не мог держаться против тех 30 или 40 тысяч войска, которые были у Помпея, и уклонялся от сражения. Некоторое время ему это удавалось, но наконец Помпей нагнал Митридата, искусно обошел его войско и в ночном нападении истребил его целиком, царь едва спасся сам. Он попробовал искать помощи у Тиграна. Но Тигран давно уже подозревал, что Митридат является вдохновителем и тайным руководителем разных заговоров против него, к тому же он был напуган восстанием одного из своих сыновей, так что не только не оказал поддержки своему зятю, но объявил крупную награду тому, кто захватит его, а сам явился к Помпею, бросился к его ногам и принял от него мир на унижительных условиях. Помпей двинулся преследовать Митридата, который укрылся в своих владениях на северном берегу Черного моря. Впервые появились теперь чужеземцы в горах Кавказа, с незапамятных времен занятых полудикими и совершенно независимыми племенами. Жители встретили пришельцев враждебно, да и по условиям местности движение представлялось чрезвычайно затруднительным. Помпей решил, что даже захват Митридата не вознаградил бы за неизбежные опасности и потери и, удовольствовавшись тем, что сопротивлявшиеся племена все-таки были смиренны римским оружием, двинулся обратно.

Митридат готовился к новой борьбе. Уменьше ненавидеть было, пожалуй, преобладающею чертою в его характере. Возможно, что он действительно лелеял мысль, которую ему приписывают, напасть на Италию с сухого пути, хотя очевидно, что такая попытка была безумием. Царь собирал воинов, заготовлял припасы и снаряды с тем большею энергиею, чем менее было у него ресурсов, почти невыполнимые требования предъявлялись к подданным с невероятною жестокостью. Любовью подданных Митридат никогда не пользовался, не был он любим и ближайшими своими помощниками: его подозрительность проявлялась слишком часто, а подозрение почти всегда грозило смертью тому, кто его навлекал. Теперь же, когда неудачи давали особенно много пищи недоверчивости царя, никто не чувствовал себя около него в безопасности. Это привело к широкому и сильному восстанию.

Скоро Митридат увидел себя всеми покинутым. Его собственный сын, Фарнак, заявил свое непереносимое намерение предать отца смерти - тогда 68-летний царь заставил выпить яду всех бывших с ним дочерей и жен и принял яду сам, яд действовал очень медленно, и он приказал рабу заколоть себя (63).

Римляне не имели на Востоке врага столь энергичного и опасного, как Митридат. Это был человек если и не гениальный, то бесспорно крупный. Выступление его на исторической сцене ознаменовало собою начало новой борьбы для римлян, с его смертью борьба эта вовсе не оканчивалась.

Как весть о важной победе было принято известие о смерти Митридата в лагере Помпея, который в то время устраивал дела в Сирии. Царство это было в состоянии, близком к полной анархии. Власть царей, можно сказать, никем не признавалась. Каждый скольконибудь энергичный вождь отдельного племени держал себя как вполне независимый владетель и сам устанавливал отношения войны или мира с такими же, как он, князьками.

Богатые торговые города, как Дамаск и Бейрут, особенно страдали от жадности соседей и сами должны были охранять себя, подобно тому как западноевропейские города в средние века. В особенно возбужденном состоянии были входившие в состав Сирии евреи, у которых около этого времени выдвинулся энергичный род Маккавеев, под его управлением евреи захватили безусловное преобладание по всему побережью от Малой Азии до Египта. Маккавеи, быть может, приобрели бы и большое политическое значение, если бы в их племени не началась упорная внутренняя борьба партий, которые, расходясь по некоторым религиозным вопросам и по политическим своим тенденциям, боролись с тем ожесточением и с тою беспощадностью, которыми всегда характеризуются религиозные распри.

Водворить порядок в хаосе Сирийского царства было или очень трудно, или очень просто. Сенат пытался поддерживать начала легитимности - и безнадежно запутался среди неразрешимых споров разных властителей, среди династических вопросов и притязаний отдельных областей. Но дело сразу упрощалось, если подойти к нему с другой стороны: позабыть династические интересы правящего дома, а поставить себе ясные и определенные цели и стремиться только к тому, чтобы соседи не отняли или не разорили вконец эту богатую и важную для Рима область и чтобы населению жилось полегче. Помпей так и сделал. Когда Антиох, носивший титул царя Сирии, письмом просил римского полководца, чтобы его восстановили на отцовском троне, Помпей тоже письменно ответил, что он не оказал бы даже по просьбе подданных поддержки тому царю, который не умеет править, и что тем более не сделает этого против желания подданных. Этим письмом династия Селевка была фактически низложена с престола.

Затем Помпей стал распоряжаться по произволу: энергично, вооруженною рукою, восстановил он в Сирии порядок и спокойствие; своевольничавшие князьки были наказаны, некоторые, наиболее упорные, взяты в плен и казнены; вторгавшиеся в страну соседние племена прогнаны; отчаянное сопротивление оказали евреи, но к концу 63 г. и они были усмирены. Сирия, Вифиния и Понт были прямо обращены в римскую провинцию и организованы приблизительно так, как вообще устраивали римляне покоренные области: верховная власть, принадлежавшая прежде царям, целиком перешла к Риму, внутреннее же управление по возможности предоставлено было местному населению. На пространстве Сирии несколько десятков отдельных князьков сохранили особые права, подобные правам прежних царей, но по объемам своих владений они были совершенно незначительны и не опасны.

Почти такие же права полунезависимых властителей были признаны за первосвященниками некоторых наиболее известных и почитаемых храмов - в Пессинунте, Комане, Киликии. В ряду других сохранил особые права и первосвященник и народный вождь евреев. Городским общинам и ромпей, как Лукулл, оказывал всякое покровительство. И тот и другой понимали, что, являясь в Азии представителями эллинской цивилизации, они должны содействовать развитию городской жизни, которая наиболее соответствовала эллинскому духу и была наилучшим его проводником.

Старые эллинские города были вознаграждены за потери, понесенные ими во время последних смут. Крупнейшие города, как Антиохия на Оронте, первый город после Александрии. Селевкия, Газа. Митилена, Фанагория, получили полную автономию. Сверх того Помпей основал до 60 новых городов в пределах бывшего царства Понтийского, в Каппадокии, Киликии. Многие из этих городов достигли впоследствии процветания, иные существуют и до нашего времени, что служит свидетельством, как удачно избраны были для них места поселения. Большею частью в этих городах были объединяемы разбросанные прежде жители деревень, сравнительно немногие пункты заселены пришлыми колонистами, по преимуществу пиратами, изъявившими полную покорность. Эта мера вызвала в свое время сильные порицания, но по тогдашнему положению вещей пиратов можно было рассматривать не как разбойников, а как воинов враждебной державы, и отношение к ним

Помпея надо признать очень благоразумным. На самых отдаленных восточных границах оставлены были совершенно незначительные царства Каппадокийское и Коммагенское, и возникло новое, сравнительно более могущественное, царство Галатия - оно было создано для одного кельтского предводителя, Диотара, отличившегося со своим отрядом и под командою Лукулла, и под командою Помпея.

На Востоке образовалось, таким образом, государственное тело, подобное тому, что представляла собою впоследствии Священная Римская империя германской нации. В создании его равная роль принадлежит Лукуллу и Помпею. Аристократия превыше меры восхваляла Лукулла, но демократическая лесть, всегда успешно соперничающая с придворною, далеко превзошла аристократическую своим прославлением Помпея: ему поднесены были небывалые знаки отличия, воздвигнуты памятники с высокопарными лживыми надписями в честь его побед, присвоен титул Великого. Лукулл, бесспорно, проявил выдающиеся военные дарования, а Помпей - совершенно беспримерную осторожность, он действовал всегда намеренно и не потерпел ни одной неудачи.

Результаты были, конечно, выгодны для Рима: он приобрел в полную свою власть обширные и богатые области, государственные доходы увеличились почти в полтора раза. Легче стало и жителям, которые были управляемы все-таки лучше, чем при собственных царях. Но и Лукулл и Помпей не показали себя великими государственными людьми в полном смысле этого слова: оба они не оценили должным образом того факта, что с уничтожением прежних вассальных государств Рим делался непосредственным соседом огромного и могущественного Парфянского государства и оба, особенно Помпей, немало сделали для того, чтобы у парфян создалось самое враждебное отношение к Риму, из чего впоследствии возникли для Рима большие затруднения. Наконец, и присоединенные провинции, несмотря на сравнительное улучшение их администрации, были устроены так, что с течением времени положение их неизбежно должно было ухудшаться: хотя поборы и были меньше, чем прежде, но собранные суммы не расходовались уже на местах, а вывозились немедленно в Италию, так что провинции мало-помалу беднели.

Свободным на Востоке оставался еще Египет. Правда, уже в 81 г. он был формально уступлен Риму, но сенат не осуществлял полностью прав Рима: египетское золото оказывалось слишком могущественным. Здесь тоже происходили постоянные внутренние усобицы и смуты, и в 55 г. сенат наконец вынужден был для прекращения совершенной анархии ввести в Египет военную оккупацию и римское управление.

Глава III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕМОКРАТИИ ВО ВРЕМЯ ОТСУТСТВИЯ ПОМПЕЯ. СОГЛАШЕНИЕ ПОМПЕЯ, КРАССА И ЦЕЗАРЯ

Деятельность демократии.- Попытки создать силу, способную уравновесить влияние Помпея и его армии.- Попытки вызвать анархию.- Катилина.- Разоблачение его замыслов Цицероном.- Удаление Катилины, казнь его сторонников.- Восстание Катилины и его смерть,- Возвращение Помпея, его неудовольствие против сената.- Соглашение Цезаря, Помпея и Красса

За пять лет, которые Помпей провел на Востоке, демократическая партия прилагала в столице все усилия, чтобы закрепить свое торжество. С полною подробностью изложить события этого времени почти невозможно, так как главным образом шла тайная подпольная деятельность, то сведения наши неизбежно и не полны, и не точны. С одной стороны, участники имели слишком много оснований скрывать и свои действия, и свои замыслы, с другой - почти нет известий спокойных и беспристрастных, а все они отмечены явным пристрастием к той или другой стороне. Поэтому мы изложим здесь лишь общий ход

событий, не вдаваясь в мелочи, чрезвычайно многочисленные и не представляющие сами по себе большого интереса.

С той поры, как Помпей получил свои необыкновенно широкие полномочия, олигархия была окончательно побеждена. Аристократия уже и не боролась. Наиболее видные в ее среде люди, как Метелл и Лукулл, предпочли удалиться с политической арены. Молодые аристократы положительно уклонялись от общественной деятельности. Отстаивал прежние порядки один Марк Порций Катон, потомок знаменитого Катона. Подобно своему предку, это был человек безусловной честности, твердый, но ограниченный и узкий еще более, чем тот Катон. Он совершенно не способен был обнимать сколько-нибудь широкие горизонты, понимать отношение партий и их силу. Он довольствовался чисто внешним подражанием старинным римским правам и нападками на отдельные случаи, в которых видел нарушение катехизиса римской аристократии. Лишь при полнейшем недостатке сколько-нибудь выдающихся людей мог играть видную роль этот человек, в нравственном отношении безупречный, но в умственном почти ничтожный. Борьба с аристократией теперь не только было легко, но вовсе не стоило труда, между тем демократы нападали горячо и с преувеличенным шумом на все злоупотребления бывшего правительства, какие только удавалось раскрыть, преимущественно на подкупы и взяточничество, и особенно страстно возбуждали разные личные процессы против отдельных аристократов. Иные обвинения увенчивались успехом, потому что и по существу были справедливы, другие оказывались лишь средством на шуметь или уколоть какого-нибудь почтенного аристократа, но и этим не брезговали. Имена Мария и Сатурнина, долго бывшие как бы под запретом, стали произноситься в речах открыто и все чаще и чаще - и, наконец, к великому ликованию толпы, вдруг оказались восстановленными африканские и кимврские трофеи Мария, убранные при Сулле.

Вся эта шумиха не давала серьезных результатов, не имела существенного значения, да она не отличалась даже и искренностью. В тех случаях, где демократы имели возможность повлиять на решение государственных дел, они действовали совершенно не в том направлении, какое указывали как обязательное, когда критиковали сенатское управление. Так, они требовали полного восстановления и расширения хлебной раздачи, но отлично сознавали, что это прямо невозможно вследствие увеличения числа граждан, и даже прямо не пропустили народного постановления в желательном, казалось бы, для них смысле. Требуя полных прав гражданства для жителей области от По до Альп, они отвергли расширение прав вольноотпущенников, а для того чтобы поддержать римских ремесленников, не нашли другого способа, как изгнать из столицы всех, кто не имел прав римского или латинского гражданства.

Очевидно, что демократическая партия, так как и всякая другая, умела выставить принципы, но применить их надлежало или не желала, или не могла. Не глубокою верою в истинность и спасительность своих принципов надо объяснять действия демократической партии в отсутствие Помпея, а какими-то другими соображениями, и мы едва ли ошибемся, если скажем, что вожди демократии вовсе и не желали серьезно тех постановлений, которых требовали они, а старались только тем или другим способом во что бы то ни стало приобрести расположение толпы и влияние на нее, чтобы затем захватить в свои руки власть и военную силу, а это им нужно было для того, чтобы отстранить того самого Помпея, которого открыто они называли другом и сторонником демократии, но которого они в сущности опасались более, чем сената.

Почти несомненно, что руководил теперь деятельностью демократов Цезарь. Правда, прямо это никогда не было признано, и Цезарь играл даже, по-видимому, второстепенную роль рядом с Крассом, но многие отдельные факты из истории этих лет, а еще более - действия Цезаря в то время, когда он явно и неоспоримо стал главою государства, убеждают, что именно он являлся вдохновителем всех тайных движений этого смутного и темного

времени. Но он вел эту запутанную подпольную работу не для интриг и не для личных целей - он шел к целям неизмеримо высшим, чем те, какие носились тогда пред умственными взорами других членов его партии. Во всяком случае, только если признать предлагаемое нами здесь толкование, объясняются отдельные эпизоды этой борьбы, иначе непонятные и бессвязные.

Чтобы бороться с Помпеем, который был облечен чрезвычайными полномочиями, демократам нужно было кого-нибудь из своих сторонников провести тоже в положение исключительное. Легче всего казалось добиться согласия народа на такую чрезвычайную меру, если бы в столице произошел бунт, волнения. Тогда популярная партия надеялась провести кого-нибудь из своих сторонников в диктаторы, диктатор же должен был поручить Цезарю или усмирению Испании, или экспедицию в Египет, что дало бы возможность демократам и собрать войско в руках надежного человека, и получить денежные средства. И вот, в Риме все это время не прекращались слухи и толки о каких-то заговорах, о предстоящих бунтах, возмущениях. Слухи эти не казались невероятными и очень волновали всех. Уже была пущена в обращение мысль, что масса бедных может сорганизоваться и тогда стать повелительницей тех богачей, которые теперь притесняют бедных.

Столичное население заключало в себе элементы, достаточные для самых фантастических предприятий, в нем было немало людей, готовых решительно на все, чтобы пожить хорошенько, в том числе и людей, занимавших довольно видное положение. К числу таких именно личностей принадлежали два обедневших аристократа, бывший претор Луций Катилина и бывший квестор Гней Пизон. Это были совершенно бессовестные люди, прошедшие всю школу порока и окончательно погибшие в нравственном смысле. Их прошлая жизнь представляла больше материалов для криминалиста, чем для историка. Вместе с тем оба они, особенно Катилина, были люди энергичные, мужественные, способные быстро понимать людей и влиять на них. Когда-то Катилина был в числе ревностнейших пособников Суллы, но затем он бесповоротно пошел в революцию, совершенно разорвав с аристократической партией, так как она на столько-то еще сохраняла уважение к себе, что не давала возможности повышаться таким людям, как Катилина. Он был готов на все, и можно было быть уверенным, что начнутся всякие беспорядки, которые подадут достаточный повод для любых мероприятий, если только Катилина получит влияние на государственные дела.

На 1 января 63 г. решено было при вступлении в должность новых консулов убить их, объявить консулами двух заговорщиков, Крассу вручить диктатуру, а Цезарю - начальство войсками. Случай помешал исполнению замысла, точно так же не удалось и покушение, произведенное 5 февраля того же года. Тогда решено было провести на следующий год в консулы Катилину и в товарищи ему Антония, совершенно ничтожного человека. Аристократическая партия ни за что не желала допустить этого. В своей среде она не нашла человека, который решился бы выступить соперником Катилины, так как это значило идти почти на верную смерть. Аристократия отдала тогда все голоса, которыми располагала. Марку Туллию Цицерону, одному из известнейших адвокатов Рима, человеку очень популярному в столице. В результате Цицерон получил огромное большинство голосов, а Катилина и Антоний - почти поровну, причем Антоний, имевший все-таки нескольких друзей и не из числа заговорщиков, получил и несколькими голосами больше, так что он и был избран вторым консулом. Он охотно принял предложенное ему Цицероном без жребия управление доходной провинцией Македонией, дела же в столице были предоставлены Цицерону. Глухое брожение, какие-то таинственные совещания вожаков демократии заставляли ожидать каких-нибудь новых покушений: демократам приходилоось спешить, потому что Помпей почти закончил дела на Востоке и скоро должен был вернуться в Рим.

Теперь заговорщики попытались провести свои планы через одного народного трибуна, Публия Сервилия Рулла. Он внес предложение, по-видимому, совсем в духе Гракхов,

основать для бедных обширные колонии в Италии. Земля для этих колоний должна была быть приобретаема от владельцев путем покупки, а для того чтобы получить необходимые на это деньги, предлагалось распродать казенное имущество в Италии, в Македонии, Понте, Африке, Испании и т. д., на то же обратить всю полученную государством военную добычу, еще не распределенную на другие цели, наконец, совершить военную экспедицию в Египет и там собрать значительные суммы. Заведовать всею операциею должны были 10 человек, специально избранные на 5 лет из числа кандидатов, которые должны были непременно лично в собрании заявить свое желание приняться за это дело. Выборы их предлагалось произвести так же, как избирались жрецы, т. е. выделить по жребию 17 избирательных округов из общего числа из 35 и этим 17 и поручить выбор. План был составлен слишком поспешно и слишком выдавал тайную цель: было ясно, что назначение не распределенной еще добычи на образование колоний и требование личного присутствия кандидатов были направлены прямо против Помпея. Кроме того, городская чернь, конечно, предпочитала получать хлеб в Риме даром, чем трудиться над обработкой земли, и предложение было встречено так холодно, что Цицерону не стоило большого труда убедить Рулла взять его обратно.

Катилина решил наконец бросить все эти подкопы и происки и идти к своей цели прямо. Он снова выставил свою кандидатуру в консулы и в то же время открыто набирал шайку недалеко от столицы, в городе Фезулах, ничуть не скрывая, что имеет в виду не только оказать давление на выборы, но даже и прямо произвести насилие. Чтобы оценить значение этого замысла, надо иметь в виду, что Рим давно уже - с самых тех времен, когда ему перестала грозить внешняя опасность, - не имел, согласно конституции, в своих стенах не только никакой организованной военной силы, но и достаточной полиции, так что любая вооруженная шайка представляла для столицы действительную опасность. Цицерон многочисленными шпионами был отлично осведомлен об этих планах, которые, впрочем, не очень и скрывались. В заседании сената он открыто заявил о них и назвал прямо по имени и Катилину. Катилина дерзко ответил, что, если выбор нации падет на него, он его примет, и тогда партия, самая могущественная, но не имеющая пока вождя, получит его для борьбы с партией ничтожною, но захватившею власть. Однако Катилина снова не был избран: Цицерон, по поручению сената, принял самые серьезные меры для сохранения порядка на выборах, и замысел анархистов не удался.

Между тем в Фезулах еще накануне выборов, 27 октября 53 г., вспыхнуло явное восстание. Катилина оставался в Риме и на свободе, хотя все знали, что восстание подготовлено им: он не оставлял столицы, опасаясь, что его сторонники - из которых виднейшими были консуляр Лентул Сура, два бывших претора, Автропий и Кассий, молодой сенатор Цетег, всадники Луций Статилий и Габиний Капитон - не сумеют без него ничего сделать. Катилина организовал еще одно покушение на Цицерона (7 ноября), оно тоже не удалось, и после этого Катилина оставил наконец столицу, прямо отправился к восставшим и здесь провозгласил себя консулом.

Правительство не принимало решительных мер, медленно собиралась созванная милиция, начальство над нею предполагалось вверить Антонию, человеку более чем подозрительному. Цицерон негласно вел свои розыски - и в ночь со 2 на 3 декабря (63 г.) его агенты доставили ему неопровержимые письменные доказательства, что Катилина и вышеназванные его сторонники намеревались поднять восстание, перебить высших представителей власти, причем для успеха своих планов собирались поджечь город с разных концов. Обвиненных заключили под стражу, население было страшно возбуждено. всего более именно планом сжечь город. Особенно всадники были раздражены тем, что анархисты не остановились пред тем, чтобы причинить такой ущерб их материальному благосостоянию.

Злоумышленников следовало, конечно, предать суду, но не было никакой уверенности, что они не будут освобождены силою, до такой степени мало могло полагаться

правительство на умелость и твердость своих слуг. Поэтому возникло предложение немедленно казнить захваченных. Это было совершенно противозаконно. По закону почти столь же древнему, как сама Римская республика, только народное собрание, но никакая другая власть, могло приговорить гражданина к смерти, и с тех пор, как эти вопросы решало народное собрание, оно не произносило смертных приговоров - против римских граждан, разумеется. Цицерон предложил сенату решить этот вопрос. Это было совершенно так же противозаконно, как единоличное решение консула, в сенате возникли горячие прения. Цезарь произнес замечательную речь, указывая те опасности, которые неминуемо должны были последовать за таким нарушением законов. Катон поставил вопрос так, что защита заговорщиков есть как бы сочувствие их замыслу,- и сенат постановил смертный приговор.

Под непосредственным наблюдением Цицерона пятеро главнейших заключенных отведены были в старинную тюрьму у подножия Капитолия, там они были задушены. Народ восторженно приветствовал Цицерона, когда он объявил, что заговорщики умерли, сенат поднес ему титул «отца отечества». Но это было страшное дело: оно было явно противозаконно, а еще важнее, что вопиющее беззаконие совершено было вследствие того, что сознавалась несостоятельность государства иначе справиться с несколькими осужденными аристократами. Горькая ирония судьбы: совершилось это нарушение древнейших прав республики именно тогда, когда старинная аристократия совершенно утратила власть и влияние и когда господствовала демократия.

В начале 62 г. окончательно подавлено было и восстание. Катилина и его ближайшие пособники пали в решительной упорной битве недалеко от Пистойи. Армия бунтовщиков была частью уничтожена, частью рассеяна. Жестокие уголовные преследования были возбуждены по всей Италии против тех, кто принимал участие в движении. Демократия совершенно дискредитировала себя. Прошло едва 15 лет после того, как она восторжествовала,- и от нее уже отшатнулись все сколько-нибудь зажиточные люди, вся могущественная партия всадников при виде того, каким экономическим потрясениям партия была готова подвергнуть государство и народ. Даже простые граждане были возмущены союзом демократии с анархистами, которые собирались жечь дома и имущество жителей для достижения своих целей. Наконец, и Помпей был явно недоволен своими прежними союзниками, так как начал понимать, что демократия старается от него отделаться. Против сената демократы говорили хорошо и с такою ничтожною силою, какую представлял собою сенат, справиться умели, но они оказались совершенно неспособными добиться сколько-нибудь серьезных результатов в практической политике. Глубокое разочарование и уныние распространились среди партии. Красс собирался уехать со своим золотом куда-нибудь на Восток, даже Цезарь, по-видимому, терял энергию.

Уже не раз высказывалось в Риме мнение, что, как только окончится правление аристократии, станет неизбежною монархия. Не все понимали это ясно, но события последних лет показали всем способным думать и видеть, что без коренного изменения всего государственного строя могло создаться лишь правительство, лишенное всякого авторитета и военной силы, т. е. такое правительство, которое не может править, при котором государство постоянно подвергается бессмысленной и вредной тирании самых бессовестных искателей приключений. Почти все уверялись теперь, что для дальнейшего существования общественного строя необходимо такое изменение конституции, по которому администрация и военная сила были бы связаны теснее. Теперь был и человек, который обладал ореолом славы, огромными богатствами и преданным войском и мог, казалось, совершить это изменение,- Помпей. И всем казалось, что он не только может захватить, но и захватит единолично высшую власть в государстве. Конечно, изменение государственного строя, существовавшего пятьсот лет, не могло обойтись без борьбы, и весьма вероятно, что против нового главы соединились бы лица и даже партии, пока враждовавшие, но едва ли когда-нибудь обстоятельства могли сложиться благоприятнее для подобной попытки. Заговор Катилины окончательно оттолкнул многих от прежних увлечений, вообще

революционный вулкан выгорел и угасал. Сулла за 20 лет пред тем осуществил свою волю при средствах несравненно более слабых, чем теперь имел Помпей, и в условиях более неблагоприятных.

Осенью 63 г прибыл в Рим посланец от Помпея, и стало известно, что Помпей заявляет желания совершенно исключительные: он хотел быть консулом и вместе с тем, прибыв в Италию со своими победоносными легионами, желал сохранить их, по особому народному постановлению, под своей командой, якобы для борьбы с приверженцами Катилины. Кроме этого он желал получить общее утверждение всех своих распоряжений на Востоке и обширные участки земель своим солдатам. Аристократия упрямо продолжала видеть в Помпее только человека, выдвинутого демократией, и все его желания встречены были явно недружелюбно. Конечно, стоило только задать себе вопрос: есть ли возможность бороться, если Помпей решится силой получить желаемое? - чтобы сразу понять, что противиться бесполезно. Но аристократия была опьянена победой над Катилиной, а Катон, глава партии, задавать себе такие вопросы был совершенно не способен. Иначе поступил Цезарь. Он понимал, что лучше согласиться, чем уступить насилию,- и пошел навстречу желаниям Помпея. По-видимому, уже в это время он решил, что достигнуть необходимого преобразования государства можно только вступив в соглашение с Помпеем, и пошел по этому пути с полной искренностью и чистосердечием, точно исполняя все принимаемые на себя обязательства и никогда не обманывая того, с кем вступал в соглашение и договор. С большим достоинством и умением поддерживал Цезарь в народном собрании желания Помпея. Они не прошли вследствие прямых насилий, примененных сенатом, но нравственная победа осталась, несомненно и очевидно, на стороне Цезаря. Помпей имел теперь отличный повод начать борьбу: он мог выставить себя защитником законов, попираемых сенатом,- казнь сторонников Катилины и эпизоды последнего народного собрания были, бесспорно, грубыми нарушениями законности.

Осенью 62 г. Помпей отплыл из Греции в Брундузиум. В Риме положительно готовились встречать монарха, одни желали этого, другие трепетали. Но Помпей повторил ошибку 71 г.: он не решился на последний шаг, высадившись на почве Италии, немедленно распустил, как того требовали законы, свою армию. Слишком полагался он на свое личное влияние и на славу своего имени и скоро испытал ряд горьких разочарований: теперь не только сенат решительно отказал ему во втором консульстве, а распоряжения его на Востоке рассматривал медленно и утверждал только после мелочных и обидных придинок, но и в народном собрании проект награждения его солдат землею был отвергнут.

Все более и более выдвигался Цезарь. Сначала самый остроумный, оригинальный и расточительный франт Рима, потом самый смелый и энергичный из вождей демократии, он последними речами в сенате и действиями как квестор обнаружил выдающийся государственный ум. В 63 г., после исполнения должности претора, он отправился начальствовать войсками в Испанию и там проник до побережья океана, куда еще не достигала римская власть, и подчинил Риму племена лузитанцев и галлеков, к 60 г. вернулся в Рим уже как победоносный полководец и выступил кандидатом в консулы. Чрезвычайно важно было для демократии, что ее кандидатом являлся теперь не потерянный человек, как Катилина, а человек высоко замечательный, приковывавший все более и более общее внимание.

Аристократия встретила кандидатуру Цезаря с открытою враждебностью, но Цезарь сумел снова вступить в соглашение с Помпеем, все еще, бесспорно, самым знаменитым и влиятельным человеком Рима, и с Крассом, самым богатым. Для Помпея возвышение Цезаря было особенно опасно, но прославленный полководец не отличался достаточною прозорливостью, чтобы понимать, что имеет дело с человеком, бесконечно превосходящим его своими дарованиями, человеком, который должен совершенно затмить его,- и охотно обещал ему свою поддержку с условием, что будут утверждены его распоряжения в Азии и

розданы обещанные им войску награды. Красс участвовал в соглашении как представитель партии капиталистов, которые были раздражены против Катона.

В коалицию в 60 г. вступили, таким образом, те же самые силы и даже те самые люди, которые соединялись уже в 71 г., но взаимные их отношения совершенно изменились: тогда демократия искала опоры и шла на уступки, лишь бы победоносные генералы позволили ей действовать вместе с ними, теперь же Помпею и Крассу пришлось довольствоваться второстепенным положением, а на первое место выдвинулся вождь демократии Цезарь. Изменилась и сама демократия: ранее Цезарь лелеял мысль законодательным путем создать такое государственное устройство, при котором община была бы совершенно свободна и имела бы во главе вождя, который занимал бы это место потому, что он был самым лучшим, гражданином и всеми был почитаем за такового. Но скоро Цезарь понял, что всегда найдутся люди, которые будут преследовать личные цели и с помощью военной силы станут сильнее общины. Он не отрекся тогда от своего идеала - свободной общины с единым властителем во главе, - но осознал, что достигнуть этого можно лишь военной силой, решил подчинить себе эту силу и уже неуклонно шел к этой цели.

Ставши консулом, Цезарь немедленно внес предложение о раздаче земли помпеевским ветеранам. Предложение было чрезвычайно умеренно и отредактировано было очень умело, но сенат отверг его без рассмотрения. Не согласился сенат утвердить и распоряжения Помпея на Востоке. Когда предложения эти перешли в народное собрание, Цезарь без труда доказал, что проекты были отвергнуты просто потому, что их внес представитель демократии. Катон и второй консул Бибул, ставленник и слепой слуга аристократии, попытались сорвать голосование. Цезарь спокойно, с соблюдением всех законных формальностей, отстранил их попытки, и законы прошли. Тогда аристократия применила тактику пассивного сопротивления, ее представители не показывались не только в народном собрании, но и в сенате, - дела шли от этого ничуть не хуже, а даже лучше. Комиссия из 20 человек под председательством Помпея и Красса приступила к земельным раздам и вела дела очень успешно: огромные средства, полученные на Востоке, давали полную возможность скупать земли, сколько было нужно.

На 58 г. Цезарь не пожелал искать второго консульства, запрещенного законом, а по особому народному постановлению был назначен на 5 лет наместником Галлии по обе стороны Альп с полномочиями, подобными тем, какие получил Помпей, отправляясь на Восток. Это было очень важно для Цезаря: теперь он мог создать себе и преданную армию, и славу, и сильный авторитет. Во всяком случае, со своими легионами он оказывался на целые 5 лет властелином Италии: по конституции ведь в самой Италии не было армии и армия галльская была ближайшею к столице военной силой.

В скором времени полномочия Цезаря были продолжены еще на пять лет. Упрямое упорство аристократии только теснейшим образом сближало союзников, лично у Цезаря с Помпеем установились даже наилучшие и вполне искренние отношения; Цезарь был неотразимо привлекателен и вполне подчинил Помпея своему обаянию.

На 58 г. консулами были избраны два верных Цезарю и Помпею человека, и для спокойного отъезда в Галлию Цезарю нужно было только удалить из Рима Катона и Цицерона. Катону постановлением народного собрания было поручено привести в ясность некоторые дела на Востоке. Катон, хотя и понимал, что это почетная ссылка, не счел возможным отказаться от этого поручения. Цицерону грозила большая опасность: был предложен закон, что лишение гражданина жизни помимо решения народа есть преступление, влекущее за собою изгнание. Имя Цицерона не было упомянуто, но он понял и страшно перепугался: на коленях молил он Помпея о пощаде, а затем добровольно удалился из Италии, еще прежде чем закон прошел. Теперь Цезарь мог выехать спокойно в Галлию, чтобы там подготовить средства для своего великого предприятия.

Глава IV. ЗАВОЕВАНИЕ ГАЛЛИИ

Кельты, их быт и характер.- Вторжение германцев.- Движение галлов.- Покорение Галлии.- Всемирно-историческое значение завоевания Галлии

С 58 г., с началом деятельности Цезаря в Галлии, однообразная борьба, разыгрывавшаяся в Риме и часто вызывавшаяся эгоистическими и мелкими соображениями, сменяется событиями мирового значения. Народ цивилизованный и развившийся в государство всегда покоряет и как бы растворяет в себе народности низших степеней развития и не сплоченные в государство, это - своего рода закон, столь же непреложный, как и законы физические. В древнем мире одна только италийская народность сумела соединить высокое политическое развитие с высшей цивилизацией, и потому Риму должны были подчиниться и греческие общины на Востоке, обладавшие высокой культурой, но павшие в политическом отношении, и племена на Западе, не достигшие еще высокой культуры.

Под управлением аристократии создано великое Римское государство, способное выполнить задачу объединения в одно целое европейских народов древности. Но к тому времени, когда римляне подошли к задаче - слить в одной культуре народности Европы, - энергия и дарования аристократии иссякли: после покорения Греции Рим уже не вел планомерной и энергичной борьбы на Западе. Теперь снова обратились к этой великой задаче. Цезарь, действуя как вождь демократии, приобрел в Галлии для своего народа, изнывавшего от социальных неурядиц, новую беспредельную родину и обновил Римское государство на более широких основах - и вечную славу римской демократии составляет то, что она поняла возможность и необходимость двигаться дальше в том направлении, которое было предопределено всею историей Рима.

Южная часть Галлии была занята римлянами еще в первой трети II в. (ок. 124 г.). Благодаря превосходной почве и отличному климату страна эта привлекла внимание римлян, и они быстро развили здесь свою торговлю. Местное население до некоторой степени романизировалось, но вместе с тем падало и экономически, и политически. В состав римской провинции, впрочем, входила лишь незначительная часть великого кельтского племени, а огромные пространства к северу - на материке от океана до Рейна и затем Британские острова - заняты были еще свободными кельтами. События их внутренней жизни за предшествующую эпоху совершенно неизвестны, но состояние, в каком находились они ко времени столкновений с Римом, можно описать с достаточною полнотою.

Страна была населена довольно густо: местами жило на квадратной миле до 1000 человек. Земледелие, как и в старину, почиталось у кельтов занятием, недостойным свободного человека, но поля были отлично обработаны руками рабов. Между прочим, кельты первые применили искусственное удобрение почвы. Процветало у них и скотоводство. В стране были проведены отличные дороги, а в мореходстве кельты первые в широких размерах применяли паруса, в то время как эллины, латины и финикийцы пользовались почти исключительно веслами. Торговля и промышленность были довольно оживлены, хотя промышленность не достигла высокого уровня ни в какой отрасли. Добывались здесь и драгоценные металлы, молва прославляла даже Галлию как богатейшую золотом страну, но, по-видимому, месторождения золота и серебра не были особенно богаты, и добывалось золота довольно много только потому, что руками рабов тщательно разрабатывались и очень небогатые рудники. Кельты имели свою письменность, и жрецы у них обладали познаниями довольно значительными по сравнению с распространенными в остальной массе населения. Военное искусство не достигло у кельтов высокого развития, главную силу войска составляла конница, пополняемая знатью; пехота не отличалась серьезными боевыми качествами, а огромный обоз постоянно стеснял войско в движении; римского обычая

укреплять лагерь кельты не применяли.

Кельты находились еще на той стадии развития, которая характеризуется преобладанием родового быта: роды жили особыми поселками, политическими единицами у кельтов являлись кланы, роды, управляемые отдельными князьями. Города представляли собою только укрепленные и торговые пункты и политических тел не образовывали. Во многих кланах выделялись лица и целые семейства, которые обладали такими богатствами и таким влиянием, что пред ними власть князя совершенно бледнела. Результатом этого являлось полное господство кулачного права, государство теряло возможность охранять свободных людей, и, чтобы найти защиту или поддержку, людям бедным приходилось отдаваться в зависимость кому-либо из богатых. Богатые и знатные стремились сохранить такой порядок вещей, а масса населения требовала восстановления власти князей, и на этой почве шли непрерывные смуты.

При значительной раздробленности кельтов у них было все-таки живо сознание или, скорее, чувство своего национального единства: друиды, общая всем кельтам жреческая организация, во многих поселках играли и политическую роль и объединяли Галлию, Британию и, быть может, и другие страны, населенные кельтами. Сознание национального единства развивалось и укреплялось у кельтов благодаря столкновениям с римлянами и германцами, подобно тому как у латинов это сознание окрепло именно при давних еще столкновениях с галлами. Силы, которая бы могла объединить все племя кельтов, у них не создалось: ни друиды, ни аристократия не способны были этого достичь, потому что преследовали исключительно свои сословные интересы и в то же время были довольно влиятельны, чтобы помешать кому бы то ни было другому объединить страну. Поэтому вся Галлия распадалась на множество отдельных и не очень прочных союзов: внутри каждого постоянно отношения колебались между превращением союза в гегемонию и полным его распадом, отдельные союзы враждовали и соперничали друг с другом и были совершенно не способны предпринимать одновременно и согласно какие-либо значительные действия.

Народный характер кельтов отмечен чертами, которые не обещали этому племени видной роли среди других великих народов. При несомненном уме кельты отличались большим легкомыслием. Блестящая храбрость соединялась у них с отсутствием всякой выдержки и со склонностью серьезное дело мешать с шуткою или насмешкою. Не любя упорного труда, кельты до смешного предавались удовлетворению своего любопытства, которое у них совершенно вытесняло любознательность. Некоторые черты цивилизации кельтов ставят ее ближе к нашей, современной, чем стоят к ней эллинские или латинские: таковы употребление парусов, значительная роль духовенства в жизни народа, развитие знати, похожей на средневековое рыцарство, наконец, и всего более, попытка, хотя и весьма несовершенная, развить государственную жизнь не на основе городской общины, а из племени, т. е. на основе национальности. Ко времени столкновения с Цезарем кельтская народность, по-видимому, уже клонилась к упадку. Она прошла высший пункт своего собственного развития, какое способна была создать, но чего-либо истинно великого не выработала. Кельты к этому времени утратили многие преимущества, свойственные народам на первоначальных ступенях развития, и не приобрели еще тех, какие даются широкою культурою, когда она глубоко проникает весь народ.

Внешние отношения кельтского племени определялись их соседством с римлянами и германцами. Римляне распространили среди кельтов свою торговлю, главными предметами которой были вино, страстно любимое кельтами, и предметы роскоши, тоже оказывавшие на них притягательное влияние. Некоторые племена законами запрещали торговлю с Римом, но законы эти оказывались бессильны остановить ее. Как часто наблюдается в сношениях между народами, значительно различающимися по степени своей культуры, и здесь торговля предшествовала завоеванию и вела его за собою. Иначе складывались отношения кельтов к их восточным соседям. С востока непрерывно теснили их германцы, еще не окончательно

вышедшие из кочевого образа жизни, что доказывается, между прочим, и тем, что германские племена не имели наименований географических, а назывались свевами или маркоманнами, что значит «странствующие люди» и «пограничные бойцы». Еще во время движения кимвров и тевтонов на левом берегу Рейна по нижнему течению реки осело значительное племя адукатов. Отдельные толпы германцев переходили постоянно на кельтский берег Рейна. Германцы двигались сюда, как персы на Элладу или галлы на Рим, и, чтобы удерживать напор этого молодого племени, нужны были Афины или Рим, но кельты такого города не имели. Этому-то народу и пришлось теперь вступить в борьбу с Цезарем.

В разных кельтских племенах партии, боровшиеся между собою, постоянно перемешивали при внутренних смутах свои домашние споры с борьбою против внешних врагов: обыкновенно одна партия искала поддержки у германцев, другая - у римлян. Неурядицы, происходившие в Риме, были отлично известны в Галлии, и противная римскому влиянию партия сочла, по-видимому, обстоятельства удобными для того, чтобы укрепить прочнее свое господство.

В 71 г. секваны, враждовавшие с племенем эдуев, где господствовала партия римская, призвали к себе в качестве наемника или союзника немецкого владетеля Ариовиста. Он явился со значительным отрядом, десять лет сражался с эдуями и сильно их стеснил. Эдуи просили поддержки и защиты у сената, но сенат оставил эти просьбы без внимания, и даже более: с Ариовистом установлены были у Рима самые дружественные отношения. Этот успех ободрил германцев, переселение их на запад пошло еще энергичнее. К 58 г. Ариовист перевел на левый берег Рейна до 120 000 человек, и германцы так теснили пограничные племена кельтов, что гельветы, самое восточное их племя, жившее в пределах нынешней Швейцарии и наиболее страдавшее от таких беспокойных соседей, решились оставить свою страну и уйти вовнутрь Галлии, чтобы быть подальше от германцев. Если бы они привели свое намерение в исполнение, то в непосредственном соседстве с германцами оказалась бы римская провинция Нарбонна, кроме того, и само по себе утверждение в Галлии нового и многолюдного племени не могло быть безразлично для Рима. Поэтому только что прибывший в Галлию новый наместник, Цезарь, решил воспротивиться движению гельветов, и, когда они весною 58 г. сожгли свои жилища - чтобы сделать себе отступление невозможным - и в количестве свыше 360 000 человек двинулись в Галлию, он задержал их на переправе через Рону, хотя имел под своим начальством в этот момент всего один легион. Гельветы изменили направление своего пути и пошли к северу, чтобы пройти через область сенонов, которые изъявили согласие пропустить их через свою землю.

Мешаться в дела сенонов с гельветами римляне формально не имели никакого основания, но тут затронуты были слишком серьезные интересы Рима, чтобы стесняться соображениями такого рода, и Цезарь, призвав к себе все четыре легиона, которыми он располагал, двинулся следом за гельветами. Это было, конечно, предприятие чрезвычайно рискованное - преследовать с такими незначительными силами столь многолюдное племя, и в стране, вовсе не дружественной. Однако Цезарь успел, нагнавши гельветов, нанести им в упорной битве полное поражение, так что гельветы обязались вернуться на свои прежние жилища и охранять римскую провинцию от германцев, но вернулась домой едва одна треть того числа гельветов, которые вышли, остальные погибли.

Теперь Цезарь решил удалить из Галлии и германцев. Он предъявил Ариовисту требование в этом смысле и получил гордый отказ, и в таком тоне, каким уже много веков никто не говорил с Римом. Быстро двинулся Цезарь на нового врага. В легионах распространилось смущение при вести, что предстоят битвы с соплеменниками кимвров и тевтонов, но Цезарь сумел вдохнуть в солдат мужество и после целого ряда хорошо рассчитанных движений дал Ариовисту сражение и совершенно разбил его, лишь незначительные остатки его полчищ спаслись за Рейн. Германские поселки, уже утвердившиеся на левом берегу Рейна, Цезарь оставил в покое и даже умел найти в них

довольно верных союзников, охранявших левый берег от других германцев.

Весною 57 г. Цезарь с 8 легионами пошел к северу, чтобы утвердить римское владычество над племенами, жившими по нижнему течению Рейна, среди которых замечалось неприязненное для римлян настроение. Против Цезаря выступило огромное ополчение, до 300 000 человек, даже Цезарь не решился немедленно на битву и расположился в укрепленном лагере, ожидая, что враги его не смогут так долго стоять на одном месте в таком огромном числе. Он не ошибся: среди кельтов скоро начались несогласия, к тому же снабжение провиантом было совершенно не организовано. Огромная армия быстро как бы растаяла, ее остатки Цезарь преследовал, словно он ее разбил.

Двигаясь далее к северо-востоку, Цезарь снова встретил сопротивление, и около Намюра разыгралась большая битва, в которой римляне, застигнутые почти врасплох, были в весьма опасном положении, но благодаря распорядительности и храбрости Цезаря, который сам бился в первых рядах, одержали наконец блестящую победу. Она отдала под власть Рима всю область от границ провинции Нарбонны до устьев Рейна.

В следующем (56) году Цезарь покорил всю область от устьев Рейна до Бретани, ее занимали венеты, самое многочисленное и развитое кельтское племя. Они оказали упорное сопротивление, и решительный удар нанесен им был в большом морском сражении, древнейшем, которое, сколько известно, происходило в Атлантическом океане. Римляне одержали в этой битве верх столько же благодаря счастливой случайности, сколько и благодаря своей находчивости и смелости: абордажные мосты римлян оказались совершенно непригодными против парусных кораблей, которые были гораздо выше римских, но римляне немедленно нашли способ ножами на шестах перерезать реи на судах неприятеля, благодаря чему паруса падали и корабли становились почти неподвижными. Чтобы избежать этого, венеты направились вдаль от берега, в чистое море, куда не могли следовать за ними гребные суда римлян, но внезапно наступил полнейший штиль, римляне подошли к венетскому флоту и овладели им без труда.

К 55 г. Цезарь укрепил владычество Рима на всем пространстве Галлии. В этом году он произвел ужасное избиение тенктеров, которые в числе до 400 000 человек переправились на левый берег Рейна, затем сам перешел на правый берег реки и принудил ближайшие племена подчиниться Риму. В 55 и 54 гг. Цезарь переправлялся на Британские острова и хотя не утвердил здесь римской власти, но все-таки достиг того, что в следующие годы кельты на материке не получали уже, как прежде, поддержки от кельтов, живших на островах.

Германцы были отражены, кельты покорены. Но иногда удержать нацию в подчинении бывает труднее, чем покорить ее. Утверждение чужеземного господства пробудило в кельтах патриотизм и энергию. Племенные раздоры прекратились, когда все племена попали под чужую власть. По всей стране началось брожение, а когда по приказанию Цезаря был убит один из наиболее уважаемых кельтских аристократов, Думнорикс, за то, что не подчинился требованиям римских властей, отчаяние и страх заставили действовать всех тех, кто чувствовал так же, как Думнорикс, и, следовательно, мог опасаться его участи. И вот зимою 54/53 г. внезапно вспыхнуло во многих местах восстание. Легионы стояли небольшими отрядами на зимних квартирах. Самый большой из таких отрядов, почти легион, был совершенно уничтожен, другой легион едва уже держался, когда подоспел Цезарь и с отчаянными усилиями спас его. Благоразумными и энергичными мерами Цезарь усмирил восстание и жестоко наказал его зачинщиков. Перейдя снова Рейн, он нанес сильные удары и тем пограничным племенам, которые вступали в сношения с заговорщиками.

Но возбуждение кельтов не улеглось. Когда в конце 53 г. Цезарь уехал в Италию - где, как увидим, отношения крайне осложнились, так что казалось, что все идет к открытому столкновению с Помпеем,- в Галлии вспыхнуло новое и сильнейшее восстание. Во главе движения стал арвернец Верцингеторикс, человек весьма даровитый и смелый. Кельты

рассчитывали воспользоваться именно отсутствием Цезаря, они надеялись истребить римские отряды, прежде чем появится среди них грозный римский вождь, но Цезарь снова прибыл к своим войскам гораздо быстрее, чем кто-либо ожидал. На этот раз, однако, дела пошли не так успешно. Разбить Верцингеторикса Цезарю не удалось: кельтский вождь уклонялся от боя и отступал, завлекая Цезаря за собой в области совершенно опустошенные, где римское войско терпело во многом недостаток, а кроме того, подвергалось постоянно мелким нападениям кельтской конницы, не дававшей римлянам покоя. Цезарь потерпел даже серьезную неудачу под стенами Герговии: произведенный им штурм был отбит и римское войско понесло столь тяжкие потери, что должно было поспешно отступить.

Многие помощники Цезаря настоятельно советовали отойти в римскую провинцию и там обороняться, т. е. советовали отказаться от Галлии. Но Цезарь, несколько пополнив свое войско, снова обратился на неприятеля, хотя теперь к восставшим присоединилось много кельтов, которые до битвы под Герговией еще колебались. Цезарь встретился с Верцингеториксом около города Алезии, в нынешнем департаменте Кот-д'Ор. Кельтское ополчение укрепило свой лагерь, переняв этот обычай римлян. Цезарь не решился на штурм и тоже стал лагерем. Затем, стянув к себе все, чем мог располагать, он отрезал все пути сообщения Верцингеторикса. В войске кельтов скоро начались болезни и распространилось уныние.

По вестям о трудном положении Алезии собралось второе огромное ополчение. В числе до 250 000 человек, подошло оно к Алезии и штурмовало лагерь Цезаря. Произошла отчаянная битва, долго остававшаяся нерешительной, но окончившаяся полной победой Цезаря, нападавшее ополчение было совершенно рассеяно. После этого Алезия вскоре сдалась. Верцингеторикс имел возможность бежать, но он счел своим долгом разделить участь тех, кто вверил ему свою судьбу, и вскоре его принудили сдаться Цезарю. Он был обезглавлен через пять лет, во время триумфа Цезаря.

Погибая в тяжелой борьбе, великие народы выдвигают иногда деятелей высоко гениальных, как Ганнибал и Верцингеторикс. Оба они велики не только военными подвигами, а еще более тою борьбой против эгоистов и трусов, которую они вели среди своего народа. Одолеть их антинациональную политику и спасти свой народ от иноземного ига не было суждено ни тому, ни другому, но оба они умели вдохнуть мужество в лучших представителей погибавших народностей и геройскою обороною избавили родину от срама подобной гибели. Ганнибал боролся непреклонно до конца, Верцингеторикс погиб почти добровольно, в его чисто кельтском поступке много рыцарства, но тот человек, который мог отстаивать свой народ, который знал, что он своему народу нужен, не должен был бы жертвовать собой добровольно.

Падение Алезии, разгром ополчения и особенно плен Верцингеторикса положили конец сопротивлению кельтов, после этого пришлось усмирять лишь несколько сравнительно слабых попыток восстания. Цезарь со своей стороны не искал полной победы и очень милостиво относился ко всем покорявшимся: срок полномочий его приближался, уже велись интриги, чтобы лишить его власти еще ранее срока, и он предвидел, что ему предстоит борьба в Италии. Во всяком случае, Галлия была покорена, и покорена окончательно. В течение длинного ряда лет, когда во многих концах Римского государства вспыхивали волнения и бунты, Галлия оставалась неизменно верною своим новым господам. Цезарь повсюду оставил почти без перемен внутреннюю организацию, но доставил везде власть приверженцам Рима. Он всеми способами награждал и поддерживал их, наиболее выдающимся деятелям доставил римское гражданство, даже открыл надежду войти в сенат. Отдельные общины были, конечно, обложены определенными денежными данями. В том, что Цезарь сумел своими распоряжениями столько же подчинить Галлию римской власти, сколько покорил ее оружием,- огромная его заслуга.

Одновременно с завоеванием Галлии римские легионы более или менее успешно

действовали в Далмации, по границам Македонии и даже по нижнему течению Дуная. Но завоевание Галлии далеко превосходило по своему значению все подобные столкновения: оно является важнейшим фактом в истории всех европейских народов. Цезарь отразил и почти на 500 лет отсрочил то передвижение полуварварских еще германских племен, которое совершилось в 5 веке. Этим он дал время эллино-римской культуре так распространиться и, главное, так укрепиться в массе населения, что новые народы уже не смысли этой культуры, а, наоборот, сами ей поддались и ее усвоили. Без дела Цезаря наша современная культура была бы оторвана от эллино-римской, блестящие результаты классической культуры остались бы нам столь же чуждыми и далекими, как теперь остаются нам далеки и чужды культуры Индии или Вавилона, и европейская цивилизация, все умственное развитие европейских народов шло бы несравненно медленнее, было бы беднее содержанием и однообразнее по формам, и тысячелетние усилия всех европейских народов на поприще наук и искусства все-таки не дали бы многого прекрасного, что возросло на прочном и блестящем основании, какое представляет собою эллино-римская культура.

Глава V. РИМ В ОТСУТСТВИЕ ЦЕЗАРЯ. РАЗРЫВ ЦЕЗАРЯ С ПОМПЕЕМ

Помпей в Риме.- Слабость правительства.- Попытки Помпея вступить в соглашение с сенатом.- Сопения в Лукке.- Общее недовольство и оппозиция триумвирам.- Красс в Сирии, его гибель.- Соглашение Помпея с сенатом и происки против Цезаря.- Разрыв Цезаря с сенатом и Помпеем

В те годы, когда Цезарь совершал в Галлии свое великое дело, в столице завершался переход от уничтоженного старого государственного устройства к утверждению нового, опирающегося на военную силу, по существу своему монархического. Старый порядок пал, новый еще не установился. Все видели, что возврат к прежним порядкам невозможен; все чувствовали в то же время, что новый порядок вещей возродится не из демагогических разглагольствований, но как он возникнет - это еще никому не было ясно. И если весь государственный строй Рима отлился в особенно рельефные, определенные формы, то с особою яркостью в Риме проявилась и анархия, неизбежная в такие периоды, с особенною ясностью обрисовался тот процесс, который совершается в подобные переходные эпохи.

В столице из триумвиров остался Помпей. Он был первым человеком, главною силою триумvirата, в глазах всех и всего более - в своих собственных. Но скоро обнаружилось, что его способности далеко не соответствовали принятой им на себя задаче: Помпей вовсе не обладал необходимыми в его положении гибкостью и разносторонностью ума и быстротою соображения, он всегда был медлителен и тяжеловат, и в сложной путанице самых различных отношений из рук его ускользнуло всякое влияние в столице.

Благоразумная часть общества давно уже утомилась от долгих смут и держалась в стороне от политики. Сенат продолжал свое пассивное сопротивление и не занимался делами - зато всевозможный уличный сброд, совершенно несведущие и беспринципные люди высоко подняли голову. Пролетариат получил своего рода организацию, в разных клубах, которые считались в столице сотнями, открыто проповедовались самые крайние демократические доктрины, и каждый день выносил на поверхность столичной сутолоки новых, ранее никому не ведомых великих людей, которые на другой день снова исчезали в прежней неизвестности. Создалась своего рода наука устраивать или, вернее, подстраивать желательные народные демонстрации, явились артисты этого дела. Особенно выдвигался народный трибун Клодий, человек наглый и бессовестный; пользуясь своим положением, он раздавал хлеб бесплатно, отменял приговоры цензоров, дал возможность возникать политическим клубам и обещал полные гражданские права вольноотпущенникам и рабам. Дошло до того, что Клодий открыто нападал на Помпея, и так резко, что этот по внешности

полновластный человек предпочитал подолгу не появляться на улицах столицы, лишь бы не встречать Клодия.

Довольно скоро начал Помпей чувствовать комизм своего положения и понимать, что без военной силы он не может играть роли в столице. Ему раскрыли глаза и ссора с Клодием, и еще более галльские победы Цезаря, которые вдруг вознесли бесспорно на огромную высоту этого человека, к которому еще так недавно Помпей относился снисходительно, как к низшему. Помпей попробовал получить от сената какое-нибудь поручение, которое дало бы ему в руки войско, но, как только он стал просить там, где беспрекословно исполнили бы его приказание, он немедленно увидел самое недружелюбное отношение к своей просьбе. Чем яснее становилось, что предстоит решительная перемена в государственном устройстве, тем упорнее делалось противодействие ей.

Сознание неизбежности реформы возбудило некоторую энергию во многих, кто, казалось, относился к политике вполне безучастно, являлась готовность бороться за то давнее, привычное, когда-то дорогое, что могло быть уничтожено. В обществе началась реакция в пользу сената, в пользу того учреждения, против которого почти 75 лет так страстно и упорно велась борьба. К сенату явно возвращались симпатии общества. С особенной яркостью проявилось это настроение, когда въезжал в столицу Цицерон. Помпей, главным образом имея в виду выставить противника Клодию, позволил Цицерону вернуться. Изгнание Цицерона сенат всегда рассматривал как попрание своих прав, и теперь бывшему консулу устроены были на всем его пути в Рим исключительные овации. Если бы в данный момент в сенатской партии нашелся даровитый, энергичный, смелый человек, он мог бы выступить за старую конституцию против Цезаря, Помпея и Красса и, наверное, нашел бы поддержку в народе, но такого человека не оказалось.

Для борьбы с триумвирами, впрочем, был и еще путь: можно было попытаться их рассорить и разъединить, с помощью Помпея уничтожить значение и замыслы Цезаря, а затем, если бы это удалось, от Помпея отделаться было бы уже нетрудно. В таком направлении и было сделано несколько шагов в виде возникавших предположений обложить Помпея исключительными полномочиями для урегулирования чрезмерно поднявшихся хлебных цен или поручить ему военную экспедицию в Египет. Но с обеих сторон действовали без ясного сознания цели, и все окончилось тем, что оба предложения, весьма интересовавшие Помпея, были сенатом отвергнуты.

В глазах массы, которая не разбиралась хорошенько ни в характерах триумвиров, ни в их целях, неудачи Помпея казались ударами, наносимыми не ему только, а и всему триумвирату. Республиканское одушевление почерпало себе в этом новые силы, и наконец, сам Цицерон, этот чуткий угодник власти, внес предложение пересмотреть аграрные постановления, проведенные Цезарем в его консульство в 59 г., которые сенат никогда не признавал законными. Это было уже прямое объявление войны, и Цезарь, который и очень занят был борьбою в Галлии, и по возможности не вмешивался в столичные дела, но внимательно следил за всем, что происходило в Риме, нашел нужным выразить свое отношение к ним.

За месяц до обсуждения дела, поднятого Цицероном, в апреле 56 г., Цезарь, Помпей и Красс съехались в Лукке. Это был как бы смотр демократической партии, сюда прибыли несколько проконсулов и до 200 сенаторов. На совещаниях первенствующую роль играл, бесспорно, Цезарь. Был принят и предложенный им план действий. Полномочия Цезаря по управлению Галлией были продолжены на пять лет, до 49 г. На 55 г. в консулы решено было провести Помпея и Красса, с поручением собирать войска, так как на 54 г. Помпей должен был получить наместничество в Испании, Красс - в Сирии. Наконец, согласились относительно кандидатов на все второстепенные должности.

Может казаться несколько странным, почему Цезарь, бесспорно первенствовавший на

этом съезде и один имевший за собою военную силу, предоставил Помпею и Крассу то же, что имел сам, и, таким образом, сам как бы терял, ибо отказывался от исключительного положения и ограничивался только тем, что рядом с Помпеем выдвигал и Красса, своего старинного приверженца и всегдашнего соперника Помпея. Объяснение этому можно находить лишь в том, что Цезарь преследовал не личные цели: он хотел, по-видимому, прежде всего завершить покорение Галлии, отлично оценивая все значение этого факта для Римского государства и народа, чтобы не оставлять этого дела, он и хотел отсрочить тот переворот, который он произвел через 5 лет. Он действовал, бесспорно, с большим риском, с большою верою в свое счастье, вера эта не всегда оправдывается, но на этот раз она оправдалась.

Совещания в Лукке произвели ошеломляющее впечатление. Оказалось, что никто в сенате не предполагал возможности таких решительных заявлений со стороны Цезаря, Помпея и Красса,- и все их воле немедленно подчинились. Сенаторы, еще недавно резко порицавшие «трехглавое чудовище», как называли они триумвират, спешили один за другим выразить свою полную преданность, и одним из первых явился с повинной Цицерон. Намеченные в Лукке кандидаты все прошли, и Помпей и Красс в качестве консулов правили, уже почти не спрашивая сената. Многие решения принимались даже без совещания с сенатом, зачастую решения прямо подсказывались, и никто не возражал. Особенно последовательно устраняли сенат от всякого участия в делах военных. Цицерон явился вождем сенатского большинства, покорно подчинившегося новым владыкам, и во всем блеске развернул свое умение подыскивать для чего угодно красивые слова и тонкие объяснения. Катон и его приверженцы, оставшиеся в меньшинстве, продолжали свою оппозицию иногда просто смешными выходками, иногда не без ядовитого остроумия,- им предоставляли делать, что им было угодно, потому что все шло, как того требовали триумвиры.

Общественная оппозиция проявлялась теперь главным образом при выборах и в судах присяжных. Хотя кандидаты триумвиров и получали намеченные должности, но при столь упорном сопротивлении, что приходилось прибегать к мерам явно насильственным, чтобы достигнуть успеха, а несколько раз было признано благоразумнее совсем отступить. Что касается судов, то когда правители находили нужным заявлять свою волю прямо, она всегда исполнялась. Так, по требованию Цезаря во многих процессах был оправдан Ватиний, наиболее резкий и ненавистный обществу его клевет. Но конечно, постоянно прибегать к таким крайним мерам было бы неблагоразумно, а как только сторонники триумвиров во время суда не были прямо поддержаны своими могущественными покровителями, они всегда были осуждаемы, иногда даже и несправедливо. Тут почти ничего сделать было невозможно: при выборах правители сталкивались с замкнутою и сплоченною олигархией, сокрушить которую тем труднее, чем менее явно она действует, в судах присяжных отражалось нерасположение к монархии всех средних граждан Рима. Но если на выборах триумвиры потерпели ряд неудач только досадных, потому что фактически они всегда отстраняли от дел того, кому не доверяли, то решениями присяжных им причинены были и чувствительные потери, потому что были отправлены в изгнание многие из весьма ценных для них пособников.

Еще более ожесточенную и уже совершенно неуловимую для власти оппозицию встретили триумвиры в литературе. Яркие и остроумные памфлетисты, как Гай Лициний Кальв, Марк Бибакул и особенно Катулл, действительно много вредили триумвирам в обществе. Но здесь уже решительно ничего нельзя было сделать. Цезарь пытался ослабить нападки Катулла тем, что завязал личное знакомство с этим совершенно еще молодым человеком и оказывал ему большое внимание и уважение. Во всяком случае, практическая политика была вполне во власти триумвиров, а литература - вполне в руках оппозиции.

В 54 г., после того как присяжные отправили в изгнание Габиния, одного из виднейших сторонников Цезаря, триумвиры нашли, что необходимы более строгие меры относительно

оппозиции, которая становилась слишком смелой. Было решено доставить Помпею диктатуру, с тем чтобы тогда провести достаточно строгие постановления. Помпей повел это дело с обычной своей неловкостью, и предложение о диктатуре в сенате не прошло. Только после того, как в Риме произошли серьезные народные волнения, вызванные тем, что Клодий был убит в уличной ссоре Милоном, выставившим свою кандидатуру в консулы (в январе 52 г.), Помпей наконец прямо потребовал диктатуры - и сенат тотчас согласился. Немедленно приняты были меры, достаточные для того, чтобы подчинить и выборы и суды воле правителей: противодействие им на выборах теперь легко подводилось под обвинение в «происках», а за «происки» грозило серьезное наказание, закону же придана была и обратная сила. Свобода судебных прений была введена в границы, которые нельзя не признать разумными, именно определено было количество защитников, которые могли выступать за каждого подсудимого, и ограничена продолжительность речей. Этим был положен предел бесконечным потокам адвокатского красноречия. Более серьезных результатов Помпей достичь не мог, потому что и теперь, действуя явно как представитель одной партии, он думал, что можно все-таки сохранить и беспристрастие, но во всяком случае наступило некоторое успокоение, чувствовалось, что публика в самом деле привыкает к монархическому правлению. В августе 52 г., по истечении шести месяцев законного предельного срока диктатуры, Помпей сложил с себя власть.

Как раз в это время на отдаленном Востоке совершилось событие, ускорившее в Риме кризис, неизбежность и даже близость которого все чувствовали.

Красс, получивший на совещаниях в Лукке сирийское наместничество, очень интересовался порученным ему делом, оно могло доставить удовлетворение и честолюбию, которое жило в его душе, не совсем подавленное жаждою богатств. Еще до истечения срока своего консульства, в конце 54 г., Красс был в Сирии, там уже началась война с парфянами вследствие неясностей заключенного Помпеем договора и вызванного этим вмешательства римлян в междоусобия, которые возникли в среде царского семейства после убийства парфянского царя Фраата двумя сыновьями. Войско было готово, и в начале 53 г. Красс выступил в поход. Он оказался совершенно непригодным для этого важного и трудного дела. Его доверием завладел один арабский князек, Абгар. Красс положился вполне на доставленные им сведения, на его знание местности и пошел прямою дорогою. Перешедши Евфрат, войско оказалось в песчаной, безводной пустыне. Абгар все уверял, что скоро достигнуто будет избегающее боя войско парфян,- и внезапно римляне оказались перед огромными полчищами парфян, и к ним немедленно перешел Абгар со своими всадниками.

Во главе парфянской армии стоял молодой и даровитый вождь. Он знал, что азиатская пехота ничего не может сделать против римских легионов, и имел войско, составленное исключительно из всадников, чрезвычайно искусных стрелков из лука; бесконечный ряд верблюдов был нагружен запасами стрел. Римское войско было в худом положении уже потому, что пути сообщения были совершенно отрезаны неприятелем. Около города Карры в Месопотамии произошла битва. Парфянские всадники издали осыпали легионы тучами стрел, которые благодаря плотному строю римской пехоты причиняли много вреда. Когда римляне двигались вперед, чтобы атаковать врага в рукопашной схватке, парфяне уносились далеко на своих легких конях, а затем возвращались и еще смелее нападали на утомленных пехотинцев. Один из лучших помощников Красса, его сын Публий, со всею конницею произвел энергичный натиск на врага. Парфяне бросились бежать, завлекли римскую конницу далеко от лагеря, затем внезапно ее окружили - и после геройского сопротивления весь отряд был истреблен.

Смерть сына и гибель конницы страшно потрясли Красса. Он совершенно потерял голову, и только благодаря мужеству и распорядительности квесторов Кассия и Октавия римская армия сначала нашла убежище за стенами Карр, а затем начал отступление, с успехом сдерживая наседавшего врага.

Около города Синнака в июле 53 г. парфянский визирь начал переговоры. Уже установлены были условия мира, вполне приемлемые для римлян. Крассу подвели богато убранного коня, присланного ему в подарок парфянским царем. Слуги визиря по восточному обычаю подхватили римского главнокомандующего на руки, чтобы посадить его на лошадь, - окружающим показалось, что они хотят вероломно овладеть особою проконсула, и бросились его защищать. Произошла свалка, в которой все римские офицеры и Красс были убиты. Оставшиеся без вождей войска частью рассеялись, частью были взяты в плен. 40 000 человек перешло с Крассом Евфрат, вернулось менее 10 000; свыше 20 000 погибло в походе, до 10 000 пленников были поселены в качестве рабов в Мервском оазисе.

Такого поражения еще не испытывали европейцы от азиатов. Оно было ужасно по своим размерам и грозило совершенно уничтожить владычество римлян на Востоке, не случилось этого только потому, что в Парфянском царстве, как это постоянно бывало в восточных деспотиях, возникли внутренние неурядицы и междоусобия.

Всего меньше впечатления произвела весть о поражении в Риме: там в это время особенно бурно клокотал революционный вулкан и близкое неизбежное столкновение между Цезарем и Помпеем, столкновение, которое решало судьбу республики, поглощало все внимание, заслоняло все другие события. В увлечении ближайшими, происходившими на глазах, фактами публика не была способна понять, что гибель Красса ускоряла наступление этого кризиса, потому что Красс держал сторону Цезаря и давал ему первенство над Помпеем, а из этих двух соперников Цезарь был более не расположен начинать явную ссору.

Цезарь, бесспорно, стремился к единоличному господству, но он был слишком гениален для того, чтобы увлекаться царскою властью только для обладания ею. Он с полным основанием мог называть себя и демократом - потому что его главною мыслью была именно мысль о народе, мысль о том, как бы лучше устроить его судьбу, после того как стало ясно, что судьбами и силами его под видом властей, избираемых самим народом, распоряжаются люди, преследующие свои личные цели или партийные и сословные интересы. Достигнув власти, Цезарь, бесспорно, прежде всего выбросил бы за борт весь тот олигархический хлам, который скопился за существование республики и тяготил ее.

Строгие конституционалисты с Катонем во главе не могли понять необходимости и законности таких действий. Они находили нужным соблюдать прежде всего букву старых постановлений, хотя бы в эти постановления давно уже вкладывалось совсем другое содержание, вовсе не соответствовавшее первоначальному их смыслу и духу. Они готовы были скорее погубить республику на законном основании, чем спасти ее с нарушением конституции. Помпей не имел таких широких, грандиозных замыслов, как Цезарь, но он не мог примириться с первенством Цезаря. Доверие, оказанное ему в Лукке, не установило полного внутреннего согласия между ним и Цезарем, и во время своего диктаторства Помпей довольно явно шел против Цезаря: он провел, например, постановления о том, что его полномочия в Испании продолжались еще на 5 лет, до 45 г., и что солдатам испанской армии будет выдано богатое вознаграждение на счет казны, а для Цезаря и его армии ничего подобного не устроил, даже не противодействовал нимало возникновению толков, что лучше было бы сократить срок наместничества Цезаря в Галлии.

Цезарь явно уклонялся от разрыва, и разрыв не возникал, пока Цезарь был очевидно сильнее, - все знали, что Красс всегда поддержал бы Цезаря. Теперь Красс погиб, в Галлии восстание Верцингеторикса делало сомнительными все достигнутые Цезарем результаты. Казалось, что теперь Помпей могущественнее, - и разрыв явно и быстро приближался. Помпею и Цезарю каждому одинаково не хотелось, чтобы вина междоусобия падала бы на него. Что республиканского правления уже нет - это было ясно для каждого. Столкновение должно было решить, кому править единодержавно - Цезарю или Помпею. Но кто бы из них ни сделал верный шаг к разрешению этого вопроса - в глазах общества каждый стал бы первым претендентом на монархическую власть и, пожалуй, загнал бы в лагерь своего

противника всех тех, кто был вообще против подобной перемены.

Представители аристократической партии опасались более всего Цезаря и сделали попытку сблизиться с Помпеем, который ведь начал свое поприще как сторонник Суллы и только впоследствии, по мотивам преимущественно личным, разошелся с аристократией. Подробности соглашения неизвестны, но оно, несомненно, состоялось в течение 52 г., так что немедленно после диктатуры Помпея были выбраны в консулы один совершенно незначительный член послушного сенатского большинства и Марк Клавдий Марцелл, наиболее видный сторонник партии Катона, человек твердый и энергичный.

Цезарь понимал значение этих фактов и на всякий случай готовился: под предлогом галльских событий он значительно усилил свою армию, но вместе с тем он делал все возможное, чтобы избежать насилия, и публично заявил о своем полном одобрении действий Помпея в столице, и только напомнил о состоявшемся в Лукке соглашении, в силу которого по истечении срока его наместничества он должен был получить на 48 г. консульство. Он рассчитывал, что, будучи поставлен во главе государства, законным путем сумеет провести те реформы, которые считал необходимыми. Кроме того, ему важно было получить должность по тем же основаниям, по которым его противники, со своей стороны, старались не допустить Цезаря до консульства по крайней мере непосредственно: если бы остался промежуток времени, в течение которого Цезарь был бы не правительственным чиновником, а частным лицом, то это дало бы возможность возбудить против него уголовное преследование - по закону привлекать к суду за служебные злоупотребления можно было только лиц уже не служащих, - и, конечно, решение суда было бы неблагоприятно для Цезаря. Были пущены в ход разные натянутые толкования тех законов, которые касались вопроса и требовали, между прочим, личного присутствия кандидатов и тех, которые определяли момент окончания срока полномочий лиц, служащих в провинции.

Когда вопрос о том, кому и с какого времени поручить наместничество в Галлии, занятое пока Цезарем, был поставлен Марцеллом на обсуждение в сенате - противники Цезаря не могли сдержать всей ненависти к нему, и в заседании произнесены были самые страстные речи против него, едва удалось помешать немедленному принятию решений в духе самом неблагоприятном для Цезаря. После этого сенат несколько месяцев не собирался, а по возобновлении заседаний уже и Помпей открыто присоединился к противникам Цезаря. Между прочим решено было, что его войско должно быть распущено, и ветеранам предложено было обращаться за увольнительными свидетельствами прямо в сенат. Когда стало известно намерение некоторых трибунов остановить своим «veto» решения, направленные против Цезаря, Помпей открыто заявил, что не будет обращено никакого внимания на подобные устарелые формальности. Все свидетельствовало, что соглашение совершенно рушилось и что теперь враждебно стоят друг пред другом Помпей и Цезарь.

Цезарь к этому времени справился с восстанием и мог чувствовать себя спокойнее по отношению к Помпею и сенату. Он по-прежнему старался избежать междоусобия. Когда сенат попросил у Цезаря и у Помпея дать по одному легиону для Парфянской войны - Цезарь немедленно отправил один свой легион. Помпей же пожелал отослать в Азию именно тот из собранных им для Испании легионов, который он уступил за несколько времени пред тем Цезарю. Цезарь не сделал никаких препятствий и лишился, таким образом, сразу двух легионов - а легионы эти не были посланы за Евфрат и оставались в Капуе.

Кто хотел быть справедливым, не мог не признать, что Цезарь действовал прямодушнее своих противников. Но в то же время Цезарь подкупил одного из консулов и, главное, народного трибуна Куриона. Это был человек необычайных дарований, блестящий оратор и вместе с тем, по выражению современника, «бесчестный до гениальности». Он сумел так ловко поставить вопрос о власти Цезаря и Помпея, так ясно доказать, что один Помпей без Цезаря опаснее для свободы, чем оба они одновременно, что, когда вопрос голосовался, - огромным большинством решено было предложить Цезарю и Помпею одновременно

сложить свои чрезвычайные полномочия и распустить войска (50). Цезарь немедленно заявил свое полное согласие, Помпей же решительно отказался. Тогда были распушены ложные слухи, будто Цезарь идет с войском на Рим, и произведена была попытка сохранить армию Помпея под предлогом защиты столицы, но в сенате сторонники Цезаря доказали ложность этих слухов, и экстренные меры были отклонены. Тогда консул Марцелл и два вновь избранных консула на свой страх уговорили Помпея взять на себя защиту столицы и государства. В декабре 50 г. Помпей выехал из Рима, чтобы лично руководить военными приготовлениями.

Итак, война начиналась, и начинал ее Помпей. Цезарь в это время находился в ближайшем к Риму городе своего наместничества, в Равенне. Он еще раз сделал попытку примирения и заявил, что согласен распустить свое войско, даже если Помпей не сделает этого, лишь бы ему обеспечено было наместничество в Галлии или Иллирии до окончания консульских выборов на 48 г. Но в сенате предложения эти были отвергнуты: сенат уже не мог удержаться от борьбы с ненавистным ему человеком. Тогда Цезарь решился предупредить противников. Собрав свое войско, он произнес замечательную речь, в которой яркими красками обрисовал весь эгоизм политики сената, его презрение к правам людей, много работавших, но ему неугодных. Он говорил о правах гражданина и об обязанностях его защищать свою родину - и говорил это так, как умел говорить только он, говорил людям, с которыми он девять лет совершал великие подвиги, людям, большинство которых происходило из областей по реке По и от Цезаря получило права гражданства,- и, когда он призвал солдат идти за ним на опасный, но блестящий путь, воины без колебаний последовали за своим гениальным вождем.

Глава VI. БОРЬБА ЦЕЗАРЯ ПРОТИВ СЕНАТА И ПОМПЕЯ

Силы противников.- Движение Цезаря.- Отъезд Помпея в Грецию.- Цезарь в Испании, победа его при Илерде.- Курион в Африке, его гибель.- Переправа Цезаря к Диррахиуму.- Военные действия под Диррахиумом.- Поражение и отступление Цезаря.- Победа его при Фарсале.- Бегство Помпея в Египет и убиение его.- Цезарь в Египте, усмирение восстания в Александрии.- Борьба в Малой Азии, Иллирии и Испании.- Соединение противников Цезаря в Африке.- Победа Цезаря при Фансе.- Конец республики

Трудно сказать, на чьей стороне было преимущество сил в начавшейся борьбе. В одних отношениях лучше было положение Цезаря, в других - Помпея. Цезарь имел ту выгоду, что он являлся единственным и безусловно признаваемым главою своей партии, а высшее единоличное руководство - одно из главных условий успеха. Никто из его пособников никогда и не претендовал на положение, сколько-нибудь близкое к его положению, а между тем около Цезаря было немало людей, дарованиями своими далеко превосходивших сторонников сената и Помпея.

Армия Цезаря, достигавшая 50 000 человек, была закалена в боях и отлично организована, ее способность к быстроте движений была неслыханною для того времени. Дисциплина была превосходна, во благоразумна: вблизи неприятеля она соблюдалась во всей строгости; если же была возможность облегчить солдат - дисциплина значительно ослаблялась. Когда было нужно - Цезарь требовал от своих войск величайшего напряжения и величайших жертв, но все знали, что он никогда не требует ненужного, что он заботится о солдатах, что он защитит всякого из них в чем только можно, все знали и видели, что по личной храбрости их полководец является одним из первых между храбрейшими. И солдаты Цезаря, как большинство людей, были более пригодны к тому, чтобы ими управляли и руководили. Но люди всегда любят понимать, чего и для чего от них требуют, и в этом отношении никто и никогда не умел более объединяться со своими подчиненными, чем этого, при всей своей

строгости, достиг Цезарь.

Как никто другой, умел Цезарь вдохнуть в свою армию и дух корпоративности. Легионеры очень дорожили славою своих частей, и награды, дававшиеся всегда по справедливости самым лучшим, рассматривались каждым солдатом как лестные и для него. Цезарь был очень близок с солдатами: каждого он знал по имени, обращался с солдатами очень просто, но никогда как равный, а всегда как высший - и этим еще усиливал цену своего простого обращения. Такому вождю солдаты были преданы безгранично и каждому его слову повиновались безусловно. Армия Цезаря была бесспорно лучше, чем у его противника, но область, где Цезарь пользовался властью в начале борьбы, была несравненно меньше: она ограничена была почти только одною Северною Италиею. Галлия повиновалась ему, но он долго не решался употреблять в серьезных боях кельтские контингенты войск. В самой Италии его ждали с нетерпением лишь худшие элементы общества, воображавшие, что Цезарь повторит сцены времен Мария и Цинны,- а такие союзники были, конечно, более опасны, чем враги.

Помпей начинал борьбу как признанный глава государства. Ему была послушна вся республика, за исключением незначительной части, стоявшей за Цезаря. Испания была вся и вполне надежно на стороне Помпея, на его же сторону решительно стали все подручные государства. В самой Италии Помпей располагал не менее чем 60 000 войска, правда не особенно еще хорошо организованного. В Испании было не менее чем 40 000 отличных и вполне надежных солдат. Зато невыгодно было положение противников Цезаря в том отношении, что в их среде не только не было выдающихся дарований, но не было и единодушия и взаимного доверия,- ведь так недавно еще враждовали между собою те люди, которые теперь оказались в одном лагере.

Цезарь выступил 24 ноября 50 г. Он мог двинуть только 5000 человек - остальные войска еще не подошли; он действовал как Ганнибал и расчеты свои основывал на быстроте и неожиданности своих движений. Несорганизованные еще отряды Помпеевых войск очищали пред наступавшим город за городом. Через несколько дней Цезарь был уже в двух-трех переходах от Рима. В столице все совершенно потеряли голову, войска здесь было не более 7000 человек, сенаторы и сторонники сената поспешно бежали.

Цезарь, однако, двинулся не на Рим, а в Пиценскую область, где собирались войска его противников. Мало-помалу сюда подошли и другие отряды Цезаря, так что вскоре под его начальством собралось уже до 40 000 человек, и в середине февраля Цезарю сдался город Корфиниум, где было гарнизону до 15 000 человек. Вскоре в другом городе сдались еще 7000 человек. Теперь у Помпея оставалось едва 25 000 человек. Он не счел возможным защищаться с ними в Италии и решился переехать по морю со своею армиею в Грецию, затем установить связь с испанскими войсками и тогда победить Цезаря.

17 марта отплыл из Брундузиума последний эшелон армии Помпея. Не имея кораблей, Цезарь не мог этому помешать, но вообще его успехи были чрезвычайны: не прошло еще 10 недель с начала действий, а он владел уже всею Италиею и лишил Помпея по крайней мере 35 000 солдат. В свои руки получил Цезарь и государственную казну, которую не успели вывезти. Это давало возможность подготавливать и дальнейшие действия, но в одном отношении положение Цезаря ухудшилось - в том именно, что он теперь не мог уже по-прежнему быстро двигать все свои силы, а значительную часть их должен был употреблять на охрану областей, полная покорность которых была очень сомнительна.

Первоначально все мирные жители, особенно в Риме, трепетали, ожидая, что повторятся сцены цинновских и мариевских времен, а подонки общества прямо и рассчитывали на это. Опасение первых Цезарь скоро рассеял: порядок повсюду был соблюдаем образцово, жизнь пошла обыкновенною колеею, но если мирные элементы были довольны и искренно благодарны, то завоеванные Цезарем их чувства не уравновешивали неудовольствия элементов буйных,

негодовавших, что обмануты их ожидания, с устранением одних затруднений возникали другие.

Сенат, созванный в начале апреля, вовсе не обнаружил доброго желания содействовать Цезарю, несмотря на то что самые ярые его враги не присутствовали. По формальным основаниям диктатура, которой желал Цезарь, не была ему дана, раздались даже робкие голоса, просившие не вести войны в Греции или Испании. Тогда Цезарь заявил, что он урегулирует дела и без сената, и поручил временно заведовать всеми делами в столице претору Марку Эмилию Лепиду. С изумлением, но без сопротивления смотрели жители, как единолично распоряжается кто-то в городе, в котором были и сенат, и один из консулов, и трибуны...

Цезарь спешил действовать. Совершенно непонятно, почему Помпей не соединился скорее с испанскими легионами,- вероятнее всего, он просто медлил, как всегда. Цезарь решил прежде всего уничтожить готовую военную силу противников, находившуюся в Испании. Он быстро прошел от Альп до Пиренеев и занял все горные проходы: Помпеевы военачальники опоздали. Промедлив некоторое время у Массалии, чтобы лично организовать осаду этого важного города, упорно державшегося Помпея, Цезарь прибыл в конце июня в Испанию и нашел свои войска расположенными против войск Помпеевых у Илерды на реке Эбро.

Цезарь попробовал окружить помпеянцев и проник между их лагерем и городом, как вдруг внезапно наступившее половодье задержало его войско как бы на острове между несколькими реками. Одно время все сообщения Цезаря были отрезаны, и в его лагере начинался голод. Чрезвычайно смелым и совершенно неожиданным движением Цезарь вывел свои войска из очень опасного положения. Теперь стало опасно положение помпеянцев, которые были уже совершенно уверены в победе и не приняли необходимых мер предосторожности. В скором времени они должны были отступить, Цезарь настойчиво преследовал их и заставил принять сражение в весьма невыгодной для них позиции. После нескольких неудач испанская армия в начале августа 49 г. сдалась Цезарю, и вскоре вся Испания отказалась поддерживать Помпея. Бывшие его войска Цезарь распускал по домам, только отбирая оружие.

Когда Цезарь, возвращаясь в Италию, прибыл к стенам Массалии, крепость эта была в крайности: жители не могли защищаться и не смели сдаться, потому что незадолго пред тем они вероломно нарушили перемирие. Цезарю город сдался на капитуляцию, в надежде, что присутствие вождя удержит мстительность солдат. Так действительно и случилось. Массалия принуждена была выдать все свои военные корабли, потеряла некоторые привилегии, но новый властитель Римского государства сохранил этот цветущий город, рассадник эллинской культуры на Западе.

В то же время Курион подчинил Цезарю Сицилию и Сардинию, что было очень важно для обеспечения Италии хлебом. Затем Курион переправился в Африку. Здесь он удачно действовал против наместника провинции Вара, который сформировал два легиона из живших в Африке римлян. Но, преследуя один нумидийский отряд, Курион неосторожно углубился внутрь страны, был окружен полчищами нумидийского царя Юбы и после геройского сопротивления погиб со всем бывшим в походе отрядом в августе или сентябре 49 г., остатки высадившегося с ним корпуса сдались.

Это было серьезное поражение, особенно тяжела была для Цезаря потеря Куриона, который, по мере того как ему приходилось заниматься более и более важными делами, обнаруживал все более и более блестящие дарования. Осенью же в Иллирии были рассеяны стоявшие там отряды Цезаревых войск и уничтожен незначительный флот, которым Цезарь располагал в водах Адриатического моря. Этим закончился первый год борьбы, очевидно в пользу Цезаря, хотя и не без значительных неудач.

В лагере Помпея в Македонии собрались все виднейшие представители аристократической партии: Катон, защищавший Сицилию, Домиций, защищавший Массалию, и много отличных офицеров из рассеянной испанской армии. В среде сторонников свергнутого правительства наиболее ярко выступали два настроения: большинство оплакивало гибель старого порядка, критикуя в то же время и все попытки его спасти. Люди этого склада сами решительно ничего не делали, всякую попытку вызвать их к деятельности рассматривали как злостное притеснение и своими вечными жалобами и унынием ослабляли настроение массы и лишали ее бодрости. Тут была слабость, другим настроением были проникнуты люди, которых в слабости упрекнуть было невозможно: другая партия, партия крайняя, ставила первым условием каких-либо переговоров присылку головы Цезаря, его посланцев беспощадно убивали. Лабие - единственный из бывших подчиненных Цезаря, ему изменивший, - Бибул и другие предавали немедленно казни всех попадавших им как-либо в руки сторонников Цезаря, что, конечно, лишь усиливало решимость цезарианцев биться до последних сил. Эта партия не допускала сколько-нибудь спокойного отношения к вопросам, связанным с борьбой, и, кажется, самого Помпея ненавидела не меньше, чем Цезаря, потому что он не рвался ежеминутно в бой, не говорил постоянно о казнях и мести.

Есть все основания думать, что в Италии не вспыхнуло движение против Цезаря за время его отсутствия в Испании только потому, что все опасались самого безумного и слепого мщения со стороны олигархов, которые возвратились бы в случае успеха. Катон тщетно боролся против таких крайностей озлобления, и однажды у него вырвались слова, что ему страшнее победа его партии, чем ее поражение. В лагере Помпея вообще ярко выступало настроение, свойственное всякой эмиграции: тут видим мы слепую ненависть к врагу, видим старые счеты, которыми были заслонены вопросы важнейшие, здесь царил дух мелкого самолюбия и мелкие чувства, совершенно не соответствовавшие величию решавшихся задач, здесь все требовали спасения республики, как они говорили, но каждый желал, чтоб это было сделано другими, со своей же стороны почти никто не хотел ничего делать. Разные ничтожества, увенчанные званием императоров и триумфами за мнимые или пустые успехи, не желали повиноваться Помпею, хотя все сознавали, что заменить его в главном командовании некем. Со своей стороны Помпей не доверял или завидовал Катону и предпочел весь флот отдать под команду заведомо бездарного и ничтожного Бибула, лишь бы не дать это важное поручение Катону.

Что касается чисто военных вопросов, то тут Помпей действовал как опытный военачальник. Он собрал из разных концов армию в 7000 всадников и 11 легионов, из которых пять были привычны к войне, остальных же деятельно обучали; кроме того, Помпей имел до 500 военных судов.

12 января 48 г. Цезарь отплыл из Брундузиума и благополучно высадил на эпирском берегу 6 легионов и 600 всадников. Трудно сказать, почему решился он на попытку переехать морем, почти безумно отважную: флот Помпея был несравнимо сильнее, но - как бы то ни было - Цезарь высадился около Диррахиума, где Помпей собирался сосредоточить свои силы. Скоро Бибул уничтожил транспортные суда Цезаря и установил такое бдительное наблюдение по всему побережью в Италии и Эпире, что не было решительно никакой возможности провезти из Италии подкрепления. Положение Цезаря становилось критическим, он искал случая хоть на каком-нибудь небольшом рыбацьем судне переехать в Италию, чтобы направить оттуда подкрепления, - не нашлось, однако, никого, кто решился бы с ним на эту безумную поездку. Но в это время Марк Антоний, командовавший в Брундузиуме, понимая, что положение Цезаря очень опасно, по собственной инициативе послал ему подкрепления. Не имея морских судов, он приделал кили к судам, не приспособленным для морских переходов, посадил на них 4 легиона и 400 всадников и с попутным ветром отплыл к берегам Эпира. Ветер не дал возможности флоту остановиться около Диррахиума, а гнал корабли дальше, из Диррахиума же вышла эскадра Помпея и

бросилась преследовать Антония. Только в Лиссе, значительно севернее, удалось Антонию пристать. Помпеянцы шли следом - но едва они приблизились, как ветер внезапно переменялся и отогнал их вновь в открытое море. Антоний счастливо совершил обходное движение и соединился с Цезарем.

Теперь Цезарь стал искать сражения, но Помпей уклонялся. Цезарь решил заблокировать Помпея в его собственном лагере. Неожиданно занял он позицию между лагерем Помпея и морем, более половины своего войска он отрядил на то, чтобы охранять свой тыл, а с остальными повел против Помпея осаду. С обеих сторон неутомимо и искусно велись инженерные работы. Солдаты Цезаря копали траншеи, чтобы получить возможность штурмовать лагерь противника с близкого расстояния, солдаты Помпея разрушали эти работы. Наконец угрожающий недостаток воды и припасов заставил Помпея решиться на энергичную вылазку - и Цезарь был совершенно разбит. Результаты четырехмесячных усилий были уничтожены, Цезарь был окончательно отрезан от моря. Сын Помпея, Гней, частью сжег, частью захватил все его суда. Многочисленная конница Помпея получила полную свободу действий и угрожала уничтожить подвоз припасов к армии Цезаря.

Цезарю не оставалось ничего другого, как отступать внутрь страны. Помпей последовал за ним, но, по обыкновению, недостаточно энергично, и замечательная подвижность легионов Цезаря дала им скоро возможность настолько опередить преследующих, что непосредственной опасности уже не было.

Дав своему войску несколько отдохнуть и оправиться, Цезарь снова искал битвы. Должен был решиться на нее и Помпей, потому что после победы при Диррахиуме в лагере его все были совершенно уверены в победе, все требовали сражения и негодовали на обычную медлительность Помпея, намекая, что он просто умышленно стремится продлить свое положение нового Агамемнона.

Противники сошлись в Фессалии, на берегах рек Пеней и Энипея, у города Фарсала. 6 августа 48 г. произошла здесь битва. Помпей имел 47 000 пехоты и 7000 всадников, Цезарь - 22 000 пехоты и 1000 всадников. Нападение начал Помпей, план его состоял в том, чтобы прежде всего конницею уничтожить слабую кавалерию Цезаря, после того атаковать цезарианцев в тылу и в то же время напасть всею пехотою с фронта. Цезарь ожидал именно такого нападения, поэтому в том месте, куда должна была оттеснить его конница Помпея, Цезарь искусно скрыл сильный отряд, и, когда действительно так и случилось, отряд этот внезапно ударил на конницу Помпея, совершенно не ожидавшую такого нападения. Всадники смешались и обратились в поспешное бегство, они внесли смятение и в ряды своей пехоты, в этот же самый миг легионеры Цезаря стремительно бросились на противников - и скоро замешательство сделалось общим. Помпей растерялся, он счел день проигранным и ускакал к морскому берегу, чтобы спастись на корабле. Команду принял помощник Помпея, Сципион, человек совершенно ничтожный. Он попытался отвести расстроенные отряды в лагерь, но Цезарь не дал противникам ни минуты отдыха, немедленно атаковал лагерь, выбил оттуда помпеянцев, преследовал их и при отступлении и к вечеру того же дня принудил сдаться весь остаток Помпеева войска. В войске Цезаря потеря не превышала 200 человек, помпеянцев было убито до 20 000 человек, а после битвы Цезарь казнил многих пленных офицеров.

Эта решительная победа имела огромные последствия. Теперь сторону Помпея оставили все те, кто держался ее только потому, что считал ее сильнейшею. Все восточные владетели и города отозвали отряды, посланные ими Помпею. Многие аристократы поняли, что дело проиграно окончательно, и примирились с Цезарем, в числе их был и такой человек, как Метелл,- он удалился в добровольное изгнание. Перешли на сторону Цезаря и Цицерон, и ему подобные люди, без твердых убеждений. Но в аристократии тлел еще тот огонек, который горел некогда ярким пламенем и озарял такие эпохи, как войны Самнитские и Ганнибалова. В среде аристократов были люди, которых можно было разбить, но нельзя

было принудить отказаться от того, что они считали законным и обязательным и для себя, и для всех других. Во главе их Катон, который сам решил бороться до конца и в то же время предоставлял каждому волю покориться и идти к Цезарю. Помпей тоже не искал примирения с Цезарем, но готовился продолжать борьбу. После фарсальского поражения вожди разбитого войска собрались в Керкире и обсуждали, что делать. К определенному решению, однако, они не пришли. В Испании и Африке сторона сената и Помпея имела еще значительные ресурсы: в Африке Юба знал, что после гибели Куриона ему не будет пощады от Цезаря, а в Испании старые связи с Помпеем были так прочны, что ежеминутно приходилось опасаться там открытого движения в его пользу.

Цезарь решил преследовать Помпея во что бы то ни стало. Он особенно важным почитал овладеть его личностью: его одного из всех своих противников он уважал. Помпей после поражения спасся на остров Лесбос. По-видимому, мысль о приеме, какой ожидал его со стороны аристократии после катастрофы, удержала его от решения направиться в Африку, и он поехал морем в Египет. Там в войске служило много его прежних солдат, а огромные богатства страны обещали возможность возобновить борьбу. В Египте только что умер царь Птолемей Аулет. По воле его престол переходил к его сыну, десятилетнему Птоlemeю Дионису, обвенчанному на дочери Птолемея же, шестнадцатилетней Клеопатре, и уже началась распря в царском семействе. По совету одного вельможи решено было предложить Помпею гостеприимство и немедленно его убить - этим надеялись приобрести расположение Цезаря. Когда корабль Помпея остановился, подплыла богато убранная лодка принять проконсула - и, едва он ступил в эту лодку, он был заколот сзади ударом кинжала (28 сентября 48 г.). Скоро появился и Цезарь, по дороге взявший в плен целую эскадру Помпеевых кораблей, оцепеневшую при вести о Фарсальской битве и сдавшуюся без боя. Глубоко потрясенный, отвернулся Цезарь, когда ему поднесли окровавленную голову человека, которого так долго Рим называл Великим, который был долго ему близок и по своим нравственным качествам заслуживал уважения Цезаря. Несомненно, что, если бы Помпей попал в руки Цезаря, победитель никогда не предал бы его казни.

В Египте Цезарь немедленно приказал членам царского дома прекратить междоусобицу. На страну за поддержку Помпея он не наложил никакого наказания, а только потребовал уплаты давно должных Египтом Риму сумм. Жители Александрии, многолюднейшего и богатейшего в то время города на всем Средиземном море, с неудовольствием смотрели на безапелляционные распоряжения Цезаря. Когда же в уплату контрибуции царские советники умышленно обратили фамильные драгоценности царей и сокровища храмов - зрелище, как все это относилось к римлянам, вызвало глубокое раздражение в жителях. Оккупационный римский корпус, давно уже стоявший в стране, сжился и сроднился с местным населением, да к тому же был огорчен запретом междоусобий, во время которого солдаты рассчитывали получить богатую добычу.

Недовольство было общим, и многие признаки предвещали вспышку. Цезарь распорядился вызвать подкрепления из Малой Азии и остался в Египте, зорко наблюдая за настроением, но по внешности вполне спокойный, веселый и как бы совершенно поддавшийся чарам юной и прелестной Клеопатры. Внезапно явилась у столицы оккупационная римская армия, стоявшая на границах, - оказалось, что ее тайно вызвали царь и его советники. В городе немедленно вспыхнуло восстание. Цезарь овладел особою царя и его министрами и укрепился во дворце и прилегавших к нему строениях. В его руках был также остров с маяком, лежавший посредине входа в Александрийскую гавань. Остров этот был соединен с материком плотиною, которая была во власти бунтовщиков. Египетский флот Цезарь успел сжечь, и потому сношения с морем он кое-как мог поддерживать, при всем том оборона была вообще очень нелегкою задачею, и нужны были весь гений Цезаря, вся его неутомимая бдительность и вся преданность ему его солдат, чтобы держаться. Одно время восставшие завладели маячным островом, Цезарь, однако, смелым нападением отнял его обратно и даже отбил в свою власть почти всю плотину. Во время этой битвы в том

самом пункте, где сражался сам Цезарь, его сторонники неожиданно подверглись столь энергичному нападению, что были все сбиты в воду, и Цезарь спасся лишь благодаря тому, что доплыл до одного из своих кораблей, стоявших на довольно значительном расстоянии.

Наконец прибыли подкрепления, вызванные Цезарем. Египетское войско, выступившее против них, было совершенно разбито. Цезарь стал господином Александрии. Жители в траурных одеждах молили о пощаде. Победитель отнесся к побежденным очень великодушно, он ничем не наказал их и советовал обратить усиленное внимание на то, чтобы снова поднять торговлю и благосостояние города, сильно пострадавшего от последних событий. Затем он оставил в Александрии достаточный гарнизон из трех надежных легионов под начальством Руфиона, опытного воина и администратора, но сына вольноотпущенника, а сам отплыл в Малую Азию: его продолжительное отсутствие очень заметно отзывалось на ходе его дел во всех остальных частях государства.

В Малой Азии понтийский царь Фарнак, сын Митридата, сначала держался стороны Помпея. После битвы при Фарсале он покинул его и вздумал еще захватить несколько пограничных областей, принадлежавших Риму. Когда на требование вернуть их он ответил отказом, Цезарь велел наместнику Малой Азии Кальвину силою отнять захваченное. Кальвин, однако, был разбит, но как раз в это время прибыл из Египта Цезарь. Он собрал бывшие под рукой войска, пошел на Фарнака и совершенно разбил его в упорной битве при городе Циеле. Фарнак бежал, и царство его Цезарь отдал незаконнорожденному его брату. Державшие сторону Помпея властители получили выговор и должны были уплатить небольшие штрафы, не приступавших к помпеянкам Цезарь наградил, но вообще в устройстве Малой Азии он крупных перемен не произвел.

Пребывание Цезаря в Александрии, длившееся почти полгода, с октября 48 по март 47 г., значительно замедлило умиротворение государства: повсюду сторонники прежнего порядка получили возможность собраться с силами и укрепиться. Так, иллирийцы, которые всегда относились к Цезарю прямо враждебно, разбили значительный корпус Габиния, и только после того, как Ватиний в смелом нападении с рыбацкими судами разбил флот помпеянцев, военные действия в Иллирии получили сколько-нибудь более благоприятный для Цезаря оборот. В Испании едва удавалось удерживать армию от явного бунта в пользу Помпея, особенно же угрожающий ход приняли дела в Африке. Сюда собрались все, кто после Фарсалы не пожелал подчиниться, сюда прибыли Сципион, второй главнокомандующий, оба сына Помпея, Катон, Лабиен, Октавий и др. Здесь соединились остатки армии, разбитой при Фарсале, части войск из Испании, гарнизоны из Диррахиума, Керкиры и Пелопоннеса, остатки флота. Главнокомандующим был избран Сципион - как старший по положению, настоял на этом Катон, сам лично не любивший Сципиона, понимавший его бездарность, считавший необходимым действовать строго по букве старых законов. Рядом с главнокомандующим создан сенат из трехсот членов, деньгами и всем нужным армия была обеспечена благодаря энергии Катона, в военном смысле она скоро представляла силу не менее значительную, чем при Фарсале: в пехоте было до 70 000 человек и конницы до 1600, кроме того, большие отряды всадников были с царем нумидийским Юбой.

Летом 47 г., когда Цезарь готовил в Риме экспедицию в Африку, внезапно взбунтовались стоявшие в Кампании легионы, предназначенные для этого похода. Солдаты перенесли столько трудностей, что теперь, после довольно продолжительного отдыха, предстоявшие труды и опасности казались особенно неприятными, к тому же они долго не видели Цезаря - единственного человека, имевшего влияние на этих железных людей. Легионы двинулись к Риму, требуя, чтобы им прежде всего выданы были обещанные награды, и заявили, что иначе они не пойдут в поход. Уже совершенно недалеко от столицы внезапно появился пред ними Цезарь и спросил, чего они желают.

«Отставки!» - закричали ему в ответ. Цезарь немедленно ответил, что они вольны воспользоваться ею хоть сию минуту и что подарки и награды им будут все равно выданы -

только в день триумфа, когда закончится борьба и когда они могут быть в числе зрителей, но уже не участников в триумфе, так как получили отставку раньше, и при этом Цезарь и называл их уже не «воинами», как говорил он с солдатами, а просто «гражданами». Солдаты были поражены как громом: они не воображали, что Цезарь решится обойтись без них, они были пристыжены тем, что он не только не грозил уменьшить награды, а сам еще обещал их увеличить... Прошло несколько мгновений молчания и колебаний - и, видя пред собою того вождя, который столько раз водил их к победам, воины вдруг стали просить, чтобы им было позволено не расставаться с Цезарем и называться по-прежнему его солдатами. Цезарь заставил себя долго просить и тогда согласился, единственным наказанием было уменьшение на одну треть наград зачинщикам бунта. Этот эпизод, которому подобного не знает история, ярко рисует, каким влиянием пользовался Цезарь и как велико было обаяние его личности.

В начале января 46 г. Цезарь высадился в Африке. Буря замедлила соединение всех его кораблей, и первое время положение Цезаря было очень опасно. Лабиен нанес ему чувствительное поражение при Руспине, так что Цезарю пришлось укрепиться в лагере и обороняться. Всегда столь стремительный, быстрый в нападениях, он теперь удивил и своих сторонников и своих врагов упорством и осторожностью своей обороны. Наконец к нему присоединились шедшие из Италии подкрепления, и 6 апреля 46 г. при Фапсе он наголову разбил своих противников. Воины Цезаря, страшно обозленные продолжительной борьбой, вышли из повиновения и беспощадно избивали противников. Было убито и в войске Цезаря его же солдатами несколько офицеров, известных как скрытые сторонники противной партии. До 50 000 трупов оказалось на поле сражения. Противники Цезаря были уничтожены. Последние надежды республиканцев рухнули - и Катон, сделав необходимые распоряжения, чтобы облегчить бегство всем, кто хотел спастись, удалился в свой дом в Утике и бросился там на меч...

По своим умственным качествам Катон был неизмеримо ниже многих своих современников, но среди событий, сопровождавших крушение республики, его личность выдвигается на первый план. Навеки он остался в памяти людей окруженный блестящим ореолом высокой честности, неподкупной верности своим идеалам. Его имя в течение веков прославлялось и почиталось, и не без основания: ведь, в конце концов, все величие, вся доблесть человечества - не в деяниях ума, не в мудрости, а в нравственном достоинстве. Катон же был, конечно, не мудрец, но нравственное величие его характера вне сомнений. От Катона осталось наследие, с которым столетиями борется монархическая власть: от него ведет свое начало республиканская оппозиция, горделивая и безнадежная, риторически-отвлеченная и притязательно-строгая; он всегда был идолом всех безыдейных республиканцев, а также и всех тех, кто республиканизмом спекулирует; своим самоубийством этот высокочестный человек разбил в прах иллюзию всеобщего примирения, которое провозглашал Цезарь, и, как практический государственный человек, Цезарь одного Катона почтил даже за гробом ненавистью - за то, что он противодействовал ему столь же опасно, как и недосягаемо, в области идеалов.

После сражения при Фапсе вскоре попались в руки солдат и были умерщвлены несколько главных предводителей, боровшихся против Цезаря. Только два сына Помпея и Лабиен бежали в Испанию и там еще несколько лет продолжали уже неопасную для нового порядка вещей борьбу. Царь Юба кончил самоубийством, его области были отданы соседним владетелям, Бокху и Богуду, державшим сторону Цезаря, который теперь не имел более соперников.

Глава VIII. РЕЛИГИЯ, ОБРАЗОВАННОСТЬ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

Упадок старой религиозности и распространение восточных культов.- Воспитание

*юношества.- Развитие литературных интересов,- Лукреций, Катулл, Варрон, Цицерон.-
Юриспруденция и точные науки*

В области духовной деятельности последних лет республики нам не придется отмечать много нового. Религиозные интересы оставались таковыми же, какими были они в эпоху начавшегося увлечения эллинизмом. Государственная религия сохранялась как политически удобное учреждение, но ничьей души она уже не волновала. Стоицизм, долго господствовавший в римском обществе, утратил в это время свое влияние: люди пресытились его ухищренной терминологией и бессодержательностью - теперь в Риме распространялась система Эпикура, вполне подходящая для людей, склонных искать забвения тревог жизни в бесцельной апатии или в поверхностной иронии. Как всегда бывает - и здесь с неверием об руку шло суеверие,- это две стороны одного и того же душевного настроения. В Риме исчезла вера - и все более и более стали распространяться культы божеств персидских и особенно египетских, самых скучных и странных из всех божеств, почитавшихся у народностей, которые жили по берегам Средиземного моря. В годы наибольшего безразличия к своим, старинным божествам случались в Риме самые странные проявления суеверного страха пред египетскими пародиями на божество. В это время начал распространяться в Риме и так называемый неопифагореизм, странное религиозное построение, соединявшее в себе разрозненные элементы самых различных философских систем и смешивавшее первые проблески естественнонаучных сведений с мистическими бреднями.

Общее образование по своему духу и содержанию еще более приблизилось к эллинскому. Из числа общеобразовательных предметов военное искусство и сельское хозяйство теперь были исключены. Круг школьного обучения заключал в себе так называемые «семь свободных искусств»: грамматику, логику (или диалектику), риторику, геометрию, арифметику, астрономию и музыку, к ним присоединялись еще медицина и архитектура. Греческая литература лежала по-прежнему в основе общего образования и изучалась более серьезно и с более учеными приемами, чем прежде. Почти обязательным считалось закончить образование в Афинах или на Родосе. Александрия, центр строгой науки, посещалась реже. Болтовня афинских мудрецов или родосских риториков передавала римской молодежи по преимуществу вредные элементы эллинизма, и сами современники замечали, что эллинская культура в Италии за последние десятилетия скорее понизилась, чем развилась. Нация, разоренная, истощенная нравственно, перенесшая столько ужасных кризисов, не усваивала уже бесконечно великих произведений эллинского духа, а воспринимала эллинскую культуру внешним образом, и часто именно нездоровые ее плоды.

Литературная жизнь Рима, естественно, стояла в ближайшей связи с литературной деятельностью в Элладе. Даже известные греческие писатели этого времени переселялись в Рим как столицу мира, они находили здесь себе всегда отличный прием, особенно дом Луция Лукулла был центром литературных интересов и греков-писателей. Незадолго перед рассматриваемым временем в Греции поднялась борьба против строгоаттического языка. Разные писатели стали употреблять совершенно произвольные обороты, наполнять свои произведения самыми странными неологизмами и провинциализмами. Быстро это стало даже модой и скоро отразилось в Риме, где проводником этого направления, применяя его к латинскому языку, явился Квинт Гортензий, самый прославленный оратор времени Суллы. Это неглубокое направление, однако, вскоре наскучило и утратило свое господство над умами. На Востоке реакцией против него была в значительной степени так называемая александрийская школа. В Риме представителем этой реакции был младший современник Гортензия Цицерон.

Цицерон оказал большие услуги латинскому языку, освободил его от выражений вульгарных и странных, дал образцы строго правильной и изящной латыни. Как стилист

Цицерон безгранично выше, чем как писатель и даже чем как оратор, и действительно заслуживает высоких похвал. В римском обществе чрезвычайно увлекались литературой. Человек со сколько-нибудь подвижной натурой, наверное, в молодости пробовал писать стихи. Искусством их сочинять владели решительно все, но поэтическими достоинствами эти стихи, конечно, не обладали. Не уступали мужчинам в этом отношении и дамы. Чтение стало почти общею потребностью, в Риме чуть не ежедневно выходили новые сочинения - и более крупные, и брошюры, и стихотворения. Появилось нечто подобное нашим газетам, так называемые *acta diurna*, листки, выходившие периодически и содержавшие сообщения о делах в сенате, в народном собрании, сведения об умерших, о выдающихся событиях вне Рима и пр. Книги изготовлялись теперь фабричным способом: сразу множество рабов, опытных писцов, писали под диктовку одного человека. Книжная торговля стала почетным и прибыльным занятием, а книжная лавка - местом сборища просвещенных людей.

В литературе установились нравы и отношения, соответствовавшие той борьбе партий, которая наполняла политическую жизнь. И здесь были разные направления: консервативное, национально-италийское и эллино-италийское, примкнувшее затем к новой монархии. Одни интересовались Эннием, Пакувием и особенно Плавтом, другие находили и Плавта скучным и признавали цену и значение лишь за новой греческой литературой, так называемой александрийской, которая проповедовала возвращение к творениям великих писателей, живших до времени Александра. Конечно, подражание, как всегда бывает, оказывалось гораздо ниже оригинала, а римские писатели себе за образец брали именно подражателей. Прежде, в пору умственной бодрости римского народа, его писатели обращались непосредственно к оригиналам.

Драма совершенно не процветала у писателей александрийской школы, и в Риме не появилось сколько-нибудь значительных сценических произведений, «ателлана» выродилась теперь в «мимы», близкие к ней по сюжету, но еще более грубые и циничные представления. Теперь на сцену выводились не провинциальные типы, не жители Ателлы, на сцене изображалась жизнь низших кругов столичного населения во всей ее безграничной свободе и бесстыдстве. Как всегда бывает, параллельно с падением драматического достоинства новых пьес улучшилась их постановка и развилось искусство актеров.

В области дидактической поэмы эта эпоха дала одно из самых замечательных произведений всей римской литературы, поэму Тита Лукреция Кара «О природе вещей». Лукреций непосредственно примыкает к Эннию, которого сам и называет своим учителем и образцом. Поэма Лукреция внушена ужасом и отвращением к тому обществу, среди которого он жил. Поэт хотел избавить современников от мучений переживаемого ими кризиса, разрушив в них веру в бессмертие души и страх пред смертью и пред богами. Этою практически-философскою тенденциею, столь неудобною в поэтическом произведении, обусловлены многие тяжелые и скучные места поэмы, но тем не менее в разработке своего сюжета Лукреций обнаружил и великий ум, и большое поэтическое дарование.

Современники высоко ценили Лукреция, но он был для римского общества явлением уже запоздалым и не имел последователей. В его время процветали произведения совершенно другого пошиба: за отсутствием поэтического творчества писались произведения на определенные случаи, небольшие, изящные и даже чересчур изящно обработанные. Поэты дробились на партии, клики. Члены каждой клики тесно держались друг друга, ядовито критиковали произведения других кружков, восхваляли писания своих сотоварищей и быстро создавали друг другу славу, которая, впрочем, столь же быстро и отцветала, до нас дошло много имен от этой эпохи, но мало произведений. Судя по сохранившимся отрывкам из наиболее прославленных в свое время сочинений, нет основания сожалеть, что сохранилось так мало: сюжеты трактовались маловероятные и даже противоестественные, подробности были скабрёзны и пошлы, слогом писали модные поэты вымученным, напыщенным, неизящным. Из толпы скороспелых знаменитостей современники отмечали

трех поэтов - Бибакула, Кальва и Гая Валерия Катулла как несравненно талантливейших. Произведения двух первых до нас не дошли, стихотворения же Катулла сохранились. И этот поэт отдал дань современным литературным увлечениям, и он писал подражания александрийским поэтам, почти не заслуживающие названия поэзии, но его оригинальные коротенькие произведения прелестны: это настоящая поэзия, чистая, самобытная, блестящая остроумием, юмором, живыми красками рисующая и тонкие чувства, и яркие картинки современной жизни. Катулл не великий поэт, но богато одаренный и очень изящный, по красоте же и гармонии его стихотворения - лучшее из всего, что написано на латинском языке.

К этой же эпохе относится деятельность Марка Теренция Варрона (116-27). Варрон писал чрезвычайно много, он оставил несколько полупоучительных, полуповествовательных трактатов, в которых в связи с каким-нибудь повествованием из римской истории разработан какой-нибудь философский сюжет, и разработан, по мнению Варрона, конечно, весьма не глубокомысленно. Варрон писал сатиры, названные им «Менипповыми», по имени одного философа цинической школы. В них автор, человек строгой нравственности, поклонник прежних римских нравов, выступает против разнузданной и развращенной молодежи, против полуневежественных светских философов, против дряблой и презренной по своим тенденциям современной ему поэзии. Поэтические произведения Варрона не имеют большого литературного значения, но они очень важны потому, что в них рассыпано множество сведений о древней римской жизни: Варрон знал ее отлично и сообщения его драгоценны для историка.

В области историографии за эту эпоху не появилось ничего замечательного. До нас дошли лишь отрывки из труда Сизены, написавшего историю союзнической и междоусобной войны, из хроник Квадригария, Марка Гая Лициния, Валерия Анциата, пять книг «о Риме» Александра Полигистора, грека родом. Во всех этих произведениях в рассказы о прошлом вплетено самым бесцеремонным образом множество вымыслов, вовсе не поэтических и явно нелепых. Корнелий Непот составил жизнеописания знаменитых людей, своего рода справочную книгу или учебник. В лучшем случае исторические труды этого времени колеблются между учебником и романом, ничего сколько-нибудь цельного, проникнутого одною общею идеею, ничего отдаленно похожего на труд Полибия в эту эпоху не появилось и, конечно, не могло появиться.

Совершенно особняком стоят «Комментарии о галльской войне» Цезаря, этот, так сказать, отчет народу, представленный демократическим главнокомандующим, где автор показывает, как и на что употребил он данные ему средства,- Цезарь и обнародовал свой отчет в 51 г., в самый разгар всевозможных интриг, направленных против него партией сената. Произведение Цезаря высоко замечательно в литературном отношении: сжатость и полнота изложения, точность и сила слога дают этой небольшой книжке место в ряду лучших произведений своего рода. В это время многие выдающиеся деятели, как Цезарь, Цицерон, Кальв, издавали сборники всех писем, которые представляют большой интерес для истории того времени.

Политическое красноречие пришло в совершенный упадок, и по причинам совершенно понятным: прежде ораторы обращались к настоящим гражданам, теперь они должны были говорить черни, а речь неизбежно применяется к слушателям. Зато появились речи адвокатские, судебные,- точно такое же явление наблюдалось в свое время и в Греции. В области судебного красноречия славился и в свое время и до сих пор многими чрезмерно превозносится Цицерон, вполне придерживавшийся приемов современных ему греческих ораторов. В горячую пору борьбы, сопровождавшей падение республики, выделились как ораторы Брут, Марк Целий Руф и Курион, более приближавшиеся своими приемами к классическим греческим ораторам. Впрочем, все эти деятели скоро погибли среди политических бурь и не дали как ораторы всего того, что могли бы дать. Цицерон кроме

речей оставил немало философских трактатов - об ораторе, о государстве, об обязанностях и др., подражая по форме известным произведениям греческой литературы, Цицерон дает излагаемым вопросам чисто римскую окраску, и потому эти произведения заслуживают полного внимания, но в смысле философском писания Цицерона совершенно слабы.

Немало появилось в рассматриваемую эпоху и филологических сочинений по вопросам грамматики, по истории латинского языка и литературы. В числе трудов этого рода наиболее интересны те, которые составил Варрон,- опять-таки потому, что он сообщает любопытнейшие данные о древнейшей топографии города Рима, о земледелии и вообще сельском хозяйстве старого времени, наконец, излагает всю систему государственной религии. Научные приемы филологии, конечно, были еще в младенчестве и в значительной своей части сводились к тем пустым и иногда потешным словопроизводствам, какими пробавлялись в Германии XV-XVI вв. и в Польше, и в Московском государстве в XVII и даже XVIII столетиях.

В области юриспруденции не появилось ничего замечательного, равно как и в области сельского хозяйства, естественных наук и математики. Римляне заимствовали и тут все главное у греков, а естественные науки и в Элладе стояли в то время на той стадии развития, на которой они более парализуют, чем возбуждают, ум. Цицерон выразил общий взгляд современного ему общества, сказавши, что естествоведение доискивается тайн, которые или недоступны, или не нужны.

Нерадостное время социальной борьбы не дало ничего ценного и великого и в области искусства. Распространялась страсть к древнейшим произведениям, которые добывались из могил в Кампании и продавались за баснословные цены. Распространилось искусство танцев и любовь к музыке, но чисто дилетантские.

Мы дошли до конца Римской республики. Мы видели ее зарождение, видели, как она усилилась и властвовала над всеми народами Средиземного моря. Мы видели затем, как началось в ней внутреннее разложение, как нация падала в нравственном, религиозном и умственном отношении, видели, как государство обветшало и в политическом отношении и как республика уступила место монархии. Цезарь застал мир уже одряхлевшим, и вполне возродить его не мог даже этот гениальный человек. Над греко-латинским миром опускалась историческая ночь, и отвратить ее было не в силах человеческих, но Цезарь дал все-таки измученным народам доживать вечер своего развития в сносных условиях. А когда, после долгой ночи, занялся новый исторический день и новые нации устремились к новым, высшим целям - у многих из них дало пышный цвет семя, посеянное еще Цезарем, и многие именно ему обязаны своею национальною самобытностью.